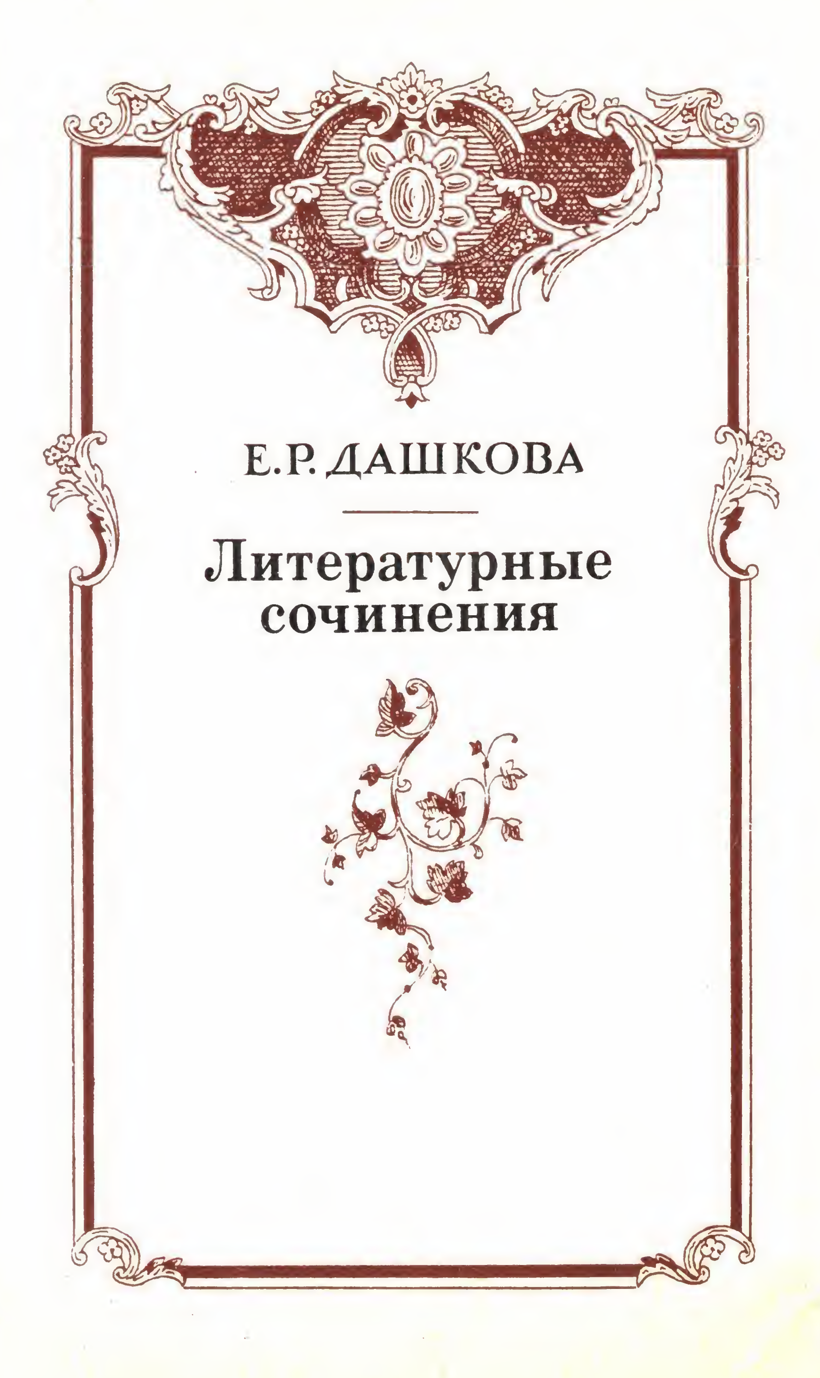
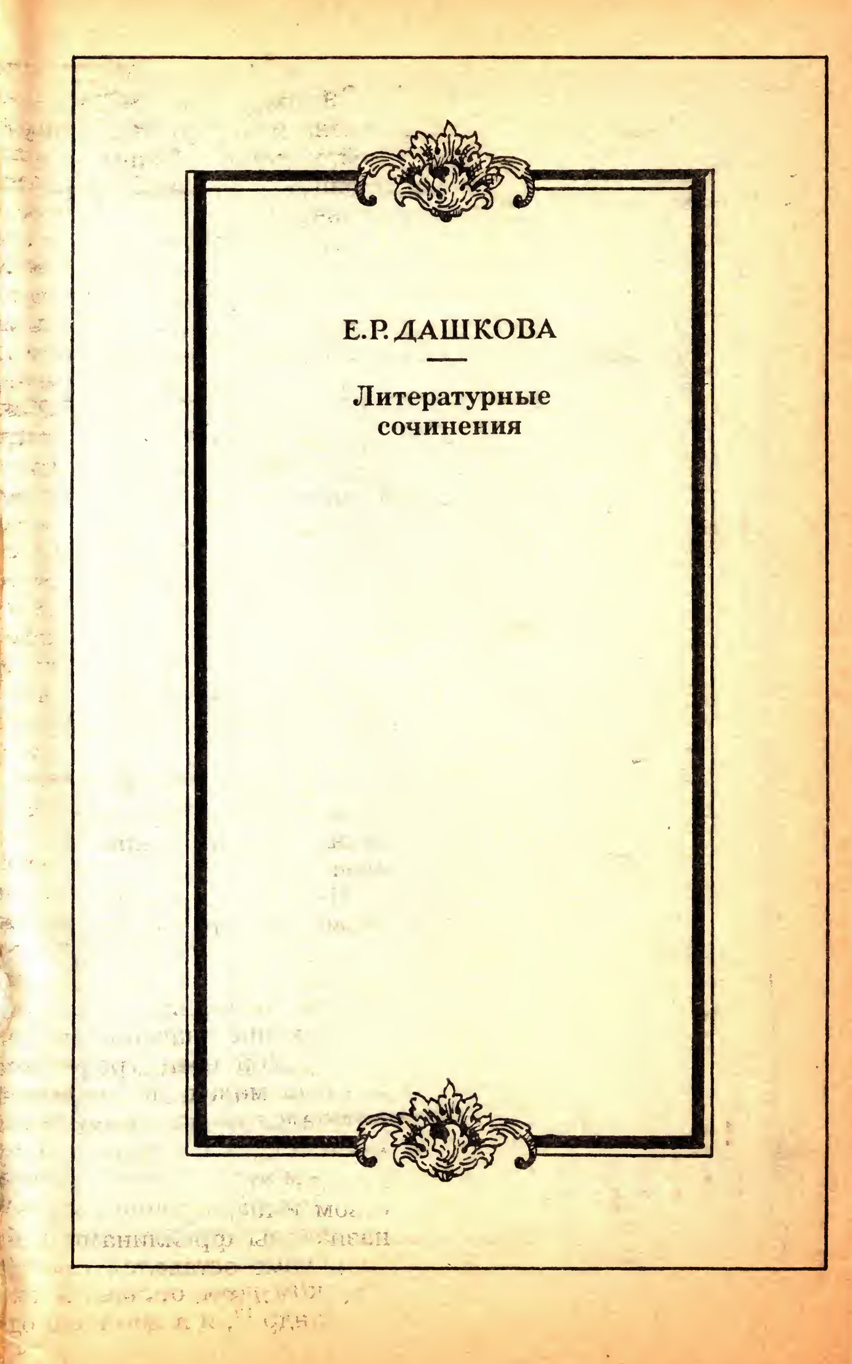

Е. Р. ДАШКОВА
Литературные сочинения

Е.Р. ДАШКОВА

Литературные сочинения

Е.Р. ДАШКОВА

Литературные сочинения

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1990

84 Р 1
Д 12

Составление, вступительная статья
и примечания
Г. Н. Моисеевой

Д $\frac{4702010100-1906}{080(02)-90}$ 1906—90

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е. Р. ДАШКОВОЙ

Литературная деятельность Екатерины Романовны Дашковой (в девичестве — Воронцовой) началась в ее молодые годы, когда она жила в доме своего дяди, крупного государственного деятеля времен Елизаветы Петровны, канцлера Михаила Илларионовича Воронцова. Екатерина Романовна получила блестящее образование: изучила четыре иностранных языка (французский, немецкий, английский и итальянский), которыми впоследствии свободно владела; занималась музыкой, танцами, рисованием. М. И. Воронцов был просвещенным государственным деятелем. Он оказывал поддержку М. В. Ломоносову в его грандиозной творческой деятельности, а после смерти великого русского ученого заказал на свои средства мраморный памятник, который до сего времени стоит на его могиле на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Е. Р. Дашкова через всю свою жизнь пронесла глубокое уважение к М. В. Ломоносову.

Е. Р. Дашкова в детстве много читала. «Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескье, Вольтер и Буало»,— позднее сообщала она в своих записках. «Шувалов, фаворит императрицы Елизаветы... выписывал из Франции все вновь появившиеся книги. Он оказывал особенное внимание иностранцам; от них он узнал о моей любви к чтению; ему были переданы и некоторые высказанные мною мысли и замечания, которые ему так понравились, что он предложил снабжать меня всеми литературными новинками... Никогда драгоценное ожерелье не доставляло мне больше наслаждения, чем эти книги».

Глубокое знание литературы, стремление серьезно разобраться в происходящем в окружающей жизни и наблюдательность позволили Е. Р. Дашковой стать одной из образованнейших русских женщин второй половины XVIII века.

Раннее замужество, рождение детей, семейные обязанности не помешали Е. Р. Дашковой отдавать свое время любимым занятиям литературой.

В 1762 и 1763 гг. в журнале «Невинное упражнение» был напечатан подготовленный ею перевод с французского «Об эпическом стихотворстве, из сочинений г. Вольтера». В 1781 г. он вышел отдельным изданием. В рукописном виде сохранились трактат Е. Р. Дашковой «О трагедии»* и пьеса «Свадьба Фабиана, или Алчность к богатству наказанная». Продолжение драмы Коцебу «Бедность к благородству души», 1799 г.**.

Е. Р. Дашкова постоянно помещала анонимно свои оригинальные и переводные произведения в «Опыте трудов вольного российского собрания», в «Новых ежемесячных сочинениях», в «Друге просвещения» и в «Русском вестнике». В основанном в 1783 г. литературном журнале «Собеседник любителей российского слова» она подписывалась «Россиянка».

А. Н. Афанасьев (вслед за Вольтером) считал Е. Р. Дашкову активной участницей сочинения книги «Антидот», полемически направленной против французского путешественника по России Шаппа д'Отероша.

Современники второй половины XVIII в. говорили о том, что Е. Р. Дашкова в письмах к Екатерине II помещала свои стихотворения. Но, к сожалению, до нас не дошли эти ее произведения.

В 1786 г. в Санкт-Петербурге Е. Р. Дашкова напечатала «Комедию в пяти действиях» «Тоисиоков, или Человек бесхарактерный». В том же году она была поставлена на сцене Эрмитажного театра и в 1788 году перепечатана в 19-й части «Российского феатра». Е. Р. Дашкова использовала в этом произведении жанр «нравоописательной» бытовой комедии. Здесь обличались такие черты дворян — современников автора, как беспринципность, алчность, галломания и потеря национального достоинства. Сама Е. Р. Дашкова была убежденной патриоткой, горячо отстаивавшей национальные традиции в русской культуре и в науке.

Эти качества сыграли особо важную роль в тот период ее жизни, когда она была директором Петербургской Академии наук и руководила Российской Академией. Под ее непосредственным руководством началась работа над «Словарем Академии Российской», вышедшим в свет в шести частях в 1789—1794 гг. Это был первый толковый и нормативный словарь, заключавший в себе свыше 40000 слов, размещенных в словопроизводном, этимологическом порядке. Для

* Ленинградское отделение Института истории. Ф. Воронцовых (36), 1, № 1161.

** Афанасьев А. Н. Литературные труды Е. Р. Дашковой. Отечественные записки, 1860. Т. CXXIX. С. 181—218.

работы над этим «Словарем» Е. Р. Дашкова привлекла виднейших писателей и ученых: Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, И. Н. Болтина, И. И. Лепехина, С. Я. Румовского, Н. Я. Озерецковского и других. «Еженедельно члены... собирались в ее (Е. Р. Дашковой.— *Г. М.)* доме и под ее председательством представляли свои работы. Труд по составлению Словаря распределялся между академиками»*.

«Словарь Академии Российской» сыграл громадную роль в установлении лексических норм русского литературного языка.

Е. Р. Дашкова глубоко чтила память гениального русского ученого М. В. Ломоносова. Вступив в 1783 г. в должность директора Петербургской Академии наук, она произнесла «Речь», в которой наметила пути развития русской науки, опираясь на труды М. В. Ломоносова. В том же году Е. Р. Дашкова подготовила к изданию первое академическое собрание сочинений М. В. Ломоносова. «Полное собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений» в 6-ти частях вышло в свет в Петербурге в 1784—1787 гг.

Е. Р. Дашкова способствовала публикации в 39-й части «Российского феатра» за 1794 г. тираноборческой трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», вызвавшей негодование Екатерины II. По приказанию императрицы трагедия Я. Б. Княжнина была вырвана из «Российского феатра» и сожжена, а Е. Р. Дашкова вскоре была вынуждена уйти в отставку.

Е. Р. Дашкова оставила след не только в деятельности Академии наук, но и как переводчик и писатель. Ее «Записки» своеобразно венчают литературное творчество этой выдающейся женщины.

Екатерина Романовна Дашкова писала свои мемуары в 1804—1805 гг., когда ей было более шестидесяти лет. Но, очевидно, раскрывая историю своей жизни,— в рукописи мемуары названы «Mon histoire» — она использовала более ранние записи, сделанные под непосредственным впечатлением от событий, от встреч с людьми, которые были ее друзьями или врагами. Можно предполагать, что Е. Р. Дашкова вела какие-то записи на протяжении всей своей жизни, иначе трудно представить, как могла она помнить точные факты и самые мелкие детали событий далекого прошлого.

Прямым подтверждением этому служит публикация Е. Р. Дашковой во второй части «Опыта трудов Вольного российского собрания» за 1775 г. «Путешествия одной российской знатной госпожи

---

* Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Спб., 1874. Вып. 1. С. 42.

по некоторым английским провинциям», позднее в несколько переработанном виде включенной в ее «Записки».

Однако «Записки» Е. Р. Дашковой не следует считать дневником, в котором сохранялась фиксация фактов в их непосредственной житейской последовательности, как бы в «нетронутом виде».

Обрисовывая события прожитой жизни на склоне лет, Е. Р. Дашкова пропускала их сквозь призму впечатлений последующих событий, которые «высвечивали» эти факты по-иному, представляя их взаимосвязь, недоступную взору современника. Эту особенность, свойственную мемуарной литературе в целом, следует учитывать и при чтении «Записок» Е. Р. Дашковой.

В то же время мемуары Е. Р. Дашковой представляют собой превосходный памятник русской культуры, в котором оказались запечатленными многие общественные идеи эпохи, воссозданы образы выдающихся людей XVIII столетия, по выражению А. Н. Радищева, «столетия безумна и мудра».

Свои мемуары Е. Р. Дашкова написала по просьбе подруги, англичанки Марты Вильмот, которая в 1803 г. приехала погостить в подмосковное имение княгини, село Троицкое, и «своими беседами, совместным чтением, кротостью и приветливостью» внесла в ее жизнь «тихие радости, бесценные и незаменимые для нежной дружбы и любознательного сердца». Е. Р. Дашкова пишет: «...я для нее сделала то, чего от меня не могли добиться мои родственники и друзья... я написала эти мемуары, так как она этого непременно желала. Она единственная владелица их с тем условием, что они появятся только после моей смерти».

Из этих слов, которыми заканчиваются мемуары Е. Р. Дашковой, становится ясно, что, обрабатывая свои предшествующие записки, автор постоянно помнила о том, что они предназначаются для публикации. Следовательно, факты прошедшей жизни и ее и тех людей, с кем она была связана, должны были быть представлены так, как требовал «этикет поведения» первой «статс-дамы и кавалера двора» Екатерины II, директора Академии наук и Российской Академии.

«Записки» делятся на две части: первая охватывает события от 1743 г.— года рождения автора — до 1782 г.— года ее возвращения из-за границы, где она провела несколько лет с сыном для получения им образования; вторая часть от приезда в Петербург в 1782 г. до 1804—1805 гг. Но это чисто формальное деление. По существу, через все «Записки» проходят три основных сюжета: история ее личной и семейной жизни; участие в дворцовом перевороте 1762 г., благодаря которому на престол взошла Екатерина II, и руководство двумя Академиями.

Интродукция «Записок» Е. Р. Дашковой имеет определенный, хорошо продуманный замысел: «Я родилась в 1744 г.* в Петербурге. Императрица Елизавета уже вернулась к тому времени из Москвы, где она венчалась на царство. Она держала меня у купели, а моим крестным отцом был великий князь, впоследствии император Петр III. Оказанной мне императрицей честью я была обязана не столько ее родству с моим дядей, канцлером, женатым на двоюродной сестре государыни, сколько ее дружбе с моей матерью, которая с величайшей готовностью, деликатностью, скажу даже — великодушием снабжала императрицу деньгами в бытность ее великой княгиней».

Нет никакого сомнения в том, что первый абзац мемуаров Е. Р. Дашковой накладывает как бы «основной тон» на все повествование: читатель должен знать, что по своему рождению графиня Екатерина Романовна Воронцова принадлежала к высшей элите русского общества. Ее крестной матерью была императрица Елизавета Петровна, связанная родством с ее дядей канцлером Михаилом Илларионовичем Воронцовым, а также имеющая обязательства по отношению к матери самой Екатерины Романовны, которая ссужала ее деньгами. Отсюда легко напрашивается дальнейший ход авторской мысли: все последующие события, в которых принимала деятельное участие Е. Р. Дашкова, были выражением ее нравственных убеждений и не имели никаких других побудительных причин.

Далее рассказывается о воспитании Е. Р. Дашковой в доме дяди, где она вместе с дочерью М. И. Воронцова получила блестящее образование.

Продолжением сюжета личной жизни является рассказ Екатерины Романовны о первой встрече с блестящим гвардейским офицером князем Михаилом Ивановичем Дашковым, который вскоре стал ее мужем. Молодые супруги (Екатерине Романовне тогда было 16 лет) уехали в Москву, где проживала мать М. И. Дашкова. С большим лиризмом описаны семейные отношения Екатерины Романовны с мужем, которого она страстно любила: здесь и тайные свидания с супругом, когда он заболел, и нежные записки, которые она писала ему по ночам.

Семейной радостью Е. Р. Дашковой было рождение дочери Анастасии и сына Павла, воспитанию и образованию которых она отдала многие годы жизни. Добрые отношения с дядей М. И. Воронцовым, с дядьями по мужу Н. И. Паниным и П. И. Паниным, с родственниками мужа — все это играет большую роль в мемуарах Е. Р. Дашковой.

---

* См. прим. С. 315.

Но, пожалуй, важнейшее место в «Записках» отведено отношению автора мемуаров с Екатериной II. Е. Р. Дашкова подробно описывает первую встречу с великой княгиней Екатериной Алексеевной, происшедшую зимой 1759 г., когда она с великим князем Петром III приехала в дом канцлера М. И. Воронцова «провести вечер и поужинать. Иностранцы обрисовали меня ей с большим пристрастием; она была убеждена, что я все свое время посвящаю чтению и занятиям, что и привлекло мне ее уважение, оказавшее столь большое влияние на всю мою жизнь и вознесшее меня на такой пьедестал, о котором я никогда не смела и мечтать. Я смело могу утверждать, что кроме меня и великой княгини в то время не было женщин, занимавшихся серьезным чтением. Мы почувствовали взаимное влечение друг к другу, а очарование, исходившее от нее, в особенности, когда она хотела привлечь к себе кого-нибудь, было слишком могущественно, чтобы подросток, которому не было и 15 лет, мог противиться, и я навсегда отдала ей свое сердце... Великая княгиня осыпала меня своими милостями и пленила меня своим разговором. Возвышенность ее мыслей, знания, которыми она обладала, запечатлели ее образ в моем сердце и в моем уме, снабдившем ее всеми атрибутами, присущими богато одаренным природой натурам. Этот длинный вечер, в течение которого она говорила почти исключительно со мной одной, промелькнул для меня, как одна минута. Он и стал первоначальной причиной многих событий, о которых речь будет ниже».

Е. Р. Дашкова с супругом приглашены в Ораниенбаум на придворные празднества во дворец Петра III и Екатерины II, между которыми развивается своеобразное соперничество за дружбу с Е. Р. Дашковой. Великий князь настаивал на том, чтобы она была больше в его обществе, «чем с великой княгиней». А великая княгиня, как пишет Е. Р. Дашкова, «оказывала мне такое внимание, каким она не удостаивала ни одну из дам, живших в Ораниенбауме».

Далее Е. Р. Дашкова, как бы случайно, передает разговор с нею Петра III, который заметил ее дружбу с Екатериной II: «...однажды он отвел меня в сторону и сказал мне следующую странную фразу, которая обнаруживает простоту его ума и доброе сердце:

— Дочь моя, помните, что благоразумнее и безопаснее иметь дело с такими простаками, как мы, чем с великими умами, которые, выжав весь сок из лимона, выбрасывают его вон».

К этим словам Петра III Е. Р. Дашкова сделала в своих «Записках» следующее многозначительное примечание: «Я часто вспоминала эти слова впоследствии и благодаря случайности узнала, из какого источника они исходили и кто их подсказал моему крестному отцу».

Следует напомнить, что в этот период фавориткой Петра III была родная сестра Е. Р. Дашковой — Елизавета Романовна Воронцова. Эта связь не была тайной. В сложной придворной ситуации Екатерина II, как пишет Е. Р. Дашкова, относилась к ней «с возрастающим дружелюбием». Они встречались очень часто, а в остальные дни обменивались письмами: «...между великой княгиней и мной завязалась переписка и установились доверчивые отношения, составлявшие мое счастье, так как я была так привязана к ней, что, за исключением мужа, пожертвовала бы ей решительно всем».

Неужели юную Е. Р. Дашкову не насторожили слова, сказанные Петром III? В те молодые годы, по-видимому, нет. Но когда писались «Записки», позади был многолетний опыт общения с императрицей Екатериной II, который подтвердил высказывание «простака» Петра III. Поэтому Е. Р. Дашкова не только не преминула зафиксировать этот разговор, но и снабдила его своим многозначительным примечанием: «Я часто вспоминала эти слова впоследствии...»

Между тем дворцовые события в 1761 г. развивались с нарастающей быстротой. Петр III, не скрывая, третировал свою супругу Екатерину Алексеевну и выражал желание жениться на Елизавете Романовне Воронцовой. Императрица Елизавета Петровна тяжело болела. Вынужденное пребывание Е. Р. Дашковой в Ораниенбауме при дворе великого князя Петра, как она сообщает в «Записках», открыло ей глаза на то, что ожидало Россию, когда на престол вступит государь ограниченный, необразованный, не любящий свой народ и ставящий себе в заслугу свое подчинение прусскому королю, которого он величал в кругу своих друзей своим «господином».

Е. Р. Дашкова, узнав о близкой смерти императрицы Елизаветы Петровны, в поздний час пришла к великой княгине Екатерине Алексеевне, высказала ей свою преданность, пообещав оказывать всевозможную помощь. Екатерина Алексеевна уверила Дашкову, что у нее «нет никакого плана», что она «должна мужественно вынести все», что ее ожидает.

В действительности было совсем не так, как это представила Екатерина Алексеевна. Военный переворот готовили близкие ей люди, братья Орловы, и сама великая княгиня тайно держала в руках все нити заговора. Позднее Е. Р. Дашкова в этом убедилась.

Но в это трудное для великой княгини время Е. Р. Дашкова с присущей ей энергией привлекла к заговору в пользу Екатерины своего мужа М. И. Дашкова и его дядю Н. И. Панина и нескольких гвардейских офицеров Измайловского полка. В своих «Записках» Е. Р. Дашкова рассказывает, каким трудным был разговор с Н. И. Па-

ниным, воспитателем наследника, великого князя Павла. Е. Р. Дашкова об этом пишет: «...для нас было очень важно, чтобы человек его характера принадлежал нашей партии, я несколько раз решалась заговорить с ним о вероятности низложения с престола Петра III и спросила его, какие последствия повлекло бы за собой подобное событие, и кто и как управлял бы нами. Мой дядя воображал, что будет царствовать его воспитанник, следуя законам и формам шведской монархии... Он стоял за соблюдение законности и за содействие Сената... императрица не имеет прав на престол и по закону следовало бы провозгласить императором ее сына, а государыню объявить регентшей до его совершеннолетия». Неожиданный арест одного из участников заговора, офицера Пассека, вынудил ускорить низложение Петра III.

При активном участии братьев Орловых Е. Р. Дашкова добилась того, что Екатерина Алексеевна была привезена в частной карете из Петергофа в Измайловский полк, «единогласно провозгласивший ее императрицей». Затем предстоял поход в Петергоф во главе двенадцатитысячного войска. В десяти верстах от Петербурга, в трактире «Красный Кабак» они сделали остановку и отдыхали вместе с императрицей на единственной имевшейся там постели.

Далее Е. Р. Дашкова рассказывает о Петре III, который «обнаружил большую нерешительность», затем отправился в Кронштадт, «чтобы овладеть крепостью и флотом», но адмирал Талызин «не позволил Петру высадиться, так что тот принужден был вернуться в Ораниенбаум, откуда и отправил генерала Измайлова к императрице с весьма покорными заявлениями и с предложением, что он откажется от престола».

Все рассказанное Е. Р. Дашковой об отношениях Петра III к Екатерине II, к своей фаворитке Елизавете Воронцовой, о дружбе великой княгини с юной дочерью графа Романа Воронцова — Екатериной Дашковой, о проекте Н. И. Панина, касающемся наследника престола, полностью подтверждается в «Мемуарах» Екатерины II.

Приводим выдержки из «Мемуаров» Екатерины II: «Во время болезни блаженной памяти государыни императрицы Елизаветы Петровны, в декабре месяце 1761 г., слышала я из уст Никиты Ивановича Панина, что... наследника все боятся; что он не любим и не почитаем никем; что склонность в ней находят отрешить наследника неспособного, от которого много имела досады, и взять сына его семилетнего и мне поручить управление... При самой кончине Елизаветы Петровны прислал ко мне князь Михайла Иванович Дашков, тогдашний капитан гвардии, сказать: «повели, мы тебя взведем на

престол... К князю Дашкову же езжали и в дружбе и согласии находились все те, кои потом имели участие в моем восшествии, якото: трое Орловых, пятеро капитаны Измайловского и прочие; женат же он был на родной сестре Елизаветы Романовны Воронцовой, любимицы Петра III. Княгиня же Дашкова от самого почти ребячества ко мне оказывала особливую привязанность»*.

Е. Р. Дашкова не могла видеть «Мемуары» Екатерины II, которые хранились в запечатанном пакете и были вскрыты после смерти императрицы в 1796 г. Павлом I**. Первое же издание этих «Мемуаров» на французском и на русском языках было осуществлено А. И. Герценом в Лондоне в 1859 г.***.

Очевидно, что сходство в изображении событий, предшествующих вступлению Екатерины II на престол, в «Записках» Е. Р. Дашковой и в «Мемуарах» императрицы объясняется тем, что в обоих произведениях нашли отражение одни и те же исторические факты.

«Мемуары» Екатерины II, сохранившиеся в нескольких редакциях, не выходят за пределы июня 1762 г.****. «Записки» Е. Р. Дашковой доведены до 1805 г.: она была живой свидетельницей правления Екатерины II, для воцарения которой рисковала своей жизнью, жизнью горячо любимого мужа и других близких ей людей. Однако, восхищаясь личностью Екатерины II, она отмечает в своих «Записках» и те «пятна», которые ей приходилось видеть «на ее короне».

Буквально в первые же дни после дворцового переворота 1762 г. Е. Р. Дашкова становится свидетельницей бесцеремонного вмешательства Г. Г. Орлова в государственные дела. «С этой минуты я поняла,— пишет Е. Р. Дашкова,— что Орлов был ее любовником, и с грустью предвидела, что она не сумеет этого скрыть».

Е. Р. Дашкова знала подробности убийства Петра III, так как Екатерина II показывала ей записку Алексея Орлова, хранившуюся у нее в шкатулке. После смерти Екатерины II с этой запиской ознакомился ее наследник Павел I и ряд его приближенных, в числе

---

* Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями акад. А. Н. Пыпина. Т. XII, 1-й полутом. Автобиографические записки. Спб., 1907. С. 499—500.

** Там же. С. 707—709.

*** Mémoires de l'impératrice Catherine II, écrits, par elle-même, et précédés d'une préface par A. Herzen. Londres, 1859. Записки императрицы Екатерины II. Издание Искандера. Пер. с фр. Лондон, 1859.

**** Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей. Т. XII, 2-й полутом. Примечания. Спб., 1907. С. 705—763.

которых был Ф. В. Ростопчин, сумевший снять с нее копию до того, как она была сожжена Павлом.

Во время коронационных торжеств в Москве Екатерина II назначила Е. Р. Дашкову статс-дамой (высшая придворная должность). Но вскоре произошел первый, достаточно серьезный конфликт с коронованной императрицей по поводу ее отношений с Г. Г. Орловым. В «Записках» Е. Р. Дашковой об этом сказано очень глухо. Но во время своего пребывания во Франции она откровенно рассказала Дени Дидро о том, как после восшествия на престол Екатерины II стала известна ей интимная связь с Григорием Орловым, пожелавшим к тому же стать законным супругом и наследным российским императором. Дидро пишет об этом: «Между тем тайна брака (Екатерины II. — *Г. М.*) обнаружилась, негодующий народ сорвал один из портретов императрицы и, отстегав его плетью, разорвал в клочки. На княгиню (Е. Р. Дашкову. — *Г. М.*) пало подозрение на соучастие с ее друзьями, и ее спасли от ареста только болезни родов... Четыре офицера, участники заговора, были сосланы в Сибирь»*.

В 1765 г. Е. Р. Дашкова овдовела. Здоровье ее было сильно подорвано, и она обратилась к Екатерине II с просьбой о разрешении выехать за границу. Не без труда удалось Е. Р. Дашковой осуществить свое намерение в 1770 г. «Я предприняла свое путешествие,— пишет Екатерина Романовна,— главным образом с целью осмотреть разные города и остановиться на том из них, где я могла бы воспитать детей, зная, что лесть челяди, баловство родных и отсутствие в России образованных людей не позволят мне дать моим детям дома хорошее воспитание и образование».

Первое путешествие Е. Р. Дашковой началось с Берлина. По приглашению прусского короля Фридриха II она была принята во дворце Сан-Суси. В Спа она познакомилась с Гамильтон, дочерью архиепископа туамского и Морган, дочерью ирландского генерал-прокурора. Дружба с этими семействами продолжалась у Е. Р. Дашковой в течение всей ее жизни, то есть более 30 лет.

Из Германии она прибыла в Англию и остановилась в Лондоне, затем посетила Дублин, Бат, Бристоль, Оксфорд. Из Англии Дашкова переехала в Брюссель и Антверпен, затем отправилась в Париж. Екатерина Романовна пишет в «Записках»: «Я посещаю церкви и монастыри, где можно было видеть статуи, картины и памятники. Я была в мастерских знаменитых художников и в театре, где зани-

---

* Sur la princesse Daschkoff. Oeuvres complètes de Diderot. Paris, 1876. T. 17. P. 488.

мала место в райке. Скромное черное платье, такая же шаль и самая скромная прическа скрывали меня от любопытных глаз».

Самое важное, что отмечает Е. Р. Дашкова в своих «Записках» о времени ее пребывания в Париже,— это встречи с великим французским просветителем Дени Дидро.

Они встречались несколько раз, и в их беседах обсуждались важные общественные вопросы, вызывавшие споры. Е. Р. Дашкова описывает один из таких вечеров, когда Дидро коснулся рабства наших крестьян.

«— У меня душа не деспотична,— отвечала я,— следовательно вы можете мне верить. Я установила в моем орловском имении такое управление, которое сделало крестьян счастливыми и богатыми и ограждает их от ограбления и притеснений мелких чиновников. Благосостояние наших крестьян увеличивает и наши доходы; следовательно, надо быть сумасшедшим, чтобы самому иссушать источник собственных доходов. Дворяне служат посредниками между крестьянами и казной и в их интересах защищать их от алчности губернаторов и воевод.

— Но вы не можете отрицать, княгиня, что будь они свободны, они стали бы просвещеннее и вследствие этого богаче.

— Если бы самодержец,— ответила я,— разбивая несколько звеньев, связывающих крестьянина с помещиком, одновременно разбил бы звенья, приковывающие помещиков к воле самодержавных государей, я с радостью и хоть бы своею кровью подписалась бы под этой мерой. Впрочем, простите мне, если я вам скажу, что вы спутали следствия с причинами. Просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения породила бы только анархию и беспорядок. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они будут достойны свободы, так как они тогда только сумеют воспользоваться ею без ущерба для своих сограждан и не разрушая порядка и отношений, неизбежных при всяком образе правления.

— Вы отлично доказываете, дорогая княгиня, но вы меня еще не убедили».

Крепостнический строй представлялся Е. Р. Дашковой благим для крестьян, которые без добрых помещиков могли бы погибнуть от чиновников, злоупотребления которых она осуждала. Отношения же с собственными крестьянами, обрисованные ею в «Записках» в идиллических тонах, были в действительности иными. На жалобы кре-

стьян она со всей решительностью отвечала: «Впредь же своими глупыми и неосновательными отписками меня не беспокоить, ибо уже сей вздор наскучил»*.

Нравственный облик Е. Р. Дашковой и ее портрет Дидро запечатлел в своих сочинениях: «... я провел с ней в это время четыре вечера, от пяти часов до полуночи, имел честь обедать и ужинать... Княгиня Дашкова — русская душой и телом... Она отнюдь не красавица. Невысокая, с открытым и высоким лбом, пухлыми щеками, глубоко сидящими глазами, не большими и не маленькими, с черными бровями и волосами, несколько приплюснутым носом, крупным ртом, крутой и прямой шеей, высокой грудью, полная — она далека от образа обольстительницы. Стан у нее неправильный, несколько сутулый. В ее движениях много живости, но нет грации... Печальная жизнь отразилась на ее внешности и расстроила здоровье. В декабре 1770 года ей было только двадцать семь лет, но она казалась сорокалетней»**.

Серьезные и достаточно откровенные беседы, которые вела Е. Р. Дашкова, дали основание Дидро написать о ней следующие строки: «...Это серьезный характер. По-французски она изъясняется совершенно свободно. Она не говорит всего, что думает, но то, о чем говорит, излагает просто, сильно и убедительно. Сердце ее глубоко потрясено несчастьями, но в ее образе мысли проявляются твердость, возвышенность, смелость и гордость. Она уважает справедливость и дорожит своим достоинством... Княгиня Дашкова любит искусства и науки, она разбирается в людях и знает нужды своего отечества. Она горячо ненавидит деспотизм и любые проявления тирании. Она имела возможность близко узнать тех, кто стоит у власти, и откровенно говорит о добрых качествах и о недостатках современного правления. Метко и справедливо раскрывает она достоинства и пороки новых учреждений»***.

Дидро предупредил Е. Р. Дашкову, чтобы она не принимала у себя Клода Рюльера, бывшего атташе при французском посольстве в Петербурге. «Я не знала,— пишет Е. Р. Дашкова,— что по возвращении своем из России он составил записки о перевороте 1762 года и читал их повсюду в обществе». Дидро рассказал Е. Р. Дашковой о содержании записок К. Рюльера, в которых он раскрывает закулисную сторону жизни русского двора. Екатерина II предложила К. Рюльеру ку-

---

* Краснобаев В. И. Глава двух академий.— Вопросы истории. 1971, № 12, с. 91.

** Sur la princesse Daschkoff. Oeuvres complètes de Diderot. Paris, 1876. T. 17. P. 487—490.

*** Там же. С 490.

пить его произведение, но получила отказ, и Дидро удалось только «взять с него обещание не издавать его книги при жизни императрицы». Встречи Е. Р. Дашковой с К. Рюльером могли ухудшить еще больше отношение к ней Екатерины II.

В 1797 г., через год после смерти Екатерины II, в Париже была опубликована книга: Rulhière C.C. Histoire ou Anecdotes sur la Révolution de Russie en 1762. В архиве Воронцовых сохранились замечания на эту книгу, написанные Е. Р. Дашковой*. В ее замечаниях содержатся горькие высказывания: «Современные французские писатели, лишающие нас утешения и пользы от изучения истории тем, что нагромождают целый ворох лжи». Она имеет здесь в виду не только маленькую книжечку К. Рюльера, но и сочинение Ж. Кастера** (Castera J. Vie de Catherine II. Paris, 1797),а также обширный труд П. Левека (Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. Yverdon, 1783, tt.I—VI). До 1812 г. сочинение П. Левека выдержало четыре издания и было переведено на другие европейские языки. Оно вызвало интерес в России, так как освещало русскую историю от древнейших времен до конца XVIII в.***.

Душевные контакты с Дидро продолжались у Е. Р. Дашковой и в переписке. В 1773 г. Дидро приехал в Петербург и писал сердечные письма Е. Р. Дашковой в Москву, где она находилась, как справедливо полагает Н. Я. Эйдельман, в вынужденном удалении от царского двора****.

Е. Р. Дашкова побывала в Лионе, где посетила городской театр. Из Франции она поехала в Швейцарию. «На другой день по прибытии в Женеву,— пишет Е. Р. Дашкова,— я послала к Вольтеру спросить разрешения посетить его на следующий день вместе с моими спутницами. Он был очень болен, однако велел мне передать, что будет рад меня видеть и просит привести с собой кого мне будет угодно». Е. Р. Дашкова встречалась с Вольтером несколько раз «в его кабинете или в саду». В Женеве она познакомилась с Гюбером, поэтом, музы-

---

* Замечания княгини Дашковой на сочинение Рюльера о воцарении Екатерины Второй.— Русский архив, 1890, № 12. С. 551.

** Корнилович-Зубашева О. Е. Княгиня Е. Р. Дашкова за чтением Кастера. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 355—370;

Сомов В. А. Книга о Екатерине II из библиотеки Е. Р. Дашковой. Книжные сокровища. (К 275-летию Библиотеки АН СССР.) Л., 1989.

*** Сомов В. А. Книга П.-Ш. Левека «Российская история» (1782 г.) и ее русский читатель. Книга и библиотека в России в XIV—первой половине XIX в.— Сб. научных трудов. Л., 1982. С.82—89.

**** Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973. С. 97—98.

кантом и художником. Из Швейцарии Дашкова и ее спутники спустились на баржах вниз по Рейну и осмотрели немецкие прибрежные города. В Дюссельдорфе она посетила картинную галерею, обратив особое внимание на картину Рафаэля «Иоанн Креститель». Посетив Спа и Дрезден, Е. Р. Дашкова через Берлин и Ригу вернулась в Петербург. Это был 1772 г. Екатерина уже десять лет была российской императрицей. Она встретила Е. Р. Дашкову доброжелательно. Фаворитом Екатерины II был Г. А. Потемкин, с которым у Е. Р. Дашковой установились взаимно уважительные отношения.

Выдав дочь Анастасию замуж за бригадира Щербинина и похоронив свекровь, Е. Р. Дашкова вновь обратилась к Екатерине II с просьбой поехать за границу, чтобы дать ее сыну классическое и высшее образование. «Мне это было разрешено, — пишет она, — чрезвычайно холодно, так как императрица не любила, когда я уезжала из России».

Вторая поездка осуществлялась через Вильно, Варшаву, Берлин, Спа в Англию. В доме леди Суссекс Е. Р. Дашкова познакомилась с отцом Марты Вильмот. Поселившись «в старинном королевском замке» в Эдинбурге, она была представлена профессорам университета и людям, достойным уважения «благодаря их уму, знаниям и нравственным качествам». Ее сын, 16-летний Павел Дашков, успешно занимался в Эдинбургском университете. Летом они путешествовали по Шотландии. «Это был самый спокойный и счастливый период, выпавший мне на долю в этом мире»,— отметила Е. Р. Дашкова в «Записках». Она постоянно встречалась с выдающимися английскими учеными: Робертсоном, Блэром, Смитом, Фергюсоном. В 1779 г. Павел Дашков выдержал публичный экзамен в Эдинбургском университете. Летом они уехали в Ирландию, затем вернулись в Лондон и переехали в Голландию, посетив Роттердам, Гаагу, Лейден и Утрехт.

Позднее Е. Р. Дашкова побывала в Париже, где снова встретилась с Дидро, с известным ученым аббатом Рейналем и была приглашена на прием к королю в Версаль. В Париже Е. Р. Дашкова виделась со скульптором Фальконе и его ученицей Колло, с которыми она была знакома по Петербургу. Весною 1781 г. Е. Р. Дашкова с детьми переехала в Швейцарию, а оттуда в Италию. В Генуе и в Милане они осмотрели «все достопримечательности», побывали в Парме, Модене и остановились во Флоренции, где «посвятили целую неделю осмотру знаменитой картинной галереи, церкви, бибилиотеки и... кабинета естественной истории». Затем они поехали в Пизу. Е. Р. Дашкова в своих «Записках» сообщает ряд исторических сведений об этом городе, далее она посетила города Лукку и Ливорно. В Риме в соборе

святого Петра она «видела папу: он обошелся со мною очень милостиво»,— пишет Е. Р. Дашкова. Как видим, диапазон ее европейских знакомств очень широк: от великих французских просветителей и ученых, снискавших мировую известность, до папы римского и знаменитых банкиров.

Обратный путь в Россию шел через Падую и Вену, где она была приглашена на прием к премьер-министру Кауницу. Венская картинная галерея и императорский музей также явились предметом ее внимания.

В 1782 г. Е. Р. Дашкова приехала в Петербург. Вскоре она получила копию указа Екатерины II о том, что Павел Дашков «назначался штабс-капитаном гвардии Семеновского полка, что давало ему ранг полковника». Отношение к Е. Р. Дашковой самой императрицы также улучшилось. В декабре 1782 г. Екатерина II предложила ей место директора Академии наук.

Решение Екатерины II было продиктовано тем тяжелым положением, в котором оказалась Академия наук, начиная с директорства Владимира Орлова (с 1766 по 1774 г.). Ставленник Орловых С. Г. Домашнев, вступивший в 1775 г. в исполнение обязанностей директора, с первых же дней своего появления в Академии наук повел себя как грубый и невежественный деспот. Своим поведением он восстановил против себя почти всю Академию и довел дело до открытого протеста академиков, подавших рапорт в Сенат.

В Академии создались традиции, начало которым было положено самоотверженной борьбой М. В. Ломоносова за передовую национальную науку. Стоявшая за Академией дворянская и разночинная интеллигенция превратилась в такую общественную силу, с которой правительству приходилось считаться. С. Г. Домашнев был отстранен от должности, и 24 января 1783 г. директором Академии наук была назначена Е. Р. Дашкова.

Это известие было встречено с большим энтузиазмом. В «Записках» отмечено: «На следующий день, в воскресенье, ко мне явились с самого утра все профессора и служащие Академии. Я объявила им, что на следующий день буду в Академии и что, если кому-нибудь понадобится видеть меня по делу, я прошу приходить в какой им удобнее час и входить в мою комнату без доклада». При поддержке академика Л. Эйлера она провела первое заседание в Академии наук. Е. Р. Дашкова с большим уважением относилась к ученым. Ее усилиями был расширен личный состав Академии, увеличен контингент обучающихся в гимназии, организовано чтение публичных лекций академиками на русском языке, расширены

картографические работы Академии. Она наладила работы Академической типографии.

По настоянию и ходатайству Е. Р. Дашковой с 1784 по 1788 г. архитектор Дж. Кваренги построил главное здание Академии наук.

С 1783 г. Академия наук стала издавать новый журнал — «Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей». Журнал выходил в течение 1783—1784 гг. в 16-ти частях. Е. Р. Дашкова вместе с О. П. Козодавлевым была редактором этого литературного журнала, в котором опубликовали произведения Г. Р. Державина, В. В. Капниста, Я. Б. Княжнина, И. Ф. Богдановича, Д. И. Фонвизина, Екатерины II. В 11-й части за 1784 г. впервые напечатали по рукописи М. В. Ломоносова «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии».

В своих «Записках» Е. Р. Дашкова написала о том, что «некоторые вельможи, принявшие на свой счет сатирические портреты» в стихотворениях Г. Р. Державина, чинили ей неприятности, а генерал-прокурор А. А. Вяземский «одно время преследовал Державина».

«Собеседник любителей российского слова», содержащий «только одни подлинные российские сочинения», сыграл важную роль в формировании русской литературы конца XVIII в.

Безусловно, Е. Р. Дашковой очень помогли опыт и собственное участие в литературно-философском журнале «Невинное упражнение», выходившем в 1763 г. при Московском университете. В нем опубликовали ее перевод «Опыт о эпическом стихотворстве, из сочинений г. Вольтера». По сведениям Е. А. Болховитинова, этот перевод в 1781 г. напечатали отдельным изданием. Во всех номерах журнала «Невинное упражнение» помещались переводы сочинения К. А. Гельвеция «Об уме», также сделанные Е. Р. Дашковой.

В 1786 г. при Академии наук были начаты еще два периодических издания: 1) «Новые ежемесячные сочинения» (этот журнал выходил по 1796 г., чч.1—21) и 2) «Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений» (это издание выходило по 1794 г., чч. 1—43). В «Российском феатре» печатались произведения главным образом современных драматургов: И. А. Крылова, А. И. Клушина, И. Ф. Богдановича. В 39-й части «Российского феатра» была опубликована трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский». Екатерина II, увидевшая в этой трагедии пропаганду революционных идей, распорядилась уничтожить ее отдельное издание и текст вырезать из «Российского феатра». Е. Р. Дашкова пишет об

этом в «Записках»: «...ко мне явился генерал-прокурор Сената Самойлов с упреком от имени императрицы, что я напечатала эту пьесу Княжнина...» А на следующий день Екатерина II спросила Е. Р. Дашкову: «...что я вам сделала, что вы распространяете произведения, опасные для меня и моей власти?.. Знаете ли,.. что это произведение будет сожжено палачом». Отношения между Е. Р. Дашковой и императрицей снова были испорчены.

Но вернемся к 1783 г., когда Е. Р. Дашкова была назначена директором Академии наук и очень быстро наладила ее научную и издательскую деятельность, погасив большую задолженность. Екатерина II поняла, что поступила правильно, поручив Дашковой ответственный пост.

В том же 1783 г. Екатерина II обсудила с Е. Р. Дашковой учреждение Российской Академии, предназначенной для изучения русского языка и русской литературы, и назначила Е. Р. Дашкову ее председателем.

На открытии Российской Академии Екатерина Романовна выступила с программной речью, в которой наметила основные направления работы Российской Академии: «Сочинение грамматики и словаря — да будет первым нашим упражнением». Не менее важным она считала изучение древнерусских литературных памятников: «Многоразличные древности, рассыпанные в пространствах отечества нашего, обильные летописи, дражайшие памятники праотцев наших, каковыми немногие из еще существующих ныне европейских народов поистине хвалиться могут, представляют упражнениям нашим обширное поле...»

В конце речи она заверила слушателей: «Будьте уверены, что я всегда гореть буду беспредельным усердием, истекающим из любви моей к любезному отечеству, ко всему тому, что сему нашему обществу полезно быть может, и что неусыпною прилежностью буду стараться заменить недостатки моих способностей...»

В речи Е. Р. Дашковой, произнесенной ею при открытии Академии наук, с несомненностью ощущается ее глубокое уважение к деятельности М. В. Ломоносова, научные идеи которого она глубоко изучила и пыталась претворить в жизнь. В ее речи мы видим прямые цитаты из «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. Следует отметить, что по непосредственному поручению Е. Р. Дашковой профессора О. П. Козодавлев, И. И. Лепехин, С. П. Румовский, Н. Я. Озерецковский и адъюнкт М. Я. Головин (племянник М. В. Ломоносова) подготовили к изданию полное собрание сочи-

нений великого русского ученого М. В. Ломоносова в 6-ти томах, которое вышло в 1784—1787 гг*.

21 октября 1783 г. Российская Академия была торжественно открыта, а с 1783 по 1796 г. было избрано 78 действительных ее членов.

Первоочередной задачей Российской Академии Е. Р. Дашкова считала создание Словаря, раскрывающего богатство национального русского языка. С присущей ей энергией она горячо взялась за это трудное дело и привлекла в Российскую Академию крупнейших ученых — представителей гуманитарных и естественных наук, переводчиков и способных учеников Академической гимназии. В составлении Словаря приняли участие крупнейшие писатели XVIII в.: Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, И. Н. Болтин, И. И. Лепехин, И. А. Крылов. Е. Р. Дашкова при поддержке ученых создала три отдела: грамматический, объяснительный и редакционный, распределив членов Российской Академии по избранным отделам. Сама она приняла на себя слова на буквы «Ц», «Ш», «Щ» и собрала их более 700**. Чтобы выработать определенные правила правописания, Е. Р. Дашкова предложила следовать «Российской грамматике» М. В. Ломоносова. Узнав, что ученик М. В. Ломоносова, проф. Московского университета А. А. Барсов закончил работу над «Российской грамматикой», Е. Р. Дашкова обратилась с просьбой выслать рукопись его труда***, чтобы своевременно использовать в Словаре новейшие научные достижения в этой области. В течение всего времени председательства Е. Р. Дашковой в Российской Академии происходило 364 научных собрания. Сама она присутствовала и руководила в 263 собраниях****.

После большой и тщательной работы по подготовке «Словаря Академии Российской, производным порядком расположенного», он был издан в 6-ти частях с 1789 по 1794 г. Это был первый толковый и нормативный словарь, открывший начало русской лексикографии.

---

* Андреева Г. А. Издания собраний сочинений М. В. Ломоносова в XVIII—XX вв.— В кн. «Книга. Исследования и материалы», сб. III. М., 1960. С. 210—212.

** Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Спб., 1874. Вып. 1. С. 42; Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных. Л., 1986.

*** Записки важные и мелочные К. Ф. Калайдовича.— В кн.: Летописи русской литературы и древности. 1859—1860. Кн. 6. М., 1860. С. 113. В настоящее время «Российская грамматика» А. А. Барсова впервые издана. (Подготовка текста и текстологический комментарий М. П. Тоболовой. Под ред. и с предисловием В. А. Успенского. Изд. МГУ, 1981.)

**** Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Спб., 1874. Вып. 1. С. 39.

«Словарь Академии Российской» является выдающимся научным трудом конца XVIII в. Он был высоко оценен А. С. Пушкиным, который в 1836 г. приводил слова Н. М. Карамзина: «Полный словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев; наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями»*.

В своих «Записках» Е. Р. Дашкова очень скромно говорит о своей деятельности в должности председателя Российской Академии. Между тем ее роль была очень велика и оценена по достоинству современниками как в России, так и за рубежом. Она была избрана членом Стокгольмской, Дублинской и Эрлангенской академий, Вольного Экономического С.-Петербургского общества, Берлинского общества любителей природы и Философского Филадельфийского общества.

В достижениях Российской Академии и Академии наук конца XVIII в., в умении Е. Р. Дашковой при создании национальной науки опираться на передовую демократическую интеллигенцию, в понимании главных задач этой науки, без сомнения, сказались и те мудрые уроки, которыми обогатил ее в Париже великий французский просветитель, человек энциклопедических знаний — Дени Дидро.

Безусловно, успехи в должности директора Академии наук и председателя вновь образованной Российской Академии, большой авторитет в европейских странах — все это заставило Екатерину II пойти на улучшение отношений с Е. Р. Дашковой. Но Дашкова хорошо понимала, что Екатерина II соблюдала только видимость согласия. Поэтому в 1794 г., как она отмечает в «Записках», «письменно просила у императрицы уволить меня от управления обеими Академиями и дать мне двухлетний отпуск для поправления здоровья и устройства своих дел. Императрица не пожелала, чтобы я оставила совсем Академию, и позволила мне только уехать на два года».

Но Е. Р. Дашкова не знала о том, что по распоряжению Екатерины II был подготовлен указ Сенату от 12 августа 1794 г. с собственноручными правками императрицы об увольнении Дашковой от дел Академии. Этот документ, обнаруженный С. Р. Долговой, интересен тем, что первоначально Екатерина II высказала желание о возвращении Дашковой на пост президента; потом эти строки зачеркнула**.

В ноябре 1796 г. в своем подмосковном имении Троицкое Е. Р. Дашкова узнала о смерти Екатерины II, а в декабре получила

---

* Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 41.

** Долгова С. Р. Екатерина против Екатерины.— Неделя. 22—28 апреля 1974. С. 7.

уже указ Сената об увольнении ее со всех должностей. Вскоре Павел I приказал ей немедленно выехать в ссылку в имение сына в Новгородскую губернию «и оставаться в нем впредь до нового распоряжения». Сохранился портрет: «Княгиня Екатерина Романовна в ссылке». Простая крестьянская изба, полка для книг, на столе книги и чернильница с гусиным пером. Е. Р. Дашкова в теплом халате и колпаке сидит в холодной избе. Хлопоты друзей Е. Р. Дашковой привели в конце концов к тому, что ей разрешено было вернуться в имение Троицкое. После убийства Павла I и восшествия на престол Александра I она была обласкана новым императором, но сама отказалась от всех придворных обязанностей и возвратилась в Троицкое.

Последние годы жизни Дашковой были омрачены семейными несчастиями, тяжелыми отношениями с дочерью Анастасией (в замужестве Щербининой) и неожиданной смертью в 1807 г. в возрасте 44 лет сына Павла. Но об этом мы подробно узнаем из других источников. «Записки» Е. Р. Дашковой были закончены ею в Троицком 8 ноября 1805 г.

Это было самое крупное литературное произведение Е. Р. Дашковой, ибо то название, которое написано в рукописи,— «Mon Histoire» («История моей жизни») представляет собой не собрание дневниковых записей (хотя таковые она тоже использовала), а сочинение, построенное по законам литературной теории, разработанной в западноевропейских и в русских поэтиках.

Все произведение пронизано просветительской идеей общественного блага, служению которому следовала Е. Р. Дашкова. Поэтому ее «Записки» нельзя считать произведением сентиментализма, как полагает Л. Я. Лозинская*. Чувство долга — служение благу России — постоянная тема ее общественного и частного поведения в жизни, что характерно для литературы русского классицизма конца XVIII — начала XIX в.

Публикация писем сестер Кэтрин и Марты Вильмот** позволяет более полно представить ход работы Е. Р. Дашковой над «Записками»: 10 февраля 1804 г. «княгиня начала записывать историю своей жизни». Одновременно М. Вильмот осуществляла перевод «Записок» с французского языка оригинала на английский язык. 7 мая 1804 г. М. Вильмот начала снимать копию с «Записок». 9 октября 1805 г.

---

* Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М., 1978. С. 114.

** Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. Под общей редакцией С. С. Дмитриева. Составитель Г. А. Веселая. Изд. МГУ. М., 1987. С. 311—433.

записано: «...читаем копию «Записок» княгини и сравниваем ее с оригиналом». 8 ноября 1805 г. Е. Р. Дашкова посвятила «Записки» Марте Вильмот. Следовательно, «Записки» к этому времени были закончены.

В письмах Марты Вильмот, относящихся к 1806—1807 гг., также имеются сведения о «Записках»: 29 апреля 1806 г. отмечено: «Каждый день я пишу, точнее, переписываю историю княгини, Китти переводит».

И в письмах Марты Вильмот и ее сестры Кэтрин упоминается, что «Записки» «читаются в глубокой тайне».

Таким образом, первая рукопись «Записок», частично написанная рукою Марты Вильмот под диктовку Е. Р. Дашковой, частично самой Е. Р. Дашковой, являлась оригиналом. Она находится в архиве Воронцовых (ЛОИИ, ф. 36, №№ 750—752). Одновременно сестры М. и К. Вильмот делали перевод текста с французского на английский язык и снимали две копии: ранняя, без примечаний Е. Р. Дашковой, была увезена в Англию Кэтрин Вильмот в январе 1807 г. вместе с письмами Екатерины II, Дени Дидро к Е. Р. Дашковой, копиями писем Е. Р. Дашковой к ректору Эдинбургского университета проф. Робертсону, к сыну Павлу Дашкову и к английским друзьям. Вторая копия была дополнена примечаниями Е. Р. Дашковой, поясняющими основной текст «Записок». Черновой вариант этих примечаний помещен в нижней и боковой частях листов того чернового списка-оригинала, который, как уже упоминалось выше, сохранился в архиве Воронцовых*.

23 сентября 1808 г. перед возвращением на родину Марта Вильмот получила список с посвящением ей и с правом его издания после смерти Е. Р. Дашковой. Но в конце 1807 г. в России был заключен Тильзитский мир с Наполеоном и произошел разрыв дипломатических отношений с Англией. В Кронштадте Марту Вильмот предупредили, что ей и ее слугам будет сделан обыск с целью воспрепятствовать «вывозу каких-либо бумаг, касающихся России».

В «Собственноручном описании Мартой Вильмот ее путешествия из России в Англию» она рассказала: «Главной моей целью была, конечно, безопасность княгини, и я решилась уничтожить «Записки», чтобы они не могли попасть в чужие руки и быть превратно истолкованы. Зная, что сделанная когда-то мною ко-

---

* Проф. А. Г. Кросс считает, что сестрами Вильмот были переписаны три копии «Записок» Е. Р. Дашковой.— См. рецензию на книгу Л. Я. Лозинской «Во главе двух академий» (М., 1978) — в кн.: Study group on Eigheteenth-Century Russia. Newsletter. Norwich, 1978, № 6, pp. 74—75.

пия была взята с собой моей сестрой и благополучно доставлена в Англию, я их сожгла...»*.

Марта Вильмот, в замужестве Брэдфорд, в первые годы после смерти Е. Р. Дашковой, которая умерла 4 января 1810 г., сделала попытку выполнить ее волю — напечатать «Записки». Но, опасаясь раскрытия дворцовых тайн, брат Е. Р. Дашковой Семен Романович Воронцов, русский посол в Англии, воспрепятствовал их публикации.

Первое издание «Записок» Е. Р. Дашковой появилось через 30 лет после ее кончины, в 1840 г. в двух томах в переводе с французского на английский язык**. Текст «Записок» имел одно примечание М. Брэдфорд и был разделен ею на 29 глав. Во втором томе опубликованы письма Е. Р. Дашковой и письма ее многочисленных корреспондентов.

Это издание «Записок» Е. Р. Дашковой заинтересовало А. И. Герцена, который в 1857 г. опубликовал в «Полярной Звезде» (кн. III, с. 207—373) за подписью «Искандер» статью «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова». В том же 1857 г. эта статья была частично напечатана в качестве предисловия к вышедшему в Гамбурге немецкому изданию «Записок» Е. Р. Дашковой***. Извлечение из статьи А. И. Герцена в «Полярной Звезде» было помещено в качестве предисловия к русскому переводу «Записок княгини Е. Р. Дашковой, писанных ею самой» (перевод с английского языка. Лондон, 1859).

В статье А. И. Герцена нашла свое выражение его концепция русского самодержавия как военно-деспотической, авторитарной власти, которая губит все смелое, оригинальное, честное. «Дашкова,— пишет А. И. Герцен,— русская женская личность, разбуженная петровским разгромом, выходит из своего затворничества, заявляет свою способность и требует участия в деле государственном, в науке, в преобразовании России и смело становится рядом с Екатериною. В Дашковой чувствуется та самая сила, не совсем устроенная, которая рвалась к просторной жизни из-под плесени московского застоя, что-то сильное, многостороннее, деятельное, петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическим воспитанием и женственностью»****.

В настоящее время архив Воронцовых находится в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, где и хранятся «Запи-

---

* Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 431.

** Memoirs of the princess Dashkaw, lady of honour to Catherine II. Edited from the originals by mrs. W. Bradford. Vol. I—II, London, 1840.

*** Memoiren der Fürsten Daschkoff. Zur Geschichte der Keiserin Katharina II. Hamburg, 1857.

**** Полярная Звезда. Лондон, 1857. Кн. 3. С. 207—208.

ски» Е. Р. Дашковой на французском языке (ф. 36, оп. 1, № 749). В 1881 году П. И. Бартенев впервые напечатал французский текст «Записок» Дашковой в XXI томе «Архива кн. Воронцовых» в С.-Петербурге.

Русский перевод «Записок» Е. Р. Дашковой в XIX в.* появлялся в журнальных публикациях только в небольших отрывках. В 1838 г. автор «Словаря достопамятных людей Русской земли» Д. Н. Бантыш-Каменский писал: «Любопытнейшее произведение княгини Дашковой, Записки, к сожалению, не могут быть изданы в наше время: они хранятся в рукописи у некоторых любителей отечественных достопамятностей»**.

Только в 1906 г. «Записки» были впервые полностью изданы на русском языке в переводе с английского издания М. Брэдфорд 1840 г., а в 1907 г. они вышли под редакцией и с предисловием Н. Д. Чечулина в переводе с французского издания «Архива кн. Воронцовых» (т. XXI).

В основу настоящего издания «Записок» Е. Р. Дашковой положен текст 1907 г., сверенный с авторизованной рукописью на французском языке (ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 749). Язык русского перевода 1907 г. (переводчик неизвестен) по стилистическим нормам ближе к эпохе начала XIX в., когда создавались эти «Записки», и передает колорит времени.

После смерти Е. Р. Дашковой в 1810 г. ее душеприказчик Ю. А. Нелединский-Мелецкий, пересматривая архив покойной еще до передачи его М. С. Воронцову, снял рукописную копию с ее «Записок». Первое упоминание этих «Записок» встречается в «Дневнике» В. А. Мусина-Пушкина: «Март 1812 г. Весь день провел дома и по большей части читал «Жизнь Дашковой»***. В июне 1819 г. Н. М. Карамзин спрашивал у А. Ф. Малиновского: «Известна ли Вам биография кн. Дашковой? Я достал экземпляр, но так худо переписанный, что тяжело читать»****. С копией «Записок» Дашковой, хранящейся в архиве П. А. Вяземского, ознакомился в 1830-х годах А. С. Пушкин и сделал на рукописи ряд помет*****. Не исключено, что Пушкин

---

* Москвитянин, 1842. Ч. I, №№ 1—2; Русская старина, 1873, №№ 9, 11.

** Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. II. С. 198—199.

*** Дневник графа Владимира Алексеевича Мусина-Пушкина.— ЦГАДА, ф. 1370, оп. 1, д. 644, л. 42.

**** Письма Н. М. Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому. М., 1860, с. 42.

***** Гиллельсон М. И. Пушкин и «Записки» Е. Р. Дашковой.— В кн.: Прометей. Вып. 10. М., 1974. С. 132—144.

видел ранее, в 1823 г., тот авторизованный текст «Записок» Е. Р. Дашковой, который хранился ранее в библиотеке М. С. Воронцова в Одессе, так как известно, что там он изучал ряд неопубликованных и запрещенных рукописей*.

Свою библиотеку и богатейший минералогический кабинет Е. Р. Дашкова еще при жизни передала в дар Московскому университету.

«Записки» Е. Р. Дашковой являются первоклассным историческим источником. Несмотря на стремление автора осветить факты под определенным углом зрения, фактический материал оказывает влияние на авторскую концепцию. Е. Р. Дашкова была современником пяти царствований: Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II, Павла I и Александра I. Она запечатлела громадный исторический материал, который в значительной степени подтверждается архивными источниками.

Пожалуй, самым интересным в «Записках» предстает образ автора. Эта образованная, умная, энергичная женщина сделала много для развития науки и просвещения в России конца XVIII — начала XIX в.

Г. Н. Моисеева

Приношу глубокую благодарность Галине Александровне Андреевой за помощь в работе над этой книгой.

---

* Алексеев М. П. Пушкин и библиотека Воронцова.— В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Вып. I. Одесса, 1925. С. 92—98; Бондаренко П., Фельдман В. Библиотека Воронцовых в Одесском университете.— В кн.: Альманах библиофила. Вып. X. М., 1981. С. 103—109.

Записки

Часть первая

Я родилась в 1744 г.[1] в Петербурге. Императрица Елизавета[2] уже вернулась к тому времени из Москвы, где она венчалась на царство. Она держала меня у купели, а моим крестным отцом был великий князь, впоследствии император Петр III[3]. Оказанной мне императрицей честью я была обязана не столько ее родству с моим дядей[4], канцлером, женатым на двоюродной сестре государыни, сколько ее дружбе с моей матерью[5], которая с величайшей готовностью, деликатностью, скажу даже — великодушием снабжала императрицу деньгами в бытность ее великой княгиней, в царствование императрицы Анны[6], когда она была очень стеснена в средствах и нуждалась в деньгах на содержание дома и на наряды, которые очень любила.

Я имела несчастье потерять мать на втором году жизни и только впоследствии узнала от ее друзей и людей, хорошо знавших ее и вспоминавших о ней с восхищением и благодарностью, насколько она была добродетельна, чувствительна и великодушна. Когда меня постигло это несчастье, я находилась у своей бабушки с материнской стороны, в одном из ее богатых имений, и оставалась у нее до четырехлетнего возраста, когда ее с трудом удалось убедить привезти меня в Петербург с целью дать мне надлежащее воспитание, а не то, какое я могла получить из рук добродушной старушки-бабушки. Спустя несколько месяцев канцлер, старший брат моего отца, вовсе изъял меня из теплых объятий моей доброй бабушки и стал воспитывать меня со своей единственной дочерью, впоследствии графиней Строгановой. Общая комната, одни и те же учителя, даже платья из одного и того же куска материи — все должно было бы сделать из нас два совершенно одинаковых существа; между тем трудно было найти людей более различных во всех обстоятельствах жизни (обращаю на это внимание тех людей, которые мнят себя сведущими в воспитании и измышляют собственные теории относительно столь важного предмета, имеющего решающее значение для дальнейшей жизни и для счастья людей и вместе с тем столь мало ими исследованного, может быть вследствие того, что все его многочисленные разветвления не могут быть восприняты во всем своем объеме одним умом).

Не буду говорить о моей фамилии; ее старинное происхождение и выдающиеся заслуги моих предков так прославили имя графов Воронцовых [7], что им могли бы гордиться даже люди, гораздо более меня придающие значение знатности рода.

Мой отец, граф Роман [8], младший брат канцлера, был молод, любил жизнь, вследствие чего мало занимался нами, своими детьми, и был очень рад, когда мой дядя, из дружбы к нему и из чувства благодарности к моей покойной матери, взялся за мое воспитание. Мои две старшие сестры [9] находились под покровительством императрицы и, будучи еще в детском возрасте назначены фрейлинами, жили при дворе. В родительском доме оставался только мой старший брат, Александр [10], и я лишь его одного знала с детства; мы с ним

часто виделись, и между нами с раннего возраста возникла привязанность, которая с годами превратилась в неослабное взаимное доверие и верную дружбу. Мой младший брат [11] жил у дедушки в деревне и по возвращении его в город я его редко видела, так же как и моих сестер. Я останавливаюсь на этом, потому что эти обстоятельства оказали влияние на мой характер.

Мой дядя не жалел денег на учителей, и мы — по своему времени — получили превосходное образование: мы говорили на четырех языках, и в особенности владели отлично французским; хорошо танцевали, умели рисовать; некий статский советник преподавал нам итальянский язык, а когда мы изъявили желание брать уроки русского языка, с нами занимался Бехтеев [12]; у нас были изысканные и любезные манеры, и потому не мудрено было, что мы слыли за отлично воспитанных девиц. Но что же было сделано для развития нашего ума и сердца? Ровно ничего. Дядя был слишком занят, и у него не хватало на это времени, а у тетки не было к тому ни способностей, ни призвания: ее характер представлял из себя странное сочетание гордости с необыкновенной чувствительностью и мягкостью сердца.

Только благодаря случайности — кори, которою я заболела,— мое воспитание было закончено надлежащим образом и сделало из меня ту женщину, которою я стала впоследствии. С раннего детства я жаждала любви окружающих меня людей и хотела заинтересовать собой моих близких, но когда, в возрасте тринадцати лет, мне стало казаться, что мечта моя не осуществляется, мною овладело чувство одиночества. К тому времени был издан указ, в силу которого воспрещались всякие сношения с двором тем семействам, в среде которых появлялись прилипчивые болезни, вроде оспы, кори и т. п., из опасения, чтобы великий князь Павел, впоследствии император Павел I [13], ими не заразился. При первых же признаках кори меня отправили в деревню, за семнадцать верст от Петербурга. Кроме моих горничных меня сопровождали одна немка и жена одного майора; но я их не любила, и общение с ними не удовлетворяло моего чувствительного и любящего сердца и тех понятий о счастье, которые я соединяла с присутствием родных и нежных друзей. Болезнь моя пала главным образом на глаза и лишила

меня возможности заниматься чтением, к которому я пристрастилась.

Глубокая меланхолия, размышления над собой и над близкими мне людьми изменили мой живой, веселый и даже насмешливый ум. Я стала прилежной, серьезной, говорила мало, всегда обдуманно. Когда мои глаза выздоровели, я отдалась чтению. Любимыми моими авторами были Бейль [14], Монтескье [15], Вольтер [16] и Буало [17]. Я начала сознавать, что одиночество не всегда бывает тягостно, и силилась приобрести все преимущества, даруемые мужеством, твердостью и душевным спокойствием. Мой брат Александр уехал в Париж еще до моего возвращения в город. С его отъездом я лишилась человека, который своею нежностью мог бы залечить раны, нанесенные моему сердцу окружавшим меня равнодушием. Я была довольна и покойна, только когда погружалась в чтение или занималась музыкой, развлекавшей и умилявшей меня; когда же я выходила из своей комнаты, я всегда грустила; иногда я просиживала за чтением целые ночи напролет, что в связи с моим настроением придавало мне болезненный вид, обеспокоивший не только моего почтенного дядюшку, но и императрицу Елизавету. По ее приказанию меня стал лечить ее лейб-медик Бургав [18]. Внимательно осмотрев меня, он объявил, что физическое мое состояние не оставляет желать ничего лучшего, а что болезненные явления, встревожившие моих друзей, вызваны какой-нибудь сердечной заботой, вследствие чего меня стали осаждать вопросами, не коренившимися, однако, в любви или действительной заботе обо мне. Потому-то я и не дала на них искреннего ответа, тем более что мне пришлось бы признаться в своей гордости, уязвленном самолюбии и раскрыть принятое мною самонадеянное решение собственными силами добиться всего, что было мне доступно,— может быть, то, что я сказала бы, было бы принято за упрек. И я решила не открывать поглощавшей меня тайны и объявила, что мой болезненный вид происходит исключительно от головных болей и расстроенных нервов. Тем временем ум мой зрел и укреплялся. На следующий год, перечитывая книгу «О разуме» Гельвеция [19], я пришла к заключению, что если бы не было второго тома этой книги, более приспособленного к пониманию большин-

ства людей, и если бы ее теория не была приноровлена к состоянию вещей и человеческого ума, свойственному массам, то она могла бы нарушить гармонию и порвать цепь, связующую все столь разнородные части, составляющие государственность. Я потому останавливаюсь на этих мыслях, что они доставили мне впоследствии немало истинных наслаждений.

Шувалов [20], фаворит императрицы Елизаветы, желая прослыть меценатом, выписывал из Франции все вновь появлявшиеся книги. Он оказывал особенное внимание иностранцам; от них он узнал о моей любви к чтению; ему были переданы и некоторые высказанные мною мысли и замечания, которые ему так понравились, что он предложил снабжать меня всеми литературными новинками. Я особенно оценила его любезность на следующий год, когда я вышла замуж и мы переехали в Москву, где в книжных лавках можно было найти только старые, известные сочинения, к тому же уже входившие в состав моей библиотеки, заключавшей в себе к тому времени девятьсот томов. В этом году я купила Энциклопедию [21] и словарь Морери [22]. Никогда драгоценное ожерелье не доставляло мне больше наслаждения, чем эти книги; все мои карманные деньги уходили на покупку книг. Иностранные артисты, литераторы и министры всевозможных иностранных дворов, находившиеся в Петербурге и посещавшие постоянно моего дядю, должны были платить дань моей безжалостной любознательности. Я расспрашивала их об их странах, законах, образах правления; я сравнивала их страны с моей родиной, и во мне пробудилось горячее желание путешествовать; но я думала, что у меня никогда не хватит на это мужества, и полагала, что моя чувствительность и раздражительность моих нервов не вынесут бремени болезненных ощущений, уязвленного самолюбия и глубокой печали любящего свою родину сердца. Я думала, что достигла уже всего, и если бы кто-нибудь мог бы тогда предсказать мне страдания, ожидавшие меня, я бы положила конец своему существованию: у меня уже появлялось предчувствие, предсказывавшее мне, что я буду несчастна. Нежность, которую я питала к брату моему, графу Александру, побуждала меня писать ему часто и аккуратно. Я писала ему два раза в месяц и сообщала ему

городские, дворцовые и военные новости. Этой переписке я обязана сжатым и образным слогом. Мне хотелось заинтересовать его и сделать ему удовольствие, и худо ли, хорошо ли я пишу, своим слогом я обязана этим дневникам, которые я писала для горячо любимого брата.

В ту же зиму великий князь, впоследствии император Петр III, и великая княгиня, справедливо названная Екатериной Великой [23], приехали к нам провести вечер и поужинать. Иностранцы обрисовали меня ей с большим пристрастием; она была убеждена, что я все свое время посвящаю чтению и занятиям, что и привлекло мне ее уважение, оказавшее столь большое влияние на всю мою жизнь и вознесшее меня на такой пьедестал, о котором я никогда не смела и мечтать. Я смело могу утверждать, что кроме меня и великой княгини в то время не было женщин, занимавшихся серьезным чтением. Мы почувствовали взаимное влечение друг к другу, а очарование, исходившее от нее, в особенности когда она хотела привлечь к себе когонибудь, было слишком могущественно, чтобы подросток, которому не было и пятнадцати лет, мог ему противиться, и я навсегда отдала ей свое сердце; однако она имела в нем сильного соперника в лице князя Дашкова [24], с которым я была обручена; но вскоре и он проникся моим образом мыслей, и между ними исчезло всякое соперничество. Великая княгиня осыпала меня своими милостями и пленила меня своим разговором. Возвышенность ее мыслей, знания, которыми она обладала, запечатлели ее образ в моем сердце и в моем уме, снабдившем ее всеми атрибутами, присущими богато одаренным природой натурам. Этот длинный вечер, в течение которого она говорила почти исключительно со мной одной, промелькнул для меня как одна минута. Он и стал первоначальной причиной многих событий, о которых речь будет ниже.

Однако мне надо в своем повествовании вернуться к июлю и августу месяцу, предшествовавшим этому вечеру. Мой дядя, его жена и дочь жили с императрицей в Петергофе и в Царском Селе; легкое нездоровье и любовь к чтению и покойной жизни задержали меня в городе; я изредка ездила в итальянскую оперу [25] и бывала только в двух домах: у княгини Голицыной,

которая очень любила меня, так же как и ее муж, шестидесятипятилетний старик, человек очень интересный, и у госпожи Самариной, муж которой[26] принадлежал к числу приближенных моего дяди и бывал у нас положительно каждый день. Госпожа Самарина была как-то больна, и я пошла провести с нею вечер и поужинать у нее, вследствие чего я отправила свою карету, приказав кучеру приехать за мной к одиннадцати часам вместе с моей горничной. Вечер был чудесный, и сестра госпожи Самариной предложила мне отправить мою карету вперед и пройтись с ней пешком до конца малолюдной улицы. Я согласилась, тем более что мне необходим был моцион. Не успели мы пройти и нескольких шагов, как из боковой улицы вышел нам навстречу человек, показавшийся мне великаном. Меня это поразило, и, когда он был в двух шагах от нас, я спросила свою спутницу, кто это такой. Она назвала князя Дашкова. Я его никогда еще не видала. Будучи знаком с Самариными, он вступил с ней в разговор и пошел рядом с нами, изредка обращаясь ко мне с какой-то застенчивой учтивостью, чрезвычайно понравившейся мне. Впоследствии я не прочь была приписывать эту встречу и благоприятное впечатление, которое мы произвели друг на друга, особому соизволению промысла божия, которого мы не могли избегнуть; так как если бы я слышала когда-нибудь его имя в доме моего дяди, куда он не имел доступа, мне пришлось бы одновременно услышать и неблагоприятные для него отзывы и узнать подробности одной интриги, которая разрушила бы всякие помыслы о браке с ним. Я не знала, что он слышал и что ему было известно обо мне до этой встречи; но, несомненно, его связь с очень близкой моей родственницей, которую я не могу назвать, и его виновность перед ней должны были отнять у него всякую мысль, всякое желание и всякую надежду на соединение со мной. Словом, мы не были знакомы друг с другом, и, казалось, брак между нами не мог бы никогда состояться; но небо решило иначе. Не было той силы, которая могла бы помешать нам отдать друг другу наши сердца, и наша семья не поставила никаких препятствий нашему браку, а его мать, очень желавшая женить сына и тщетно и непрестанно умолявшая его выбрать жену, была вне себя от радости, когда

узнала о принятом им решении вступить в брак. Хотя он и отверг невесту, намеченную ею для него, она осталась довольна его выбором и тем, что он породнится с нашей семьей. Как только князь убедился, что может найти счастье только в браке со мной, он, заручившись от меня согласием поговорить об этом с моими родителями, попросил князя Голицына просить руки у моего отца и дяди в первый же раз, как он будет в Петергофе, и просить их держать это обстоятельство в тайне до возвращения его из Москвы, куда он отправился, чтобы испросить разрешение и благословение своей матери на наш брак.

До отъезда князя ее величество приехала однажды в итальянскую оперу в свою закрытую ложу, находившуюся рядом с нашей. Ее сопровождали только мой дядя и Шувалов, и, так как она намеревалась ужинать после оперы у моего дяди, я осталась дома, чтобы принять ее; князь был со мной. Императрица отнеслась с большой добротой ко мне и к моему жениху и, как настоящая крестная мать, вызвав нас в соседнюю комнату, объявила, что знает нашу тайну, похвалила сыновнее почтение и повиновение князя своей матери, пожелала нам счастья, уверяя нас, что будет всегда принимать участие в нашей судьбе, и в заключение сказала князю, что велит Бутурлину [27] дать ему шестимесячный отпуск для его путешествия. Доброта и очаровательная нежность, которыми ее величество нас осчастливила, до того умилили меня, что мое волнение стало очевидным и своей интенсивностью не могло не отозваться вредно на мне. Императрица ласково потрепала меня по плечу и сказала:

— Успокойтесь, дитя мое; а то, пожалуй, подумают, что я вас бранила.

Я никогда не забывала этой сцены, еще сильнее привязавшей меня к государыне, обнаружившей такое доброе сердце.

По возвращении своем из Москвы князь представился всей моей семье, но свадьба наша была отложена до февраля вследствие тяжелой и опасной болезни моей тетки, жены канцлера; но и к этому сроку моя тетка еще лежала в постели вследствие рецидива; поэтому наша свадьба была отпразднована без малейшего блеска, и нам удалось уехать в Москву только в начале

мая, когда здоровье моей тетки не внушало уже никаких опасений. Передо мной открылся новый мир, новая жизнь, которая меня пугала тем более, что она ничем не походила на все то, к чему я привыкла. Меня смущало и то обстоятельство, что я довольно плохо изъяснялась по-русски, а моя свекровь[28] не знала ни одного иностранного языка. Ее родня состояла все из стариков и старушек, которые относились ко мне очень снисходительно, вследствие того что мой муж был их общим любимцем и все они сильно желали, чтобы он женился, так как он был последний князь Дашков; но я все-таки чувствовала, что они желали бы видеть во мне москвичку и считали меня почти чужестранкой. Я решила заняться русским языком и вскоре сделала большие успехи, вызвавшие единодушное одобрение со стороны моих почтенных родных, в отношении которых я проявила до конца их жизни нежную и почтительную заботливость, завоевавшую их искреннюю дружбу, не ослабевшую даже после смерти моего мужа, когда всякая другая женщина, двадцати лет, могла бы считать соединявшие нас родственные узы расторгнутыми.

На следующий год, 21 февраля, я родила дочь[29]; в мае месяце мы уехали со свекровью в Троицкое. В обществе моего клавесина и моей библиотеки время для меня быстро летит. В июле месяце мы с мужем посетили его орловские поместья. Я была снова беременна, но дорóгой князь окружил меня таким заботливым попечением, что это путешествие не принесло мне никакого вреда. Когда мы вернулись в Москву, отпуск моего мужа приходил к концу, и мы написали моему отцу, чтобы он испросил нам разрешение его продлить. Императрица Елизавета была слаба и часто болела, и ее приближенные стали ухаживать за наследником; кажется, это и доставило великому князю более прямое командование лейб-гвардии Преображенским полком, в котором он числился подполковником; мой муж был штабс-капитаном в том же полку, так что пришлось испрашивать у великого князя продление отпуска еще на пять месяцев, дабы я могла оправиться после родов. Великий князь, может быть думая сделать любезность, объявил, что не разрешит отпуска, если князь не приедет на две недели в Петербург. Мой отец

настаивал на том, чтобы мой муж приехал, уверяя его, что великий князь настроен очень дружественно. Я была безутешна, и мысль о разлуке с мужем меня так печалила, что я не могла даже наслаждаться его присутствием, пока он был еще со мной, и с грустью думала о горестной разлуке и печальном прощании. Такое состояние духа отразилось на моем здоровье, и когда, наконец, мой муж уехал 8 января, я была так огорчена, что у меня сделался жар, который скорее гнездился в моих нервах и моем мозгу, чем в крови; кажется, благодаря тому, что я упорно отказывалась принимать лекарства, предписанные мне докторами, через несколько дней у меня все прошло. Я много плакала и этим облегчила свое стесненное сердце и натянутые нервы и благодаря наступившей большой слабости и нежным попечениям моей младшей золовки я отложила в сторону свое перо, которым собиралась писать день и ночь своему мужу. Не надо забывать, что мне было всего семнадцать лет и что я страстно любила своего мужа. Их императорские высочества были очень милостивы к нему и приглашали его принимать участие в катанье на санях в Ораниенбауме [30], благодаря которому он простудился и схватил ангину. Но, зная, что его мать и жена будут сильно беспокоиться, если он не приедет в назначенный день, он выехал из Петербурга с больным горлом. Во время путешествия он выходил из экипажа только для того, чтобы смочить горло чаем. Подъезжая к московской заставе, он почувствовал, что потерял голос и не может выговорить ни слова; зная, что его появление в таком виде среди нас могло бы повлечь за собой тяжелые последствия, так как его мать и жена теряли голову при малейшем его нездоровье, он знаком объяснил своему лакею, что он желает сперва поехать к своей тетке Новосильцевой, чтобы прополоскать горло, дабы иметь возможность сказать хоть несколько слов, приехав к нам; но моя тетка, видя его совершенно больным, заставила его лечь в постель и послала за доктором. Чтобы не возбуждать наших подозрений, решили задержать почтовых лошадей, чтобы на следующий день приехать к нам, как бы прямо из Петербурга; доктор нашел, что князь начинает по-

теть, и велел ему оставаться в постели до утра. Это было 1 февраля, и хотя мороз не был велик, но безопаснее было не подвергать больного риску новой простуды. Однако то, что произошло у нас после приезда князя, могло бы иметь роковые последствия. Моя горничная, которая была моих лет и очень легкомысленна, знала, что у меня начались уже родовые боли; моя свекровь и ее сестра княгиня Гагарина [31], присутствовавшая при первых моих родах, уже несколько часов находились в моей комнате вместе с акушеркой. Несмотря на это, воспользовавшись тем, что я вышла на минуту в другую комнату, она объявила мне, что муж мой приехал. Я испустила крик, который, к счастью, не был услышан моей свекровью, бывшей в соседней комнате. Горничная стала умолять меня держать это в тайне, так как князь запретил объявлять нам о своем прибытии, так как, приехав в Москву, он остановился у своей тетки. Надо себе представить семнадцатилетнюю безумно влюбленную женщину, с горячей головой, которая не понимала другого счастья, как любить и быть любимою, и на богатства и знатность смотрела как на ненужное и тяжелое бремя, отягчавшее ее счастье и спокойствие, чтобы вообразить, какое действие произвели на меня необдуманные слова моей горничной. Я собралась с силами и с самым спокойным видом вернулась к княгине-матери и объявила, что болей у меня нет и что я приняла желудочные колики за родовые схватки и что, по всей вероятности, роды будут продолжаться не менее двадцати часов, как и в первый раз; вследствие чего я и попросила их удалиться к себе, обещая, что, когда настанут настоящие боли, я позволю себе обеспокоить их и пригласить к себе. Когда они ушли, я спросила акушерку, не желает ли она за мной следовать. Она вытаращила глаза и, сомневаясь в моем здравом рассудке, объяснила на своем силезском наречии, что она не намерена поощрять безумного поступка, не желая отвечать перед богом за смерть невинного ребенка, так как она уверена, что я рожу через несколько часов. В отчаянии от ее отказа я с волнением рассказала ей, что хочу пойти в соседнюю улицу навестить мужа, который, должно

быть, болен или ранен, потому что не приехал прямо домой, и что в случае ее отказа я пойду одна, причем прибавила, что придется идти пешком.

— Господи,— воскликнула она,— это еще хуже!

— Ничего не поделаешь,— ответила я,— окна спальни моей свекрови выходят во двор, и она услышала бы шум, если бы я велела заложить сани, испугалась бы до смерти и, кроме того, не выпустила бы меня.

Наконец акушерка сжалилась надо мной, и я вышла, поддерживаемая ею и стариком лакеем, всегда читавшим вслух моей свекрови молитвы. Не успела я сойти две или три ступеньки, как боли возобновились; тогда акушерка хотела заставить меня снова подняться в свою комнату, но я вытянула ноги и, наваливаясь на нее всей тяжестью своего тела, старалась спуститься вниз. Наконец мы с остановками сошли с лестницы и вышли на улицу; по дороге к дому нашей тетки схватки возобновлялись пять раз.

Не понимаю, как я могла подняться по лестнице ее дома; очевидно, господу богу было угодно, чтобы я вынесла эту муку.

Войдя в комнату, где находился мой муж, и увидев его смертельную бледность, я упала в обморок; меня без сознания вынесли из дома, уложили в сани, на которые положили матрац, привезли к нашему дому и бесшумно вынесли меня из саней, чтобы моя свекровь ничего не слыхала. Акушерка, мой добрый старик и трое лакеев снесли меня в спальню, где я пришла в сознание вследствие жестоких схваток. Я послала за свекровью, которая приказала себя разбудить в случае надобности. Было одиннадцать часов вечера, когда княгиня-мать и ее сестра пришли ко мне. Не прошло и часу, как я родила сына Михаила[32]. Когда моя свекровь на минуту отошла от меня, я велела своей горничной послать старика к мужу, чтобы возвестить ему, что я благополучно разрешилась от бремени сыном. Впоследствии муж приводил меня в ужас своим рассказом о моем появлении у его постели в сопровождении акушерки и старика и о моем обмороке. Будучи уверен, что никто у нас в доме не знает о его прибытии, он сильно рассердился, увидав, что тайна не была со-

блюдена; узнав, что роды уже начались, он пришел в ужас и хотел выскочить из постели; моя тетка бегала по комнате, ломая себе руки, и только когда она ему сказала, что его мать спит и не знает о происшедшем, ей удалось уговорить его лечь опять в постель; когда же пришел старик, он снова бросился вон из постели, но вскоре его отчаяние сменилось безумной радостью: он целовал старика лакея, одарил его деньгами и, отказавшись лечь в постель, велел немедленно же позвать священника и отслужить благодарственный молебен, так что, благодаря моей выходке, моя тетка и весь ее дом были всю ночь на ногах.

В шесть часов утра, когда его мать обыкновенно ездила к ранней обедне, он велел заложить почтовых лошадей и приехал домой. Свекровь увидела его карету въезжающей во двор, вышла встретить его на лестницу, но, увидев его бледное лицо и горло, закутанное платками, бросилась вниз, и, если бы мой муж со свойственной ему ловкостью и силой не успел подхватить ее вовремя, произошла бы еще одна трагическая сцена. Словом, чрезмерная любовь к нему его жены и матери немало измучили его за эти два дня. Он понес свою мать не в ее комнату, а на нашу половину, и таким образом он мог сразу пройти ко мне. Наша радость, удвоенная пережитыми страхами, подкрепила наши силы; княгиня-мать, желая сохранить приличия*, велела поставить кровать моего мужа в его уборную, смежную с моей спальней, и мы с мужем испытывали муки Тантала [33]: не могли ни видеть друг друга, ни разговаривать. Я чувствовала, что мужу моему было удобнее в отдельной комнате; сама же я была слишком слаба, чтобы встать и пойти к нему украдкой, так что мне оставалось только плакать. Но вскоре мы придумали средство сообщаться. Свекровь приставила ко мне старушку горничную, которая сидела со мной по ночам; она служила нам Меркурием [34]; как только свекровь уходила спать, мы писали друг другу самые нежные записки, старушка носила их;

---

* Согласно установившемуся обычаю, родные и друзья приносили поздравления роженице. (Примечания в тексте, кроме иноязычных слов и особо оговоренных случаев, принадлежат Е. Р. Дашковой.)

ночью, когда мой муж спал, я писала ему еще с тем, чтобы он утром, просыпаясь, мог получить письмо от меня из рук нашего услужливого Меркурия. Это занятие, внушенное безграничной нежностью, холодным рассудительным людям, которых я, в свою очередь, назову бессердечными, пожалуй, покажется ребячеством,— а у меня от постоянных слез и писания по вечерам стали болеть глаза. Теперь, когда прошло уже сорок печальных лет с тех пор, что я потеряла обожаемого мужа, я радуюсь тому, что поддалась этому ребяческому влечению. Мой Меркурий, очевидно опасаясь за мои глаза, на третий день выдал меня свекрови, которая побранила меня и даже погрозила, но уже значительно смягчившись, отнять у меня перо и бумагу. К счастью для нас всех, нарыв в горле князя лопнул, лихорадка спала, и он мог сидеть возле меня. Мое выздоровление затянулось, но когда мне удалось набраться хоть немного сил, мои семнадцать лет быстро восстановили мое здоровье.

Мы не поехали в деревню, так как должны были отправиться в Петербург; я была рада повидаться с родными и очутиться в прежней обстановке, с детства мне знакомой и столь различной от склада московской жизни, когда я часто становилась в тупик перед некоторыми странными обычаями, с которыми мне приходилось сталкиваться во многих домах: все так отличалось от того, как делалось в доме моего дяди — а дом моего дяди [35] представлял из себя действительно княжеский дворец в самом изысканном европейском вкусе,— что часто я была в большом затруднении.

Мы должны были выехать 10 июня, но различные дела и просьбы моей свекрови задержали нас, так что мы приехали в Петербург только 28 июня. Этот же день, год спустя, был самым славным и достопамятным днем для моей родины. И в этот раз он мне показался сладостным и счастливым; я с любопытством смотрела в окно; Петербург мне показался великолепным, и я надеялась встретить на улице кого-нибудь из родных; когда мы приехали в дом, снятый моим мужем, я была как в лихорадке. Водворив мою дочь в соседней со мной комнате, я отправилась к отцу и к дяде, но ни того, ни другого не застала дома.

На следующий день отец объявил мне, что по приказанию императрицы все офицеры Преображенского полка с женами, которые получили приглашение от их императорских высочеств, должны были ехать в Ораниенбаум. Мы с мужем были в их числе. Мне неприятно было подвергаться стеснениям придворной жизни и не хотелось расставаться с дочерью. Тогда мой отец предложил нам поселиться в его доме [36], находившемся на полпути между Петергофом и Ораниенбаумом, и я успокоилась. Вскоре мы переселились на новую квартиру и на следующий же день поехали ко двору их высочеств.

Великий князь сказал мне: «Если вы не хотите здесь жить, вы должны приезжать каждый день, и я желаю, чтобы вы были больше со мной, чем с великой княгиней». Я ничего не ответила и решила под всевозможными предлогами не ездить каждый день в Ораниенбаум, а при своих посещениях пользоваться, насколько возможно, обществом великой княгини, которая оказывала мне такое внимание, каким она не удостаивала ни одну из дам, живших в Ораниенбауме.

Великий князь вскоре заметил дружбу ко мне его супруги и то удовольствие, которое мне доставляло ее общество; однажды он отвел меня в сторону и сказал мне следующую странную фразу, которая обнаруживает простоту его ума и доброе сердце:

— Дочь моя*, помните, что благоразумнее и безопаснее иметь дело с такими простаками, как мы, чем с великими умами, которые, выжав весь сок из лимона, выбрасывают его вон**.

Я ответила, что не понимаю смысла его слов, и напомнила ему, что его августейшая тетка, императрица Елизавета, приказала нам посещать и двор ее высочества. Я должна отдать справедливость моей сестре, графине Елизавете, что она не требовала, чтобы я посвящала ей свое время. Она меня ничем не стесняла, а великий князь с того времени вывел заключение, как

* Он был моим крестным отцом.

** Я часто вспоминала эти слова впоследствии и благодаря случайности узнала, из какого источника они исходили и кто их подсказал моему крестному отцу.

мне пришлось убедиться, что я просто дурочка. Все-таки мне часто не удавалось уклониться от праздников, которые великий князь задавал в лагерях; его высочество и его генералы сильно курили, но дым нас не беспокоил, так как порывы ветра уносили его из палатки*. Эти празднества заканчивались обыкновенно балом и ужином в «зеленой» зале, стены которой были убраны еловыми и сосновыми ветвями. В лагере и на праздниках, задаваемых великим князем, говорили преимущественно на немецком языке, а те, кто им не владел, должны были знать по крайней мере имена и общеупотребительные выражения, чтобы не стать предметом насмешек. Когда праздник происходил в имении, принадлежавшем великому князю, где дом был невелик и не вмещал много народу, общество не было так многочисленно; после чаю и пунша играли в кампи [37], довольно бессмысленную игру, которую великий князь, однако, очень любил. Как это времяпрепровождение отличалось от тех часов, которые мы проводили у великой княгини, где царили приличие, тонкий вкус и ум! Ее императорское высочество относилась ко мне с возрастающим дружелюбием; зато и мы с мужем с каждым днем все сильнее и сильнее привязывались к этой женщине, столь выдающейся по своему уму, по своим познаниям и по величию и смелости своих мыслей. Ей разрешалось один раз в неделю ездить в Петербург, где жила в то время императрица, на свидание со своим сыном, великим князем Павлом**. В те дни, когда она знала, что я не нахожусь в Ораниенбауме, она на обратном пути из Петергофа останавливалась у нашего дома, приглашала меня в свою карету и увозила к себе; я с ней проводила остаток вечера. В тех случаях, когда она сама не ездила в Ораниенбаум, она меня извещала об этом письмом, и таким образом

---

* Эти голштинские генералы набирались большею частью из прусских унтер-офицеров или немецких сапожников, покинувших родительские дома. Кажется, никогда в России не бывало генералов менее достойных своего чина, за исключением разве гатчинских генералов Павла I.

** Великий князь проявлял по отношению к сыну полное равнодушие и никогда его не посещал.

между великой княгиней и мной завязалась переписка и установились доверчивые отношения, составлявшие мое счастье, так как я была так привязана к ней, что, за исключением мужа, пожертвовала бы ей решительно всем.

Когда настало время вернуться в город, порядок вещей изменился. Я не видела больше великой княгини, и мы обменивались только довольно частыми записками. Однажды во время большого обеда на восемьдесят персон во дворце, на котором присутствовала и великая княгиня, великий князь стал говорить про конногвардейца Челищева, у которого была интрига с графиней Гендриковой, племянницей императрицы Елизаветы. Под влиянием вина и прусской солдатчины он сказал, что для примера следовало бы отрубить Челищеву голову, чтобы другие офицеры не смели ухаживать за фрейлинами и родственницами государыни. Голштинские приспешники не замедлили кивками головы и словами выразить свое одобрение.

— Ваше императорское высочество,— возразила я,— я никогда не слышала, чтобы взаимная любовь влекла за собой такое деспотическое и страшное наказание, как смерть избранника сердца!

— Вы еще ребенок,— ответил великий князь,— и не понимаете, что когда имеешь слабость не наказывать смертью людей, достойных ее, то неминуемо водворяются неповиновение и всевозможные беспорядки.

— Ваше высочество,— продолжала я,— вы говорите о предмете, внушающем всем присутствующим неизъяснимую тревогу, так как, за исключением ваших почтенных генералов, все мы, имеющие честь быть вашими гостями, родились в то время, когда смертная казнь уж не применялась[38].

— Это-то и скверно,— возразил великий князь,— отсутствие смертной казни вызывает много беспорядков и уничтожает дисциплину и субординацию.

Все молчали кругом, и разговор шел только между нами двумя.

— Повторяю,— добавил он,— что вы еще ребенок и не понимаете подобных вещей.

— Сознаюсь, ваше императорское высочество, что

я действительно ничего в этом не понимаю, но я чувствую и знаю, что ваше высочество забыли, что императрица, ваша августейшая тетка, еще жива.

Взоры всех присутствующих устремились на меня. Великий князь в ответ показал мне язык (он делал это и в церкви по адресу священников), чему я была очень рада, так как эта выходка доказывала, что он на меня не сердится, и избавляла меня от дальнейших возражений.

Так как среди приглашенных было много гвардейцев и офицеров, служивших в кадетском корпусе, над которым великий князь имел фиктивную команду, то этот разговор стал вскоре известен всему Петербургу и вызвал всеобщие и преувеличенные похвалы по моему адресу. На следующий день великая княгиня также отзывалась о нем самым лестным для меня образом. Я же не придавала ему никакого значения, так как вследствие моей неопытности и незнания света и придворной жизни я не понимала еще, насколько опасно было исполнять то, что я считала долгом каждого честного человека: всегда говорить правду. Я не знала, что то, что мне простит сам государь, царедворцы его никогда не забудут. Однако этому маленькому обстоятельству, в связи еще с несколькими другими в таком же роде, я обязана тем, что у меня составилась репутация искренней и твердой патриотки, и благодаря этому некоторые офицеры не колеблясь облекли меня своим доверием.

Болезнь императрицы Елизаветы усиливалась с каждым днем. Вся моя семья, и в особенности мой дядя, канцлер, была погружена в глубокую печаль, которую я искренне разделяла, так как любила всем сердцем императрицу, мою крестную мать; и кроме того, мое пребывание в Ораниенбауме открыло мои глаза на то, что ожидало мою родину, когда на престол вступит государь ограниченный, необразованный, не любивший свой народ и ставивший себе в заслугу свое подчинение прусскому королю, которого он величал в кругу своих друзей своим «господином».

В половине декабря я заболела и пролежала некоторое время в постели; но, узнав, что государыне оста-

ется всего несколько дней жизни, я 20 декабря одела теплые сапоги, закуталась в шубу и, выйдя из кареты в некотором расстоянии от деревянного дворца на Мойке, занимаемого императрицей и императорской фамилией, несмотря на свое недомогание, пошла пешком во дворец и взошла по маленькой лестнице, о существовании которой я знала через людей их высочеств, с целью незаметно проникнуть в столь поздний час в покои великой княгини (было двенадцать часов ночи). По счастливой случайности, первая камеристка ее высочества [39], Екатерина Ивановна, попалась мне навстречу в сенях и таким образом избавила меня от возможных неприятностей, так как я вовсе не знала внутреннего расположения дворца и могла легко попасть в комнаты лакеев Петра III вместо апартаментов его супруги. Я назвала себя и сказала, что мне надо видеть великую княгиню.

— Она в постели,— ответила она.

— Все равно,— возразила я,— мне непременно надо с ней поговорить.

Я сумела внушить ей доверие, и она, впустив меня в приемную, пошла доложить обо мне ее высочеству. Великая княгиня была крайне удивлена и не хотела верить словам Екатерины Ивановны, так как знала, что я больна, и не могла себе представить, чтоб я пришла пешком, в сильный мороз, и рискнула проникнуть во дворец, где все ходы и выходы были строго охраняемы.

— Впустите ее, ради бога,— воскликнула она.

Я вошла. Великая княгиня действительно была в постели; она посадила меня на кровать и отказалась меня слушать, пока я не согрею свои ноги.

Когда я немного пришла в себя и отогрелась, она меня спросила:

— Что привело вас в такой поздний час ко мне, дорогая княгиня, и заставило вас рисковать вашим здоровьем, столь драгоценным для меня и для вашего супруга?

— Ваше высочество,— ответила я,— я не могла дольше противиться потребности узнать, какими средствами можно рассеять грозовые тучи, которые соби-

раются над вашей головой. Ради бога, доверьтесь мне; я заслуживаю вашего доверия и надеюсь стать еще более достойной его. Скажите, какие у вас планы? Чем вы думаете обеспечить свою безопасность? Императрице остается всего несколько дней, может быть — несколько часов жизни; могу ли я быть вам полезной? Скажите мне, что мне делать.

Великая княгиня залилась слезами; она прижала мою руку к своему сердцу и сказала:

— Я не умею вам выразить, насколько я вам благодарна, моя дорогая княгиня. Поверьте мне, что я доверяю вам безгранично и говорю чистейшую правду; у меня нет никакого плана, я не могу ничего предпринять, и я хочу и должна мужественно вынести все, что меня ожидает; единственная моя надежда — на бога; предаю себя в его руки.

— В таком случае за вас должны действовать ваши друзья,— ответила я,— и я не останусь позади других в рвении и жертвах, которые я готова принести вам.

— Ради бога, княгиня, не подвергайте себя опасности из-за меня и не навлекайте на себя несчастий, о которых я буду вечно скорбеть. Да и что можно сделать?

— Пока я, конечно, ничего еще вам не могу сказать, но смею вас уверить, что я вас своими действиями не скомпрометирую, и если и пострадаю, то пострадаю одна, и вам никогда не придется вспоминать о моей преданности к вам в связи с личным горем или несчастьем.

Великая княгиня хотела со мной еще поговорить и предостеречь меня от моего рвения, энтузиазма и неосторожности, неразлучной с неопытностью моего семнадцатилетнего возраста; но я прервала ее и сказала, поцеловав ей руку:

— Я не могу дольше остаться с вами, не рискуя подвергнуть неприятностям нас обеих.

Она бросилась мне на шею, и мы несколько минут сидели, крепко обнявшись. Наконец я встала с ее постели и, оставив ее в сильном волнении, сама едва добрела до своей кареты.

Каково было удивление моего мужа, когда, вернувшись домой, он не застал своей больной жены. Однако ему пришлось беспокоиться недолго, так как я приехала тотчас же по его возвращении. Когда я ему рассказала, где я была, и сообщила свое твердое решение послужить моему отечеству и спасти великую княгиню, он меня вполне одобрил и похвалил выше всякой меры, хотя и беспокоился за влияние моей ночной прогулки на мое слабое здоровье. Мой муж задержался у моего отца и вознаградил меня за мою усталость, тревогу и за опасность, которой я подвергалась, передав мне часть своего разговора с ним, не оставившего во мне сомнения в том, что он если и не высказывал, то во всяком случае разделял опасения истинных патриотов насчет результатов воцарения нового государя по смерти Елизаветы.

25 декабря, в день рождества Христова, мы имели несчастье потерять императрицу Елизавету. Я могу засвидетельствовать как очевидец, что гвардейские полки (из них Семеновский и Измайловский прошли мимо наших окон), идя во дворец присягать новому императору, были печальны, подавлены и не имели радостного вида (как то утверждают некоторые авторы мемуаров о России, записывавшие только то, что соответствовало их образу мыслей, хотя девять десятых жителей Петербурга могли бы засвидетельствовать совершенно противоположное). Солдаты говорили все вместе, но каким-то глухим голосом, порождавшим сдержанный и зловещий ропот, внушавший такое беспокойство и отчаяние, что я была бы рада убежать за сто верст от своего дома, чтобы его не слышать. Мой муж был в другом конце города, в Преображенском полку. Я еще не знала о смерти Елизаветы, но шествие двух вышеупомянутых полков возвестило мне о ее кончине. День рождества Христова, считающийся у нас одним из самых больших праздников, торжественно чтимых народом, казался мрачным, траурным днем; все лица были печальны. Я была больна и не видела никого из своих. Государственный канцлер также лежал больной в постели; на третий день его неожиданно посетил импе-

ратор; он прислал и мне сказать, чтобы я приехала к нему вечером, но я отговорилась нездоровьем; на следующий день повторилось то же самое; наконец на шестой день моя сестра написала мне, что государь недоволен тем, что я не приезжаю, и не верит моей болезни. Не желая вызывать неприятного объяснения между императором и моим мужем, я после обеда поехала сначала к моему отцу и к дяде, а затем отправилась во дворец; императрицу мне не удалось увидеть, так как она выходила из своей комнаты, только чтобы поклониться телу своей тетки и понаблюсти за исполнением обычных в подобных случаях обрядов. Она все время плакала, и я имела сведения о ней только через ее лакея.

Когда я вошла в гостиную, Петр III сказал мне нечто, что относилось к моей сестре [40] и было так нелепо, что мне не хочется и повторять его слова. Я притворилась, что не поняла их, и поспешила присоединиться к игре в кампи; она обходилась мне немного дорого, так как ставка была на десять империалов (сто рублей), причем всегда выигрывал император, так как он не брал фишек, и когда проигрывал, то вынимал из кармана империал, чтобы покрыть им пульку, но так как у него в кармане было, конечно, более десяти империалов, то он всегда в конце концов срывал пульку. Когда его величество предложил сыграть вторую пульку, я попросила его избавить меня от участия в ней; но государь настаивал, предлагая даже играть со мной пополам, но я, напустив на себя ребячески глупый вид, ответила, что недостаточно богата, чтобы позволить так обирать себя, и что, если бы его величество клал деньги на стол, как все мы, у нас была бы еще возможность выиграть, но так как он играл, держа деньги в кармане, и мы не могли угадать, сколько их у него, то он, конечно, будет неизменно выигрывать и пользоваться нашими ставками.

Сознаюсь, что это было несколько дерзко; но надо себе представить, какое отвращение мне внушала подобная низость со стороны государя; кроме того, мой муж не пользовался доходами со своих имений, унаследованных им от отца, и, повинуясь своей сыновней

почтительности и любви к матери, предоставлял их ей, несмотря на то что у него самого было много долгов, а сам довольствовался той небольшой сравнительно суммой, которую она присылала на наше содержание; меня пугала одна мысль увеличить денежные затруднения моего мужа, и это может служить оправданием моих смелых слов.

Государь не обиделся на меня и, по-прежнему принимая меня за упорного и, пожалуй, глупого ребенка (ему казалось, что он еще так недавно держал меня у купели), ответил мне какой-то плоской шуткой и разрешил не принимать участия в игре. Общество как в этот вечер, так и почти во все последующие состояло из двух братьев Нарышкиных с супругами [41], Измайлова [42] с женой, графини Елизаветы [43], Мельгунова [44], Гудовича [45], Унгерна [46], адъютанта императора, графини Брюс [47] и еще двух-трех лиц, которых я не помню. Все смотрели на меня с удивлением, и я слышала, как они говорили между собой: «Вот мужественная женщина!» (То же самое говорили по-немецки голштинские генералы в Ораниенбауме, думая, что я не понимаю их языка.) Остальное общество было в соседней комнате; проходя через нее, мне казалось, что я попала в маскарад. На всех были другие мундиры; даже старик князь Трубецкой [48] был затянут в мундире, в ботфортах со шпорами. Этот старый царедворец, никогда не бывший военным, захотел им сделаться в семьдесят лет. До самой смерти императрицы он лежал с распухшими до невероятных размеров ногами, а в день ее кончины побежал отдавать приказания офицерам Измайловского полка, куда он незадолго перед этим был назначен подполковником. Гвардейские полки играли значительную роль при дворе, так как составляли как бы часть дворцового штата. Они не ходили на войну; князь Трубецкой, занимая одно время и гражданскую должность, не исполнял своих обязанностей командира. Меня даже уверяли, что он, подобно нищим, знал средство, вызывающее опухоль на любой части тела.

Все придворные и знатные городские дамы, соответственно чинам своих мужей, должны были поочередно

дежурить в той комнате, где стоял катафалк; согласно нашим обрядам, в продолжение шести недель священники читали Евангелие*; комната была вся обтянута черной материей, кругом катафалка светилось множество свечей, что в связи с чтением Евангелия придавало ей особенно мрачный, величественный и торжественный вид. Императрица приходила почти каждый день и орошала слезами драгоценные останки своей тетки и благодетельницы. Ее горе привлекало к ней всех присутствующих. Петр III являлся крайне редко, и то только для того, чтобы шутить с дежурными дамами, подымать на смех духовных лиц и придираться к офицерам и унтер-офицерам по поводу их пряжек, галстуков или мундиров.

Наибольшим расположением императора, после прусского министра, пользовался английский, Кейт [49]. Этот почтенный старец любил меня, как родную дочь. Мы с мужем и княгиня Голицына (о которой я упоминала выше) обедали у него каждую неделю; его звали Романом, как и моего отца, вследствие чего он в шутку называл меня своей дочерью, когда не было посторонних. Он часто говорил в интимном кругу, что император точно намеренно старается навлечь на себя всеобщее неудовольствие, а может быть, и презрение. Он бывал очень неучтив с остальными иностранными министрами, которым, конечно, не могло нравиться его обращение с ними.

Однажды император послал сказать моему дяде канцлеру, что будет ужинать у него. В тот день дядя был болен и, конечно, не особенно радовался предстоящему ужину. Он послал за моей сестрой, графиней Бутурлиной, и за моим мужем и мной. Император приехал в семь часов и до ужина сидел в комнате больного; он разрешил дяде не присутствовать на нем. Графиня Строганова, графиня Бутурлина и я, пользуясь отсутствием дяди, не сели за стол и под тем предлогом, что хотели угощать гостей, ходили кругом стола. Это даже пришлось по вкусу императору, ненавидевшему всякий

---

* Евангелие читается у гроба коронованных особ и епископов; по смерти частных лиц читают псалмы.

этикет и церемонии. Я стояла за его стулом в то время, как он рассказывал австрийскому послу, графу Мерси[50], и прусскому министру[51], как в бытность его в Киле, в Голштинии, еще при жизни своего отца, ему поручено было изгнать богемцев из города; он взял эскадрон карабинеров и роту пехоты и в один миг очистил от них город. Граф Мерси бледнел и краснел, не зная, подразумевает ли император под богемцами кочующих цыган или подданных его императрицы, королевы Венгрии и Богемии. Ему было тем более неловко, что он знал, что уже отправлен был приказ об отделении нашей армии от австрийской. Не надо забывать, что в обращении с императором я всегда принимала тон балованного, упрямого ребенка и называла его «папой». Я наклонилась над ним и сказала ему тихо по-русски, что ему не следует рассказывать подобные вещи иностранным министрам и что если в Киле и были нищие цыгане, то их выгнала, вероятно, полиция, а не он, который к тому же был в то время совсем ребенком.

— Вы маленькая дурочка,— ответил он,— и всегда со мной спорите.

Он успел уже выпить много вина, и я была убеждена, что он забудет на следующий день наш разговор. Я отошла от его стула как ни в чем не бывало. Однажды, когда я была у государя, он, к величайшему удивлению всех присутствовавших, по поводу разговора о прусском короле начал рассказывать Волкову[52] (в предыдущее царствование он был первым и единственным секретарем Конференции), как они много раз смеялись над секретными решениями и предписаниями, посылаемыми Конференциею в армии; эти бумаги не имели последствий, так как они предварительно сообщали о них королю. Волков бледнел и краснел, а Петр III, не замечая этого, продолжал хвастаться услугами, оказанными им прусскому королю на основании сообщенных ему Волковым решений и намерений совета.

Император приходил в придворную церковь лишь к концу обедни; он гримасничал и кривлялся, передразнивая старых дам, которым он приказал делать

реверансы на французский лад вместо русского наклонения головы. Бедные старушки едва удерживались на ногах, когда им приходилось сгибать колени, и я помню, как графиня Бутурлина, свекровь моей старшей сестры, чуть не упала, приседая перед государем; к счастью, ее успели поддержать.

Петр III был совершенно равнодушен к великому князю Павлу и никогда его не видал; зато маленький князь каждый день видался с матерью. Воспитателем его был старший из братьев Паниных[53], отозванный покойной императрицей, возложившей на него эти обязанности. Когда в Петербург приехал герцог Георгий Голштейн-готторпский[54], родной дядя императора и императрицы (он был брат матери государыни — принцессы Ангальт-Цербтской), Панин, через посредство Сальдерна[55], состоявшего при особе принца Георгия (впоследствии он играл большую роль и был русским послом при польском дворе), попросил принца Голштейн-готторпского и другого принца Голштинского[56] (более отдаленного родственника их величеств) предложить государю присутствовать при экзамене великого князя. Император склонился только на их усиленные просьбы, ссылаясь на то, что он ничего не поймет в экзамене. По окончании испытания император громко сказал своим дядям: «Кажется, этот мальчуган знает больше нас с вами».

Он хотел наградить его чином гвардейского унтерофицера, и Панин с трудом уговорил его не приводить своего намерения в исполнение под предлогом, что подобная честь разовьет тщеславие в великом князе и он, вообразив себя взрослым, не станет заниматься. Петр III совершенно согласился с этими доводами, не подозревая того, что Панин смеется над ним в душе. Он вообразил также, что вознаградит самого Панина наилучшим образом, если возведет его в чин генерал-аншефа, что и было объявлено Панину Мельгуновым на следующий день. Чтобы понять, насколько это было неприятно для Панина, надо знать, что ему было сорок восемь лет, он был слаб здоровьем, любил покой, всю свою жизнь провел при дворе или в должности министра при иностранных дворах, носил парик à trois mar-

teaux*, очень изысканно одевался, был вообще типичным царедворцем, несколько старомодным и напоминавшим собой придворных Людовика XIV[57], ненавидел солдатчину и все, что отзывалось кордегардией[58]. Он объявил Мельгунову, что ему решительно не верится, чтобы император удостоил именно его подобной милости, и что, если ему нельзя будет уклониться от своей новой карьеры, он скорее решится дезертировать в Швецию. Императору казалось столь непонятным, чтобы кто-нибудь мог отказаться от генеральского чина, что он сказал:

— Мне все твердили, что Панин умный человек. Могу ли я теперь этому верить?

Его величество принужден был дать ему соответствующий гражданский чин.

Пора мне упомянуть о родственных узах, которыми были связаны Панины с моим мужем. Младший брат Панин[59] был генералом в армии, находившейся в Пруссии. Оба они были двоюродными братьями моей свекрови; их матери, рожденные Еверлаковы, вышли замуж за Леонтьева[60] и Панина; следовательно, сыновья последней приходились дядями моему мужу. Старший из них отправлен был чрезвычайным послом, еще когда я была в колыбели; я познакомилась с ними в сентябре месяце по возвращении нашем из Ораниенбаума и видалась с ними очень редко до той минуты, как в царствование Петра III заговор стал принимать более определенную форму. Он очень любил моего мужа и сохранил благодарное воспоминание о добром отношении к ним моего отца в его молодые годы. Однако, несмотря на наши столь естественные родственные отношения и мою страсть к мужу, после переворота, когда я стала предметом всеобщей зависти, клевета называла этого почтенного дядю то моим любовником, то моим отцом, так как он якобы был любовником моей матери. Он оказал серьезные услуги моему мужу и был благодетелем моих детей; не будь этого, я бы ненавидела Панина, потому что из-за него пятнали мою репутацию. Должна

---

* Парик, который имел длинный локон между двумя бантами *(фр.)*.

сознаться, что я больше уважала младшего брата, генерала, за его солдатскую простосердечность, откровенность и твердость характера, гораздо более подходившего к моему характеру, и при жизни его первой жены, которую я любила и уважала от всего сердца, я бывала чаще в обществе генерала Панина, чем его брата.

Но довольно об этом предмете, который раздражает меня еще и сейчас.

Однажды, в первой половине января, утром, в то время как гвардейские роты шли во дворец на вахтпарад и для смены караула, императору представилось, что рота, которою командовал князь, не развернулась в должном порядке. Он подбежал к моему мужу, как настоящий капрал, и сделал ему замечание. Князь отрицал это сначала довольно спокойно, но, когда его величество стал настаивать, князь, который был очень несдержан, если дело касалось хоть самым отдаленным образом его чести, ответил с такой горячностью и энергией, что император, который о дуэли имел понятия прусских офицеров, счел себя, по-видимому, в опасности и удалился так же поспешно, как и подбежал.

Мои родители и я, узнав об этой сцене, вывели из нее заключение, что император не всегда будет отступать перед моим мужем и что найдутся люди, которые объяснят государю, что он имеет полную возможность заставить отступить моего мужа. Мы и решили, что безопаснее всего будет разъединить их на некоторое время. Я в особенности настаивала на этом, так как по какому-то вдохновению была убеждена в том, что император будет свергнут с престола, и твердо решила принять участие в его низложении. Я страстно желала, чтобы мой муж в это время был за границей, чтобы в случае, если на меня обрушится несчастье, он не разделял бы его со мной. Так как не ко всем еще дворам были отправлены специальные послы для возвещения о восшествии на престол его величества, я уговорила мужа принять подобное назначение и, заручившись его согласием, попросила своего дядю канцлера представить и его в числе кандидатов. Он мне обещал, и на следующий же день муж получил извеще-

ние о назначении своем в Константинополь — на последнее свободное место. Мне не хотелось, чтобы он уезжал именно в Турцию, но приходилось выбирать из двух зол меньшее, и я предпочитала, чтобы он был в Константинополе, чем в Петербурге, где он подвергался опасности вследствие собственной горячности и в случае неудачи планов, наполнявших мое сердце и мысли и причинявших мне бессонницы, немало способствовавшие какому-то странному упадку сил и недомоганию, подтачивавшим мое здоровье. Князю было предоставлено право самому выбрать себе товарищей; они все получили в Петербурге деньги на дорогу и жалованье за шесть месяцев вперед, и в феврале месяце князь отправился в путь.

Я осталась в Петербурге, грустная и больная; моя энергия поддерживалась только бесчисленными планами, возникавшими в моей голове и поглощавшими меня до такой степени, что я стойко могла перенести разлуку с горячо любимым мужем. Князь ехал не спеша, надолго остановился в Москве, откуда поехал с матерью в Троицкое, лежавшее на пути в Киев, и остался там до начала июля.

Через два дня после отъезда князя со мной случилась неприятность. Я оставила при себе немногочисленную прислугу; какие-то матросы, работавшие в Адмиралтействе в Петербурге, взломали окно комнаты, где горничная хранила мое белье, платье и даже деньги,— я ей доверяла решительно все. Они унесли все белье, все деньги и шубу, крытую серебряной парчой; благодаря этой шубе воры были впоследствии отысканы, но все-таки я осталась без денег и без белья. Моя сестра, графиня Елизавета, прислала мне кусок великолепного голландского полотна. Я послала ей сказать, что мне главным образом нужны были одна или две рубашки, пока прачка не принесет белье, находившееся у нее во время кражи; сестра немедленно прислала их мне. Я упоминаю об этом маленьком несчастье потому, что я по этому случаю в первый раз почувствовала нужду, что мне пришлось испытать не раз в течение моей последующей жизни. К тому же мне тяжело было занимать деньги и этим увеличивать долги моего мужа.

Император ничуть не изменился со времени своего воцарения. По поводу мира с прусским королем он выражал прямо неприличную радость[61] и решил отпраздновать это событие большим парадным обедом, к которому были приглашены особы первых трех классов[62] и иностранные министры.

Императрица заняла свое место посреди стола; но Петр III сел на противоположном конце рядом с прусским министром. Он предложил под гром пушечных выстрелов с крепости выпить за здоровье императорской фамилии, его величества короля Пруссии и за заключение мира. Императрица начала с тоста за императорскую фамилию. Тогда Петр III послал дежурного генерал-адъютанта Гудовича, стоявшего за его стулом, спросить императрицу, почему она не встала с места, когда пила за здоровье императорской фамилии. Императрица ответила, что, так как императорская фамилия состоит из его величества, его сына и ее самой, она не предполагала, что ей нужно было встать. Гудович сообщил ее ответ императору; тот велел ему передать государыне, что она «дура» и что ей следовало бы знать, что к императорской фамилии принадлежат и оба его дяди, голштинские принцы; опасаясь, однако, что Гудович не передаст императрице его слов, он сам сказал их ей громко на весь стол. Императрица залилась слезами и, желая рассеять свои тягостные мысли, попросила дежурного камергера, графа Строганова[63], моего родственника, стоявшего за ее стулом, развлечь ее своим веселым, остроумным разговором, в котором он был мастером. Он был очень предан императрице и на дурном счету у императора, тем более что его жена, ненавидевшая его, была очень дружна с моей сестрой и с Петром III; он превозмог огорчение, которое ему причинила эта сцена, и приложил все усилия к тому, чтобы рассмешить императрицу. По окончании обеда ему было повелено отправиться на свою дачу на Каменный остров и не выезжать из нее впредь до нового приказания.

Все эти события сильно взволновали общество. С каждым днем росли симпатии к императрице и презрение к ее супругу. Он как бы намеренно облегчал нам нашу задачу свергнуть его с престола, и это должно бы

быть уроком для великих мира сего, что их низвергает не только их деспотизм, но и презрение к ним и к их правительствам, неизбежно порождающее беспорядки в администрации и недоверие к судебной власти и возбуждающее всеобщее и единодушное стремление к переменам.

Каждый благоразумный человек, знающий, что власть, отданная в руки толпы, слишком порывиста или слишком неповоротлива, беспорядочна вследствие разнообразия мнений и чувств, желает ограниченного монархического правления с уважаемым монархом, который был бы настоящим отцом для своих подданных и внушал бы страх злым людям; человек, знакомый с изменчивостью и легкомыслием толпы, не может желать иного правления, кроме ограниченной монархии с определенными ясными законами и государем, уважающим самого себя и любящим и уважающим своих подданных.

Император посетил еще раз моего дядю, государственного канцлера, в сопровождении обоих голштинских принцев и обычной свиты. Императрица никогда не выезжала с ним и выходила из дворца только для коротких прогулок в экипаже. Мне нездоровилось, и я отказалась от чести ужинать с императором, что не доставляло мне ни малейшего удовольствия.

Каково было мое удивление, когда я узнала, что государь и его дядя, принц Георгий, как настоящие прусские офицеры, из-за различия мнений в разговоре обнажили шпаги и уж собрались было драться, но старый барон Корф[64] (женатый на сестре жены канцлера) бросился на колени перед ними и, рыдая, как женщина, объявил, что он не позволит им драться, пока они не проткнут шпагой его тело. Его величество и принц Голштейн-готторпский оба любили Корфа; он прекратил эту глупую сцену, которая, по всей вероятности, сильно обеспокоила моего дядю, хотя и не присутствовавшего при ней, так как он лежал больным в постели. Я очень тревожилась о нем, так как узнала, что жена его в испуге выбежала из комнаты в самом начале сцены и сообщила ему бог знает что; но вскоре подоспели другие лица и рассказали ему подвиг Корфа,

которому удалось совершенно примирить дядю и племянника.

Эта сцена не была единственной; за ней последовали еще несколько других в таком же роде до отъезда его величества в Ораниенбаум и оттуда в Кронштадт на смотр флота, отправлявшегося на войну с Данией. Император настаивал на этой войне, несмотря на то что все его отговаривали от нее, не исключая и Фридриха Великого[65], употребившего все свое красноречие в письмах, чтобы убедить его не начинать войны[66].

Тем временем я, не теряя времени, старалась утвердить в надлежащих принципах друзей моего мужа, капитанов Преображенского полка Пассека[67] и Бредихина[68] (Бредихин приходился нам родственником по жене, урожденной княжне Голицыной), братьев Рославлевых[69], майора и капитана Измайловского полка, и других. Я видалась с ними довольно редко, и то случайно, до апреля месяца, когда я нашла нужным узнать настроение войск и петербургского общества. Я часто посещала своих родных и Кейта; словом, я взяла за правило показываться всюду, где меня привыкли видеть, и только когда оставалась одна, можно было заметить, что я поглощена планами, которые были как будто и выше моих сил.

В числе иностранцев, прибывших в Россию, был один пьемонтец, по имени Одар[70], которому покровительствовал канцлер, доставивший ему место советника коммерц-коллегии. Я познакомилась с ним; он был образованный, тонкий, хитрый и живой человек уже не первой молодости. Вскоре он нашел, что занимаемое им место ему не подходило, так как он не знал ни продуктов, ни водяных сообщений и т. д., и попросил меня похлопотать, чтобы императрица взяла его в свой штат; я поговорила о нем с государыней, совсем не знавшей его, предполагая, что она может сделать его своим секретарем, но она ответила мне, что переписывается только с родными, так что ей секретарь не нужен, и что, во всяком случае, она навлекла бы на себя неудовольствие и подозрение, если бы взяла на эту должность иностранца. Мне, однако, удалось уговорить императрицу взять его к себе на службу и поручить ему улучшить

земли, которые Петр III только что дал ей в удел, и устроить на них фабрики*. Он никогда не был мне ни другом, ни советчиком, как то уверяли некоторые авторы, подкупленные французами, которые, негодуя на то, что у Екатерины Великой были Суворов[71] и русские как подданные и как солдаты, чтобы водворить порядок во Франции и во всей Европе, распускали о ней клевету за клеветой. Они не оставили в покое и меня, думая, что Екатерина Великая будет недостаточно очернена, если в придачу они не загрязнят и Екатерину маленькую (я ношу тоже имя Екатерины).

Фельдмаршал Разумовский[72], человек беспечный, с которым государь обходился очень дружелюбно, несмотря на это, не мог не видеть его полной неспособности управлять империей и опасностей, которым она подвергалась. Граф Разумовский любил свою родину, насколько ему это позволяли его апатия и лень. Он командовал Измайловским полком, где пользовался всеобщей любовью; представлялось чрезвычайно важным иметь его на нашей стороне, но всем нам казалось почти невозможным склонить его на это. Он был чрезвычайно богат, имел все чины и ордена, ненавидел какую бы то ни было деятельность и содрогнулся бы от ужаса, если бы его посвятили в заговор, в котором он должен был бы играть одну из главных ролей.

Однако я не отступила перед этими трудностями. Два брата Рославлевы, один майор, другой капитан Измайловского полка, и Ласунский, капитан того же полка, имели большое влияние на графа; они каждый день бывали у него на самой дружественной ноге, но не надеялись заставить его действовать в нашем смысле.

---

* Из некоторых писем ее величества видно, что я одна рекомендовала его императрице, и, когда граф Строганов был сослан в свои поместья, я посоветовала Одару поехать с ним. Он не был близким мне человеком и не имел на меня никакого влияния; я его даже мало видела, а в последние три недели перед переворотом, когда все налаживалось для этого счастливого события, я его не видела ни разу. Я просто хотела дать ему кусок хлеба и приятное положение, но советов его не спрашивала, и он, конечно, имел бы еще меньше успеха у меня, если бы посмел уговаривать меня отдаться моему дяде, графу Панину, как то утверждали авторы бессмысленных и лживых пасквилей, написанных по образцу желчных памфлетов, направленных против Великой Екатерины.

Я посоветовала им каждый день, сперва неопределенно, затем и более подробно, говорить ему о слухах, носившихся по Петербургу насчет готовящегося большого заговора и переворота; я рассчитывала, что он, конечно, не станет доносить об таких разговорах; когда же наш план созреет окончательно, они откроются ему и дадут ему почувствовать, что и он завлечен в заговор и не может отступить, так как они сообщили остальным его участникам о разговорах с ним, не вызывавших в нем протеста или неодобрения; они объяснят ему, что он находится в такой же опасности, как и они, и рискует менее, если станет во главе своего полка и будет действовать заодно с нами. Они сделали, как я их научила, и наш план удался на славу.

Я продолжала посещать английского министра Кейта. Однажды он мне сообщил, что в городе распространились слухи, что в гвардии готовится бунт и что главной причиной его была нелепая война с Данией. Я спросила, не называют ли имен главарей.

— Нет,— ответил он,— и я думаю, что их вовсе нет; офицеры и генералы не могут иметь ничего против войны, которая даст им возможность отличиться. Вероятно, все кончится тем, что сошлют в Сибирь нескольких лиц да солдат накажут розгами.

Меня обеспокоило широкое распространение этих слухов, но делать было нечего и приходилось торопиться, насколько возможно, с развязкой.

Тем временем я вела образ жизни, который должен был дурно отозваться на моем здоровье; я так же часто, как и раньше, посещала родных. В почтовые дни я писала длиннейшие письма моему мужу и плакала о разлуке с ним. Остальные дни недели, за исключением немногих часов сна, я была поглощена выработкой своего плана и чтением всех книг, трактовавших о революциях в различных частях света. Так как я не отличалась крепким здоровьем, румянец сбежал с моих щек, и я худела с каждым днем; вскоре я схватила простуду, которая чуть не прикончила меня.

Между Петербургом и Красным Кабаком[73] на протяжении десяти верст простирались сплошные болота и густые леса; кто-то посоветовал Петру III раздать их.

Большинство богатых вельмож, осушив их, превратили в прелестные дачные места; один участок был отдан одному из ораниенбаумских голштинцев*, но тот испугался расходов и предоставил правительству отдать его кому угодно. Мой отец пожелал, чтобы я его взяла; тщетно я объясняла ему, что не могу им заняться, так как денег у меня вовсе не было; он настоял на своем и обещал мне выстроить маленький деревянный домик.

Я исполнила желание отца, твердо решившись, однако, не предпринимать ничего, что могло бы стеснить моего мужа в денежном отношении; кроме расходов на скромный стол для меня, моей дочери и для прислуги, я ничего не тратила, так как носила еще платья моего приданого. В то время в Петербурге проживало около сотни крепостных моего мужа, которые каждый год приходили на заработки; из преданности и благодарности за свое благосостояние они предложили мне, что поработают четыре дня, чтобы выкопать канавы, и затем будут в праздничные дни поочередно продолжать работы. Они работали с таким усердием, что вскоре более высокая часть земли обсушилась и была готова под постройку дома и служб. Мне пришла в голову мысль не называть пока это первое мое имение[74] и в случае удачи революции дать ему имя того святого, чья память будет чтиться в этот день. Однажды я поехала туда верхом с графом Строгановым. Желая погулять по лугу, казавшемуся мне уже обсохшим, я погрузилась в болото по колено. Ноги у меня промокли, и, возвратившись домой, я заболела. Императрица, узнав об этом, написала мне очень дружеское письмо и в своем беспокойстве о моем здоровье была очень недовольна моим спутником, графом Строгановым, которого она в своих письмах называла обыкновенно «magot»** (его уродливость и шутовство вполне оправдывали это проз-

* Эти голштинцы были большею частью подмастерья или рабочие, бежавшие от своих хозяев; среди них были и солдаты, и унтер-офицеры, дезертировавшие из армий маленьких германских принцев; их принимали в Ораниенбауме с распростертыми объятиями, зачисляли в армию Петра III, тогда еще великого князя, и быстро повышали в чинах.

** Уродина (*фр.*).

вище), обвиняя его в недостаточно заботливом обо мне попечении. Когда я получила это письмо, у меня был сильный жар, и мой ответ на него был, вероятно, так же несвязен, как и мои мысли. Потом я помнила только, что писала частью по-русски, частью по-французски, стихами и прозой. Когда мне стало получше, императрица спросила меня в одной из своих последующих записок, с каких пор я стала пророчествовать; она писала, что поняла русские стихи, продиктованные мне моим пристрастием к ней, но, кроме этого доказательства моей нежной дружбы, она ничего не разобрала в моем письме, и в особенности не могла понять, что обозначает упоминание о каком-то дне, который даст имя моему поместью.

Меня посещали мои родные, и между ними и дядя, граф Панин, как только позволяли его обязанности воспитателя. Так как для нас было очень важно, чтобы человек его характера принадлежал нашей партии, я несколько раз решалась заговорить с ним о вероятности низложения с престола Петра III и спросила его, какие последствия повлекло бы за собой подобное событие и кто и как управлял бы нами. Мой дядя воображал, что будет царствовать его воспитанник, следуя законам и формам шведской монархии [75]. Я забыла упомянуть об одном обстоятельстве, привлекшем мне доверие графа Панина, вследствие того что его племянник, князь Репнин [76], которого он очень любил и уважал, блестящим образом доказал мне свое доверие и почтение.

Я часто встречалась с князем Репниным у княгини Куракиной, у которой жила его жена, княгиня Репнина (она была сестра князя Куракина [77] и приходилась двоюродной сестрой моему мужу). Он меня понял совершенно и увидел, что мною руководили строгие принципы и восторженный патриотизм, а не личные интересы и мечты о возвеличении моей семьи. Петру III показалось, что торжественного обеда, о котором я упоминала, недостаточно было для отпраздновния заключения мира с прусским королем, и в Летнем дворце [78] состоялся еще ужин в присутствии нескольких городских дам, любимых генералов и офицеров и прус-

ского министра, тут Петр III по-своему изобразил свою радость, и его в четыре часа совершенно пьяного вынесли на руках, посадили в карету и отвезли домой во дворец. Однако перед отъездом из Летнего дворца он наградил мою сестру, Елизавету, орденом св. Екатерины* и объявил князю Репнину, что назначает его министром-резидентом в Берлин, с тем чтобы он исполнял все приказания и желания прусского короля. Князь Репнин приехал ко мне прямо из Летнего дворца в пятом часу утра. Я еще спала, но он настоял на том, чтобы мне доложили о его приезде. Лакей постучался в дверь уборной, смежной с моей спальной, и я проснулась. Я подняла старушку, которая всегда спала около моей постели, и она, узнав, в чем дело, объявила мне, что меня желает видеть мой двоюродный брат, князь Репнин. Я быстро накинула платье, вышла к нему и была поражена как его ранним посещением, так и новостями, которые он мне привез. Он был очень взволнован и прямо приступил к делу.

— Все потеряно; ваша сестра получила орден св. Екатерины, а меня посылают министром и адъютантом короля прусского.

Как ни была я поражена этими известиями, я не пожелала продлить посещение князя и сказала ему, что с характером Петра III трудно предвидеть последствия его слов и поступков, но и не следует их бояться; я посоветовала ему вернуться домой и на следующий день рассказать о всем случившемся своему дяде, графу Панину.

После ухода князя Репнина я более не ложилась спать и принялась раздумывать над различными проектами касательно завершения переворота, предложенными нашими заговорщиками. Но все это были только предположения, и определенного плана еще не было, хотя мы и согласились единодушно совершить револю-

---

* По статуту ордена им могли быть награждены только особы императорской фамилии и иностранные принцессы; частные же лица могли его получать только в том случае, если они спасли от опасности особу государя или оказали чрезвычайную услугу отечеству. Вследствие этого в предыдущие царствования не было ни одного случая награждения орденом св. Екатерины.

цию, когда его величество и войска будут собираться в поход в Данию. Я решила открыться графу Панину при первом моем свидании с ним.

Он стоял за соблюдение законности и за содействие Сената.

— Конечно, это было бы прекрасно,— ответила я,— но время не терпит. Я согласна с вами, что императрица не имеет прав на престол и по закону следовало бы провозгласить императором ее сына, а государыню объявить регентшей до его совершеннолетия; но вы должны принять во внимание, что из ста человек девяносто девять понимают низложение государя только в смысле полного переворота.

При этом я назвала ему главных заговорщиков: братьев Рославлевых, Ласунского, Пассека, Бредихина, Баскакова [79], князя Барятинского [80], Хитрово [81] и других — и Орловых, которых они привлекли на свою сторону. Он был поражен и испугался, узнав, как я далеко зашла и что я ничего не сообщала императрице о своих планах, боясь ее скомпрометировать.

Словом, я убедилась, что моему дяде при всем его мужестве не хватает решимости, и, чтобы не вступать в ненужные споры, я стала объяснять ему, как важно было бы иметь на нашей стороне Теплова*[82], и, так как я сама его видела очень редко, он, граф Панин, является единственным человеком, который мог его привлечь и вместе с ним и графа Разумовского, на которого он имел несомненное влияние. Я взяла с моего дяди обещание, что он никому из заговорщиков не обмолвится ни словом о провозглашении императором великого князя, потому что подобное предложение, исходя от него, воспитателя великого князя, могло вызвать некоторое недоверие. Я обещала ему в свою очередь самой переговорить с ними об этом; меня не могли заподозрить в корысти, вследствие того что все знали мою искреннюю и непоколебимую привязанность к импера-

* Он недавно был выпущен из Петропавловской крепости, куда его посадил Петр III. Он писал очень свободно и красноречиво, и я думала назначить его секретарем императрицы на первое время, когда настанет необходимость быстро издавать манифесты, указы и т. п.

трице. Я действительно предложила заговорщикам провозгласить великого князя императором, но провидению не угодно было, чтобы удался наш самый благоразумный план*.

Новгородский архиепископ [84] был человек очень образованный и пользовался всеобщим уважением и любовью духовенства. Его просвещенный ум ясно понимал, что в царствование такого царя, каким был Петр III, значение церкви неминуемо будет умалено. Он не скрывал своей скорби по этому поводу и был готов содействовать нам в той мере, в какой ему позволяло его пастырское достоинство. Для нас это было очень важно, так как, в числе прочих качеств, он обладал трогательным и мужественным красноречием, увлекавшим его слушателей.

На этом дело и стало. В течение десяти дней число заговорщиков увеличивалось, но окончательный и разумный план все еще не созревал. К своему удовольствию, я узнала от дяди моего мужа, князя Волконского [85], только что вернувшегося с войны, что армия, несколько лет сражавшаяся против прусского короля и в пользу Марии-Терезии [86], находила чрезвычайно странным, что должна обращать теперь оружие против нее; неудовольствие в армии было всеобщее, и я поняла, что сам князь склоняется скорей на нашу сторону. Я сообщила это графу Панину, и нам было уже легко убедить его принять деятельное участие в перевороте или по меньшей мере появиться при развязке.

Я через день ездила в свое имение, или, скорей, на мое болото, чтобы в одиночестве записать некоторые мои мысли, представлявшиеся мне не вполне ясными. Эти постоянные поездки убедили всех, что я была поглощена исключительно украшением и обработкой своей земли.

Я довольно часто получала известия от императрицы; она была здорова и покойна; впрочем, ей не о чем

---

* Вследствие невольного предательства одного солдата: думая, что капитан Измайлов [83] принадлежит к числу заговорщиков, он передал ему слышанное им от капитана Пассека. Пассека арестовали, и, так как заговор оказался открытым, я ускорила события и вызвала императрицу в город.

было тревожиться, так как она, как и мы все, не подозревала, что развязка так близка. Петр III усиливал отвращение, которое к нему питали, и вызывал всеобщее глубокое презрение к себе своими законодательными мерами. В царствование императрицы Елизаветы народы Сербии и та часть их, которая нашла убежище в Австрии, некоторые венгерцы и другие народы, исповедовавшие греческую веру, отправили к императрице депутатов с просьбой отвести им землю в России и позволить им на ней поселиться, так как они не в силах были переносить долее притеснения, которым подвергало их всемогущее в царствование Марии-Терезии католическое духовенство. Хотя ее величество чувствовала большую симпатию к Марии-Терезии, но ею руководило и религиозное чувство, заставившее ее взять под свое покровительство православных, гонимых за веру; им отвели великолепные земли на юге России и дали денег на переселение и на сформирование нескольких гусарских полков.

Один из депутатов, некто Хорват [87], сумел втереться в доверие высших должностных лиц. Деньги были доверены ему. Когда несколько тысяч сербов переселились на назначенные им земли, получившие название «Новой Сербии», Хорват стал обращаться с ними, как с рабами, и присвоил себе следуемые им деньги. Эти несчастные довели свои жалобы до императрицы, которая послала генерала князя Мещерского [88] исследовать их на месте; но болезнь Елизаветы, другие более важные дела и, наконец, смерть императрицы воспрепятствовали Сенату высказаться окончательно по поводу этого дела. По смерти императрицы Хорват приехал в Петербург и подарил по две тысячи дукатов каждому из трех вельмож, которые казались ему самыми влиятельными, а именно: Льву Нарышкину, бывшему в фаворе благодаря своему шутовству, генералу Мельгунову и генерал-прокурору Глебову [89]. Последние два сообщили об этом Петру III. Он похвалил их за то, что они не скрыли от него полученного ими подарка, потребовал себе половину и на следующий день сам отправился в Сенат и разрешил дело в пользу Хорвата; таким образом Россия лишилась сотни тысяч жителей, кото-

рые переселились бы к нам, если бы знали, что их соотечественники пользуются обещанным спокойствием.

Узнав, что Нарышкин также получил деньги от Хорвата, Петр III отнял у него всю сумму, не оставив ему и половины, как остальным двум, и несколько дней подряд издевался над ним, спрашивая его, куда он дел полученные им деньги.

Подобные поступки заклеймили бы позором всякое частное лицо. Насколько же эта шутка, вскоре ставшая известной всему городу, увеличила всеобщее презрение к государю! Насмешки над императором и его недостойным шутом Львом Нарышкиным стали всеобщими.

Несколько дней спустя он позволил себе невероятную выходку перед всем Измайловским полком.

Фельдмаршал граф Разумовский, бывший его шефом, был принужден, хотя он и не был военным, наравне с другими развернуть полк и произвести ему учение в присутствии государя; Петр III остался доволен войсками. Все были оживлены, и обед обещал быть очень веселым, как вдруг Петр III заметил, что его арап дерется с кем-то в некотором расстоянии от него. Это его сперва позабавило, но, когда ему сказали, что арап дерется с профосом полка[90], он был положительно удручен.

— Нарцисс потерян для нас! — воскликнул он.

Никто не понимал его слов, и Разумовский попросил объяснений.

— Разве вы не знаете,— ответил государь,— что уж ни один военный не может терпеть его в своем обществе, так как тот, к кому прикоснулся профос, опозорен навсегда.

Граф Разумовский, делая вид, что разделяет предрассудки императора, предложил ему накрыть арапа полковым знаменем. Петр III, обрадовавшись, расцеловал графа за его прекрасную идею. Прекрасное расположение духа вернулось к нему, и он велел позвать своего арапа.

— Знаешь ли ты,— сказал он ему,— что ты был потерян для нас, так как ты опозорен прикосновением профоса?

Нарцисс (кажется, его звали так), ничего не пони-

мая в этой чепухе, утверждал, что он храбро защищался и хорошо проучил негодяя, ударившего его. Он стал протестовать еще более, когда ему объявили, что его три раза накроют знаменем и тем очистят от позора. Чтобы совершить над ним этот очистительный обряд, его пришлось держать; но император этим не ограничился; он приказал уколоть его пикой, которой заканчивалось знамя, чтобы он кровью своею смыл свой позор.

Нарцисс кричал и бранился, а офицеры испытывали настоящие муки, не дерзая смеяться, так как император смотрел на эту шутовскую сцену как на торжественную и необходимую церемонию.

Легко себе представить, какие чувства он возбуждал во всем обществе подобными нелепыми выходками.

Мой отец не играл никакой роли при дворе; хотя государь и оказывал знаки внимания моему дяде канцлеру, но не руководствовался ни его советами, ни правилами здравой политики, которых он и не слушал.

Поутру быть первым капралом на вахтпараде, затем плотно пообедать, выпить хорошего бургундского вина, провести вечер со своими шутами и несколькими женщинами и исполнять приказания прусского короля — вот что составляло счастье Петра III, и все его семимесячное царствование представляло из себя подобное бессодержательное существование изо дня в день, которое не могло внушать уважения. Его разбирало нетерпение отвоевать у датского короля клочок земли, на который он заявлял свои права, и он не захотел даже дождаться коронации, чтобы начать войну.

После отъезда двора в Петергоф и Ораниенбаум у меня было больше свободного времени. Я уж не проводила своих вечеров у императора и была счастлива, что остаюсь в Петербурге. Наружно все было спокойно, только некоторые гвардейские солдаты с нетерпением ожидали действий.

Опасаясь, что их внезапно отправят в Данию, они тревожились насчет императрицы; офицеры нашей партии наблюдали за ними и с трудом их сдерживали. Я велела им передать, что получаю каждый день известия от императрицы и уведомлю их, когда надо будет действовать.

Дела оставались в таком положении вплоть до 27 июня, являющегося днем, навсегда памятным для России и исполненным трепета и радости для заговорщиков, так как их мечты наконец осуществились; за несколько часов до переворота никто из нас не знал, когда и чем кончатся наши планы; в этот день был разрублен гордиев узел, завязанный невежеством, несогласием мнений насчет самых элементарных условий готовящегося великого события, и невидимая рука провидения привела в исполнение нестройный план, составленный людьми, не подходящими друг к другу, недостойными друг друга, не понимающими друг друга и связанными только одной мечтой, служившей отголоском желания всего общества. Они именно только мечтали о перевороте, боясь углубляться и разбирать собственные мысли, и не составили ясного и определенного проекта. Если бы все главари переворота имели мужество сознаться, какое громадное значение для его успеха имели случайные события, им пришлось бы сойти с очень высокого пьедестала. О себе я должна сказать, что угадав — быть может, раньше всех — возможность низвергнуть с престола монарха, совершенно неспособного править, я много над этим думала, насколько восемнадцатилетняя головка вообще способна размышлять, но, сознаюсь, ни мое изучение подобных примеров в истории, ни мое воображение, ни размышления никогда бы не дали тех результатов, к которым привел арест Пассека.

27 июня после полудня Григорий Орлов[91] пришел сообщить мне об аресте капитана Пассека. Еще накануне Пассек был у меня с Бредихиным и, рассказав, с каким нетерпением гренадеры ждут низвержения с престола Петра III, выразил мнение, что стоило только повести их в Ораниенбаум и разбить голштинцев, чтобы успех был обеспечен и переворот был бы завершен. Он добавил, что слухи об опасностях, которым подвергалась императрица, волновали их до такой степени, что скоро их невозможно будет сдержать, и это брожение среди них, разоблачая наш план, подвергало нас страшной опасности. Я поняла, что эти господа слегка трусят, и желая доказать, что не боюсь разде-

лить с ними опасность, попросила их передать солдатам от моего имени, что я только что получила известие от императрицы, которая спокойно живет себе в Петергофе, и что советую и им держать себя смирно, так как минута действовать не будет упущена.

Пассек и Бредихин в тот же день и говорили в этом смысле с солдатами, что чуть не погубило все дело и побудило майора Преображенского полка, Воейкова, арестовать капитана Пассека.

Когда Орлов прибежал сообщить мне эту тревожную весть (не зная ни причины, ни подробностей ареста), у меня находился мой дядя Панин. Вследствие ли того, что по своему холодному и неподвижному характеру он не видел в этом столько трагического, как я, потому ли, что он хотел скрыть от меня размеры опасности, но он невозмутимо стал уверять меня в том, что Пассек, вероятно, арестован за какое-нибудь упущение по службе. Я сразу увидела, что каждая минута была дорога и что придется много потратить времени, пока удастся убедить Панина в том, что настал момент решительных действий. Я согласилась с ним, что Орлову следует прежде всего отправиться в полк, чтобы узнать, какого рода аресту подвергнут Пассек, чтоб сразу можно было определить, задержан ли он как провинившийся офицер или как преступник. Орлов должен был сообщить мне, что окажется, а — если дело серьезно — кто-нибудь из его братьев должен был известить Панина.

Тотчас же после ухода Орлова я объявила, что сильно нуждаюсь в отдыхе, и попросила дядю извинить, если попрошу его меня оставить. Он немедленно ушел, и я, не теряя ни минуты, накинула на себя мужскую шинель и направилась пешком к улице, где жили Рославлевы*.

---

* Я должна оговориться, что накануне солдаты, получив откуда-то ложные известия, будто императрицу хотят увезти из Петербурга куда-то очень далеко, собрались было идти выручать ее; их офицерам стоило большого труда их удержать, и им это, пожалуй, не удалось бы, если бы я не разрешила им сказать солдатам, что в тот же день имела сведения о ней и сообщу им, когда придется действовать. Однако, не рассчитывая на то, что офицерам удастся удержать солдат, я написала госпоже Шкуриной, жене камердинера императри-

Не прошла я и половины дороги, как увидела, что какой-то всадник галопом несется по улице. Меня осенило вдохновение, подсказавшее мне, что это один из Орловых. Из них я видела и знала одного только Григория. Не имея другого способа остановить его, я крикнула: «Орлов!»[92] (будучи, бог весть почему, твердо убеждена, что это один из них). Он остановился и спросил: «Кто меня зовет?» Я подошла к нему и, назвав себя, спросила его, куда он едет и не имеет ли он что сказать мне.

— Я ехал к вам, княгиня, чтобы сообщить вам, что Пассек арестован как государственный преступник; у его дверей стоят четыре солдата, и у каждого окна по одному. Мой брат поехал возвестить это графу Панину, а я уже был у Рославлева.

— Рославлев очень встревожен? — спросила я.

— Немного,— ответил он.— Но что же вы стоите на улице, княгиня? Позвольте проводить вас до дому.

— Да никого здесь нет,— возразила я.— Кроме того, не надо, чтобы мои люди видели вас у меня. Впрочем, наш разговор будет непродолжителен. Скажите Рославлеву, Ласунскому, Черткову[93] и Бредихину, чтобы, не теряя ни минуты, они отправлялись в свой Измайловский полк и что они должны встретить там императрицу (это первый полк на ее пути), а вы или один из ваших братьев должны стрелой мчаться в Петергоф и сказать ее величеству от меня, чтобы она воспользовалась ожидающей ее наемной каретой и безотлагательно приехала в Измайловский полк, где она немедленно будет провозглашена императрицей; скажите ей также, что необходимо спешить и что я даже не пишу ей, чтобы вас не

цы, чтобы она немедленно же послала своему мужу в Петергоф наемную карету, запряженную четверней, и сообщила бы ему, что я прошу его задержать карету, не выпрягая лошадей, чтобы в случае надобности императрица могла ею воспользоваться для приезда в Петербург, так как ей, конечно, нельзя было бы взять придворную карету. Панин, думая, что событие совершится в отдаленном будущем, признал эту меру совершенно ненужной; однако, не будь этой кареты, бог весть, осуществились ли бы наши планы, так как заведующий дворцом в Петергофе, Измайлов, не отличался преданностью императрице и воспрепятствовал бы ее бегству, в случае если бы она спросила у него карету.

задерживать; сообщите ей, что я остановила вас на улице и умоляла вас ускорить приезд императрицы; тогда она поймет необходимость своего немедленного прибытия. Прощайте, я, может быть, сегодня ночью выеду навстречу ей.

Когда я вернулась домой, взволнованная и тревожная, мне было не до сна. Моя горничная объявила мне, что портной не принес еще мужского костюма, что меня очень раздосадовало; для успокоения моих людей я легла и отпустила их. Не прошло и часу времени, как я услышала стук в ворота. Я соскочила с постели и, выйдя в другую комнату, приказала впустить посетителя. То был какой-то незнакомый мне видный молодой человек, оказавшийся четвертым братом Орловым[94]. Он пришел меня спросить, не слишком ли рано вызывать в Петербург императрицу, не испугаем ли мы ее понапрасну. Я была вне себя от гнева и тревоги, услышав эти слова, и выразилась очень резко насчет дерзости его братьев, медливших с исполнением моего приказания, данного Алексею Орлову.

— Теперь не время думать об испуге императрицы,— воскликнула я,— лучше, чтобы ее привезли сюда в обмороке и без чувств, чем, оставив ее в Петергофе, подвергать ее риску быть несчастной всю жизнь или взойти вместе с нами на эшафот. Скажите же вашему брату, чтобы он карьером скакал в Петергоф и немедленно привез императрицу, пока Петр III не прислал ее сюда, последовав разумным советам, или сам не приехал в Петербург и не разрушил навсегда того, что, кажется, само провидение устроило для спасения России и императрицы.

Он оставил меня, убежденный моими доводами и ручаясь за точное исполнение его братом моих предписаний.

После его ухода я погрузилась в самые грустные размышления, и мое воображение рисовало мне мрачные картины.

В шесть часов утра я приказала горничной приготовить мне парадное платье. Узнав, что ее величество приехала в Измайловский полк, единогласно провозгласивший ее императрицей, затем отправилась в Казан-

ский собор, куда собрались все гвардейские и армейские полки, чтобы принести ей присягу, я поехала в Зимний дворец, куда должна была прибыть и императрица. Перо мое бессильно описать, как я до нее добралась; все войска, находившиеся в Петербурге, присоединившись к гвардии, окружали дворец, запрудив площадь и все прилегающие улицы. Я вышла из кареты и хотела пешком пройти через площадь; но я была узнана несколькими солдатами и офицерами, и народ меня понес через площадь высоко над головами. Меня называли самыми лестными именами, обращались ко мне с умиленными, трогательными словами и провожали меня благословениями и пожеланиями счастья вплоть до приемной императрицы, где и оставили меня, comme une manchette perdue*. Платье мое было помято, прическа растрепалась, но своим кипучим воображением я видела в беспорядке моей одежды только лишнее доказательство моего триумфа; не имея времени привести в порядок свой туалет, я предстала в таком виде перед императрицей.

Мы бросились друг другу в объятья. «Слава богу! Слава богу!» — могли мы только проговорить. Затем императрица рассказала мне, как произошло ее бегство из Петергофа, а я в свою очередь сообщила ей все, что знала, и сказала, что, несмотря на свое сильное желание, я не могла выехать ей навстречу, так как мой мужской костюм не был еще готов.

Вскоре я заметила, что на ней была лента ордена св. Екатерины и что она еще не надела голубой андреевской ленты**. Подбежав к графу Панину, я попросила его снять свою ленту и одела ее на плечо императрицы. Так как при ней не было камеристки, она попросила меня спрятать в карман ее екатерининскую ленту. Мы должны были, наскоро пообедав, отправиться в Петергоф во главе войск. Императрица должна была одеть мундир одного из гвардейских полков; я сделала то же

---

* Как потерянную манжету *(фр.)*.

** Супруга императора не носила голубой ленты и имела только ленту ордена св. Екатерины, учрежденного Петром I для своей жены. Павел I впервые пожаловал его своей супруге, а Александр I[95], следуя его примеру, дал его императрице Елизавете.

самое; ее величество взяла мундир у капитана Талызина[96], а я у поручика Пушкина, так как они были приблизительно одного с нами роста. Я поспешила домой, чтобы переодеться и иметь возможность быть полезной императрице при всяких случайностях; когда я вернулась во дворец, ее величество совещалась с сенаторами насчет манифестов, которые следовало издать; Теплов исполнял обязанности секретаря. По всей вероятности, Петру III были уже известны бегство императрицы из Петергофа и события, совершившиеся в Петербурге. Мне пришло в голову, что кто-нибудь из его приближенных мог посоветовать ему приехать в Петербург, хотя бы и переодетым. Эта мысль так овладела мной, что я решила, не дожидаясь конца заседания, войти в залу, где происходило высокое собрание, несмотря на то что не имела на это никакого права. Два унтерофицера, дежурившие у двери, думая, что до меня не относится данное им приказание никого не впускать, открыли дверь. Я поспешно подошла к ее величеству и сказала ей на ухо, что, если она не приняла еще мер, чтобы предупредить вышеозначенное событие, ей следовало бы немедленно этим заняться. Ее величество подозвала Теплова и приказала ему написать два экземпляра указа и отдать его двум лицам, которые, получив предписание, как им поступать, должны были стать у устьев двух рек, по которым можно было бы приехать в столицу. Императрица, все предвидевшая, назвала меня присутствовавшим сенаторам, не узнавшим меня, и объяснила им, что, благодаря моей горячей дружбе, я подумала об одном важном обстоятельстве, ускользнувшем от ее внимания. Эти почтенные отцы отечества как один человек встали со своих стульев и поклонились мне*.

---

* В мундире я была похожа на пятнадцатилетнего мальчика, и им, конечно, казалось странным, что такой молодой гвардейский офицер, которого они к тому же никогда и не видали, мог войти в это святилище и говорить на ухо ее величеству. Замечу, кстати, что то был прежний мундир преображенцев, который они носили со времен Петра I вплоть до царствования Петра III, заменившего его мундиром прусского образца. Странно, что, как только императрица приехала в Петербург, солдаты сбросили свои новые мундиры и переоделись в старые, отыскав их бог весть как и где.

Вскоре заседание кончилось. Императрица отдала приказания, необходимые для охраны столицы, мы сели на коней и поехали во главе двенадцатитысячного войска, не считая добровольцев, с каждой минутой увеличивавшихся в числе.

Вследствие того что войска были на ногах уже более двенадцати часов, мы сделали трехчасовой привал в десяти верстах от города, в Красном Кабаке. Мы сами нуждались в отдыхе. Я почти не спала последние две недели, и хотя не могла заснуть и в данную минуту, но для меня было величайшим наслаждением просто протянуться на постели. В этом скверном домике, представлявшем из себя плохонький кабак, была только одна широкая кровать. Ее величество решила, что мы отдохнем на ней вдвоем не раздеваясь. Постель не отличалась чистотой, так что, взяв большой плащ у капитана Карра, мы разостлали его на кровати и легли.

Едва только я успела протянуться, как заметила, что в изголовье кровати была маленькая дверь. Меня это встревожило, и я попросила у государыни позволения встать; отворив дверь, я убедилась, что она выходила в маленькие темные сени, ведущие во двор. Я поставила снаружи двух часовых конногвардейского полка, приказав им не оставлять своего поста без моего приказания и никого не подпускать к двери. Затем я снова легла, но мы не могли уснуть, и ее величество начала читать мне целый ряд манифестов, которые подлежали опубликованию по нашем возвращении в город; мы сообщали друг другу и наши опасения, которые, однако, отныне уступили нашим надеждам.

Действительно, Петр III обнаружил большую нерешительность и не последовал совету фельдмаршала Миниха[97], который был при нем. Он поехал в Петергоф, затем вернулся в Ораниенбаум и наконец, согласившись с мнением нескольких приближенных, решил отправиться в Кронштадт, чтобы овладеть крепостью и флотом. Но он приехал в Кронштадт, когда адмирал Талызин[98], посланный императрицей, уже принял командование над флотом. Он не позволил Петру высадиться, так что тот принужден был вернуться в Ораниенбаум, откуда и отправил генерала Измайлова[99] к им-

ператрице с весьма покорными заявлениями и с предложением, что он откажется от престола.

Измайлов встретил нас по дороге в Петергоф. Он держал нам иную речь, чем мой дядя канцлер, подоспевший к нам, когда мы выезжали из города: канцлер старался образумить императрицу, но, видя, что ему это не удастся, отказался присягать ей, уверяя ее, что ничего не предпримет против нее, но вместе с тем не изменит присяге, данной им Петру III. Он попросил императрицу приставить к нему офицера, чтобы тот был свидетелем всего, что происходит у него в доме, и вернулся в Воронцовский дворец с спокойствием, неразлучным с величием души. Я тем более преклонялась перед достойным поведением дяди, что я знала, как мало он уважал императора и насколько он, как истинный патриот, скорбел о неспособности государя управлять Россией и о печальных последствиях, сопряженных с его неумелостью и беспечностью.

Императрица отослала Измайлова к государю, прося его убедить Петра III сдаться, чтобы предупредить неисчислимые бедствия, которые в противном случае нельзя будет предотвратить; она обязалась устроить ему приятную жизнь в каком-нибудь выбранном им самим дворце, в отдалении от Петербурга, и исполнять по мере возможности все его желания.

Недалеко от Свято-Троицкого монастыря нас встретил вице-канцлер, князь Голицын[100], с письмом от императора; каждую минуту наше шествие увеличивалось, так как к нему присоединялись ежеминутно лица, добровольно покидавшие императора.

Ораниенбаум находится всего в девяти верстах от Петергофа, так что Петр III приехал туда вскоре после нашего прибытия. Его сопровождали генерал Измайлов и генерал-адъютант Гудович. Императора провели в отдаленные апартаменты, так что его почти никто не видел, подали ему обед, и затем он уехал в Ропшу, принадлежавшую ему еще в бытность его великим князем. Он избрал ее предпочтительно перед всеми другими дворцами. Ему сопутствовали Алексей Орлов, капитан Пассек, князь Федор Барятинский и поручик Преображенского полка Баскаков, которым императрица по-

ручила охранять особу государя. Я не видела его, хотя у меня была к тому возможность, но мне говорили, что он ел с аппетитом и, как всегда, пил много своего любимого бургундского вина.

Он написал два или три письма своей августейшей супруге. Я упомяну только то из них, в котором он ясно и определенно формулировал свое отречение от престола. Затем, указав несколько лиц[101], которых желал бы видеть около себя, он просил императрицу назначить их состоящими при нем и не забыл переименовать, какие припасы хотел бы иметь, между прочим бургундского вина, трубок и табаку.

Однако довольно об этом несчастном государе, которого судьба поставила на пьедестал, не соответствовавший его натуре. Он не был зол, но ограниченность его ума, воспитание и естественные наклонности выработали из него хорошего прусского капрала, а не государя великой империи.

С предыдущего дня я все время была на ногах; но я чувствовала усталость только, когда сидела или стояла, до такой степени напряжение умственной, духовной жизни подавляло все физические ощущения. Мне постоянно приходилось бегать с одного конца дворца в другой и спускаться к гвардейцам, охранявшим все входы и выходы. Побывав у принцессы голштинской (родственницы императрицы), я возвращалась к государыне, чтобы спросить, не примет ли она ее. Каково было мое удивление, когда в одной из комнат я увидела Григория Орлова, лежавшего на канапе (он ушиб себе ногу) и вскрывавшего толстые пакеты, присланные, очевидно, из совета; я их узнала, так как видела много подобных пакетов у моего дяди в царствование императрицы Елизаветы. Я спросила его, что он делает.

— Императрица повелела мне открыть их,— ответил он.

— Сомневаюсь,— заметила я,— эти пакеты могли бы оставаться нераспечатанными еще несколько дней, пока императрица не назначила бы соответствующих чиновников; ни вы, ни я не годимся для этого.

Затем я была принуждена выйти к солдатам, которые, изнемогая от жажды и усталости, взломали один

погреб и своими киверами черпали венгерское вино, которое принимали за легкий мед; мне удалось уговорить солдат вылить вино из киверов и вкатить бочки обратно в погреб и послать за водой; я была поражена этим доказательством их привязанности и доверия ко мне, тем более что их офицеры до меня безуспешно останавливали их. Я раздала им остаток сохранившихся у меня денег* и вывернула карманы, чтобы показать, что у меня нет больше денег. Всего было сто шестьдесят рублей, то есть шестнадцать золотых империалов; я обещала, что по возвращении их в город им дадут водки на счет казны и что все кабаки будут открыты. Посетив другие кордегардии, я раздала дукаты, оставшиеся у меня в особом кармане. И там мои убеждения привели к желаемому результату.

Возвратившись во дворец, я увидела, что в той же комнате, где Григорий Орлов лежал на канапе, был накрыт стол на три куверта. Я прошла, не показывая вида, что я это заметила. Вскоре ее величеству доложили, что обед подан; она пригласила и меня, и я, к своему огорчению, увидела, что стол был накрыт у того самого канапе. Моя грусть или неудовольствие (скорей, и то и другое, так как я искренне любила императрицу), очевидно, отразились на моем лице, потому что государыня спросила меня, что со мной.

— Я сильно устала и не спала вот уже пятнадцать дней,— ответила я.

Затем она меня попросила поддержать ее против Орлова, который, как она говорила, настаивал на увольнении его от службы.

— Подумайте, какую я выказала бы неблагодарность, если бы согласилась исполнить его желание.

Мой ответ был вовсе не таков, какого она желала бы. Я сказала, что теперь она имеет возможность вознаградить его всевозможными способами, не принуждая его

* Я не просила и не получала денег от императрицы; тем менее приняла бы я их от французского министра, как то уверяли некоторые писатели. Мне их предлагали и открывали огромный кредит; но я неизменно отвечала, что, с моего ведома и согласия, никакие иностранные деньги, от какой бы державы они ни исходили, не будут употреблены на поддержание переворота.

оставаться на службе. С той минуты я поняла, что Орлов был ее любовником, и с грустью предвидела, что она не сумеет этого скрыть.

После обеда и отъезда Петра III мы отбыли из Петергофа и остановились на несколько часов на даче князя Куракина. Мы легли с императрицей вдвоем на единственную постель, которая нашлась в доме. Затем мы остановились в Екатерингофе[102], где нас встретила бесчисленная толпа народа, поджидавшего нас, чтобы стать на нашу сторону в случае сражения между нашими войсками и голштинцами, пользовавшимися всеобщею ненавистью.

Въезд наш в Петербург невозможно описать. Улицы были запружены ликующим народом, благословлявшим нас; кто не мог выйти — смотрел из окон. Звон колоколов, священники в облачении на паперти каждой церкви, полковая музыка производили неописуемое впечатление. Я была счастлива, что революция завершилась без пролития и капли крови; желание поскорей увидеть моего отца, дядю и дочь, множество чувств, обуревавших меня, неимоверное физическое напряжение, которое я испытала в восемнадцать лет при моем слабом здоровье и необычайной впечатлительности,— все это повергало меня в лихорадку, которая не позволяла мне ни видеть, ни слышать, ни тем более наблюдать происходившее вокруг меня.

Приехав в Летний дворец, я не дала императрице войти в свои апартаменты и тут же в сенях попросила у нее позволения пересесть в ее дорожную карету, следовавшую за нами, и поехать навестить моих родных и дочь. Ее величество разрешила мне это и любезно попросила меня вернуться поскорей. Дворец моего дяди был неподалеку, так что я прежде всего заехала к нему.

Я нашла его совершенно здоровым и спокойным. Он говорил мне о низложении Петра III как о факте, которого он давно ожидал и который предвидел. Затем начал философствовать насчет «дружбы государей», которая вообще не отличается стойкостью и искренностью, уверяя, что он лично в том убедился, так как чистота его намерений и взглядов не спасла его от

ядовитых стрел интриги и зависти в царствование императрицы, к которой он был привязан смолоду и которая многим была ему обязана.

От него я отправилась к отцу; он был очень взволнован; к нему для охраны был приставлен офицер, на случай если бы в двух гвардейских полках, расположенных по соседству с его домом, возникли какие-нибудь беспорядки; этот офицер, по фамилии Какавинский* (впоследствии его признали сумасшедшим), под предлогом, что у отца было много челяди, задержал в его доме много солдат, нуждавшихся в отдыхе, так как мы оставили в городе только количество солдат, необходимое для смены караула во дворце и охраны великого князя Павла, остававшегося в городе со своим воспитателем. Входя во двор отцовского дома, я узнала ординарца подполковника Вадковского, командовавшего всеми гвардейцами, остававшимися в городе во время нашего отсутствия. Он пришел требовать тридцать солдат, совершенно ненужных в доме моего отца, которыми необходимо было сменить часовых, остававшихся на своих постах двойное против обыкновенного количество времени. Я объявила Какавинскому, что он должен исполнить требование Вадковского, что нет никакой надобности охранять дом моего отца сотней солдат. Войдя в комнату и увидев по солдату у каждой двери, я объяснила ему, что он неверно понял желание императрицы и ее инструкции, в силу которых он должен был находиться в доме для охраны отца, а не для того, чтобы держать его под арестом, как государственного преступника. Я объявила солдатам, что их напрасно мучили и что только десять или двенадцать человек должны остаться в доме впредь до нового распоряжения.

Мой отец принял меня без малейшего гнева, но выразил свою досаду по поводу того, что его двадцать четыре часа продержали под стражей, как государственного преступника, и жаловался на присутствие

---

* Впоследствии, во время нашего пребывания в Москве, Какавинский позволил себе публично отречься в католическом костеле от православной веры и перейти в католическую.

в доме моей сестры, графини Елизаветы. Я уверила его, что первая неприятность произошла по глупости Какавинского и что к ночи не останется ни одного солдата в доме. Что же касается второго, то я просила его принять во внимание настоящее положение моей сестры, вследствие которого его дом представлялся единственным приличным и естественным убежищем для нее, и что со временем их обоюдное желание не жить под одной кровлей, несомненно, будет приведено в исполнение с сохранением приличий. Отец не хотел меня отпускать, но я ему объяснила, что должна навестить сестру, затем вернуться к себе, повидаться с дочерью и снять свой военный мундир; притом же императрица просила меня поскорей вернуться к ней. Он с трудом разрешил мне пойти к сестре: он никогда не чувствовал особенной нежности к ней, а полное невнимание к нему с ее стороны в царствование Петра III, когда он представлял из себя ноль без всякого влияния, не послужило к улучшению их отношений. В комнате моей сестры мне пришлось выслушать длиннейшую жалобу. Я уверила сестру в моей нежности к ней и сказала, что не говорила еще с императрицей о ней, потому что была убеждена, что у государыни были самые благожелательные и великодушные намерения по отношению к ней и что все возможное будет для нее сделано. Действительно, императрица потребовала только ее отсутствия во время коронационных торжеств и несколько раз присылала ей сказать, что не оставит ее. Через несколько времени моя сестра отправилась в имение моего отца, неподалеку от Москвы. Когда двор покинул Москву, она жила постоянно в Москве вплоть до своей свадьбы с Полянским, когда переселилась в Петербург, где ее муж владел домами и имениями; ее величество была восприемницей ее сына. По возвращении своем из-за границы я упросила императрицу сделать ее дочь фрейлиной.

Оставив сестру, я направилась к себе, чтобы обнять мою маленькую Анастасию. Эти три посещения отняли столько времени, что стало темно, и я не успела переодеться, так как спешила во дворец. Моя горничная сказала мне, что она утром в кармане скинутого мною

платья нашла бриллиантовый орден св. Екатерины. Это был орден императрицы, и я взяла его с собой.

Я вошла в комнату, смежную с той, в которой была императрица, в ту минуту, как от ее величества выходили Григорий Орлов и Какавинский, и тут я убедилась в том, что Орлов мне враг, так как, кроме него, никто не мог провести Какавинского к императрице. Ее величество встретила меня упреком в том, что я говорила с Какавинским по-французски при солдатах и тем вызвала у них подозрение, что я желаю их удалить. Я ответила сухо, и мое лицо, как мне потом передавали, выражало глубокое презрение.

— Вы слишком рано принимаетесь за упреки, ваше величество; вряд ли всего через несколько часов после вашего восшествия на престол ваши войска, оказавшие мне столь неограниченное доверие, усомнятся во мне, на каком бы языке я ни говорила.— С этими словами я подала ей орден св. Екатерины, чтобы прекратить разговор.

— Успокойтесь,— ответила она,— вы должны, однако, сознаться в том, что были не правы, удаляя солдат.

— Действительно, ваше величество, я теперь вижу, что мне следовало дать свободу действий этому глупому Какавинскому и, несмотря на настояния Вадковского, оставить вас без солдат, которые могли бы сменить караул, охранявший вас и ваш дворец.

— Ну, будет, довольно об этом. Я вас упрекнула за вашу раздражительность, а теперь награждаю вас за ваши заслуги,— сказала она, собираясь возложить на меня принесенный мною орден.

Я не стала на колени, как это полагалось в подобных случаях, и ответила:

— Простите мне, ваше величество, то, что я вам сейчас скажу. Отныне вы вступаете в такое время, когда, независимо от вас, правда не будет доходить до ваших ушей. Умоляю вас, не жалуйте мне этого ордена; как украшению я не придаю ему никакой цены; если же вы хотите вознаградить меня им за мои заслуги, то я должна сказать, что, какими бы ничтожными они ни являлись по мнению некоторых лиц, в моих глазах им нет цены, и за них нельзя ничем вознаградить, так как

меня никогда нельзя было и впредь нельзя будет купить никакими почестями и наградами.

Ее величество поцеловала меня.

— Позвольте мне, по крайней мере, удовлетворить мое чувство дружбы к вам.

Я поцеловала ей руку и очутилась в офицерском мундире, с лентой через плечо, с одной шпорой, похожая на четырнадцатилетнего мальчика.

Тогда ее величество сообщила мне, что она уже отправила поручика вдогонку за моим мужем, чтобы вернуть его с дороги и просить поскорей приехать к нам. Эта новость так меня обрадовала, что я тут же забыла мое справедливое негодование на императрицу.

Мы провели еще приблизительно час с государыней. Она объявила мне, что для меня будут приготовлены апартаменты во дворце, но я попросила у нее позволения остаться у себя до возвращения моего мужа, когда мы уже вместе с ним переедем во дворец*.

---

* Я забыла упомянуть, что на обратном пути из Петергофа в Петербург мы сели в карету, чтобы немного отдохнуть; с нами были граф Разумовский и князь Волконский. Ее величество спросила меня, что она может для меня сделать, чтобы отблагодарить меня. «Доставьте счастие моей родине,— ответила я,— и сохраните добрые чувства ко мне — тогда я буду совсем счастлива».— «Но это ведь мой прямой долг,— возразила она,— а я хочу облегчить тяжесть, которую чувствую».— «Я не думала, что дружественные услуги окажутся для вас тягостными».— «Словом,— ответила императрица, целуя меня,— просите у меня, чего хотите; я не буду покойна, если вы мне тут же не укажете, что я могу сделать, чтобы доставить вам удовольствие».— «В таком случае воскресите моего дядю, который не умер».— «Это загадка»,— сказала государыня.— «Князь Волконский ее вам разрешит»,— возразила я; я просила этой милости не для себя, все-таки мне это было неприятно. Волконский рассказал императрице, что генерал Леонтьев[103], родной дядя моего мужа, отличившийся в войне с пруссаками, благодаря капризам своей жены был лишен седьмой части своих поместий и четвертой части движимости и капитала, которые ей следовало бы получить только после его смерти. Петр III тем охотнее согласился на эту несправедливость, что он относился неприязненно ко всем генералам, действовавшим успешно против пруссаков. Императрица, признав справедливость моей просьбы, обещала, что в одном из первых указов, подписанных ею, восстановит права моего дяди. «Вы меня этим очень обрадуете, ваше величество, так как генерал Леонтьев — единственный и любимый брат моей свекрови». Я была весьма довольна, что имела возможность доказать матери моего мужа мою привязанность к ее семье и вместе с тем уклонилась от наград, противных моему нравственному чувству. На следующий день Панин получил графский титул и пять

Гетман граф Разумовский и Панин одновременно со мной вышли из апартаментов императрицы. Я рассказала все, что видела в Петергофе, разговор с государыней во время обеда и выразила уверенность в том, что Орлов — любовник ее величества.

— Вы не спали две недели, вам восемнадцать лет, и ваше воображение усиленно работает,— ответил Панин.

— Прекрасно,— ответила я,— пусть будет так; но когда вы убедитесь в моей правоте, разрешите мне сказать вам, что с вашими спокойными умами оба вы глупцы.

Они согласились, и я поспешила вернуться домой и броситься в постель. Я поужинала только цыпленком, оставшимся от обеда моей дочери, и, торопясь воспользоваться благодеяниями Морфея, быстро разделась и легла; но я была так взволнована, что мой сон был неспокоен и я поминутно просыпалась.

На следующий день Григорий Орлов явился к обедне, украшенный орденом св. Александра Невского. По окончании церковной службы я подошла к дяде и к графу Разумовскому и, напомнив им наше вчерашнее условие, сказала, смеясь:

— При всем моем уважении к вам, должна вам сказать, что вы оба глупцы.

На четвертый день после восшествия на престол императрицы Бецкий [104] попросил у нее аудиенцию. На аудиенции присутствовала только я одна. Каково было наше удивление, когда он бросился на колени перед императрицей и спросил ее, кем, по ее мнению, она была возведена на престол?

тыс. рублей пенсии; князь Волконский и граф Разумовский получили ту же пенсию. Остальные заговорщики первого разряда получили по шестьсот душ или взамен их двадцать четыре тыс. и две тыс. рублей пенсии. К моему удивлению, я была причислена к этому разряду. Я не воспользовалась разрешением взять земли или деньги, твердо решив не трогать этих двадцати четырех тыс. рублей. Некоторые из участников переворота не одобряли моего бескорыстия, так что, для того чтобы прекратить дальнейшие толки и не возбуждать неудовольствия императрицы, я велела составить список долгов моего мужа и назначила эту сумму для выкупа векселей по обязательствам, данным моим мужем своим кредиторам, что и было исполнено кабинетом ее величества.

— Я обязана своим возвышением богу и моим верным подданным.

— В таком случае мне нельзя больше носить этой ленты, — воскликнул Бецкий, снимая с себя орден св. Александра Невского.

Императрица остановила его и спросила, что с ним.

— Я самый несчастный человек,— ответил он,— так как вы не знаете, что это я подговорил гвардейцев и раздавал им деньги.

Мы подумали, и не без основания, что он сошел с ума. Императрица весьма ловко от него избавилась, сказав ему, что знает и ценит его заслуги и поручает ему надзор за ювелирами, которым была заказана новая большая бриллиантовая корона для коронации. Он встал на ноги в полном восторге и тотчас же оставил нас, очевидно торопясь сообщить великую новость своим друзьям. Мы смеялись от всего сердца, и я искренно удивлялась искусной выдумке императрицы, избавившей ее от надоедливого безумца.

Петербургский двор был очень интересен в это время. Появилось множество лиц, выдвинутых переворотом, и других, возвращенных из ссылки, куда они были отправлены еще во времена императрицы Анны, регентства Бирона [105] и царствования Елизаветы. Они были вызваны еще Петром III и возвращались постепенно из более или менее отдаленных мест, так что каждый день их появлялось несколько человек. Это были живые иллюстрации прежних времен, приобретшие особый интерес пережитыми ими превратностями судьбы и знавшие множество кабинетных и дворцовых тайн. Наконец вернулся и бывший канцлер, знаменитый граф Бестужев [106]. Сама императрица представила нас друг другу, и у нее вырвалась фраза, которую Орловы охотно затушевали бы, если бы это было возможно:

— Вот княгиня Дашкова! Кто бы мог подумать, что я буду обязана царским венцом молодой дочери графа Романа Воронцова!

Современные французские писатели, лишающие нас утешения и пользы от изучения истории тем, что нагромождают целый ворох лжи, уверяют, что я интриговала против Петра III вместе с графом Бестужевым.

Между тем он был сослан, когда мне не было и четырнадцати лет. Он был врагом моего дяди, так что я видела его всего один раз, и то издали. Меня поразило его умное лицо и тонкое фальшивое выражение; я спросила, кто это такой, и таким только образом узнала его имя.

Фельдмаршал Миних и Лесток [107] — последнего я часто видала в детстве в доме моего дяди, которому он был близок,— казались мне живыми мемуарами; в их рассказах я почерпала знание человеческого сердца, представлявшегося мне раньше в розовом свете. Миних был почтенный старец; у него были внучки (дочери его сына) старше меня, и он полюбил меня. Его просвещенный ум, твердость его характера и утонченно вежливое обращение, свойственное старинным вельможам (резко отличавшимся от некоторых наших заговорщиков), делали из него очень приятного и интересного собеседника. Эта картина, поражая быстрыми появлениями новых лиц и их противоположностями, заставляла меня размышлять и укрепляла мой ум.

Вскоре прибыло другое лицо, которое, может быть невольно и даже само того не подозревая, сделалось источником первых испытанных мной жгучих огорчений, против которых бессильно мужество, свойственное женщинам. То была первая камеристка императрицы, в бытность ее великой княгиней. Она была сослана одновременно с графом Бестужевым и, как говорят, была в дружеских отношениях с моей матерью. Она была дворянского происхождения и отличалась большим природным умом; ею воспользовались как орудием, чтобы оклеветать меня перед отцом; однако об этом после*.

---

* Когда получилось известие о смерти Петра III, я была в таком огорчении и негодовании, что, хотя сердце мое и отказывалось верить, что императрица была сообщницей преступления Алексея Орлова, я только на следующий день превозмогла себя и поехала к ней. Я нашла ее грустной и растерянной, и она мне сказала следующие слова: «Как меня взволновала, даже ошеломила эта смерть!» — «Она случилась слишком рано для вашей славы и для моей»,— ответила я. Вечером в апартаментах императрицы я имела неосторожность выразить надежду, что Алексей Орлов более чем когда-либо почувствует, что мы с ним не можем иметь ничего общего, и отныне не

Возвращение моего мужа и кровопускание, которому я принуждена была себя подвергнуть, вскоре успокоили мои нервы и мою кровь. Мы переехали в апартаменты, приготовленные для нас во дворце. Мы обедали у императрицы; а так как государыня не ужинала, то нам подавали ужин на нашей половине, и мы приглашали к нему всегда от десяти до двенадцати персон. Мой муж получил командование кирасирским полком, в котором сама императрица числилась полковником.

Этот полк при императрице Елизавете и Петре III был полон немцев. Ее величество пожелала, чтобы командовал им русский вельможа; это назначение доставило большое удовольствие Дашкову; он привлек в полк молодых русских дворян; солдаты и офицеры его боготворили, и он не жалел расходов на лошадей и пр., чтобы сделать свой полк самым блестящим из всей кавалерии.

Поручик Михаил Пушкин служил в одном полку с моим мужем. Он был очень умен и благодаря его

посмеет никогда мне даже кланяться. Все братья Орловы стали с тех пор моими непримиримыми врагами, но Алексей по возвращении из Ропши, несмотря на свое нахальство, в продолжение двадцати лет ни разу не осмелился со мной заговорить.

Если бы кто-нибудь заподозрил, что императрица повелела убить Петра III или каким бы то ни было образом участвовала в этом преступлении, я могла бы представить доказательства ее полной непричастности к этому делу: письмо Алексея Орлова, тщательно сохраненное ею в шкатулке, вскрытой Павлом после ее смерти. Он приказал князю Безбородко [108] прочесть бумаги, содержавшиеся в шкатулке, и когда он прочел вышеупомянутое письмо, Павел перекрестился и сказал: «Слава богу! это письмо рассеяло и тень сомнения, которая могла бы еще сохраниться у меня». Оно было написано собственноручно Алексеем Орловым; он писал как лавочник, а тривиальность выражений, бестолковость, объясняемая тем, что он был совершенно пьян, его мольбы о прощении и какое-то удивление, вызванное в нем этой катастрофой, придают особенный интерес этому документу для тех людей, кто пожелал бы рассеять отвратительные клеветы, в изобилии взводимые на Екатерину II, которая хотя и была подвержена многим слабостям, но не была способна на преступление. Пьяный, не помня себя от ужаса, Алексей отправил это драгоценное письмо ее величеству тотчас же после смерти Петра. Когда, уж после кончины Павла, я узнала, что это письмо не было уничтожено и что Павел I велел прочесть его в присутствии императрицы и послать Нелидовой [109] и показал его великим князьям и графу Ростопчину [110], я была так довольна и счастлива, как редко в моей жизни [111].

тонкому уму и остроумной беседе пользовался большим успехом среди молодежи. Между ним и моим мужем установились частые и фамильярные отношения, которые, пожалуй, можно было принять и за дружбу. По просьбе мужа я упросила французского посла при нашем дворе, маркиза Лопиталя [112], прекратить процесс, начатый против Пушкина первым французским негоциантом в Петербурге, Гейнбером, и поддержанный запиской от того же посла. Дело было серьезно, так как Пушкин, вместо того чтобы заплатить негоцианту следуемые ему деньги, выгнал его вон из дому. В то время я была только еще невестой князя. Я видела маркиза каждый день в доме канцлера и путем настойчивых просьб мне удалось уговорить его написать командиру полка, майору князю Меньшикову, что так как Гейнбер удовлетворен поручиком Пушкиным, он, французский посол, не изъявляет никаких дальнейших претензий и просит князя Меньшикова прекратить дело и не беспокоить более Пушкина. Я привожу этот маленький инцидент, во-первых, чтобы обрисовать характер этого человека, ставшего причиной второй неосновательной придирки ко мне со стороны императрицы. Я в этих Записках не хочу ничего скрывать и расскажу о незначительных недоразумениях, происходивших между государыней и мной; из них станет ясно, что я никогда не впадала в немилость, как то утверждали некоторые писатели; она потому только не осыпала меня материальными благами, что ей было известно мое бескорыстие. Во-вторых, потому, что я без ложной скромности могу обнаружить и свое сердце, нетронутое среди придворной жизни, прощавшее и врагам и неблагодарным людям; я сама ничем не навлекла на себя их недоброжелательство, но мои всемогущие враги сумели обратить против меня и тех, кому я оказала серьезные услуги; это не помешало мне еще в течение сорока двух лет делать все добро, какое было в моей власти, часто немало стесняя себя в своих более чем скромных средствах. Наконец, у Пушкина (отец его потерял свое место и попал под суд за лихоимство в последние годы царствования императрицы Елизаветы) денежные дела были очень расстроены; отец не мог ему ничего давать;

жалованье его было невелико, и мой муж великодушно выручал из денежных затруднений как его, так и его брата.

Еще в царствование Петра III Панин возымел мысль окружить своего воспитанника образованными молодыми людьми, знакомыми с иностранной литературой. Императрица как-то раз заговорила со мной об этом, и я указала на Михаила Пушкина, как на человека в этом случае вполне подходящего.

Спустя несколько недель после нашего разговора Пушкин оказался замешанным в очень скандальной истории. Желая угодить мужу, хотя я лично не любила Пушкина, я посоветовалась с императрицей о том, как его выгородить из нее, и нам это удалось. Таким образом и я, и мой муж оказали ему целый ряд благодеяний, что, однако, не помешало ему подвести меня самым недостойным образом. После восшествия императрицы на престол, когда мы жили во дворце, он пришел однажды ко мне очень расстроенный и печальный. На мои расспросы он ответил, что, вероятно, его несчастная судьба никогда не изменится, так как мое обещание устроить его при великом князе все еще не осуществляется. По своей обычной доверчивости я думала, что мои утешительные и ласковые слова могут вызвать только благодарность с его стороны. Я и сказала ему, что, если его участие в происшедшей несчастной истории и воспрепятствует назначению его к особе великого князя, все-таки он может надеяться на какое-нибудь другое очень хорошее место, которое даст ему возможность обнаружить свои таланты и познания. Надо сказать, что за несколько недель до воцарения императрицы Панин находился однажды вечером со своим воспитанником у ее высочества. Разговор коснулся воспитания великого князя, и Панин выразил мнение, что великий князь потому так застенчив и нелюдим, что мало видит народу, и что следовало бы приставить к нему нескольких образованных молодых людей; в числе прочих он назвал Михаила Пушкина (по просьбе моего мужа, горячо рекомендовавшего Пушкина моему дяде перед отъездом своим в Константинополь).

— Я охотно верю,— ответила императрица на упо-

минание о Пушкине,— что вся эта некрасивая история окажется выдуманной; но достаточно и того, что она огласилась и что на Пушкина падает тень сомнения, чтобы лишить его возможности быть товарищем моего сына.

Я напомнила императрице, что я предложила кандидатуру Пушкина задолго до этой истории, что и муж мой также до своего отъезда, четыре месяца тому назад, говорил о нем своему дяде; соглашаясь от всего сердца с мнением государыни, я поставила ей на вид, что, в случае если вся история окажется клеветой, будет жаль, если небогатый, но способный молодой человек лишится возможности служить своему отечеству. Императрица и дядя согласились со мной. В вышеупомянутом разговоре с Пушкиным я дала ему понять, что ему не следует очень надеяться на это место, так как императрица, при всем своем расположении к нему, вряд ли найдет возможным предоставить его ему. Читатель видит, как много этот господин был обязан мне и моему мужу! Что же он сделал? Выйдя от меня, он на лестнице встретил Зиновьева [113] и, с таким же печальным лицом рассказав ему свои невзгоды, прибавил, что он тем более несчастен, что только что узнал от меня, что императрица верит скандальным слухам, распространившимся на его счет. Зиновьев предложил свести его к фавориту, Григорию Орлову, с которым он был в дружеских отношениях. Орлов расспросил Пушкина, в чем дело. Тот употребил все свое красноречие, которое оказало тем более успешное действие, что Орлов всегда искал случая мне повредить. Он уверил Пушкина, что ее величество думает совершенно иначе, обещал ему, что в тот же вечер переговорит с ней и надеется, что докажет ему это.

Вечером, когда мы с мужем собирались ложиться спать, камердинер князя передал ему письмо. Оно было от Пушкина и повергло нас в беспредельное изумление. Он писал, что Зиновьев увлек его к Орлову и что он, не помня в точности своих слов, все же опасается, что они могут навлечь на меня неприятности, вследствие чего он готов, из благодарности к нам и повинуясь чувству справедливости, письменно отка-

заться от всего, что говорил у Орлова. Он предлагал моему мужу прислать к нему на следующее утро за этим документом. Я советовала не делать этого, но мой муж нашел, что не следует лишать его возможности оправдаться. Когда на следующее утро я, по обыкновению, пошла к императрице, она спросила меня, зачем я причиняю беспокойство ее подданным, уверяя их, что она плохого о них мнения, и огорчила Пушкина, дав ему понять, что она дурно о нем думает. Меня ее слова удивили, но я сдержала себя и удовольствовалась тем, что напомнила императрице, что во внимание к давнишним близким отношениям моего мужа с Пушкиным — хотя, сказать мимоходом, я думаю, что мой муж не очень ими гордился,— я поставила себе задачей устроить его судьбу и предоставляю ей самой судить о его поведении в отношении меня; зная ее чувствительный и просвещенный ум, я спросила, может ли она осуждать слова, сказанные для успокоения смятенной души, тем более что я вовсе и не говорила ему, что ее величество верит истории, столь повредившей ему в глазах общества; я обещала ему, взамен назначения к великому князю, доставить ему какое-нибудь другое место, которое даст ему возможность проявить свои таланты.

Этот разговор меня взволновал. Я оставила покои императрицы и ничуть не была удивлена, когда мой муж встретил меня словами:

— Ты вернее поняла Пушкина, чем я; он негодяй; он сказал посланному, что не может дать письма, обещанного мне накануне.

— Забудем, милый друг,— ответила я,— этого человека, который был недостоин общения с тобой даже в детстве.

Впоследствии, благодаря покровительству Орлова, ему было поручено заведование мануфактур-коллегией; пользуясь оказанным ему доверием и данной властью, он велел фабриковать за границей фальшивые ассигнации, за что был сослан в Сибирь, где и провел остаток своих дней.

Ее величество уехала в Москву на коронацию в сентябре. Я ехала с ней в карете, мой муж также был в ее

свите. По дороге, во всех городах и селах, население проявляло такую восторженную радость, что императрица не могла не остаться ею довольной.

Не въезжая в Москву, государыня остановилась в поместье графа Разумовского, куда собрались все должностные лица Москвы и масса приглашенных.

Мой муж поехал навестить свою мать и вернулся на следующий день. Я сказала ее величеству, что и мне следует съездить в Москву на один день. Императрица хотела отговорить меня от этой поездки, ссылаясь на мое утомление от дороги, но ей удалось задержать меня лишь до полудня, так как я стремилась поскорее увидеть моего маленького Михаила, которого я оставила на попечении бабушки. После обеда императрица позвала меня и мужа в отдельную комнату и тут, попытавшись еще раз отговорить меня от поездки, осторожно объявила мне о смерти моего сына Михаила.

Это известие меня глубоко огорчило, но не поколебало моего намерения повидаться со свекровью, которая, без сомнения, была также удручена потерей внука, с которым не разлучалась со дня его рождения.

Я не вернулась более в Петровское (имение Разумовского), где императрица оставалась до своего торжественного въезда в Москву; мне удалось не только избегнуть участия в этом торжестве, но и уклониться от переезда в помещение, приготовленное для меня во дворце.

Ее величество въехала в Москву за несколько дней до своего коронования.

Я ее видела каждый день. Орловы, думая унизить меня, внушили церемониймейстеру, что орден св. Екатерины не дает мне права на особенное место во время церемонии коронования; он действительно не давал никакого особого преимущества в этом отношении, но уже 50 лет считался высшей наградой. Петр I, желая привлечь дворянство к службе, особенно к военной, установил немецкий этикет, согласно которому в высокоторжественные дни приглашенные размещались сообразно чинам, жены — по чинам своих мужей, а девицы — по чинам своих отцов; таким образом, на торжестве коронования я должна была занимать место

жены полковника. Все относительно на этом свете; место жены полковника было самое последнее в соборе; им отводился последний ряд на высоком помосте, сооруженном в церкви. Мои друзья думали, что я обижусь этим, и находили даже, что мне не следует ехать в церковь.

— Я непременно поеду,— отвечала я,— я непременно хочу видеть церемонию, которую никогда не видела и, надеюсь, никогда не увижу более. Мне совершенно безразлично, на каком месте я буду сидеть; я настолько горда, что думаю, что я своим присутствием украшу самое последнее место и сделаю его равным самому первому. Не меня ведь будут бранить за это, так что мне не придется краснеть, и я настолько великодушна, что желаю, чтобы и других за это не журили.

22 сентября, в день коронации, я, по обыкновению, отправилась к императрице, только гораздо раньше обычного часа. При выходе ее из внутренних покоев я следовала непосредственно за ней (великий князь был болен, а императорской фамилии не было). В соборе я, весело улыбаясь, отправилась на свое скромное место, которое не уготовало мне никаких неприятностей за исключением одной: я не знала никого из дам, занимавших места наравне со мной. Я рассуждала, что если бы в театре давали оперу, которую мне так бы хотелось видеть, и не оставалось бы хороших мест, я, со своей страстной любовью к музыке, согласилась бы, скорей, занять место в райке, чем вовсе пропустить спектакль. Здесь было почти то же самое. Те, кто согласится со мной, что можно быть униженным только собственными поступками, не удивятся тому, что я отнеслась так равнодушно к этому инциденту.

По выходе из церкви ее величество села на трон; тут же я была назначена статс-дамой*. Было много новых назначений. Мой муж был сделан камер-юнкером с чином бригадира; ему вместе с тем было оставлено и командование кирасирским полком.

В продолжение нескольких недель шли беспрерыв-

---

* Это высшее назначение при петербургском дворе, потому что статс-дама занимает место сейчас за императорской фамилией.

ные празднества. Москва была довольна, и зима проходила среди всеобщего веселия. В это время граф Бестужев, о котором я уже упоминала, прочел некоторым лицам вздорную челобитную на имя императрицы, в которой ее всеподданнейше, всепочтительнейше и всенижайше просили избрать себе супруга ввиду слабого здоровья великого князя. Несколько вельмож подписали ее, но когда он явился с этой челобитной к моему дяде канцлеру, эта безумная и опасная затея была навсегда уничтожена мужественным его поведением. Он прервал графа Бестужева и просил его не нарушать покой, столь необходимый ему вследствие его болезни, и не волновать его столь нелепыми и опасными для спокойствия и счастья родины проектами; он не захотел слушать дальнейшего чтения фантастической челобитной и, повернув Бестужеву спину, вышел из комнаты. Бестужев вообразил, что дядя столь решительно отверг его проект, опираясь на могущественную партию. Между тем он почти никого не видел по болезни; в городе уже упорно держались слухи, что Бестужев был орудием честолюбия Григория Орлова. По уходе Бестужева дядя велел заложить карету и, несмотря на болезнь, поехал просить аудиенции у императрицы, немедленно принявшей его. Он рассказал императрице странное заявление, которое сделал ему Бестужев, представил ей, сколько затруднений явилось бы, если бы она поставила над собой повелителя в лице мужа, и выразил мнение, что, по всей вероятности, народ не пожелает видеть Орлова ее супругом. Императрица уверила его, что она никогда не уполномочивала этого старого интригана на подобный шаг, и сказала, что не забудет откровенного и благородного образа действий дяди, в котором она усматривает и чувство дружбы лично к ней. Дядя ответил, что он исполнил только свой долг и предоставляет теперь ей самой подумать над этим, и удалился. Подобное поведение канцлера вызвало всеобщее одобрение и уважение к нему.

Тем временем заболела младшая сестра моего мужа, княжна Анастасия. Невежество ее врача привело к тому, что ее сильный организм лишь несколько оттянул смерть. Она целый месяц прожила в муках и кон-

вульсиях. Я не отходила от нее, потому что одна имела на нее влияние; так как я сама болела до этого и была беременна, то просила мужа никого не принимать. Сам князь, между глубоко огорченною матерью и умирающей сестрою, которую он нежно любил, был очень опечален; мы видели только самых близких родных и, таким образом, ничего не знали про множество самых разноречивых слухов, ходивших по Москве. Моя невестка умерла в апреле. Свекровь переселилась на некоторое время к своему брату, генералу Леонтьеву. Я была огорчена смертью любезной моей невестки, измучена бессонными ночами, что в связи с моей беременностью и печальными хлопотами по случаю похорон окончательно подорвало мои силы, и я слегла в постель. Болезнь и смерть моей невестки и собственное недомогание избавили меня от частых посещений Хитрово, приезжавшего советоваться со мной насчет тех мер, которые следовало принять, чтобы помешать считавшемуся уже делом решенным браку императрицы с Григорием Орловым; германский император пожаловал ему титул князя Священной Римской империи.

Этот Хитрово был одним из самых бескорыстных заговорщиков. Он был очень прямодушен, красив собой и обладал благородными и утонченными манерами, что, может быть, и вызвало ревность Орловых. Его двоюродный брат Ржевский, присоединившийся к Орловым и Хитрово в заговоре против Петра III, передал Алексею Орлову, что Хитрово предложил всем участникам переворота собраться и умолять императрицу не приводить в исполнение проекта Бестужева и, в случае если императрица от своего намерения не отступится, убить Григория Орлова. Хитрово был арестован и допрошен Алексеем Орловым; говорили даже, что Орлов грубо с ним обошелся. Он не только ничего не отрицал, но даже с гордостью объявил, что первый вонзит шпагу в сердце Орлова и сам готов скорей умереть, чем примириться с унизительным сознанием, что вся революция послужила только к опасному для отечества возвышению Григория Орлова.

Во время более официального допроса, которому его подверг Суворов (отец знаменитого фельдмаршала)[114],

его спросили, не сообщал ли он мне своих планов и какого я была мнения о них. Он ответил:

— Я был три раза у княгини, чтобы спросить ее советов, даже ее приказаний на этот счет, но меня ни разу к ней не допустили. Я впоследствии узнал, что она никого не принимала. Если бы я имел честь ее увидать, я бы сообщил ей свои мысли на этот счет и убежден, что услышал бы из ее уст только слова, продиктованные патриотизмом и величием души.

Я не знаю, чему приписать следующий поступок Суворова: встретив на следующий день во дворце мужа, он передал ему под секретом содержание вышеописанного допроса, ссылаясь на свою благодарность к покойному отцу князя за оказанные ему услуги.

12 мая я родила сына[115], а 13-го мой муж схватил ангину, которой страдал каждый год; у него был сильный жар. Три дня спустя приехал Теплов, первый секретарь императрицы, с письмом от государыни и велел просить мужа выйти к нему на улицу ввиду того, что у него есть веские основания доставить ему это беспокойство и не входить самому в дом (потому ли, что государыня приказала передать письмо секретно, или потому, что Теплов не желал встретить у нас Паниных). Князь, лежавший в комнате, смежной с моей, бесшумно оделся и вышел к Теплову на улицу. Муж был в негодовании от содержания письма, в котором императрица выражала надежду, что не окажется вынужденной забыть мои заслуги и потому просит мужа повлиять на меня в том смысле, чтобы и я не забывалась, так как до нее дошли слухи, что я осмеливаюсь ей угрожать. Я ничего не знала о письме и появлении Теплова до вечера, когда приехали оба графа Панины и стали тихо разговаривать в соседней комнате, как бы опасаясь, чтобы я их не услышала. Моя невестка, княжна Александра, вышла ко мне из комнаты брата, и я спросила, кто там. Она отрицала присутствие кого бы то ни было. Это меня встревожило, и, вообразив, что муж очень болен, я собиралась вскочить с постели, чтобы идти к нему. Тогда княжна Александра сказала, что мужу гораздо лучше, но что у него оба Панины, которые о чем-то оживленно разговаривают с ее бра-

том. Я попросила ее передать Паниным, что я бы хотела с ними поговорить. Они вошли ко мне и рассказали о письме и о посещении Теплова. Я гораздо больше вознегодовала на то, что Теплов вызвал мужа на улицу, несмотря на его болезнь, чем на несправедливость императрицы; она меня не удивила; я ведь знала, что Орловы были моими врагами. Я хотела прочесть письмо, но генерал Панин ответил на это:

— Князь сделал то, что и я бы сделал на его месте: он разорвал записку и ответил Теплову твердо и с достоинством.

Должна сознаться, что я была покойнее, чем была бы всякая другая при подобных обстоятельствах, и поручила графу Панину спросить императрицу, следует ли послать моего сына для обряда крещения во дворец, ввиду того что сама государыня предложила мне крестить моего ребенка.

— Я уверена,— сказала я,— что она не позволит себе отказать в этом.

Когда ушли Панины, мой муж встал с постели и, пока ее оправляли, пришел ко мне; он был так бледен, что я не верила улучшению его здоровья. Я не позволила ему долго сидеть возле меня и уговорила выпить бульону, когда ляжет в кровать. Его бледность встревожила меня и не дала мне уснуть в обычный час.

Не успела я наконец задремать, как меня разбудили какие-то пьяные крики под окном. То были ткачи, которых Орловы, жившие в собственном доме (один только Григорий жил во дворце), вызывали к себе, заставляли петь и плясать, затем напаивали их и отпускали домой. Теперь они шли домой, а, к несчастью, окно моей спальни выходило на улицу, и я от шума и крика вскочила в испуге. Я почувствовала сильные внутренние боли и судороги в руке и ноге. Я послала мою старушку, спавшую возле меня, за полковым хирургом (он жил у нас в доме) и велела впустить его ко мне в другую дверь, не через комнату мужа. Когда хирург меня увидал, он совершенно растерялся и хотел послать за доктором и разбудить князя. Я не позволила ни того, ни другого; однако в шесть часов мне стало хуже, и, думая, что я умираю, я велела разбу-

дить мужа. Мой доктор, будучи вместе с тем и придворным лекарем, жил во дворце в большом расстоянии от нас; он приехал только после девяти часов; он меня спас, но поправлялась я долго и очень медленно.

Императрица и великий князь крестили моего сына. В день, назначенный ее величеством, графиня Панина поехала ко двору и отвезла моего сына императрице; но ее величество не справилась о моем здоровье.

Вскоре двор уехал в Петербург. Я осталась в Москве, каждый день принимала ванны, но силы мои не возвращались. В июле муж мой уехал в Петербург и затем в Дерпт, где квартировал его полк. Я же переехала в наше имение, лежавшее в семи верстах от Москвы. Девица Каменская с сестрами разделяли мое уединение. Чистый воздух, холодные ванны и правильная жизнь благотворно повлияли на мое здоровье. В декабре я, хотя еще и не совсем окрепши, уехала в Петербург в сопровождении старшей девицы Каменской. Муж мой нанял для меня дом Одара, поместительный и заново отделанный*.

Вследствие смерти Августа[116], короля польского, польский престол оказался вакантным[117], что, конечно, представило широкое поле политическим интригам. Саксонская династия желала сохранить польскую корону в своей семье; прусский король желал противоположного. Часть польских вельмож, подкупленная щедротами саксонских курфюрстов, склонялась в их пользу. Другие же, будучи горячими патриотами, находили, что в случае избрания короля из Саксонского дома польская корона окажется почти наследственной в саксонской династии, что противоречило бы принципам польской конституции, и желали возведения на престол одного из Пястов[118]. Венский кабинет, стремившийся приобрести дружбу и доверие нашего двора, не задумываясь, также объявил себя сторонником Пястов, может быть имея в виду одного из князей Чарторыжских[119]. Императрица, не объявляя еще

---

* Покажется, пожалуй, странным, что у княгини Дашковой не было собственного дома и что она была вынуждена нанять дом своего же протеже, который получил его от щедрот императрицы.

своего намерения возвести на престол Понятовского[120], высказалась только за конституционное избрание одного из Пястов, но, когда она сказала это в совете, князь Орлов вдруг выставил сильные доводы против возвышения Понятовского. Военный министр, граф Захар, и его брат, граф Иван, Чернышевы[121], видя, какое влияние имеет Орлов на императрицу, стали (правда, не совсем открыто) на сторону Орлова; были пущены в ход все меры, вплоть до посылки войск в Польшу, чтобы, избегая, однако, явного неповиновения, помешать осуществлению планов императрицы. Приближалось время собрания сейма, и императрица находила, что во главе войск должен стоять энергичный человек, который будет действовать, не сообразуясь с желаниями фаворита. Ее выбор пал на моего мужа, и она так секретно повела с ним переговоры, что он уехал из Петербурга прежде, нежели узнали о его назначении. Князь был польщен доверием императрицы. Он быстро собрался в путь и восторжествовал над всеми препятствиями. Князю Волконскому, получившему командование над войсками, которые должны были вступить в Польшу и поддерживать патриотов и конституционные права Польши, было повелено остановиться в Смоленске. Мой муж имел в своем распоряжении количество войск, необходимое для экспедиции. Его полномочия устранили все затруднения, возникшие вследствие того, что под его начальством очутились генералы и бригадиры, старшие его по службе; до своего прибытия в Варшаву он должен был отдавать отчет о своих действиях только непосредственно самой императрице и своему дяде, министру, графу Панину.

Разлука с мужем и болезнь моей дочери расстроили меня настолько, что я нашла нужным переменить климат; но, не желая удаляться от Петербурга, где скорей всего могла получать сведения о муже, я попросила у моего двоюродного брата, князя Куракина, разрешения поселиться в его поместьях в Гатчине, ставшей теперь столь великолепной.

Тогда еще не было чудесной и значительно сокращенной дороги, которую провели впоследствии, когда императрица купила Гатчину после смерти князя Ку-

ракина, так что Гатчина была в 60 верстах от Петербурга. Я удалилась туда с госпожой Каменской и моими двумя детьми и жила в Гатчине до возвращения императрицы из ее путешествия в Ригу, в полном уединении, выезжая из дому только для прогулки в экипаже или верхом.

За несколько месяцев до этого генерал Панин был назначен сенатором и членом совета. Так как у него не было своего дома, а моя квартира была чрезвычайно поместительна, я предложила ему занять ее, не желая делать приемов, ни тратить много денег в отсутствие моего мужа, а сама переселилась с детьми во флигель, где была и баня, необходимая для детей.

Генерал Панин занимал мой дом до отъезда императрицы в Ригу, куда он ее сопровождал. В качестве сенатора он каждый день принимал большое количество просителей; наши входы и выходы были на противоположных концах дома; кроме того, прием дяди происходил в весьма ранние часы, так что я никогда не видала его просителей и не знала даже, кто они. В числе их, как оказалось впоследствии, был и Мирович [122], ставший знаменитым вследствие своего нелепого и преступного замысла вернуть престол Иоанну [123], заключенному в Шлиссельбургскую крепость. Это обстоятельство снова чуть не создало мне огорчения, возбудив подозрения, которых я решительно ничем не вызвала. Но моих принципов не понимали, а высокое положение при дворе неминуемо сопряжено с горестями и неприятностями. Я слишком много сделала для императрицы и во вред собственным интересам, чтобы не стать мишенью для злобы и клеветы.

Двор вернулся в Петербург, куда и я переехала через несколько дней. Мой дядя, генерал Панин, жил уже в своем доме, и его жена приехала к нему из Москвы. Эта почтенная женщина, бывшая для меня искренним другом и отличавшаяся кроме всех качеств, присущих женщинам, необычайной кротостью и благодушием, имела слабые легкие, и, со времени нашего отъезда из Москвы, ее болезнь сделала большие успехи. Генерал, много бывая при дворе, принужден был часто отлучаться из дому, вследствие чего я уделяла много времени его супруге, которую искренно любила.

Однажды дядя сказал мне, что во время своего пребывания в Риге императрица получила письмо от Алексея Орлова, сообщавшее ей про заговор Мировича; это известие очень встревожило императрицу, и она передала письмо своему первому секретарю, Елагину [124]; письмо содержало приписку, гласившую, что видели, как Мирович несколько раз рано утром бывал у меня в доме. Елагин стал уверять ее величество, что это, по всей вероятности, ошибка, так как вряд ли княгиня Дашкова, не принимавшая почти никого, допустила бы до себя никому не известного и, по-видимому, не совсем нормального человека. Елагин не удовольствовался этим честным и прямодушным поступком и прямо от императрицы пошел к генералу Панину и рассказал ему все. Тот уполномочил его передать императрице, что действительно Мирович бывал рано по утрам в моем доме, но он приходил к нему, Панину, по одному делу в Сенате. К тому же Панин вызывался, если императрица пожелает, сообщить сведения о Мировиче, который был адъютантом полка, состоявшего под командованием Панина в Семилетнюю войну. Елагин отправился к императрице и передал ей, что граф Панин может удовлетворить ее любопытство насчет Мировича.

Действительно, государыня послала за Паниным; он рассказал ей все, что знал, и если, с одной стороны, он уничтожил в ней всякое подозрение в моем сообществе с Мировичем, то, с другой, вряд ли доставил ей удовольствие, обрисовав ей портрет Мировича, составлявший точный снимок с Григория Орлова, самонадеянного вследствие своего невежества и предприимчивого вследствие того, что не умел измерить глубину и обширность замыслов, которые он думал легко исполнить с помощью своего скудного ума.

Меня это все повергло в печаль. Я увидела, что мой дом, или, скорей, дом графа Панина, был окружен шпионами Орловых; я жалела, что императрицу довели до того, что она подозревала даже лучших патриотов, а когда Мировича казнили, я радовалась тому, что никогда не видела его, так как это был первый человек, казненный смертью со дня моего рождения, и если бы

я знала его лицо, может быть, оно преследовало бы меня во сне под свежим впечатлением казни.

Этот заговор так ничем и не кончился, а публичный суд над Мировичем (его допрос и весь процесс происходил при участии не только всех сенаторов, но и всех президентов и вице-президентов коллегий и генералов петербургской дивизии) не оставил никому в России ни малейшего сомнения насчет этого дела: все ясно увидели, что легкость, с которою Петр III был низложен с престола, внушила Мировичу мысль, что и ему удастся сделать то же самое в пользу Иоанна. За границей же, искренно ли или притворно, приписывали всю эту историю ужасной интриге императрицы, которая будто бы обещаниями склонила Мировича на его поступок и затем предала его. В мое первое путешествие за границу в 1770 г. мне в Париже стоило большого труда оправдать императрицу в этом двойном предательстве. Все иностранные кабинеты, завидуя значению, какое приобрела Россия в царствование просвещенной и деятельной государыни, пользовались всяким самым ничтожным поводом для возведения клеветы на императрицу. Я говорила в Париже (и до этого еще Неккеру [125] и его жене, которых видела в Спа), что странно именно французам, имевшим в числе своих министров кардинала Мазарини [126], приписывать государям и министрам столь сложные способы избавиться от подозрительных людей, когда они по опыту знают, что стакан какого-нибудь напитка приводит к той же цели гораздо скорей и секретнее.

Из иностранцев я виделась только с польским послом, графом Ржевусским, так как он мог доставлять мне сведения о моем муже. Он сообщил мне, что, благодаря энергии князя, план императрицы несомненно удастся, что порядок и дисциплина в его войсках привлекли к ним все сердца и что граф Понятовский был в особенности обязан ему. Императрица также отзывалась о моем муже с похвалой и называла его своим «маленьким фельдмаршалом». Но провидению не было угодно, чтобы он воспользовался плодами своих трудов и благородного бескорыстия.

В сентябре в Петербург приехал (вслед за курьером,

возвестившим избрание Понятовского на польский престол) курьер от нашего посла в Варшаве графа Кейзерлинга [127] и его коллеги князя Репнина с известием, что мой муж, совершая усиленные переходы невзирая на сильную лихорадку, наконец пал жертвой рвения, которое он приложил к исполнению воли императрицы. Однажды утром моя тетка, графиня Панина, приехала ко мне, грустная и расстроенная, и предложила мне прокатиться с ней в экипаже и затем отобедать у нее. Я думала, что она чувствует себя хуже, не предполагая, что я была достойна жалости больше ее. Я быстро оделась и, приехав к ней, застала обоих дядей; их растерянный и печальный вид внушил мне опасения.

После обеда, при разных приготовлениях, придуманных ими для сообщения мне самой ужасной для меня катастрофы, я узнала о смерти моего мужа. Я была в состоянии истинно достойном сожаления. Левая нога и рука, уже пораженные после родов, совершенно отказались служить и висели, как колодки. Мне приготовили постель, привели детей, но я пятнадцать дней находилась между жизнью и смертью. Моя добрая тетка, невзирая на свою слабость, и госпожа Каменская день и ночь ухаживали за мной. Доктор Крузе [128] своим искусством и уходом спас мне жизнь. Мои дети со своим штатом и все необходимое для меня было перевезено в дом Паниной, пока я еще не пришла в сознание. Меня, помимо моей воли, поместили в покоях тети, оставившей для себя только одну маленькую комнатку. Пятнадцать дней спустя ей самой стало решительно хуже, и она почти не покидала уже постели. Я приказывала носить себя к ней каждый день, а через неделю не стало моего нежного друга. На следующий день после ее смерти меня перенесли в карету, и я вернулась к себе домой.

Меня долгое время оставляли в неведении относительно расстроенного материального положения, в котором муж оставил меня и детей. Вследствие своего великодушия по отношению к офицерам он помогал им, дабы они не причиняли беспокойства жителям, и наделал много долгов. В конце концов пришлось сооб-

щить мне цифру долгов. Покинутая своей семьей*, я могла ждать советов и помощи только от графов Паниных. Муж, умирая, написал графу Панину, министру, письмо, в котором, обвиняя себя в расстройстве дел, просил его привести их в порядок, не покидать меня и детей и постараться заплатить кредиторам, не лишая нас некоторого достатка. Он назначал его опекуном над имениями и детьми. Тот попросил своего брата быть опекуном совместно с ним, и оба, показав мне письмо мужа, объяснили, что и мне необходимо принять участие в опеке, ввиду того что они по своей должности обязаны жить в Петербурге, а я могла ездить и в Москву, и в свои имения и, следовательно, могла принести больше пользы, нежели они. Старший граф Панин, думая, что ее величество, узнав, в каком положении я осталась с детьми, поспешит меня выручить, испросил у нее указ, дозволявший опеке продать земли для уплаты долгов. Я была этим крайне недовольна и, когда мне принесли указ, объявила, что я никогда не воспользуюсь этой царской милостью и предпочитаю есть один хлеб, чем продать родовые поместья моих детей.

Мне удалось уехать из Петербурга только в марте 1765 г., и то подвергаясь большой опасности, так как настала оттепель и переправа через реки была весьма рискованна. Едва я начала вставать на несколько часов с постели, у моего сына образовался большой нарыв. Операция была болезненна и опасна, но благодаря уходу Крузе и искусству хирурга Кельхена жизнь его была спасена.

Эта болезнь отсрочила еще мое выздоровление; я отдала трем главным кредиторам моего мужа все его серебро и свои немногие драгоценности, оставив себе только вилки и ложки на четыре куверта, и уехала в Москву, твердо решив уплатить все долги мужа, не продавая земель и не прибегая к помощи казны.

Приехав в Москву, я хотела поселиться в деревне,

---

* Моего брата, графа Александра, который относился ко мне всегда с неизменным вниманием и дружбой, не было в то время в России; он занимал пост чрезвычайного и полномочного министра в Голландии.

но узнала, что дом совсем развалился; тогда я велела выбрать крепкие балки и выстроить из них маленький деревянный дом и следующей весной поселилась в нем на восемь месяцев. Я ассигновала на себя и детей всего пятьсот р. в год, и благодаря моим сбережениям и продаже серебра и драгоценностей, к моему крайнему удовольствию, все долги были уплачены в течение 5 лет. Если бы мне сказали до моего замужества, что я, воспитанная в роскоши и расточительности, сумею в течение нескольких лет (несмотря на свой двадцатилетний возраст) лишать себя всего и носить самую скромную одежду, я бы этому не поверила; но, подобно тому как я была гувернанткой и сиделкой моих детей, я хотела быть и хорошей управительницей их имений, и меня не пугали никакие лишения.

На меня обрушилась еще одна неприятность. Моя свекровь, находя, что вследствие какой-то ошибки при совершении купчей на дом, приобретенный ее покойным мужем, она имеет право располагать им по своему усмотрению, подарила его своей внучке, Глебовой, вследствие чего у меня не стало больше пристанища в городе. Я не только не жаловалась на это, но решила не произносить при моей свекрови слова «дом» и только этой деликатностью отомстила ей за ущерб, причиненный ею моим детям. Я купила участок земли на той же улице с полуразрушенным зданием и выстроила себе на окраине участка деревянный дом, чтобы жить в нем в ожидании времени, когда мне представится возможность выстроить каменный. Три года спустя моя свекровь, которой понадобилось временно оставить, вследствие каких-то переделок, свои покои в монастыре, куда она удалилась по смерти сына, не добилась разрешения жить в доме своего зятя Глебова и поместилась у меня, в доме, смежном с моим и очень выгодно купленном мною в предыдущем году.

В 1768 г. я тщетно просила разрешения поехать за границу: я надеялась, что перемена климата и путешествие благотворно подействуют на моих детей, у которых была английская болезнь. Мои письма остались без ответа. Тогда я съездила в Киев, что в оба конца составило почти 2000 верст, так как я сворачивала

с прямого пути, чтобы видеть разные города и, в особенности, немецкие колонии, основанные императрицей и чрезвычайно меня интересовавшие.

Мое пребывание в Киеве было для меня очень приятно. Местный губернатор генерал Воейков [129], родственник моего мужа, был очень образованный человек; в молодости он служил по коллегии иностранных дел, и ему поручались деликатные дела с иностранными дворами, вследствие чего он много путешествовал и видел множество людей. Веселый характер, который он сумел сохранить, несмотря на преклонный возраст, и интересный, поучительный разговор делали из него весьма приятного собеседника. Мы проводили с ним целые дни, и он даже сопровождал меня при осмотре пещер. Они очень любопытны; это целый ряд углублений, высеченных в горе, на которой выстроен город. В некоторых из них лежат тела святых, живших в них, удивительно хорошо сохранившиеся. Собор Печерского монастыря [130] замечателен старинной мозаикой, покрывающей стены. В одной из церквей есть фрески, изображающие вселенские соборы до отделения церквей. Эти фрески необыкновенно красивы и написаны, вероятно, великими художниками.

В Киеве давно уже были академия и университет [131], в которых несколько сот студентов обучались даром. В мое время еще существовал у них обычай петь каждый день под окнами богатых обывателей псалмы и духовные стихи; их за это щедро награждали, а они отдавали деньги своим наставникам. Наука проникла в Киев из Греции задолго до ее появления у некоторых европейских народов, с такой готовностью называющих русских варварами. Философия Ньютона [132] преподавалась в этих школах, в то время как католическое духовенство запрещало ее во Франции. Кроме Печерской лавры я посетила много замечательных монастырей и церквей. Я употребила на это путешествие почти три месяца и с удовольствием заметила, что оно очень благотворно повлияло на здоровье моих детей и обошлось не особенно дорого, так как я все время ехала на своих лошадях.

На следующий год я отправилась в Петербург, твер-

до решившись добиться разрешения поехать за границу. Как дворянка, я имела на это полное право, но, как кавалерственная дама, я обязана была испросить на то позволение императрицы. Я отложила свою просьбу до годовщины восшествия на престол, которая праздновалась в Петергофе. Предварительно я говорила всем о своем желании попутешествовать за границей и на вопрос, имела ли я на то разрешение государыни, отвечала, что я ее еще об этом не просила, но что вряд ли она мне откажет, так как я ничего не сделала, что могло бы лишить меня права, присвоенного каждому дворянину. В день восшествия на престол, на балу в Петергофе, я как бы нечаянно стала рядом с иностранными министрами и вступила с ними в разговор. Императрица подошла к ним и, между прочим, заговорила и со мной. Я отвечала на ее вопрос и, боясь упустить удобный случай, немедленно же одним духом попросила ее отпустить меня на два года в иностранные края для поправления здоровья моих детей. Она не решилась отказать мне.

— Мне очень жаль, что такая причина принуждает вас путешествовать,— ответила она,— но, конечно, княгиня, вы свободны уехать, когда пожелаете.

Когда императрица отошла всего на несколько шагов, я попросила камергера Талызина* сказать моему дяде, министру графу Панину, чтобы он велел приготовить мой паспорт, так как я только что получила разрешение ее величества ехать за границу.

План мой удался. Вскоре я уехала из Петербурга в Москву и Троицкое, чтобы устроить свои дела и с первым санным путем отправиться за границу. Когда граф Панин и другие лица, принимавшие во мне участие, спрашивали меня, хватит ли у меня средств на поездку, я отвечала, что буду путешествовать под чужим именем и буду тратить деньги только на еду и на лошадей.

Я вернулась в Петербург в декабре и в том же месяце отправилась в Ригу. За несколько дней до моего отъезда помощник секретаря кабинета принес мне от

---

* У его жены была интрига с дядей, что не мешало моим врагам выдавать меня то за его дочь, то за его любовницу.

имени ее величества четыре тысячи рублей. Не желая раздражать императрицу отказом от этой смехотворной суммы, я принесла счета моего седельника и золотых дел мастера, доставившего мне несколько серебряных дорожных вещей.

— Вы видите эти счета,— сказала я ему,— они еще не оплачены; потрудитесь положить на стол нужную для их оплаты сумму, а остальное возьмите себе.

Наконец я уехала. Я предприняла свое путешествие главным образом с целью осмотреть разные города и остановиться на том из них, где я могла бы воспитать детей, зная, что лесть челяди, баловство родных и отсутствие в России образованных людей не позволят мне дать моим детям дома хорошее воспитание и образование.

До Риги я доехала на почтовых. Отдохнув несколько дней, я взяла лошадей до Берлина. В Кенигсберге я, по просьбе графини Кейзерлинг, пробыла шесть дней. Тут мне пришлось бросить полозья, так как даже колеса с трудом катились по глубоким пескам Пруссии.

В Данциге я жила в лучшей гостинице «Россия», где останавливались все русские и вообще знатные путешественники. Тем более меня удивило, что в зале висели две картины, изображающие битвы, проигранные русскими войсками; раненые и умирающие на коленях просили пощады у победоносных пруссаков. Я спросила у нашего поверенного в делах, Ребиндера, как он это терпит, но он ответил, что не может вмешиваться в это дело и что граф Алексей Орлов, проезжая через Данциг, останавливался в той же гостинице и сердился при виде этих картин.

— И он их не купил,— спросила я,— и не бросил в огонь? В сравнении с ним я очень бедна и не могу делать таких ненужных покупок: так как мои доходы и доходы моих детей недостаточны для моего путешествия, то я оставила полномочие на продажу дома в Петербурге; но все-таки я это устрою!

Когда Ребиндер уехал, я поручила секретарю миссии, Волчкову [133], и советнику Штеллингу [134] (сопутствовавшему мне до Берлина, где он был прикомандирован к нашему посольству) купить синей, зеленой, красной

и белой масляной краски, и после ужина они оба и я, хорошо заперев дверь, перекрасили мундиры на картинах, так что пруссаки, мнимые победители, превратились в русских, а побежденные войска — в пруссаков. Мы проработали почти всю ночь; не знаю, что подумали хозяин и мои люди, видя, что я заперлась с этими господами; но я была счастлива и боялась, чтобы мне не помешали, как ребенок, делающий что-нибудь запрещенное. На следующий день я велела разложить в этой комнате мои сундуки и под этим предлогом не впускала ни хозяина, ни людей. Через день я уехала из Данцига, но перед отъездом показала нашему резиденту совершенную мною метаморфозу. Не знаю, что подумал хозяин, увидев, что пруссаки вдруг проиграли обе битвы, но я была собой очень довольна.

Со мной путешествовали госпожа Каменская, мои дети и мой двоюродный брат, Воронцов [135], атташе нашей миссии в Гааге.

В Берлине я пробыла два месяца. Посланником нашего двора был в то время князь Долгоруков [136], справедливо пользующийся всеобщей любовью и уважением. Он осыпал нас любезностями, исходившими от искреннего и теплого сердца. Не знаю, любопытство ли видеть неотесанного медведя (как я часто называла себя, чтобы подразнить своих друзей), но королева [137], принцессы и принц Генрих с супругой [138] неотступно просили князя Долгорукова убедить меня приехать ко двору. Я знала, что этикет берлинского двора воспрещал частным лицам представляться ко двору под другим именем; я же путешествовала под именем госпожи Михалковой (название небольшой подмосковной деревни, принадлежавшей моим детям), во-первых, потому, что не хотела ездить к иностранным дворам, и, во-вторых, во избежание лишних расходов. Я ответила, что не могу ехать ко двору под именем Михалковой, а если переменю его, чтобы немедленно снова взять его, то уподоблюсь настоящей искательнице приключений. Королева и принцессы поговорили по этому поводу с министром иностранных дел, графом Финкельштейном [139], и он обратился к королю. Фридрих Великий был в то время в Сан-Суси [140]; он ответил:

— Этикет — это глупости; княгиню Дашкову надо принять под каким угодно именем.

На следующий день я обедала у английского посланника Митчеля, где был и граф Финкельштейн. Он сообщил мне решение короля и желание всей королевской семьи познакомиться со мной. Следовательно, все пути к отступлению были отрезаны. Я купила новое черное платье (я всегда носила траур, по старинному обычаю). Королева приняла меня самым любезным образом и пригласила остаться ужинать. Принцы и принцессы также оказывали мне всевозможные знаки внимания, и вскоре я должна была отказывать частным лицам и иностранным министрам, так как была постоянно приглашена то к тому, то к другому двору.

Самая большая моя заслуга в глазах королевы и ее сестры, вдовы королевского принца и матери прицессы Оранской, и принца, восшедшего на престол по смерти Фридриха (без сомнения, самого великого государя, т. е наиболее достойного им быть по своему гению и по постоянным заботам о счастье своих подданных, от которых никакие страсти его не отвлекали), самая большая моя заслуга перед ними заключалась в том, что я их понимала, несмотря на недостатки их речи (они заикались и шепелявили), так что камергеру, всегда стоявшему рядом с посторонними лицами, не надо было передавать мне их слова. Я понимала их отлично и сейчас же им отвечала. Ее величество и ее сестра вследствие этого не стеснялись меня; я всегда с удовольствием и благодарностью буду вспоминать мое пребывание в Берлине и любезности, которыми меня осыпали.

Я с сожалением уехала из Берлина с целью воспользоваться водами и купаньем в Ахене и Спа.

Мы проехали через Вестфалию, и я не нашла ее столь грязной, как то рисует автор путевых очерков в письмах, барон Бар. В Ганновере мы остановились только для починки экипажей; узнав, что в этот день была опера, я поехала послушать ее с госпожой Каменской. Воронцов был нездоров и остался дома. Нас сопровождал только лакей, умевший говорить лишь порусски, вследствие чего не мог нас выдать. Я приняла

эти меры потому, что принц Эрнест Мекленбургский предупредил меня, что его старший брат, правитель Ганновера, желал бы со мной познакомиться, а это вовсе не входило в мои планы. Мы взяли места в ложу, в которой уже были две дамы, потеснившиеся, чтобы дать нам место, и очень вежливо обходившиеся с нами. Во втором акте из ложи принца вышел молодой человек и направился к нам. Обратившись к нам с приветствием, он спросил: «Сударыня, не иностранка ли вы?»

— Да, сударь.

— Его высочество желал бы знать, с кем я имею честь говорить.

— Наши фамилии не могут иметь никакого значения ни для вас, ни для его высочества,— ответила я,— а так как мы женщины и, следовательно, имеем право не называть наших имен, хотя бы мы входили даже в крепость, то я надеюсь, вы позволите нам не сообщать вам их.

Он немного смутился и ушел. Обе дамы смотрели на нас с удивлением. Во время последнего акта я предупредила госпожу Каменскую по-русски, чтобы она мне не противоречила, и затем сказала дамам, что, хотя я и отказалась назваться принцу, но, ввиду их любезного обращения с нами, скажу им, что я певица, а моя спутница — танцовщица и что мы ждем выгодного ангажемента. Госпожа Каменская вытаращила глаза от изумления, а обе дамы сразу перестали быть с нами любезными и даже повернулись к нам спиной, насколько это возможно было в тесной ложе.

Наша остановка в Ганновере была столь непродолжительна, что я не успела ничего осмотреть. Однако я заметила, что местные, даже крестьянские, лошади были красивой породы и земля здесь хорошо возделана. Этим и ограничивались мои наблюдения над этим курфюршеством.

В Ахене я заняла дом, расположенный напротив помещения ванн. Двое ирландцев, служивших в Голландии и живших в Ахене, г. Коллинс и полковник Нюжен (Nugent), отец венского министра при прусском дворе, проводили с нами целые дни. Благодаря их ве-

селому характеру и утонченно-вежливому обращению, общество их было весьма приятно.

В Спа я сошлась с госпожой Гамильтон, дочерью архиепископа туамского, и с госпожой Морган, дочерью г. Тисдэля, королевского генерал-прокурора в Ирландии, где он пользовался большим уважением.

Наши отношения с самого этого времени (1770 г.) являли в глазах всех, знавших нас, пример самой верной и неразрывной дружбы.

В Спа я познакомилась с четой Неккер, но я была дружна лишь с английскими семьями. Мы ежедневно виделись с лордом и леди Суссекс[141]; с помощью французского и немецкого языков я стала вскоре понимать все, что читала по-английски, не исключая и Шекспира. Обе мои приятельницы приходили поочередно каждое утро, читали со мной по-английски и исправляли мой выговор; они были моими единственными учительницами английского языка, которым я впоследствии владела довольно свободно.

Я решила поехать в Англию, хотя бы на несколько недель, вместе с семьей Тисдэль и обещала госпоже Гамильтон провести с ней зиму в Эксе в Провансе, где архиепископ, ее отец, должен был жить по предписанию докторов. Мы переехали Па-де-Кале вместе на одном корабле. Я в первый раз ехала по морю и все время страдала, а моя добрая подруга самоотверженно ухаживала за мной.

В Лондоне наш министр, Пушкин[142], уже приготовил мне дом вблизи посольства. Его супруга (первая его жена) была особа достойная всякого уважения и любви и вскоре сделалась моим другом. За весь период пребывания г. Тисдэля в Лондоне я проводила время с госпожами Морган и Пушкиной. Когда госпоже Морган пришлось уехать с отцом в Дублин, я посетила Бат, Бристоль, Оксфорд и все их окрестности*.

---

* Эта поездка заняла всего тринадцать дней. Сына своего я оставила на попечении нашего министра. В особенности его жена была достойна этого доверия с моей стороны. Каждые два дня я получала от нее известия, с приложением записок от моего сына, в которых он описывал все, что видел. Чтобы утешить его (мое отсутствие не было ему безразлично, так как мы в первый раз с ним разлучались), графиня повезла его на скачки и к герцогине Куинсбери. Он описал мне свою поездку очень мило для семилетнего мальчика.

Вернувшись в Лондон, я пробыла в нем всего десять дней. Я не поехала ко двору и все свое время употребила на осмотр достопримечательностей этого интересного города. Я познакомилась с герцогом и герцогиней Нортумберланд.

Наш переезд из Дувра в Кале не был столь счастлив, как в первый раз; нам пришлось бороться с сильным ветром, который был попутным только переходу на запад, в Индию. После двадцати шести часов опасности, когда волны почти заливали нашу каюту,— ее пришлось закрыть наглухо — мы пришли в Кале. Я ненадолго остановилась в Брюсселе и Антверпене и поселилась очень скромно в Париже. Мой двоюродный брат, не заезжая в Париж, прямо поехал в Экс, в Провансе, чтобы приготовить мне хорошую квартиру.

В Париже я пробыла всего семнадцать дней и не хотела видеть никого, за исключением Дидро[143]. Я посещала церкви и монастыри, где можно было видеть статуи, картины и памятники. Я была и в мастерских знаменитых художников, и в театре, где занимала место в райке. Скромное черное платье, такая же шаль и самая простая прическа скрывали меня от любопытных глаз.

Однажды Дидро сидел со мной вдвоем; мне доложили о приезде госпож Неккер и Жоффрен[144]. Дидро поспешно приказал слуге их не принимать.

— Но я познакомилась с m-me Неккер еще в Спа,— ответила я,— а m-me Жоффрен находится в переписке с императрицей; следовательно, знакомство с ней не может мне повредить.

— Вам остается пробыть в Париже девять или десять дней,— ответил Дидро,— следовательно, вы успеете их видеть всего два-три раза; они вас не поймут, а я терпеть не могу богохульства над моими идолами. Если бы вы оставались здесь два месяца, я с радостью приветствовал бы ваше знакомство с m-me Жоффрен,— она добрая женщина, но так как она одна из первых кумушек Парижа, то мне не хочется, чтобы она с вами знакомилась кое-как.

Я велела сказать двум дамам, что больна и не могу их принять. Однако на следующий день я получила очень лестную записку от m-me Неккер, в которой она уверяла, что m-me Жоффрен не может примириться с мыслью, что, будучи в одном городе со мной, не увидит меня, что она имеет обо мне высокое мнение, что она будет в отчаянии, если со мною не познакомится. Я ответила, что, желая сохранить их лестное и вполне не заслуженное мнение обо мне, я не могу показаться в своем болезненном состоянии, когда я совершенно не была бы в силах оправдать его, и потому должна отказать себе в удовольствии их видеть и прошу принять выражения моего искреннего сожаления. Вследствие этого мне в этот день пришлось просидеть дома. Обыкновенно же я выходила из дому в восемь и до трех пополудни разъезжала по городу, затем останавливалась у подъезда Дидро; он садился в мою карету, я везла его к себе обедать, и наши беседы с ним длились иногда до двух-трех часов ночи.

Однажды разговор коснулся рабства наших крестьян.

— У меня душа не деспотична,— ответила я,— следовательно, вы можете мне верить. Я установила в моем орловском имении такое управление, которое сделало крестьян счастливыми и богатыми и ограждает их от ограбления и притеснений мелких чиновников. Благосостояние наших крестьян увеличивает и наши доходы; следовательно, надо быть сумасшедшим, чтобы самому иссушить источник собственных доходов. Дворяне служат посредниками между крестьянами и казной, и в их интересах защищать их от алчности губернаторов и воевод.

— Но вы не можете отрицать, княгиня, что, будь они свободны, они стали бы просвещеннее и вследствие этого богаче.

— Если бы самодержец,— ответила я,— разбивая несколько звеньев, связывающих крестьянина с помещиками, одновременно разбил бы звенья, приковывающие помещиков к воле самодержавных государей, я с радостью и хоть бы своею кровью подписалась бы под этой мерой. Впрочем, простите мне, если я вам

скажу, что вы спутали следствия с причинами. Просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения породила бы только анархию и беспорядок. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они будут достойны свободы, так как они тогда только сумеют воспользоваться ею без ущерба для своих сограждан и не разрушая порядка и отношений, неизбежных при всяком образе правления.

— Вы отлично доказываете, дорогая княгиня, но вы меня еще не убедили.

— В наших законах,— продолжала я,— существовал противовес деспотизму помещиков, и хотя Петр I и уничтожил некоторые из этих законов и даже целый порядок судопроизводства, в котором крестьяне могли приносить жалобы на своих помещиков, в настоящее царствование губернатор, войдя в соглашение с предводителем дворянства и депутатами своей губернии, может изъять крестьян из-под деспотического давления помещика и передать управление его имениями и крестьянами особой опеке, состоящей из выбранных самими дворянами лиц. Боюсь, что я не сумею ясно выразить свою мысль, но я много думала над этим, и мне представляется слепорожденный, которого поместили на вершину крутой скалы, окруженной со всех сторон глубокой пропастью; лишенный зрения, он не знал опасностей своего положения и беспечно ел, спал спокойно, слушал пение птиц и иногда сам пел вместе с ними. Приходит несчастный глазной врач и возвращает ему зрение, не имея, однако, возможности вывести его из его ужасного положения. И вот — наш бедняк прозрел, но он страшно несчастен; не спит, не ест и не поет больше; его пугают окружающая его пропасть и доселе не ведомые ему волны; в конце концов он умирает в цвете лет от страха и отчаяния.

Дидро вскочил при этих словах со своего стула, будто подброшенный невидимой пружиной. Он заходил по комнате большими шагами и, сердито плюнув на землю, воскликнул:

— Какая вы удивительная женщина! Вы переворачиваете вверх дном идеи, которые я питал и которыми дорожил целых двадцать лет!

Все мне нравилось в Дидро, даже его горячность. Его искренность, неизменная дружба, проницательный и глубокий ум, внимание и уважение, которые он мне всегда оказывал, привязали меня к нему на всю жизнь. Я оплакивала его смерть и до последнего дня моей жизни буду жалеть о нем. Этого необыкновенного человека мало ценили; добродетель и правда были двигателями всех его поступков, а общественное благо было его страстною и постоянною целью. Вследствие живого своего характера он впадал иногда в ошибки, но всегда был искренен и первый страдал от них. Однако не мне воздавать ему хвалу по заслугам; другие писатели, несравненно выше меня, не преминут это сделать.

В другой раз, когда он тоже был у меня вечером, мне доложили о приезде Рюльера. Рюльер был в России атташе при французском посольстве, в бытность послом барона Бретейля[145]. Он бывал у меня в Петербурге, а в Москве я его видала еще чаще в доме госпожи Каменской. Я не знала, что по возвращении своем из России он составил записки о перевороте 1762 года и читал их повсюду в обществе. Я хотела было сказать лакею, чтобы его приняли, но Дидро прервал меня и, крепко стиснув мою руку, сказал:

— Одну минуту, княгиня. Намереваетесь ли вы вернуться в Россию по окончании ваших путешествий?

— Какой странный вопрос,— ответила я,— разве я имею право лишать моих детей их родины?

— В таком случае,— возразил он,— скажите Рюльеру, что не можете его принять, и я вам объясню, почему.

Я ясно прочла на его лице участие и дружбу ко мне, и я так доверяла правдивости и честности Дидро, что закрыла свою дверь перед старинным знакомым, оставившим во мне самые приятные воспоминания.

— Знаете ли вы,— спросил меня Дидро,— что он написал книгу о восшествии на престол императрицы?

— Нет,— ответила я,— но в таком случае мне вдвойне хотелось бы его видеть.

— Я вам передам ее содержание. Вас он восхваляет и кроме талантов и добродетелей вашего пола видит в вас и все качества нашего; но он отзывается совер-

шенно иначе об императрице, которая, через посредство Бецкого и вашего посланника князя Голицына[146], предложила ему купить это произведение. Переговоры велись так неумело, что Рюльер сделал предварительно три копии, из которых одну отдал на сохранение в министерство иностранных дел, вторую — госпоже де Граммон[147], а третью — парижскому архиепископу. После этой неудачи ее величество поручила мне вступить в переговоры с Рюльером, и мне удалось только взять с него обещание не издавать его книги при жизни императрицы. Он также дурно отзывается и о короле польском и подробно говорит о его связи с императрицей еще в бытность ее великой княгиней. Вы понимаете, что, принимая Рюльера у себя, вы тем самым санкционировали бы сочинение, внушающее беспокойство императрице и очень известное в Париже, так как на вечерах у m-me Жоффрен, куда собирается лучшее общество и все иностранцы и знатные путешественники, он их читал, несмотря на дружбу хозяйки с Понятовским, которого она величает в своих письмах своим сыном, и сам король называет себя так же в своих письмах к ней.

— Но как же согласовать это? — спросила я.

— Мы все ведь легкомысленны,— возразил Дидро,— и возраст в этом отношении не имеет на нас никакого влияния.

Я выразила Дидро свою благодарность за новое доказательство его дружбы ко мне, оградившей меня от неприятностей, которые я совершенно безвинно могла навлечь на себя. Рюльер еще два раза был у меня, но не был принят; вернувшись в Петербург, пятнадцать месяцев спустя, я убедилась, что справедливо оценила услугу Дидро; я узнала от одного лица (пользовавшегося доверием Федора Орлова, которому я в прежнее время имела счастье оказать некоторые услуги), что после моего отъезда из Парижа Дидро в письме к ее величеству много говорил обо мне и о моей привязанности к императрице и выразил мнение, что вследствие моего отказа принять Рюльера вера в правдивость его сочинения была сильно поколеблена, чего десять Вольтеров и пятнадцать жалких Дидро были бы не в силах

достичь. Он ничего не сказал мне о своем намерении писать об этом императрице и приписывать мне заслугу, заключавшуюся лишь в том, что я последовала его совету. Его деликатность и деятельное участие, которое он принимал в своих друзьях,— он причислил к ним и меня — сделали мне его память драгоценной до конца моей жизни.

Мне хотелось видеть Версаль, но совершенно инкогнито. Наш поверенный в делах Хотинский объявил мне, что это невозможно, так как за всеми иностранцами, приезжавшими в Париж, был установлен строгий надзор, а тем более за мной. Я же уверила его, что добьюсь своего. И действительно, я попросила Хотинского только, чтобы его лошади ожидали меня за пределами города, но не доезжая заставы, ведущей в Версаль; затем, дав множество поручений моему наемному лакею, которые заняли его в продолжение нескольких часов, я взяла своего русского лакея, знавшего только свой родной язык, и, сев в карету с обоими детьми и стариком майором Францем, знавшим меня с малолетства (он жил в доме Чоглоковой, двоюродной сестры моей тетки, и случайно находился в это время в Париже), велела кучеру поехать за город, где и встретила Хотинского, который прогуливался в ожидании нас; его лошадей припрягли к нашим, он сел в мою карету, и мы велели ехать к каким-нибудь воротам Версальского парка; мы погуляли в парке, а в обеденный час короля, когда всех впускали в столовую, мы вошли в числе остальной публики, безусловно не принадлежащей к изысканному обществу, и я видела, как Людовик XV[148], дофин, его супруга, принцессы[149] Аделаида и Виктория вошли, сели за стол и кушали с аппетитом. Я сделала замечание насчет того, что принцесса Аделаида пила бульон из кружки; окружавшие меня дамы спросили меня:

— А разве ваш король и ваши принцессы не делают так же?

— У меня нет ни короля, ни принцесс,— ответила я.

— Значит, вы голландка?

— Может быть.

По окончании королевского обеда мы сели в карету

и вернулись в Париж. Никто не знал об этой экскурсии, и я часто с удовольствием вспоминала о том, как мне удалось провести пресловутую французскую полицию.

Герцог Шуазель[150], бывший тогда первым министром, враг нашего двора, при всяком удобном случае бранивший императрицу и не любимый ею, не хотел верить моей экскурсии. Он передал мне множество любезностей через нашего поверенного в делах и просил приехать к нему, обещая дать по этому случаю блестящий праздник. Я велела его поблагодарить и объявить, что госпожа Михалкова не может ни принимать у себя, ни выезжать и что она желает пока только осмотреть достопримечательности города, а не знакомиться с высокопоставленными лицами, которых она умеет уважать и ценить по заслугам.

Все семнадцать дней моего пребывания в Париже были для меня крайне приятными, так как я посвятила их осмотру достопримечательностей, а последние десять — двенадцать дней провела всецело в обществе Дидро. Затем я уехала в Экс.

Для меня был приготовлен дом маркиза Гидона. Он выходил на площадь и к фонтанам. Я осталась довольна помещением и была рада тому, что моя приятельница, m-me Гамильтон, уже была в Эксе со своим отцом архиепископом, с теткой леди Райдер и с братом. Кроме того, там были леди Карлейль с дочерью, леди Оксфорд и другие английские семьи. Так как парламент был выслан отсюда, мы могли занять лучшие дома и отлично проводили время. Я совершенствовалась в английском языке; m-me Гамильтон сопутствовала мне в моих поездках в Монпелье, Марсель и Гьер и в моей экскурсии по королевскому каналу. Я аккуратно получала даже свои парижские письма, несмотря на подозрительное отношение правительства к переписке парижан с жителями столицы Прованса, бывшей местопребыванием парламента. Не могу умолчать о доказательствах доверия, какие дал мне Дидро в своих письмах. В особенности одно из его писем, полученное мною вскоре по моем приезде в Экс, заслуживает известности, так как в нем выразились глубина и разносторонность его ума. Оно было написано в эпоху изгнания парламента. Он

описывает чувства, которые должны были испытать честные умы, пружины, действовавшие в этом событии, и неминуемые его последствия, и все письмо представляет собою пророчество последующих событий во Франции, не революции, а результатов различных конвульсивных движений, представлявших из себя целый ряд революций и расшатавших страну, умы и основные принципы, оставив после себя какую-то неустойчивость мыслей, которые, хотя и противореча одна другой, существуют и поныне.

Когда весной мы собрались ехать в Швейцарию, мы не могли достать нужного нам количества лошадей, а почтмейстер позволял нам нанять их или выписать только под условием, что мы заплатим ему за все количество лошадей, обозначенное в подорожной, хотя он и не поставит их нам полностью. Он оправдывался тем, что должен был отдать лошадей для проезда принцессы Пьемонтской, невесты графа д'Артуа[151]. Ему это было приказано, и, платя много денег королю за свое место, он не считал себя обязанным терять доходы, приносимые ему путешественниками. Мне приходилось согласно подорожной платить за шестнадцать лошадей. Кроме того, в Эксе была королевская почта, вследствие чего мили считались вдвойне. Мне пришлось бы еще заплатить за действительный наем лошадей, что в общем составляло большую сумму и требовало размышлений, тем более что это было распоряжение самовольное и падало на нас точно на французских подданных. Госпожа Гамильтон и леди Райдер должны были ехать вместе со мной, но согласились отсрочить свой отъезд на несколько дней, в течение которых нам удалось уговорить почтмейстера дать мне пять лошадей и четыре вола, за что я обещала ему заплатить, как за шестнадцать лошадей. Отец и тетка моей подруги также поехали на тех же условиях на волах. Леди Райдер спешила в Лион на праздники, которые давались там в честь принцессы при ее проезде; меня они не особенно прельщали, но я не хотела отказать себе в удовольствии путешествовать по Швейцарии с моей подругой и поэтому склонилась на просьбу ее тетки, которая, несмотря на свои почти семьдесят лет, все хотела видеть, всем

интересовалась, была очень умна, удивительно весела и обладала всеми качествами, достойными уважения.

Не будем говорить о переезде в Лион, на котором не стоит останавливаться. В Лионе же мы видели все лучшие произведения его фабрик, приготовленные либо в подарок принцессе, либо для выставки. Капитан гвардии, герцог***, посланный Людовиком XV для встречи принцессы, был уже там и, узнав о моем прибытии, запретил отбирать для свиты приготовленную мне квартиру, посетил меня немедленно по моем приезде и предложил мне ложи на все спектакли в честь высокой путешественницы. Герцог был чрезвычайно любезен со мной, и мне очень совестно, что я забыла его фамилию.

Наконец прибыла и принцесса. Все жители стремились ей представиться или полюбоваться принцессой, входившей в семью Людовика, носившего прозвище «возлюбленного» (le bien aimé) и которого впоследствии злые шутники прозвали «неудачно нареченным» (le mal nommé), но бóльшая часть нации считала своим священным долгом обожать своих королей, и ей и в голову не приходила мысль гильотинировать одного из них.

В первый же спектакль мы отправились в театр: леди Райдер, m-me Гамильтон, госпожа Каменская и я; но каково было наше удивление, когда в отведенной нам ложе я нашла четырех лионских дам, расположившихся в ней; на представление моего проводника, что ложа эта предназначена герцогом для знатных иностранных дам, они, будто глухонемые, не двигались с места и ничего не отвечали. Я попросила проводника более не беспокоиться, говоря, что спектакль не представляет для меня особенного интереса, и решила вернуться домой. Леди Райдер и госпожа Каменская остались стоять за этими дерзкими женщинами, а мы с m-me Гамильтон вернулись к себе. В вестибюле нас ожидали не только неприятности, а даже некоторая опасность. Стражники, действуя прикладами ружей, не впускали толпу, которая во что бы то ни стало хотела войти в театр (спектакль был даровой) и чуть не выломала дверь залы. Эти господа, от излишка ли усердия или в виде милой шутки, били прикладами как желавших

войти, так и желавших выйти; удар не миновал и меня. Может быть, меня убили бы и насмерть, если бы я не назвала себя княгиней Дашковой. Это доказывает, что пресловутая французская вежливость не исходит из сердца. Жандарм или стражник — не знаю, кто он был — оправдывался передо мной незнанием моей фамилии и положения. Я ответила, что для ограждения моей безопасности достаточно, что я была в самом простом женском костюме и что я желала выйти из театра. Он, испугавшись, что я пожалуюсь герцогу, стал усиленно просить прощения и проводил меня до следующей улицы. Я его отправила назад, обещав ему не жаловаться на него и посоветовав не бить женщин; его отсутствие из вестибюля по крайней мере спасло нескольких женщин от ударов, так как в театре оказалось одним грубияном меньше.

Наконец нам удалось уговорить леди Райдер поехать в Швейцарию. Не стану ее описывать, так как об этом уже позаботились более талантливые авторы, и ограничусь тем, что назову лиц, с которыми я имела удовольствие познакомиться.

На другой день по прибытии своем в Женеву я послала к Вольтеру спросить разрешения посетить его на следующий день вместе с моими спутницами. Он был очень болен, однако велел мне передать, что будет рад меня видеть и просит меня привести с собой кого мне будет угодно.

С первых же дней я познакомилась со всеми выдающимися людьми, жившими в Женеве, между прочим с г. Гюбером[152], по прозванию Птицелов. Это был человек весьма незаурядного ума и обладавший всевозможными талантами: он был и музыкант, и художник, и поэт, был очень чувствителен и прекрасно воспитан. Вольтер боялся его, так как Гюбер знал все его маленькие слабости; кроме того, он часто сердил Вольтера тем, что неизменно обыгрывал его в шахматы. У него была собака; он совал ей в рот кусок сухого сыру и, поворачивая его в разные стороны, воспроизводил поразительно схожий бюст Вольтера, казавшийся копией в миниатюре с известного бюста работы знаменитого скульптора Пигаля[153].

В назначенный день я отправилась к Вольтеру. Меня сопровождали m-me Гамильтон, леди Райдер, госпожа Каменская, мой двоюродный брат Воронцов и господин Кэмпбель-Шауфильд. В предыдущую ночь Вольтер потерял более фунта крови, но запретил об этом говорить, опасаясь, что я не приду. Больной и слабый, он лежал на кушетке*. Войдя в комнату и увидев, в каком он состоянии, я выразила свое сожаление, что его потревожила, тем более что, попросив меня отложить свое посещение на день или на два, он тем самым засвидетельствовал бы свое уважение ко мне, доказав, что считает меня способной понять, насколько драгоценно его здоровье и жизнь. Он поднял обе руки театральным жестом, как бы подчеркивая тем свое удивление, и воскликнул: «Как! У нее и голос ангельский!» Он меня привел в смущение, так как я пришла послушать и поклониться ему, и мне и в голову не приходило, что он будет восхвалять даже мой голос. Я ему это высказала, и он, сказав мне какой-то комплимент, заговорил об императрице. Часа через полтора-два я собралась уходить; он не отпустил меня и попросил перейти на половину его племянницы, m-me Дени[154], и отужинать в его замке, отныне вполне заслуживающем это наименование; он обещал прийти также, но предупредил, что, не имея возможности сидеть, он будет стоять на коленях на кресле возле меня. Действительно, недолго пробыла я с m-me Дени (она была довольно тяжеловесна умом для племянницы столь великого гения), как Вольтер пришел, поддерживаемый лакеем, и стал напротив меня на колени на кресле, повернутом спинкой в мою сторону; за ужином он стоял в таком же положении возле меня**. Все это в связи с присутствием за ужином двух крупных парижских откупщиков, оригиналов двух портретов, висевших в гостиной m-me Дени, за которыми ухаживали племянни-

---

* Предупреждаю читателей, что Записки эти будут напечатаны лишь после моей смерти (если они вообще будут опубликованы); поэтому прошу разрешения, не навлекая на себя обвинений в тщеславии, передать слова и события в таком виде, в каком они действительно произошли или были сказаны.

** Он страдал сильным геморроем.

ца и даже дядя, помешало мне так испытывать удовольствие и так удивляться, как я того ожидала. Когда я собиралась уезжать, Вольтер спросил меня, увидит ли он меня еще. Воспользовавшись этим, я попросила у него разрешения навещать его по утрам, чтобы говорить с ним вдвоем. Он согласился, и я пользовалась его разрешением во все время моего пребывания в Женеве. В эти часы он был совершенно другим, и в его кабинете или в саду я находила того Вольтера, которого рисовало мне мое воображение при чтении его книг.

Днем мы всем нашим обществом и с г. Гюбером ездили по Женевскому озеру. Гюбер оказал мне любезность — с помощью и по указаниям Воронцова прикрепил на самом большом судне русский флаг. Он пристрастился к русской музыке и, слушая, как я и госпожа Каменская пели русские песни, вскоре выучил их наизусть, благодаря отличному слуху.

Мы с большим сожалением расстались с Женевой и с друзьями, остававшимися в ней; в числе их был и один русский, по имени Веселовский[155]. Опасаясь необузданного гнева Петра I, вызывавшего его к себе из Вены, куда он был послан императором с поручением, он скрылся в Голландию, женился там и, отказавшись от своей родины, основался в Женеве. Его старшая дочь была замужем за Крамером[156], известным своей типографией и еще больше — своей дружбой и ссорами с Вольтером.

Покинув Швейцарию, мы спустились вниз по Рейну на двух больших барках; на одной из них помещались наши экипажи и кухня; другую же мы разделили перегородками на несколько частей и оклеили красивыми обоями. Мужчины ночевали в прибрежных селениях, а нас охраняли всего двое лодочников и мои люди. Мы останавливались и осматривали замечательные города. Госпожа Каменская и я были одеты в черные платья и соломенные шляпы; нас сопровождал один только русский лакей, вследствие чего мы вполне сохраняли свое инкогнито и ради забавы иногда сами покупали провизию для стола. Кэмпбель взялся говорить по-немецки, так как я, полагая, что отвыкла от него, стеснялась говорить, но, когда я увидела, что Кэмпбель

до неузнаваемости коверкает слова, я запаслась мужеством и была переводчиком во все время путешествия.

Желая осмотреть знаменитый Карлсруэ, мы наняли почтовых лошадей и местные экипажи. Не успели мы занять наши комнаты в гостинице, как гофмейстер маркграфа баденского[157] явился ко мне с приветствием от имени их светлостей и с приглашением посетить их в замке. Я извинилась, отговариваясь тем, что мы взяли с собой только дорожные платья, вследствие того что намеревались пробыть в Карлсруэ всего несколько часов для осмотра города и сада. Часа через полтора после его ухода приехал шталмейстер их светлостей в великолепной карете, запряженной шестериком, и сообщил мне, что маркграфиня, зная, что госпожа Михалкова и княгиня Дашкова одно и то же лицо, желает со мной познакомиться и надеется, что я не откажу ей в этом, ввиду того что императрица всероссийская пожаловала и ей орден св. Екатерины; в случае же, если я решительно откажусь приехать в замок, она просит меня воспользоваться экипажем для осмотра обширного парка и услугами шталмейстера, который покажет все достопримечательности. Я не могла отказаться от этой новой любезности маркграфини и воспользовалась последним предложением. Мы поехали кататься в чудном экипаже, и дорогой я постаралась выразить шталмейстеру, насколько я была чувствительна к любезности маркграфини, столь известной своим просвещенным умом*. Не успели мы въехать в парк, как из боковой аллеи выехала нам навстречу другая такая же карета, и оба экипажа остановились. В ней сидели их светлости, наследный принц и несколько придворных. Маркграфиня, с свойственной ей грацией и умом, сказала:

— Вы по крайней мере позволите нам, княгиня, показать вам достопримечательности этого парка, которым мы так гордимся.

Я вышла из своего экипажа, а наследный принц

---

* Ее светлость, маркграфиня, была в переписке с учеными всевозможных национальностей, наперерыв преклонявшимися перед ее умом.

занял мое место. Мы провели в этом великолепном саду более часа; в течение его я не могла довольно надивиться высоким дарованиям ее светлости; затем мы подъехали ко дворцу, и я не могла отказаться войти в него; я всегда делаю это неохотно, но их светлости были так добры ко мне. Вечером был прекрасный концерт и великолепный ужин, и в общем мы провели время чрезвычайно приятно. Нас осыпали любезностями, а когда я собралась уезжать, маркграфиня объявила мне, что наши люди уже перевезены в замок и что она ни за что не резрешит нам ночевать в скверной гостинице; так как я спешила, она соглашалась отпустить нас на следующий день в какой угодно ранний час, не повидавшись со мной еще раз, и просила только сказать, к которому часу нам приготовить завтрак и лошадей.

Мои друзья и я были размещены роскошно и удобно.

На следующее утро мы уехали так рано, что весь двор почивал еще в объятиях Морфея. Я не стану говорить о прекрасной стране, которую мы видели, и об удовольствии, какое испытываешь, наслаждаясь разнообразными картинами, когда едешь вниз по Рейну. Все это описано пером, лучшим, чем мое.

В Дюссельдорфе я посетила картинную галерею и не могла не заметить ее директору, что он поместил в амбразуре окна великолепного Рафаэля[158], изображавшего Иоанна Крестителя, которого он не сумел распознать, вследствие того что картина была написана его второй манерой.

Не стану рассказывать, какие города я посетила и проч., так как вовсе не намереваюсь давать подробное описание своего путешествия. Во Франкфурте я с удовольствием свиделась с госпожой Вейнахт, вдовой негоцианта, прожившего двадцать лет в России. Я знавала ее в детстве и ради нее пробыла лишний день во Франкфурте; детство мое было счастливее моей последующей жизни, вследствие чего мое воображение, естественно, искало светлой точки в прошлом, чтобы остановиться на ней.

Я познакомилась также и с младшим из братьев Орловых, Владимиром[159]. Он был человек ограничен-

ный, вынесший из своего пребывания в немецких университетах только педантичный тон и ни на чем не основанную уверенность в своей учености. Он вступал в споры со мной, как и со всеми своими собеседниками. Он принимал все софизмы Ж.-Ж. Руссо[160] за силлогизмы и в полном объеме воспринял все рассуждения этого красноречивого, но опасного писателя. В то время я далека была от мысли, что он будет стоять во главе Академии наук в Петербурге, что после него будет занимать это место директора такая бездарность, как Домашнев[161], ставленник Орловых, и что, наконец, я вступлю в эту должность после него.

В Спа я познакомилась с принцем Эрнестом Мекленбург-стрелицким и с принцем Карлом[162] шведским, впоследствии герцогом зудерманландским, занимавшим половину дома, нанятого мною в Ахене. Он также приехал в Спа лечиться от ревматизма. При нем состоял гувернером господин Шверин, а свита его состояла из капитана Гамильтона и еще одного офицера. Шверин очень стеснял его в расходах, так как, очевидно, не располагал большой суммой для путешествия принца. Мы по целым дням были вместе, и я хорошо узнала его. Он не любил ни королевы, своей матери[163], ни старшего брата[164] и уверял, что имеет все шансы взойти на престол, так как его брат будто бы не мог иметь детей. Когда его брат объявил нам войну, а он, будучи тогда уже герцогом зудерманландским, командовал шведским флотом, я раскрыла императрице его характер, и она увидела, как ей легко будет обратить его против своего брата.

Приближалось время, когда моим друзьям приходилось уезжать из Спа, а мне — возвращаться в Россию; мы очень грустили при мысли о предстоящей разлуке. Однажды вечером мы во время прогулки с печалью говорили о нашем отъезде. На «Promenade de Sept Heures» был заложен фундамент дома довольно больших размеров. Я обратилась к m-me Гамильтон со словами:

— Обещаю вам, что через пять лет я вернусь в Спа и найму этот дом для вас и для меня. Кажется, в нем свободно поместятся обе наши семьи. Если вы приедете раньше меня, наймите его для нас двух.

Я сдержала свое слово; не прошло пяти лет, когда

я вернулась в Спа и, приехав раньше m-me Гамильтон, наняла через посредство своего банкира назначенный дом.

Из Спа я поехала в Дрезден на несколько дней, которые провела почти целиком в картинной галерее[165], на которую я не могла довольно насмотреться и надивиться.

В Берлине меня приняли так же любезно, как и в первый раз. Наш министр, князь Долгоруков, был мне очень предан, и я со своей стороны искренно ценила его добродушие и просвещенный ум. Из Берлина я, не останавливаясь, поехала в Ригу. Меня ожидали там письма от моего брата Александра, совершенно ошеломившие меня. Он писал, что уехал из Москвы, где объявилась чума, в Андреевское, великолепное имение моей матери в 140 верстах от Москвы. Мой управляющий сообщал мне, что сорок пять человек из моей дворни умерли от чумы, вследствие чего ему нельзя будет ничего прислать мне в Петербург до моего приезда, тем более что и люди и вещи будут задержаны в карантине на шесть недель. Эти известия в связи с беспокойством о моем брате так потрясли меня, что я опасно заболела и пробыла в Риге три недели. Я написала своей сестре Полянской и просила ее поместить в своем доме, пока я не найму квартиру*, меня и людей, и только десять дней спустя пришла в сознание и вспомнила, что у меня не было ни крова, ни обстановки.

Наконец я приехала в Петербург и поселилась у своей сестры, а госпожа Каменская — у своей. Императрица была столь милостива, что осведомилась о моем здоровье и прислала мне десять тысяч рублей на первое обзаведение. Большим утешением для меня было свидание с отцом; он ни в чем не помог мне материально, но сделал больше: отнесся ко мне с любовью и добротой, которых я была лишена одно время, благодаря

---

* Мой дом был продан в мое отсутствие по доверенности, оставленной мной графу Панину; я надеялась, что продажа дома покроет путевые расходы, на которые не хватало доходов, получаемых мною и моими детьми; но госпожа Талызина, фаворитка моего дяди, сумела убедить его продать дом за полцены одному из ее друзей.

сплетням и пересудам. Я уже упоминала в этих записках о госпоже N., вернувшейся из ссылки и, может быть, невольно повлиявшей на мою жизнь. Она рассказывала, что граф Панин, до своего отъезда за границу по случаю его назначения посланником, состоял в связи с моей матерью и что я была его дочерью; хочу верить, что это неправда, так как глубоко уважаю память моей матери, хотя и не имела счастья ее знать (мне было всего два года, когда она умерла). Орловы внушили моему отцу через приспешников, что я этим горжусь, хотя, с другой стороны, они распространяли слух, что между мной и графом Паниным существует любовная интрига, несмотря на то что он по возрасту мог быть не только моим отцом, но и отцом моих старших сестер, так как был на несколько лет старше моего отца. Надеюсь, что в глубине души отец не считал меня способной ни на какой безнравственный поступок; но он долгое время не хотел видеть меня, несмотря на многократные и почтительные мои просьбы. Не хочу более распространяться на этот счет и благодарю небо, что по крайней мере впоследствии пользовалась уважением и доверием моего отца, которые были бы для меня драгоценны, даже если бы он не был моим отцом, потому что он был наделен выдающимся и просвещенным умом, а его великодушный и открытый характер был чужд мелочности и надменности, служащих верным показателем низменной души.

Предаю забвению все остальное и обращаюсь к своему возвращению в Петербург. Я была очень слаба и не могла выходить; но я надеялась на лучшее будущее, так как князь Орлов не был более фаворитом[166]. Когда я приехала ко двору, императрица обошлась со мной милостиво. Мне нельзя было еще в течение нескольких месяцев ехать в Москву, так как немало дворовых умерло от чумы в моем доме. Я наняла очень посредственный дом, купила мебель, белье, кухонную посуду и пр. и пр. и наняла людей в дополнение к тем, которые приехали из Москвы; но не могу сказать, чтобы все устроилось удобно и приятно для меня. Вскоре императрица прислала мне шестьдесят тысяч рублей на покупку земли в мою собственность. Может быть, она

только теперь узнала, что, кроме болота в окрестностях Петербурга, мне принадлежал только деревянный дом в Москве, или же, не будучи более под влиянием Орловых, она хотела увеличить мое благосостояние. Меня это крайне удивило, так как не походило на обхождение со мной в течение десяти лет, прошедших со времени восшествия императрицы на престол. Я обрадовалась главным образом тому, что получила возможность вывести из затруднения отца, которому недоставало двадцати трех тысяч для удовлетворения предъявленной к нему казной претензии.

Весной я поселилась на своей маленькой даче, где мой сын заболел сильнейшей горячкой. К сожалению, Крузе и Кельхен, лечившие его сызмальства, переехали со двором в Царское Село. Я пришла в отчаяние и теряла голову, но, к счастью, меня посетила жена адмирала Нольса; видя мое беспокойство, она посоветовала мне пригласить молодого доктора Роджерсона[167], только что приехавшего из Шотландии, и предложила немедленно поехать и прислать мне его. Он приехал в двенадцать часов ночи и хотя не скрыл от меня опасного положения моего сына, но не отчаивался в его спасении. Я провела семнадцать дней около его постели почти без пищи. Господь сжалился надо мной: искусство и уход Роджерсона вернули мне сына. С тех пор этот почтенный доктор стал моим искренним другом, и наша дружба, основанная на взаимном уважении, осталась непоколебимой и поныне. По выздоровлении моего сына я заплатила дань природе: от утомления, беспокойства и бессонных ночей я слегла в постель.

Тем временем князь Потемкин[168], тогда еще генерал-майор, вернулся из армии с известием о полной победе наших войск над турками[169] и об их согласии на мир на каких угодно условиях. Я не могла лично поздравить императрицу с блестящими успехами ее оружия, но написала ей письмо по этому случаю и послала чудную картину Анжелики Кауфман[170], изображавшую красивую гречанку. Я намекала в письме и на себя и на освобождение греков или, по меньшей мере, на улучшение их судьбы. Молодая и прелестная ху-

дожница не была еще известна в России, и ее картина доставила императрице большое удовольствие.

Осенью следующего года я отправилась в Москву, где нашла свою свекровь удивительно бодрой для ее лет. Я отдала деньги, пожалованные мне императрицей, в верные руки, с тем чтобы сохранить их для моей дочери и не выделять ей больше приданого из состояния отца, которое мне хотелось целиком передать сыну. Покончив с некоторыми делами, я поехала в Троицкое, откуда каждые две недели возила детей к свекрови, чтобы не навлекать на себя упреков в том, что я отдаляю их от бабушки. Вернувшись из Троицкого в Москву, я познакомилась у моего дяди, генерала Еропкина[171], с генералом Потемкиным*, который сделался впоследствии столь могущественным и получил княжеский титул от императора германского, став фаворитом и даже более — другом Екатерины Великой.

Граф Румянцев[173], облеченный всеми полномочиями, заключил мир, и в течение следующего лета императрица приехала в Москву, с тем чтобы отпраздновать его возможно роскошнее и пышнее. Фельдмаршал граф Румянцев, генералы и вообще вся армия были осыпаны беспримерно щедрыми наградами. Мой брат, граф Семен, получил повышение, а его полк был причислен к лейб-гренадерскому корпусу. Императрица предприняла несколько поездок, между прочим в Калугу, где остановилась в великолепном поместье моего дяди, графа Ивана Воронцова[174]. Я в этот раз не сопровождала ее, по случаю опасной болезни моей свекрови. Она прохворала три недели; несмотря на то что я сама страдала нервной перемежающейся лихорадкой, я бо́льшую половину дня проводила у ее постели; в это время она высказала мне свое уважение и привязанность ко мне и вполне одобрила все мои действия касательно воспи-

---

* Знакомство наше было весьма поверхностное; но генерал Левашов[172], также присутствовавший на обеде, сообщил мне, что Потемкин торопится вернуться в Петербург, потому что спешит занять место фаворита. Я дала ему один совет; будучи принят к сведению, он устранил бы сцены, которые великий князь, впоследствии Павел I, не преминул сделать, к общему соблазну, чтобы повредить Потемкину и огорчить свою мать.

тания моих детей и управления их состоянием. Она умерла у меня на руках, выразив желание быть похороненной в Ново-Спасском монастыре, где были погребены ее муж и предки князей Дашковых. Согласно новому распоряжению императрицы покойников хоронили за городом; в черте города можно было хоронить только в одном монастыре, дававшем гостеприимство людям богатым и суеверным, не желавшим покидать Москвы и после смерти. Монастыри при этом соблюдали известную очередь в целях справедливого распределения доходов между ними; в данный год очередь не была за Ново-Спасским монастырем, и я тщетно просила разрешения похоронить в нем свекровь.

Не имея возможности в точности исполнить ее волю, я решила, несмотря на свое недомогание, похоронить ее в монастыре, в семидесяти верстах от Москвы, где также были погребены предки князей Дашковых. Я вообще приняла за незыблемое правило — поступать с родными моего мужа так, как, по моим предположениям, он сам поступал бы с ними, и потому не тяготилась этой грустной поездкой.

По возвращении ее величества в Москву я попросила у нее разрешения поехать за границу, чтобы дать моему сыну классическое и высшее образование. Мне это было разрешено чрезвычайно холодно, так как императрица не любила, когда я уезжала из России. Меня даже не допустили проститься с ней отдельно, и я откланялась ей во время общей прощальной аудиенции, когда всем решительно было дано разрешение приложиться к руке государыни и зала была битком набита народом (через несколько дней императрица уезжала в Петербург). Принц ангальт-бернбургский, узнав об этом, выразил мне свое удовольствие по поводу того, что со мной поступили прямодушно, а не играли комедии, и высказал уверенность, что отношение ко мне изменится и мне наконец отдадут должную справедливость.

Я вернулась в Троицкое, где выдала свою дочь замуж за бригадира Щербинина[175]. Вследствие дурного обращения с ним его родителей у него сложился меланхолический, но кроткий характер, и я надеялась, что он даст моей дочери тихую и мирную жизнь. Она

физически развилась неправильно и имела недостаток в строении тела, вследствие чего вряд ли могла рассчитывать, что более молодой и веселый муж станет ее любить и баловать. Меня побудило к этому браку и мое намерение пробыть за границей девять, может быть, даже десять лет для образования сына. Конечно, я мечтала о лучшем браке для моей дочери, но и этот брак представлял то огромное преимущество, что дочь моя могла оставаться со мной, и я имела возможность оберегать ее молодость. Отец Щербинина охотно согласился отпустить своего сына, тем более что я объявила, что ему не придется делать никаких расходов, так как процентов с капитала моей дочери хватит на содержание их обоих при совместной жизни со мной. К сожалению, этот брак причинил мне немало огорчений, помимо сплетен и клеветы, которые я могла презирать, твердо сознавая чистоту своих намерений и будучи уверена в том, что я хорошая мать. Однако я решила только вскользь упоминать о самых жгучих горестях моей жизни и потому продолжаю: мы поехали по псковской дороге, с тем чтобы остановиться на некоторое время в великолепном поместье Щербинина, находившемся в этой губернии.

По дороге произошел случай, причинивший мне немало беспокойства. Лакей Танеева, ехавший со мной, упал, и два наших экипажа переехали через него. На первой почтовой станции не было хирурга, на второй — также. Переломов у него не было, так как наши экипажи были легкие и на полозьях, но левая рука и почти вся левая сторона тела были помяты и так сильно распухли, что можно было снять рубашку, только разрезав весь рукав сверху донизу. Он не мог бы выдержать дальнейшего путешествия; я вспомнила, что у моего сына в его английском портфеле был ланцет, и тщетно просила, чтобы кто-нибудь пустил ему кровь; никто не решался, и мне пришлось самой сделать эту операцию; я счастливо вскрыла вену, но сама после этого имела сильные припадки, о которых, однако, не сокрушалась, так как ценою их спасла жизнь человеку.

Я чрезвычайно скучала в обществе стариков Щербининых в их имении и сократила свое там пребывание.

Не доезжая Гродны, мой сын меня сильно напугал: у него открылась корь; помощи не было никакой в этом почти варварском краю, где царствовали неимоверная грязь и нищета, а мужики не обладали ни сметливостью, ни гостеприимством, свойственным русским крестьянам. По дорогам можно было ездить только в местных бричках, и мои экипажи проезжали по этим дорогам благодаря помощи тридцати казаков, которые, опережая меня на полдня, срубали придорожные кусты и деревья и таким образом расширяли дороги в этих огромных лесах. К счастью, я нашла в Гродно отличного доктора, выписанного королем из Брюсселя для кадетского корпуса, основанного им в этом городе. Я пробыла в нем пять недель, вследствие того что моя дочь, не покидавшая постели своего брата, также заразилась корью.

Затем я поехала через Вильну в Варшаву. Это был юбилейный год, и, хотя мы и не застали шумных празднеств, я имела удовольствие часто наслаждаться приятной и поучительной беседой с королем. Его величество два-три раза в неделю приезжал ко мне, и мы несколько часов проводили с ним вдвоем. Его племянник, князь Станислав [176], очень любезный и образованный молодой человек, генерал Комаржевский и свита оставались в других комнатах с моими детьми; должна сознаться, что мне пришлось неоднократно удивляться великим душевным качествам короля. У него было благородное, отзывчивое сердце, просвещенный ум, а любовь к искусствам, в которых он был тонкий знаток и ценитель, придавала разнообразие и всесторонний интерес его разговору. Он заслуживал счастья, а польская корона была для него, скорее, проклятьем, чем радостью. Если бы он остался частным человеком, он благодаря способностям, дарованным ему природой и усовершенствованным воспитанием, пользовался бы всеобщей любовью. Сделавшись королем беспокойного народа, выделявшего из своей среды самые противоречивые характеры, он не снискал его любви, так как народ не был способен его оценить. Будучи соседом двух великих держав, он часто принужден был действовать вопреки своим принципам и желаниям, а благодаря

интригам польских магнатов ему приписывали многие ошибки, которых он вовсе не совершал. Я с сожалением оставила Варшаву. Меня привязывали к ней король, его племянник Станислав и всеобщее уважение к памяти моего мужа.

В Берлине меня ожидал такой же дружеский прием, как и в первый мой приезд. Я заранее написала моему банкиру, чтобы он нанял мне в Спа новый дом на «Promenade de Sept Heures», и поселилась в нем раньше m-me Гамильтон. Я наняла весь дом, и, когда она приехала, она увидела, что я сдержала свое обещание по всем пунктам. В Спа Щербинин получил целый ряд писем от своих родителей, настойчиво вызывавших его в Россию, и он с грустью расстался с нами. Моя дочь не пожелала последовать за ним и осталась со мной. Из Спа я написала историку Робертсону [177], ректору Эдинбургского университета, что осенью приеду в Эдинбург и поселюсь в нем на долгое время, пока мой сын не закончит свое образование; ему было всего тринадцать лет, и я просила Робертсона руководить его образованием в течение нескольких лет и дать мне все необходимые сведения. В ответ на его письмо, в котором он советовал мне отложить поступление моего сына в университет, а сперва подготовить его, я с радостной для матери гордостью написала, что мой сын вполне способен слушать университетский курс, так как отлично знает латинский язык, математические науки, историю, географию, французский и немецкий языки и английский настолько, что все понимает, хотя и недостаточно бегло на нем говорит.

По окончании сезона в Спа я поехала в Англию. Пробыв недолго в Лондоне, я по дороге в Шотландию остановилась на несколько дней в замке лорда и леди Суссекс, где я имела удовольствие познакомиться с мистером Вильмотом [178], отцом моего молодого друга, из любви к которой я поборола свое нежелание писать настоящие воспоминания. Мистер Вильмот был родственником Суссекса и жил у них все время, пока и мы у него гостили. Оттуда я поехала в Эдинбург, где и поселилась на несколько лет в старинном королевском замке, Голирудгоуз [179]. Живя в нем, я не раз вспоминала

о неразумной и несчастной королеве Марии[180]. К моей квартире примыкал ее кабинет и лестница, с которой был сброшен ее фаворит итальянец. Робертсон нашел, к моему большому удовольствию, что сын был вполне подготовлен для поступления в университет. Я познакомилась с профессорами университета, людьми, достойными уважения, благодаря их уму, знаниям и нравственным качествам. Им были чужды мелкие претензии и зависть, они жили дружно, как братья, уважая и любя друг друга, чем доставляли возможность пользоваться обществом глубоких, просвещенных людей, согласных между собой; беседы с ними представляли из себя неисчерпаемые источники знания. Летом, когда лекции в университете прекратились, мы поехали путешествовать в горы. Не стану описывать здесь этой поездки, так как к этим Запискам будет приложено описание ее, сделанное мною для моего друга, m-me Морган, приславшей мне впоследствии копию с него, списанную ею собственноручно.

Бессмертный Робертсон, Блэр[181], Смит[182] и Фергюсон[183] приходили ко мне два раза в неделю обедать и проводить весь день. Герцогиня Беклёй, леди Скотт, леди Лосиан и леди Мэри Ирвин своим обществом скрашивали мою жизнь еще больше; это был самый спокойный и счастливый период, выпавший мне на долю в этом мире. Мой друг, m-me Гамильтон, вскоре своим приездом увеличила еще счастье моей жизни, которое даже сильнейший ревматизм, схваченный мною в горах, не в силах был омрачить; я привыкла к физическим страданиям, и так как жила вне себя, т. е. только для других и любовью к детям, я способна была смеяться и шутить во время сильных приступов боли.

На следующий год знаменитый доктор Куллен предписал мне воды Букстона и Матлока, а затем морские купанья в Скарборо. Я принялась за это лечение, так как имела возможность начать и закончить его в каникулярное время; m-me Гамильтон меня сопровождала, и ее нежный уход за мной, когда я лежала больная при смерти в Скарборо, спас мне жизнь. Леди Мюльгрэв, жившая после смерти своего мужа в имении одной своей подруги, узнав, что я опасно больна, приехала

в Скарборо, несмотря на то что сама страдала подагрой и была подавлена своим горем, и осталась до тех пор, пока не убедилась, что опасность миновала. Она уговорила меня сделать крюк на обратном пути и погостить несколько дней у ее подруги. Я обещала, и, как только силы позволили мне предпринять эту поездку, я уехала из Скарборо к леди Мюльгрэв. Она упросила меня остаться два дня; оттуда я по большой дороге поехала прямо в Эдинбург, куда и прибыла до начала занятий.

Хотя я и страдала еще от ревматизма, поразившего главным образом коленные суставы, и мой желудок не пришел еще в полный порядок, я принялась с энергией за свои обязанности матери и наставницы. Мой спокойный, ровный и веселый характер приводил в изумление моих друзей и знакомых. Профессора приходили ко мне два раза в неделю; с целью доставить моему сыну развлечение я каждую неделю давала балы. Кроме того, мой сын ездил верхом в манеже и через день брал уроки фехтования у отличного учителя, случайно находившегося в Эдинбурге. Этими упражнениями я не только сохранила ему здоровье, но и укрепила его настолько, что он тогда уже обладал значительной силой. Я сама принуждена была подвергать себя всевозможным лишениям, но ничуть этим не тяготилась, так как всей душой была предана материнской любви и обязанностям. Я была всецело поглощена стремлением дать моему сыну самое лучшее образование и воспитание; незначительность средств моих детей и собственная бедность меня не огорчали: в Шотландии жизнь недорога, и, соблюдая порядок и экономию, я могла вполне свободно содержать наш дом, но для совершения путешествия в Ирландию, по окончании моим сыном университета, мне пришлось прибегнуть к мелкому кредиту, которым я пользовалась, будучи коротко знакома со своими банкирами, Форбсом и Гунтером. Перед отъездом они предложили мне свою помощь, и я заняла у них две тысячи ф. ст., которые и выслала им через несколько месяцев из Голландии. Я уплатила им свой денежный долг, но, конечно, никогда и ничем не сумею вознаградить их в достаточной мере за их дружбу, предупредительность и доброту ко мне.

В мае 1779 г. мой сын выдержал публичный экзамен в университете. Собрание было очень многолюдно, и его блестящие ответы по всем отраслям науки вызвали шумные аплодисменты аудитории (что было воспрещено). Он получил первую ученую степень (maître ès-arts*); мое счастье может быть понято и оценено только матерью. Таким образом закончились мои обязанности и функции наставницы, и в начале июня мы уехали в Ирландию. Мы высадились в Донагади, куда мне навстречу выехала моя приятельница m-me Морган. Затем мы осмотрели Колерэн и шоссе Великанов, которое стоит посмотреть. В Дублине для меня был уже приготовлен очень красивый и удобный дом. Мое пребывание в Дублине представляется мне до сих пор счастливым и очень реальным сном, продолжавшимся целый год, благодаря заботам моих дорогих друзей, m-me Гамильтон и m-me Морган, и вниманию их родителей, дни мои текли спокойно и радостно, не оставляя желать ничего лучшего. Я нашла в Дублине отличного учителя танцев, недавно вернувшегося из Парижа, и он два раза в неделю обучал моего сына; кроме того, он учился по-итальянски и каждое утро повторял с мистером Гринфильдом курсы наук, прослушанных им в Эдинбурге, и читал с ним греческих и латинских классиков. Дни его были наполнены полезными занятиями; по вечерам мы часто ездили к знакомым и в театр; каждую неделю у нас устраивался бал, благодаря чему дети были здоровы и веселы.

Я имела счастье заслужить любовь леди Арабеллы Денни [184], светской женщины, достойной самого глубокого почтения, получившей его выражение, когда парламент отправил к ней депутацию, чтобы поблагодарить ее за многочисленные ее благодеяния и полезные учреждения, основанные ею, о которых она неусыпно заботилась, несмотря на свой преклонный возраст. Мы часто ездили к ней пить чай. Ее любезность, ясная душа и здравый смысл привлекали к ней сердца всех, близко знавших ее. Особенно ее интересовало убежище Магдалины, которое благодаря ее умению приносило действи-

* Магистр искусств *(фр.)*.

тельную пользу. Она мне показывала его несколько раз и, питая слишком высокое мнение о моих скромных талантах, просила меня написать музыку на слова любимого ее гимна, который она часто заставляла петь в приюте. Я не могла отказаться, так как малейшее ее желание было священно для меня, и написала четырехголосую музыку [185] на слова гимна; она велела его разучить, и через две недели его пели в церкви при большом стечении публики, которой было интересно послушать сочинение «русского медведя». Сбор был очень велик, и в тот вечер леди Арабелла была в самом счастливом настроении духа.

Я часто ездила в парламент слушать ораторов, среди которых блистал тогда Грэттан [186]. Концерты и чтение с моими подругами наполняли мое время, и целый год пролетел с волшебной быстротой.

Я с тяжелым сердцем покинула Дублин, но мой долг обязывал меня совершить еще путешествие с моим сыном, прежде чем представить его государыне. Мы осмотрели Килкенни, Килларни с его черным озером, Корк с его рейдом, Лимернэ и многие другие места.

В начале 1780 г. мы расстались с Ирландией и, переплыв канал, высадились в Голигеде. Дорога до Лондона крайне интересна, и Валлис представляет множество великолепных видов.

В Лондоне я представилась их величествам [187], принявшим меня с свойственными им добротой и любезностью. Я сказала им, что пользовалась необыкновенным спокойствием и удовольствием в их владениях, что мой сын в особенности извлек громадную пользу для своего образования из пребывания в английском университете, вследствие чего я на всю жизнь сохраню благодарность, доступную только сердцу матери, и что к чувству почтения к их величествам я присоединяю и чувство глубокой признательности. Королева ответила мне:

— Я уже знаю и своими словами вы подтверждаете, что вы редкая мать.

Я возразила, что вряд ли заслуживаю подобного отзыва и что в свою очередь слышала, что королева была примерной матерью и что ее прекрасная семья вполне заслуживает и оправдывает ее великую неж-

ность. Королева заговорила о своих многочисленных детях и усомнилась, знаю ли я их всех. Я ответила утвердительно и выразила желание их видеть; королева обещала нарочно выписать их из Кью, чтобы показать их мне. Действительно, она приказала леди Голдернес привезти их на следующий день к завтраку и предупредить меня об их приезде. Я как могла выразила королеве свою благодарность за ее доброту. Я видела ее прелестных детей, действительно похожих на ангелов. Мы поехали в Бат и Бристоль и посетили все замки и королевские резиденции; откланявшись королю и королеве, мы поехали в Маргэт и оттуда на корабле в Остенде.

Оттуда мы приехали в Брюссель, где, пробыв несколько дней, оставили экипажи и часть людей, а сами отправились через Антверпен в Голландию, которую объехали всю: мы посетили Роттердам, Дельфт, Гаагу, Лейден, Утрехт, поселение братьев гернгутеров[188], Гаарлем. Я получила письмо от нашего посланника в Голландии, князя Голицына, очень позабавившее нас. Он с большим юмором писал про инцидент с купцом, которого я приютила в нанятом мною помещении на судне и который, приехав к князю, передал ему нижайшее почтение от имени русской женщины, пользующейся его покровительством и путешествующей благодаря его щедротам. Князь долгое время не мог понять доброго голландца и счел его даже за сумасшедшего, но, расспросив его, где он меня видел и кто был со мной, он наконец догадался, что это была я, и смутил бедного купца, сказав ему мое имя. Дело в том, что в ту минуту, как «трешкоут»*, в котором я наняла комнату (руфф), собирался тронуться в путь, прибежал человек, очевидно спешивший уехать. Оставалось свободным только одно место на крыше; тогда, видя его беспокойство,

---

* Трешкоуты представляют из себя большие барки, которые тянут лошадьми. Они состоят из одной чистенькой комнаты для богатых людей и большой общей комнаты, где каждый пассажир платит за свой проезд небольшую сумму денег; кроме того, были места на крыше, стоившие еще дешевле. Эти барки отправлялись ежедневно в известные часы и прибывали в соседние города также в определенное время.

я попросила его войти в мою комнату, что он и сделал с великим удовольствием. Он объяснил мне — наполовину по-голландски, наполовину на плохом немецком языке, что неотложные дела требуют его присутствия в известный день в Гааге; мне пришла мысль скрыть свое имя, и я просила его пойти к нашему министру (он уверял меня, что его знает) и сказать ему, что русская женщина, пользующаяся его покровительством, кланяется ему и просит его адресовать свои письма в Амстердам. Нам предстояло подняться по другому каналу, находившемуся на другом конце города; чтобы попасть на него, приходилось пройти через весь город пешком, а так как до отхода следующего трешкоута оставалось два часа, я спросила его, как обыкновенно пассажиры проводят это время.

— Туземцы имеют здесь либо дела, либо знакомых и родных,— ответил он,— но так как вы иностранцы, я поведу вас в один трактир недалеко от пристани.

Я приняла его предложение, и мы едва могли удержаться от смеха, когда он стал нас угощать пивом, хлебом и сыром.

Вернувшись в Гаагу, я свиделась еще раз с принцессой Оранской, которую искренно любила и уважала. Оба раза, когда я была в Гааге, она настояла на том, чтобы я ее посетила, хотя я отговаривалась неимением с собой других платьев, кроме дорожных; но она прислала ко мне свою воспитательницу, мадам Дункельман, пользовавшуюся полным доверием принцессы-матери [189] в деле воспитания принцессы Оранской. Не распространяясь о всех ее прекрасных качествах, скажу только для ее характеристики, что она состояла в переписке с Фридрихом Великим, дядей принцессы Оранской. По ее настоянию я решила пренебречь этикетом по части костюма и поехала с дочерью во дворец в карете мадам Дункельман.

Мы ужинали у принцессы как в этот день, так и во все последующие, пока оставались в Гааге, а также и по возвращении из помянутой круговой поездки. Принц Оранский [190] ужинал с нами; обыкновенно он за ужином засыпал, несмотря на ранний час, но в этот раз он, сидя рядом со мной, даже не дремал. Он сказал мне,

что любит засыпать за столом, но что я была так добра, что отогнала Морфея от его вежд. Я выразила сожаление, что он приносит мне такую большую жертву, а когда принцесса спросила меня, что мне говорил принц, я, стесняясь повторить его слова, сказала только, что он говорил мне любезности.

Я забыла упомянуть, что, намереваясь остаться в Лейдене всего два дня, чтобы повидать кое-кого из тех, с кем я сблизилась в первую поездку, я приняла предложение моего родственника, князя Шаховского, занять его апартаменты. После завтрака я отправилась к знаменитому врачу Гобиеусу, которого я искренно уважала. Старая служанка, открывшая мне дверь, сказала, что его нет дома, но я возразила ей, что знаю, что он не выходит и что он, вероятно, будет рад меня видеть, и попросила ее доложить, что княгиня Дашкова желает с ним проститься. Он услышал из соседней комнаты мой голос и вышел ко мне. Когда служанка открывала дверь, я увидела во внутренних комнатах князя и княгиню Орловых, очевидно пришедших посоветоваться с доктором. Удивление мое было безгранично, тем более что я не знала, что они уехали из России. Мои немногие русские корреспонденты не сообщали мне никаких подробностей о придворной жизни. Будучи уверена в том, что Россия в царствование Екатерины могла только процветать, и всецело поглощенная заботами о воспитании сына, я просила их писать мне лишь о себе и о моих родных и друзьях. Я увиделась с Гобиеусом с удовольствием, но, не желая прерывать его занятий, я не вошла в комнаты и, простившись с ним, пошла прогуляться пешком по городу и затем вернулась домой.

Не успели мы сесть за обед, как вошел князь Орлов[191]. Не знаю, прочел ли он на моем лице, всегда ясно отражавшем мои мысли и чувства, что его посещение было столь же неожиданно, сколь неприятно, или он, по обыкновению, произнес первую фразу, пришедшую ему на ум, но он сказал:

— Я пришел к вам другом, а не врагом.

Никто ничего не ответил. Он взглянул на моего сына, и, может быть, совесть его заговорила, когда он вспомнил все зло, что он мне причинил.

— Судя по мундиру вашего сына,— продолжал он,— он еще в кирасирском полку; я путешествую ради здоровья моей жены, состою еще на службе и числюсь командиром конногвардейского полка; если желаете, княгиня, я напишу императрице и попрошу ее перевести его в мой полк, вследствие чего он сразу будет повышен на два чина.

Я поблагодарила князя и, объявив, что по этому предмету я должна поговорить с ним наедине, встала из-за стола, попросила остальных продолжать обед, не дожидаясь меня, и удалилась в свою комнату с князем Орловым. Я не знаю, понял ли он мою деликатность; поблагодарив его еще раз, я попросила его отложить на время свои хлопоты, так как я уже обратилась к князю Потемкину, как к президенту военной коллегии, с просьбой сообщить мне, на что может надеяться мой сын, которого я предназначала к военной службе и который, благодаря своему образованию, имел возможность в ней отличиться; поэтому я не могла переводить его из одного полка в другой и должна была предоставить государыне, его крестной матери, решить его судьбу; своей поспешностью я могла бы обидеть Потемкина и оказаться невежливой по отношению к нему. Но князь возразил, что не видит, чем бы Потемкин мог обидеться.

Я знала, что Орлов и Потемкин были в очень дурных отношениях, потому и сочла своим долгом сообщить Орлову, что я уже написала президенту военной коллегии. Увидев, что я только теряю время в попытках объяснить ему свои мотивы, я сократила наше свидание, попросив его сообщить мне свой адрес, чтобы я могла осведомить его об ответе из Петербурга, и сохранить свое доброе расположение к моему сыну, которым мне, может быть, придется воспользоваться.

— Обещаю вам это,— ответил он,— трудно представить себе более красивого юношу, чем князь Дашков.

Его красота немало беспокоила меня впоследствии и была источником огорчений и тревоги для меня. Я еще раз увидела князя Орлова в Брюсселе, где он остановился проездом в Париж, а оттуда в Швейцарию, где его жена должна была лечиться у Тиссо; тут же

были еще Мелиссино [192], попечитель Московского университета, его жена с племянником, фрейлина Протасова и девица Каменская. Все это общество сразу наводнило мою комнату, когда я и не знала, что он в Брюсселе; из них я была рада свидеться только с Мелиссино, человеком очень образованным, ровного и веселого характера; в течение нескольких лет он через день бывал у меня, но я не могла заниматься с ним одним, и среди разговора князь Орлов вдруг повергя меня в неописуемое смущение. Глядя в упор на моего сына, он сказал:

— Я жалею, князь, что меня, вероятно, не будет в Петербурге, когда вы туда приедете; я убежден, что вы затмите фаворита [193], а так как с некоторых пор мне вменили в обязанность вести переговоры с отставленными фаворитами и утешать их, я с удовольствием занялся бы этим, если бы он принужден был уступить вам свое место.

Эта странная речь заставила меня жалеть, что сын при ней присутствовал; я поскорее выслала его из комнаты, прежде чем он сам успел ответить, я поручила ему написать доктору Бюртену, чтобы напомнить ему его обещание прийти на следующий день в девять часов и поехать с нами осматривать соседние возвышенности, гда находилось много красивых местностей. Когда мой сын вышел, я выразила князю свое удивление, что он обращается с подобными словами к семнадцатилетнему мальчику и компрометирует императрицу; причем добавила, что я никогда не знала этих фаворитов; если некоторые ее генерал-адъютанты и жили во дворце, то тому было причиной доверие к ним императрицы; попросила его никогда не говорить так в моем присутствии и еще менее в присутствии моего сына, которого я воспитываю в самом беспредельном уважении и преданности к своей государыне и крестной матери, и что я надеюсь, что он будет любимцем только хороших людей. Ответ князя Орлова был в его обычном стиле, и следовательно, не стоит его повторять. Через несколько дней он, к моему удовольствию, уехал в Париж, а я осталась в Брюсселе еще некоторое время, так как мне туда должны были переслать деньги.

Каждое утро мы отправлялись с доктором Бюрте-

ном в окрестности города и составляли гербарий из растений, не виданных мною у нас. По получении денег мы поехали в Париж. Я остановилась только на два дня в Лилле, спеша поскорей в Париж, где для меня была уже нанята квартира. Я с удовольствием узнала, что Орлов со свитой уже уехали, и была рада, что мой добрый старик Мелиссино с женой остались в Париже. С невыразимой радостью я увидела Дидро, поцеловавшего меня с той теплой сердечностью, которою отличались его отношения к друзьям. Я встретила также в г. Малербе [194], в его сестре, в m-me Неккер и других старинных знакомых те же дружеские чувства, которыми они почтили меня и в мое первое путешествие.

В это время в Париже было много русских, между прочим граф Салтыков (впоследствии главнокомандующий и генерал-губернатор в Москве) [195], его жена, Самойлов (племянник Потемкина) [196] и граф Андрей Шувалов [197] с супругой. Последний жил в Париже уже два года, не заслужив ни уважения, ни любви. Так как он причинил мне хотя и мимолетное, но мучительное беспокойство, я считаю не лишним обрисовать здесь его характер. Это был человек большого ума, в совершенстве владевший французским языком, с удивительной легкостью писавший стихи, довольно образованный, знавший хорошо в особенности французскую литературу, самолюбивый, надменный, жестокий с подчиненными и искательный и раболепный перед высшими — наиболее влиятельный в данную минуту человек был всегда для него божеством, капризный и скорый на заключение; часто действовал он вопреки здравому смыслу, так как ум его не обладал устойчивостью, порождающей здравое и прямое суждение. Он в конце концов помешался и так и умер сумасшедшим, не оплакиваемый даже семьей. Меня посещали многие знакомые, и мне приходилось отдавать им визиты, что отнимало много времени, между тем как оно было драгоценно вследствие моего намерения оставаться в Париже недолго. Мне дали понять, что мне следует явиться в Версаль. Я ответила, что, несмотря на то что была графиней Воронцовой по отцу и княгиней Дашковой по мужу, я всегда чувствовала себя неловко при дворе.

Наконец мне ясно сказали, что королева [198] желает со мной познакомиться; на это я так же ясно объявила, что, хотя для меня лично всякое место безразлично, лишь бы оно не было слишком неудобно, и хотя я не придавала значения знатности рождения, так что вполне равнодушно могла видеть, что французская герцогиня, дочь разбогатевшего откупщика, сидит на почетном месте (при версальском дворе им считался табурет), но в качестве статс-дамы императрицы российской не могу безнаказанно умалять свой ранг.

Несколько дней спустя m-me де Сабран, с которой я вместе завтракала у аббата Рейналя [199], сказала мне, что королева желает, чтобы я приехала в Версаль к m-me де Полиньяк [200], где будет находиться и она, и что вследствие отсутствия придворного этикета мы обе будем чувствовать себя свободнее. Я часто завтракала у аббата Рейналя. Дидро, несмотря на свое слабое здоровье, посещал меня почти ежедневно. Когда я сидела по вечерам дома, у меня собиралось целое общество; по утрам я посещала мастерские лучших артистов, кроме тех дней, когда Гардель [201] обучал танцам моих детей, а один ученик Даламбера [202] повторял с моим сыном математику и геометрию. У меня очень много времени отнимал и Гудон [203], делавший по настоянию моей дочери мой бронзовый бюст. Когда он был готов, я не могла не заметить, что французские артисты обладают слишком изящным вкусом, чтобы изобразить меня такою, какою меня создал господь бог, и что он изобразил французскую декольтированную герцогиню, а не ту скромную и простую Нинетту [204], какою я была.

У Неккера я познакомилась с епископом Отенским и с Гибером [205], автором тактики, столь нашумевшей. Встретилась я и с Рюльером, которого я знавала в период его пребывания в России в эпоху восшествия на престол императрицы. Я заметила, что он был в смущении, вероятно вспомнив, что я отказалась его принять в первое свое пребывание в Париже. Подойдя к нему, я сказала, что я слишком горда и слишком хорошего мнения о нем, чтобы думать, что мои друзья 1762 г. перестали быть ими; что я очень рада его видеть, и если

госпожа Михалкова (под этим именем я путешествовала в первый раз), не желая никому показываться, пожертвовала удовольствием, которой ей доставило бы его общество, то у княгини Дашковой нет никаких оснований поступать так же. Я сказала ему, что буду с удовольствием принимать его, когда ему угодно, но не стану ни читать, ни слушать его книги, несмотря на то что местами она, вероятно, представила бы для меня большой интерес. Рюльер остался доволен моими словами и посетил меня несколько раз. Малерб, его сестра, еще несколько лиц, в особенности Дидро, который был достоин доверия вследствие своей природной искренности и дружбы ко мне, уверяли меня, что Рюльер отзывался обо мне самым лестным образом, но привели мне несколько суждений его об императрице, которые я не могла распространять. Каково было мое удивление, когда двадцать лет спустя, в эпоху, когда все во Франции было перевернуто вверх дном и когда клевета, неприличие, разнузданность — плоды разногласий и партийности — говорили и печатали все, что диктовали им злобные страсти, каково, говорю, было мое удивление, когда я прочла в брошюре, озаглавленной «Мемуары о революции 1762 г.» Рюльера, что я была любовницей графа Панина, дяди моего мужа, который по возрасту мог быть ему отцом, не только что моим, и что я была беременна от него (в таком случае я должна была носить своего сына одиннадцать с половиной месяцев, так как он родился 12 мая). Кроме того, в этой книге было и еще много всякой лжи. Однако я вспомнила, что Рюльер несколько лет прослужил в министерстве иностранных дел и что он со своим умом и знанием не мог бы написать, что при бракосочетании Петра III с принцессой Цербтской (впоследствии Екатериной II) в контракт было включено условие, что в случае смерти императора престол переходит к ней; самый невежественный новичок в дипломатии не мог бы написать подобной нелепости, так что я утешилась и сняла всякую вину с памяти Рюльера; он бывал у меня почти каждый день в этот период, видел мою любовь к мужу и знал мои принципы вообще; поэтому я и не сомневалась более, что это мнимое сочинение Рюльера было апокрифическое.

В назначенный час я с детьми поехала в Версаль. Королева ожидала меня в апартаментах Жюля Полиньяка [206]. Ее величество пошла ко мне навстречу и обошлась со мной очень ласково. Я сидела рядом с ней на диване, дети мои с другой стороны вокруг круглого столика, и мы непринужденно болтали. Она говорила с моими детьми о танцах, в которых, как она слышала, они были особенно искусны, и прибавила, что, к ее большому сожалению, ей вскоре придется лишить себя этого удовольствия.

— Почему же? — спросила я королеву.

— К сожалению, во Франции нельзя танцевать после двадцати пяти лет.

Я, как настоящая простушка, забыв пристрастие королевы к картам, возразила, что следует танцевать, пока ноги не отказываются служить, и что танцы гораздо полезнее и естественнее азартных игр.

Королева ответила, что она смотрит точно так же, и когда я потом думала и старалась припомнить, не была ли королева недовольна тем, что я сказала, я не могла припомнить ни малейшего признака недовольства в ее лице или в голосе. На следующий день, приехав в Париж, я узнала, что все уж передавали друг другу вырвавшуюся у меня фразу. Доказательство внимания ко мне публики, которым это, быть может, объясняется, не произвело на меня такого впечатления, чтобы уравновешивалось неприятное чувство, какое я испытывала при повторении этого рассказа, так как похоже было, будто я хотела дать урок королеве. Ее величество продолжала любезно обходиться со мной, и благодаря ей я получила разрешение повести моего сына осмотреть воспитательное заведение Сен-Сир [207], куда мужчинам не было доступа. Нас повезли туда из Версаля в придворных каретах; госпожи де Полиньяк и де Сабран с каждым своим приездом в Париж передавали мне любезные приветствия от ее величества.

Я узнала от Дидро, что Фальконет [208] и его ученица m-lle Колло [209] находились в Париже; я велела им передать, что они доставят мне большое удовольствие, если приедут ко мне на чашку чая. Они приняли мое приглашение, и m-lle Колло рассказала мне, что она

накануне встретила у одной подруги бывшую гувернантку детей графа Шувалова, получавшую от него маленькую пенсию и часто посещавшую дом Шуваловых, и имела с ней очень горячий спор о нас и о моем сыне. Я никогда не видела этой особы и потому, любопытствуя знать, что она могла говорить на мой счет, я попросила m-lle Колло сообщить мне предмет спора и из ее слов заключила, что гувернантка несомненно повторяла слышанное ею в доме графа Шувалова. Она утверждала, что я намерена провести моего сына в фавориты и внушаю ему честолюбивые замыслы, но что достаточно только огласить подобные планы, чтобы они никогда не осуществились бы. M-lle Колло, которую я постоянно видела в мастерской Фальконета в Петербурге и у себя в доме, прожив долгое время в России, умела оценить меня и знала, что мои принципы не позволяли мне, ни как постороннему человеку, ни тем более как матери, проводить князя Дашкова в фавориты; я всегда чуждалась и тех, которые были у Екатерины Великой, делавшей мне честь иногда стеснять себя для меня во многих случаях. Действительно, ее величество, даже когда мы оставались втроем с фаворитом, обращалась с ним при мне как с генералом, пользующимся ее доверием и уважением. Слова m-lle Колло повергли меня в сильное волнение. Само собой разумеется, что меня тревожил не страх, что мой сын не попадет в фавориты, а опасение, что настоящий фаворит, боясь соперничества сына, будет тормозить его службу и даже вовсе удалит его от императрицы под тем предлогом, что я питаю оскорбительные для ее величества замыслы; мое беспокойство было тем более простительное, что я уже испытала на себе могущество фаворитов, прикрывавших свое честолюбие личиной любви. M-lle Колло удивилась моему волнению, но, когда я объяснила ей, в чем дело, она нашла его вполне естественным и искренно сочувствовала мне; мою тревогу увеличивало еще то обстоятельство, что я все еще не получала ответа от Потемкина, а я, сознаюсь, была настолько тщеславна, что думала, что, несмотря на небрежность Потемкина, он не посмел бы так поступить со мной, если бы не был убежден в своей безнаказанности и в равнодушии императрицы ко мне.

Тотчас по уходе m-lle Колло я послала сказать Мелиссино, что желала бы переговорить с ним и прошу его зайти ко мне сегодня вечером. Я сообщила ему мою тревогу, которую он, однако, значительно облегчил.

— Напрасно, княгиня, вас тревожит эта сплетня,— ответил он,— источник ее известен; я могу засвидетельствовать, с каким негодованием вы отвергли в Брюсселе эту мысль, высказанную князем Орловым. Впрочем, вы сейчас же можете совершенно уничтожить значение слов графа Андрея Шувалова; он повторяет их за князем Орловым, сказавшим их в моем присутствии за обедом у Шувалова; он объявил себя даже готовым держать пари, что князь Дашков будет фаворитом, сообщая это конфиденциально Самойлову. Самойлов был у меня сегодня; он намеревается зайти к вам; если вам угодно, я также приду и, сделав вид, что вы мне ничего не говорили об этой глупой сплетне, когда вы заговорите о ней, я просто расскажу все, что знаю о ней, как очевидец сцены в Брюсселе.

Я последовала совету Мелиссино. На следующий день я сказала Самойлову, как я была неприятно поражена накануне, узнав, что какая-то нелепая мысль Орлова получила распространение и могла повредить служебной карьере моего сына. Самойлов уверил меня, что как Орлов, так и Шувалов (несмотря на свой поэтический талант) нередко высказывали необыкновенные мысли, с которыми никто не мог согласиться.

— Но как же сделать известным где следует, что этот план составляет измышление князя Орлова и, к несчастью, попал на язык Шувалову? Как мне объяснить, не делая сплетен, недостойных и императрицы и меня, что я не только не строю столь нелепых планов, но и прихожу в ужас от того, что они зародились в голове Орлова.

— Императрица знает вас слишком хорошо, княгиня,— ответил Самойлов,— чтобы поверить этому; впрочем, я вернусь в Петербург за год до вашего возвращения туда; если вы позволите, я передам все, что слышал сейчас, моему дяде Потемкину и буду счастлив доказать на деле все мое уважение и благодарность

к вам и вместе с тем предупрежу князя о том, что на вас взводят эту клевету.

Я поблагодарила его за участие и согласилась на его предложение, но не могла не высказать, что не привыкла к тому, чтобы мне не отвечали на мои письма, ввиду того что даже коронованные лица относились ко мне иначе. Самойлов с живостью ответил, что Потемкин не мог не ответить мне и письмо его, вероятно, затерялось.

Самойлову хотелось видеть модели и планы укреплений, которых нельзя было осмотреть без особого разрешения от двора. Шувалов целых восемь месяцев все обещал ему достать разрешение; я объявила ему, что мною уже получено позволение для моего сына и что на следующий день он может вместе с ним пойти их смотреть. Я пригласила его к обеду на следующий день и вечером в оперу. В моем распоряжении была ложа маршала Бирона[210] в Опере[211] и во Французском театре[212]. Этот Бирон представлял из себя тип старинного изысканно-воспитанного вельможи; он очень полюбил мою дочь; она делала из него все, что хотела, так что он нередко певал арию: «Quand Biron voulut danser, quand Biron...»*и т. д. и сам танцевал под собственное пение.

В начале марта я уехала из Парижа, мы поехали через Верден, Мец, Нанси, Безансон в Швейцарию. Я останавливалась по дороге во всех городах, имевших военное значение, дабы мой сын мог ознакомиться с военным искусством во Франции. Мы получили разрешение на осмотр всего интересовавшего нас, а в Люневилле нам показали даже маневры, чего никогда не делали для частных лиц.

В Берне я встретилась с некоторыми старыми знакомыми, а в Женеве — с Крамерами и Гюбером, прозванным Птицеловом вследствие того, что любил соколиную охоту и отлично знал жизнь птиц. Этот замечательный своим умом и способностями человек питал ко мне искреннюю дружбу, он подарил мне портрет Вольтера своей работы, и мы расстались самым сердечным образом. Остервальд, известный своими процессами против Фридриха Великого, в которых он отстаивал

---

* Как Бирон соблаговолил танцевать *(фр.)*.

свои дворянские права, сопровождал меня из Невшателя в глубь страны, чтобы осмотреть интересные деревни Локль и Шо-де-Фон и их окрестности. Мы с этой целью наняли местные экипажи, так как дороги были немного узки. Благодаря здравому смыслу, познаниям и добродушию этого славного старичка, поездка наша была весьма приятна. Его дочь помогала ему в управлении его типографией. Я купила у него несколько книг и, заплатив за них вперед, попросила его послать их в Амстердам моим банкирам Паю, Рику и Вилькинсону.

Я с удовольствием и некоторой грустью снова увидала Женеву и Лозанну, так как эти два города напоминали мне то счастье, которое я испытала в них в обществе моего друга m-me Гамильтон.

Мы поехали в Турин через Савойю и Мон-Сенис. Я встретила очень любезный прием со стороны их величеств и всей королевской семьи. В это время при туринском дворе не было русского министра, так что меня представил ко двору английский министр, сын лорда Бюта и племянник министра Мекензи, с которым я была очень дружна в Лондоне. Мы осмотрели военную школу, и по приказанию короля нам показали все, что было в ней достопримечательного. Молодой барон Эльмпт, ливонец по рождению, подданный императрицы и сын генерала барона (а впоследствии графа) Эльмпта, слушал лекции в королевской военной академии. Он дурно себя вел и наделал глупостей, которые могли бы повести к исключению его из академии и стыду для него; я попросила британского министра, мистера Стюарта (Stewart), взять его под свое покровительство, пока я не напишу его отцу, пользовавшемуся большим уважением в России, чтобы он его отозвал.

Король сардинский[213] очень гордился укреплениями, сооруженными им в Александрии, и ревниво оберегал их от посторонних глаз, так что их показывали иностранцам только с особого разрешения короля. Он был настолько добр, что при нашем проезде через Александрию велел показать моему сыну все без исключения укрепления. Мы поехали через Нови и Генную и остановились на несколько дней как в Генуе, так и в Милане, чтобы осмотреть в подробностях все досто-

примечательности. Граф Фирмиан[214], министр императора, управлявший герцогством, был очень хороший и просвещенный человек: его обожали в области. Он был очень любезен с нами и помог нам осуществить нашу поездку на озера Маджиоре и Лугано и на Борромейские острова[215]; на этом пути не было почтовых станций и лошадей; он велел поставить смены лошадей в известных пунктах, и мы удобно и без задержек совершили нашу поездку. Красоты природы привели нас в восторг, и мы с трудом расстались с этой местностью, показавшейся нам земным раем. На открытом воздухе росли всевозможные сорта лимонных и апельсинных деревьев так же свободно, как у нас береза и липа; одни стояли в цвету, другие были покрыты спелыми фруктами. Огромное здание, начатое одним из Борромеев[216] и не доведенное им до конца, казалось, было слишком обширным для летней резиденции даже коронованных особ, и размеры его могут быть объяснены разве только тем, что он был племянником папы, который в те отдаленные времена мог удовлетворять самые широкие и расточительные замыслы.

Мы пробыли по два дня в Парме и Модене и остановились во Флоренции, где посвятили целую неделю осмотру знаменитой картинной галереи, церкви, библиотеки и великогерцогского кабинета естественной истории. Его королевское высочество приказал дать мне все дублеты, которые я пожелаю иметь, вследствие чего я получила много окаменелостей не только местных, но со всего земного шара, собранные Великим Комо, благодаря которому возродилась и расцвела наука в Италии[217].

Затем мы отправились в Пизу. Это красивый город с пятнадцатитысячным населением и считается вторым в Тоскане. Страбон[218] говорит, что он был основан аркадянами по возвращении с Троянской войны[219]. Другие ученые уверяют, что он был основан значительно раньше Пелопсом[220], сыном фригийского царя Тантала. Как бы то ни было, Пиза значилась в числе двенадцати главных городов Этрурии. После падения империи в одиннадцатом столетии она господствовала на море. В 1509 г. она перестала быть республикой,

и Медичи, желая обезопасить себя от пизанцев (в 1609 г. обнаруживших стремление к независимости), постоянно старались ее ослабить. Пиза — город довольно большой и красиво выстроенный, но вследствие малочисленности жителей, сравнительно с его величиной, он кажется немного пустынным. Промышленности у него нет никакой, хотя река Арно, протекающая посреди города, казалось, могла бы способствовать ее развитию. В нем есть только фабрика стальных изделий. К самым замечательным памятникам старины относится собор, выстроенный в одиннадцатом веке и украшенный добычею, отнятою пизанцами у сарацин. У него три великолепные бронзовые двери работы Джиованни да Болонья[221], изображающие Страсти господни. Весь собор мраморный и украшен 74 колоннами; из них 62 сделаны из восточного гранита. В соборе есть две колонны из порфира и четыре картины Андреа дель Сарто[222]. Любитель естественной истории заметит, что одна из маленьких колонн, поддерживающих кафедру, составлена из кусочков разных сортов порфира, соединенных между собой пастой из простого порфира. Комиссар дал в мою честь великолепный обед, а после обеда повел нас на двор г-жи Розальмины смотреть игры — il joсco del ponte*, устроенные специально для меня. Противники, носящие название своих приходских церквей, Санта Мария и Санто Антонио, вступают в бой на мосту. На них каски и шлемы, они одеты в длинные плащи. Единственное их оружие состоит из плоской дубины с двумя рукоятками. Пизанцы так любят эти турниры, что нередко в них принимают участие вельможи. Они происходили каждые пять лет, но, кажется, будут прекращены; великий герцог, не воспрещая вовсе, затрудняет, однако, их осуществление, объявив, что сорок восемь депутатов от обеих сторон обязаны нести ответственность за последствия турнира, возмещать убытки и содержать семьи убитых не только местных крестьян, но и флорентийских и ливорнских, нередко приезжающих померяться силами с пизанцами. Часто эти игры порождали ссоры и дуэли. Все высшее общество прини-

---

* Игра на мосту *(um.)*.

мало в них участие, и дамы носили цвета своих приходов. Матери и сестры ссорились между собой, если по мужу принадлежали к разным приходам. Я провела время большой жары и малярии на морских купаньях в Пизе. В этот период времени путешествие является небезопасным ввиду свирепствующей малярии. В Пизе я жила у нашего представителя, графа Мочениго[223]. У него был собственный дом, где мы и расположились очень удобно. Этот хороший, честный человек жил с своей семьей по старинным обычаям. Он занимал с женой и дочерью одну комнату, другую предоставил своему сыну, а третья служила ему кабинетом. Остальную же часть дома он предоставил мне. На берегу моря я наняла отличный дом. Нам отпускали из герцогской и публичной библиотеки и из разных монастырей все книги, какие я только хотела. Я установила целую систему чтения в хронологическом порядке и по предметам чтения. В восемь часов утра, после завтрака, мы с детьми отправлялись в самую большую комнату на северной стороне дома. В одиннадцать часов мы закрывали ставни и читали поочередно вслух до четырех часов. Затем мы одевались и в пять часов обедали. После обеда мы еще занимались чтением один час; тогда уже наставало время, когда можно было, не задыхаясь от жары, открывать окна и гулять вдоль канала. Это место было единственным, где можно было дышать свежим воздухом; но оно было запущено и завалено всяким мусором. Я велела его расчистить на свой счет, посыпать гравием и поставить скамейки. Мы задыхались от жары и недостатка воздуха, так что я писала одной своей подруге, что если ночью мы и не жаримся от солнца, то, вероятно, какой-нибудь злой дух выкачивал из Пизы весь воздух пневматической машиной.

Несмотря на это, я всегда с удовольствием вспоминаю о пребывании нашем на этих купаньях, так как смею сказать, что в эти девять недель на наших чтениях мой сын прочел столько книг, что для прочтения их любому молодому человеку понадобился бы целый год, и что чтение это производилось по такой строгой системе, что он вынес из него несомненную пользу.

28 июня, в день восшествия на престол императрицы, я дала большой бал в общественной зале, на который пригласила всю знать Пизы, Лукки и Ливорно. Всего было четыреста шестьдесят человек; несмотря на это, расход был невелик, так как его потребовалось только на угощение, на иллюминацию во дворе и на свечи. Жизнь наша вообще текла монотонно, если не считать этого бала и поездки на иллюминацию собора, представляющую из себя действительно поразительное зрелище, и на лодочные гонки на Арно*. Мы посетили Лукку** и Ливорно, отличаю-

* Призом служил кусок красной материи, приблизительно в пятьдесят дукатов. Магистраты города стояли частью у места отправки, частью у конечного пункта; к нашему удивлению и смущению, гребцы были без рубашек и имели на себе только кальсоны.

** Прежде всего мы посетили собор. С внешней стороны он не особенно красив, внутри поражает приятным готическим стилем. Купол раскрашен уроженцами Лукки, Колли и Санкашиани. На левой стороне собора стоит маленькая часовня, в которой хранится чудотворное распятие Volto Santo; оно находилось сперва в церкви С. Фреддиано и само перенеслось в то место, где хранится теперь. Его показывают всего только три раза в год или в случаях особенной опасности для государства. В церкви Santa Maria Corte Landini есть картина Гвидотти[224] «Рождество Христово» и две картины Гвидо[225]. Дворец республики — самое замечательное здание города. Управление страной аристократическое; члены совета не должны быть моложе двадцати пяти лет. В настоящее время около двухсот сорока совершеннолетних дворян; дворянское достоинство наследственно, хотя его и можно приобрести иногда за известную сумму денег или в награду за особенные заслуги. Дворяне разделяются на две конгрегации, состоящие каждая из девяноста лиц и тридцати помощников, которые поочередно исполняют обязанности членов совета на один год; они выбирают членов новой конгрегации из числа дворян, не участвовавших в последней, так как нельзя числиться в конгрегации два года кряду. Должностные лица также выбираются каждый год из числа дворян, кроме высшей магистратуры, состоящей из девяти старейшин (anziani) и гонфалоньера, меняющихся каждые два месяца. Лица, предназначенные для занятия должностей гонфалоньера и старейшин, выбираются советом из тридцати шести лиц, которые с помощью еще восемнадцати товарищей выбирают еще несколько магистратов. Эти выборы производятся с большой торжественностью, носят название «rinnovazione della pasca», так как по этому случаю возобновляется и избирательный ящик. Смотря по количеству подданных, эта «rinnovazione» происходит каждые два с половиной или три года. Выбираются сто восемьдесят дворян, из которых девять должны произвести выборы; они носят название «assortitori»; прежде всего они выбирают гонфалоньера, а затем и членов высшей магистратуры (Sopremo magistrato). «Assortitori» под большим секретом опускают билетики с именами десяти избранных ими лиц; каждые два месяца из ящика вынимают десять билетиков для образо-

щийся густым населением в сорок три тысячи жителей.

Торговля очень оживленная вследствие porto franco* и других благоприятных обстоятельств. Я осмотрела и новый карантинный госпиталь, основанный герцо-

---

вания совета девяти старцев и гонфалоньера, которых в свою очередь выбирают из числа лиц, избранных во время «rinnovazione». Законодательная и высшая власть принадлежит соединенному совету обеих конгрегаций. Большинство законов могут пройти только при наличности восьмидесяти дворян и тремя четвертями голосов всего собрания. Гонфалоньер и старейшины, представляя князя или государство, имеют право предложить тот или другой проект на обсуждение. Гонфалоньер носит титул князя, и ему воздают почести как главе государства, но он совершенно лишен возможности злоупотреблять своим положением. Вход во дворец республики, где он живет, охраняется стражей, состоящей из семидесяти швейцарцев, находящихся на иждивении государства. Исполнительная власть принадлежит старейшинам и гонфалоньеру, но отчасти и разным магистратам. Третья государственная власть, судебная, принадлежит всецело пяти аудиторам. Один из них, подеста, ведет уголовные дела, остальные четверо — гражданские. Судьи — всегда из других областей, как и во многих других итальянских городах, дабы они не оказались пристрастными вследствие родственных и дружеских связей. Когда подеста произносит смертный приговор, он его посылает в сенат, который исполняет его или милует преступника. В торжественных случаях подеста несет в руках серебряный жезл с девизом республики «Свобода» и с изображением пантеры, символа силы, на конце. Полиция в Лукке очень строгая, она состоит из сорока сбиров; два небольших отряда сбиров ходят по городу ночью в сопровождении гайдука в ливрее главы республики. В случае надобности он бывает свидетелем. Ношение оружия воспрещено, вследствие чего гражданин, у которого обнаружено холодное оружие, на следующий же день приговаривается к каторжным работам, а так как в Луккской республике нет каторги, то преступников посылают в Геную, где их охотно принимают. Если же у него найдено огнестрельное оружие, его также приговаривают на каторгу, но предварительно три раза вздергивают на дыбу. Иностранцам несколько лет тому назад разрешено носить шпаги. В республике более ста двадцати тысяч жителей; из них двадцать шесть — двадцать девять тысяч живут в городе, так что в общем на каждую квадратную версту приходится пять тысяч двести восемьдесят три человека; во Франции их всего девятьсот. Земледелие в цветущем состоянии; земля родит сам пятнадцать, сам двадцать, и одно и то же поле дает три урожая в два года. В Лукке выделывается отличное масло; она славится и своими шелками. Большая часть товаров отправляется в Ливорно, другая в Виареджио, который расположен в четырех верстах от Лукки и служит ей портом. Иностранцам оказывается широкое гостеприимство, а когда бывают спектакли, то, по словам сведущих людей, выбор пьесы всегда превосходный.

* Свободный порт *(ит.)*, т. е. порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. *(Прим. сост.)*

гом Леопольдом*[226], и в особенности любовалась порядком и чистотой, царившими в нем. В это время в нем находилось несколько лиц, приехавших из зараженных мест. Я вспрыснула платки моих детей уксусом vinaigre des quatre voleurs**[228] и, пока мы были в здании, поминутно давала им нюхать уксусу с камфорой, и комендант госпиталя, сопровождавший нас и по приказанию герцога показывавший мне великолепное здание, в котором не была упущена ни одна предосторожность, выразил свое удивление моему мужеству. По-видимому, ему было приказано сообщать герцогу все замечания знатных посетителей, так как когда я, похвалив это благодетельное учреждение, высказала желание иметь его устав и правила, для сообщения их русской императрице, ввиду того что целый ряд ее великих завоеваний приближал нас с каждым днем к климатической полосе, богатой разными эпидемиями,— через несколько дней комендант принес мне от имени герцога план госпиталя и все подробности, касающиеся управления им; впрочем, я сказала это, скорее, как комплимент, чем как мысль, которую бы надеялась действительно осуществить. Я поручила ему передать герцогу мою глубокую благодарность и сказать ему, что при первом случае я перешлю все это императрице.

Через несколько дней я действительно послала их к государыне с Львовым[229], возвращавшимся в Петербург. Я написала императрице письмо, в котором, надеясь на ее снисходительность, сказала, что я восемь месяцев тому назад писала военному министру князю Потемкину, чтобы отрекомендовать ему моего сына и узнать, был ли мой сын повышен в чине за последние двенадцать лет, так как ее величество, назначив его в лейб-кирасирский полк, велела повышать его в чинах, как будто он находился на действительной службе;

---

* Герцог, кажется, осторожнее и благоразумнее своего брата, императора Иосифа. Он пользуется любовью и уважением своих подданных, благодаря чему он мог запретить чтение в страстной четверг, во всех церквах буллы папы Григория VIII in coenum domini (лат. «за трапезой господней»), провозглашавшей преимущество папской власти над светскою[227].

** «Уксус четырех воров» *(фр.)* — название туалетного уксуса. *(Прим. сост.)*

не получая ответа и признаваясь императрице, что я слишком горда, чтобы допустить мысль о том, что меня хотят унизить, я писала, что испытываю гораздо более тягостное ощущение и глубокую печаль при мысли, что ее величество равнодушна ко мне и моим детям; я умоляла императрицу успокоить меня на этот счет, повысив сына в чинах и взяв его под свое покровительство, так как я приложила все усилия к тому, чтобы дать ему воспитание, которое позволило бы ему быть полезным своему отечеству и отличиться как талантами, так и усердием. Наконец, я смело и открыто попросила ее уведомить меня, на что я могу рассчитывать для моего сына, составлявшего единственный предмет моих забот, который, возвращаясь на родину, после того как ему всюду оказывали почет, не должен был оказаться в приниженном положении, соответственном чину, который он получил, когда был четырехлетним ребенком.

Мы поехали в Рим через Сиену. Из всех лиц, оказавших нам внимание, особенной любезностью отличался кардинал Берни[230]. Его кротость, вежливость и ум привлекали к нему все сердца. Я часто обедала у него, а он нередко сидел у меня по вечерам. Он был польщен, когда я цитировала одно из его посланий, помещенных в собрании сочинений аббата Берни. Там же я познакомилась с Байерсом[231]. Это был очень образованный англичанин, живший в Риме уже 25 лет и безумно любивший искусство. Благодаря ему мне не надо было никакого чичероне.

В соборе св. Петра я видела папу[232]; он обошелся со мной очень милостиво и, по-видимому, был доволен похвалой, с которой я отозвалась о предприятии его святейшества очистить всю Via Appia[233], пролегающую по Понтинским болотам. Я сказала папе, что желаю непременно ее видеть и сочту для себя счастьем и честью первой проехать по ней в Неаполь.

— Предупредите меня за несколько дней до вашего отъезда,— ответил он мне,— чтобы вас везде ожидали лошади, так как нет еще ни почты, ни приспособлений, необходимых для путешественников.

Он долго, как знаток и ценитель, говорил со мной

о драгоценных памятниках искусства в Риме; он положил основание музею в Ватикане, где он уже собрал много отличных статуй, ваз, картин и пр.

Время в Риме прошло для меня весьма приятно. Я не выезжала в свет и, следовательно, не теряла времени на визиты. В восемь часов утра, а иногда и раньше, мы в экипажах ездили осматривать памятники искусства либо в городе, либо в окрестностях. Эти поездки продолжались до трех с половиной часов; затем я спешила обедать, так как после обеда ко мне приезжали художники пить чай, который я получала из России с каждым курьером. Два Гакерта[234], один с резцом, другой с карандашом, Гамильтон[235] с пастелью работали в моей гостиной и превращали ее в очень привлекательную мастерскую. Я спрашивала их мнения насчет произведений искусства, виденных утром, а мой сын учился у Гакерта делать офорты.

Я познакомилась и с m-me Дамер[236], путешествовавшей со своей теткой, леди...; глубокие познания соединялись у ней с умом, талантом и необычайной скромностью. Она была отличным скульптором, превосходя многих даже известных товарищей по искусству, и прекрасно владела латинским и греческим языком.

Я была два раза в Тиволи. Все свободное от моих поездок время я проводила в соборе св. Петра; я не могла вдоволь налюбоваться его размерами и пропорциональностью, благодаря которым он не казался таким громадным; я более всего увлекалась архитектурой, к которой питала особое пристрастие. Я встретила одного молодого русского художника, ученика Петербургской Академии художеств, и выхлопотала ему позволение копировать и изучать картины во дворцах разных вельмож. Однажды Байерс сопровождал меня в одной из моих поездок; когда мы ее завершили, времени все-таки оставалось еще много.

— Куда нам пойти? — спросила я его.— До обеда остается еще целый час.

Он предложил мне поехать на виллу Фарнезе[237]. На мое заявление, что я уже ее посетила, он мне ответил, что я вряд ли ходила в ее подвалы, где были скульпту-

ры, которые, несмотря на свое плачевное состояние, по совершенству превосходят многие цельные экземпляры. Я велела кучеру ехать на виллу; сходя в подвал, я споткнулась и ушибла ногу о камень, который приняла за большой кусок серпантина.

— Этот камень не сто́ит того, чтобы об него ушибаться,— сказала я смеясь.

— Мне очень досадно, что вы ушиблись,— сказал он,— но должен вам сказать, что это самородный изумруд, привезенный из Африки Комо Великому одним из ученых, которых он послал во все страны света, дабы они принесли ему все, что они найдут замечательного; этот камень по наследству перешел к неаполитанскому королю. Вам бы следовало купить его, так как никто не знает, что это такое, и его принимают за старое стекло, за серпантин и даже за плохой шпат.

— Да зачем? — спросила я.

— Если позволите, я распилю его на два и сделаю вам такие два стола, каких нет и не будет ни у одного государя, и этим хоть отчасти воздам за то, что вы для меня сделали*.

Я согласилась, имея в виду преподнести их императрице, и поручила ему покупку камня. Через год, по моем возвращении в Петербург, он прислал мне эти столы через Ливорно, но, несмотря на все мои настояния и просьбы, императрица из деликатности не согласилась принять столь ценный подарок.

Осмотрев все достопримечательности Рима и его окрестностей, побывав и на бегах и в театре (женские роли исполнялись мужчинами, так что представления были довольно противные), мы поехали в Неаполь по новой дороге. Мы вышли из экипажа, чтобы осмотреть порт Террачино, который недавно очистили от тины, покрывавшей его столь долгое время. В стену, сложенную из красивого камня, были вделаны на известном расстоянии друг от друга блестящие медные кольца

---

* Благодаря мне у Байерса была куплена целиком его коллекция античных камней. По моей рекомендации ее приобрела императрица.

для ошвартования судов. Нельзя было бы и заметить, что она устроена недавно, если бы она не стояла гораздо дальше от города, чем это значилось у подлинных авторов тех времен. Мне показалось, что рисунок с настоящими его размерами представлял бы большой интерес; поэтому я и попросила Байерса велеть снять план секретным образом, так как его не было даже у папы, и намеревалась послать его императрице. В Неаполе для меня был приготовлен отличный дом на набережной, с которой открывался вид на бухту и на Везувий. Там тоже оказалось много старых знакомых: наш министр и чрезвычайный посланник, граф Андрей Разумовский[238], m-me Дамер с теткой и почтенный старик Сакрамоза. Я познакомилась с английским министром Гамильтоном и его супругой (его первая жена)[239], с аббатом Галиани[240] и еще несколькими писателями и художниками. Утром мы делали экскурсии, заканчивавшиеся обыкновенно в мастерской m-me Дамер: ее мы заставали не в будуаре, а за работой над мрамором, которому она придавала какую хотела форму, подчиняя его своим желаниям; но она была так скромна и так неохотно выставляла напоказ свои таланты и познания, что открывала это святилище только для немногих близких друзей. Однажды я привела ее в смущение, открыв произведение греческого поэта, поля которого были испещрены ее заметками.

— Как, вы читаете по-гречески и скрыли это от меня? — спросила я.— Вы, вероятно, боялись меня унизить? Но я ведь вас предупредила, что я круглая невежда.

Она покраснела и смутилась, точно ее накрыли в чем-нибудь предосудительном.

Я с большим интересом осмотрела бесценные сокровища Портичи, найденные в Геркулануме, Помпее[241] и др. местах. Двор жил в Казерте. Их величества[242] приняли нас милостиво. Меня представила герцогиня Феролете (по обычаю неаполитанского двора, иностранки должны были являться ко двору в сопровождении какой-нибудь знатной неаполитанской дамы). Я купила несколько картин, статуй и эстампов. Мои ежедневные поездки не утомляли меня; напротив, день казался

мне слишком коротким. У Гамильтона была драгоценная коллекция древностей; из них я особенно восхищалась кольцом с астреей[243]; так как, несмотря на превосходное описание этого камня Плинием[244], его никак не удавалось найти, то решили, что его вовсе не существует в природе и что этот великий натуралист видел его во сне. Вот каким образом обращаются с истинами, которым вследствие лени или невежества не находят объяснения; конечно, гораздо удобнее и проще их вовсе отрицать.

Мой сын часто ездил с королем на охоту, а мы с дочерью проводили вечера у леди Гамильтон в обществе m-me Дамер, которая вместе с хозяйкой своим образованием, любезностью и сердечным расположением очаровывала нас. Однажды я позволила сказать их величествам, что следовало бы утроить количество рабочих, производивших раскопки в Помпее, и когда она будет совершенно очищена от пепла, поставить на места всю мебель и утварь и приставить стражу к этим сокровищам, а затем объявить по всей Европе, что за известную плату можно видеть подлинную картину обычаев, утвари, жизни обитателей старинного города, сохранившегося в неприкосновенности, вплоть до объявлений на домах; я полагала, что этим расходы вернутся сторицей, так как со всего света стекутся знатоки, любители и просто зеваки, чтобы полюбоваться картиною, так сказать, говорящею, какую не могло бы заменить ни одно описание; можно было бы видеть прямо, как люди жили; а король этим сделал бы просто нечто волшебное, вырвав из рук времени и забвения живую картину столь далекой действительности. Король, очевидно забыв, что я говорю по-итальянски, обратился к ближайшему соседу на этом языке и сказал:

— Какая умная женщина. Она, кажется, права, а все антикварии, хотя и сходят с ума по всем этим вещам, не придумали ничего подобного.

Из этих слов я заключила, что король не рассердился на меня; не ответив ничего на мои слова, он сказал:

— Есть издание в нескольких томах с гравюрами всех предметов, найденных до сих пор; я велю послать вам этот сборник.

Я искренно поблагодарила короля за этот подарок, являвшийся для меня более ценным, чем всевозможные украшения.

Моя поездка на вершину Везувия чуть не стала для меня роковой. Я уже несколько дней чувствовала себя плохо, а эта утомительная экскурсия окончательно подорвала мои силы. Я не хотела звать неаполитанских докторов, так как мое недоверие ко всем врачам вообще сказывалось еще сильнее по отношению к этим; но, склоняясь на просьбы детей и m-me Дамер, я согласилась пригласить некоего Друммонда, англичанина, который не практиковал открыто, но с большим самоотвержением и рвением лечил своих друзей и соотечественников. Он спас мне жизнь, заставив меня принять вовремя дозу касторового масла, а климат и диета вскоре восстановили мое здоровье и позволили мне возобновить свои экскурсии.

Вскоре пришло и лучшее лекарство для меня. Курьер привез мне очень утешительное письмо от императрицы, писавшей мне, что она никогда не перестанет принимать искреннее участие в моих детях и что по приезде моем в Петербург она поставит моего сына на такую ногу, что я останусь довольна; а пока она назначала его камер-юнкером с чином бригадира. Она благодарила меня за план и устав ливорнского госпиталя, и все ее письмо вообще было крайне милостиво. Я поспешила ей ответить и излить ей всю свою благодарность, умоляла ее не жаловать сыну придворного звания, так как воспитание, которое я ему дала, не выработало из него царедворца, а зачислить его в гвардию, дабы он мог посвятить себя военной службе, к которой чувствовал призвание; я закончила письмо уверением, что через год буду у ног ее величества. С этой минуты я решила не терять времени, откланялась королевской чете и вернулась в Рим.

Министр испанского короля при папе, г. Азара[245], преподнес мне свои произведения и сочинения Винкельмана[246]. Я с удовольствием увидела снова моего друга Байерса и кардинала Берни и дольше, чем предполагала, пользовалась их обществом, так как вскоре в Рим приехал курьер, возвестивший о скором прибы-

тии в Рим их императорских высочеств, великого князя Павла с супругой[247], и мне неприлично было покинуть Рим за несколько дней до их приезда. Три дня спустя они приехали, и я представила им своих детей. Они пробыли в Риме недолго, намереваясь остановиться в нем подольше по возвращении из Неаполя. Через несколько дней после их отъезда уехала и я.

Мы остановились в Лоретто всего на тридцать шесть часов для осмотра сокровищницы и гардероба Мадонны, которую переодевали в разные туалеты чуть не каждый день. Я любовалась чудными изумрудами в колоннах на золотых цоколях, пожертвованными Мадонне каким-то испанским королем. В Болонье мы пробыли два дня с половиной, дабы осмотреть произведения мастеров болонской школы. В Ферраре мы провели также два дня, а в Венеции наш представитель, маркиз Маруцци[248], приготовил для нас свой дом, окружив нас роскошью и великолепием. Он был очень многим обязан покойному моему дяде, государственному канцлеру графу Воронцову, и я приписывала великолепие оказанного нам приема его благодарности и тщеславию. Он только что получил орден св. Анны и поэтому всюду в его доме, на дверях, на воротах, на экипажах красовались либо лента, либо звезда этого ордена. Он мне доставил самое большое удовольствие, которое было в его власти (и я им пользуюсь и поныне), уступкой двух великолепных картин Каналетти[249]. Я накупила старинных эстампов первых граверов, дабы по своей коллекции проследить развитие этого искусства вплоть до настоящей степени совершенства. В венецианских церквах и монастырях, несмотря на их мрачный внешний вид, есть много великолепных картин. Я осмотрела некоторые из них, пользуясь для этих поездок гондолами; подобные прогулки были всегда весьма приятны. Не стану говорить про республиканское управление Венецией и ее достопримечательности, так как я избегала во всей своей книге пользоваться правом путешественников — рассказывать все в подробностях, не щадя читателя; не отступлю и теперь от этого правила и прямо из Венеции отправлюсь через Падую, Виченцу и Верону в Вену.

Нам пришлось ехать по Тирольским горам; любезный прием нашего посла, князя Дмитрия Голицына[250], вскоре заставил нас забыть утомление от этого путешествия. Он доставил нам всевозможные удобства и удовольствия. Вследствие своего долгого пребывания в Вене он совершенно свыкся с нею и пользовался общей любовью; своими манерами он напоминал утонченных царедворцев Людовика XIV; ограниченность ума скрадывалась большой привычкой к свету и самой изысканной любезностью. Через него мы вскоре познакомились со всем высшим обществом Вены. Император Иосиф по болезни глаз не мог выходить и не выносил сильного света, вследствие чего я думала, что мне не придется его увидеть, хотя граф Кеглович (знавший меня с детства, так как в качестве атташе своего посольства в Петербурге бывал у моего дяди почти каждый день) сказал мне, что император, с которым он проводил все вечера, очень хочет со мной познакомиться и даже выражался так по этому поводу: «Было бы невероятно и нелепо, если бы я упустил случай увидеть такое историческое лицо, как княгиню Дашкову, когда она находится в Вене одновременно со мной».

Премьер-министр, князь Кауниц[251], оставил у меня свою карточку; он этого никогда не делал ни для кого, так как был тщеславен и избалован императрицей Марией-Терезией, которая прощала ему многое, потому что понимала, что нет ему равного по уму и по глубоким познаниям в политике. Царствующий император также относился к нему с величайшим почтением, и он привык ни с кем не стесняться. Когда папа Пий VI был в Вене, князь Кауниц дал в честь его обед, но не постеснялся в тот же день отправиться к себе в увеселительный дворец для обычной верховой езды в манеже, остался там долее обыкновенного, приехал после пяти с половиной часов, заставил ждать папу[252] и явился в сапогах и с хлыстом в руке, которым и указывал своим гостям любимые картины. Я отдала ему визит, и он пригласил меня к себе обедать. Я приняла его приглашение, поставив ему условием, что если, приехав к нему, не застану его светлость, то чтобы он не прогневался, что я не буду ждать его долее

четырех часов, а отправлюсь домой обедать, так как завтракаю рано и не могу сидеть без пищи столь долгое время. В назначенный день я поехала к князю в три с половиной часа; он уже ждал меня в гостиной и, кажется, был не только удивлен, но и слегка обижен на меня за то, что я назначила час для обеда, а не согласилась подчиниться его капризам.

За столом он все время говорил о России и, заговорив о Петре I, сказал, что русские ему всем обязаны, так как он создал Россию и русских.

Я отрицала это и высказала мнение, что эту репутацию создали Петру I иностранные писатели, так как он вызвал некоторых из них в Россию, и они из тщеславия величали его создателем России, считая и себя его сотрудниками в деле возрождения России. Задолго до рождения Петра I русские покорили Казанское, Астраханское и Сибирское царства. Самый воинственный народ, именующийся Золотой Ордой (вследствие того что у них было много золота, так что им было украшено даже их оружие), был побежден русскими, когда предки Петра I еще не были призваны царствовать. В монастырях хранятся великолепные картины, относящиеся еще к тому отдаленному времени. Наши историки оставили больше документов, чем вся остальная Европа, взятая вместе.

— Еще четыреста лет тому назад,— сказала я,— Батыем были разорены церкви, покрытые мозаикой.

— Разве вы не считаете ни во что, княгиня,— возразил он,— что он сблизил Россию с Европой и что ее узнали только со времени Петра I.

— Великая империя, князь, имеющая столь неиссякаемые источники богатства и могущества, как Россия, не нуждается в сближении с кем бы то ни было. Столь грозная масса, как Россия, правильно управляемая, притягивает к себе кого хочет. Если Россия оставалась неизвестной до того времени, о котором вы говорите, ваша светлость, это доказывает — простите меня, князь,— только невежество или легкомыслие европейских стран, игнорировавших столь могущественное государство. В доказательство того, что у меня нет предубеждения против Петра I, я искренно выска-

жу вам свое мнение о нем. Он был гениален, деятелен и стремился к совершенству, но он был совершенно невоспитан, и его бурные страсти возобладали над его разумом. Он был вспыльчив, груб, деспотичен и со всеми обращался как с рабами, обязанными все терпеть; его невежество не позволяло ему видеть, что некоторые реформы, насильственно введенные им, со временем привились бы мирным путем в силу примера и общения с другими нациями. Если бы он не ставил так высоко иностранцев над русскими, он не уничтожил бы бесценный, самобытный характер наших предков. Если бы он не менял так часто законов, изданных даже им самим, он не ослаби бы власть и уважение к законам. Он подорвал основы Уложения своего отца[253] и заменил их деспотическими законами; некоторые из них он сам же отменил. Он почти всецело уничтожил свободу и привилегии дворян и крепостных; у последних он отнял право жалобы в суд на притеснения помещиков. Он ввел военное управление, самое деспотическое из всех, и, желая заслужить славу создателя, торопил постройку Петербурга весьма деспотичными средствами: тысячи рабочих погибли в этом болоте, и он разорил дворян, заставляя их поставлять крестьян на эти работы и строить себе каменные дома в Петербурге; это было ужасно тяжело. Он построил Адмиралтейство, хотя вода в Неве так мелка, что на этих верфях строят только корпуса судов, которые затем с величайшим трудом и расходами заключают в камели и перетаскивают в Кронштадт,— этого он мог и не делать, зная, что даже большие или сильно нагруженные суда не могут дойти до Петербурга. При Екатерине II город увеличился в четыре раза и украсился великолепными строениями, и все это совершилось без насилия, поборов и не вызывая неудовольствия.

Я заметила, что мои слова произвели некоторое впечатление на Кауница. Ему, очевидно, хотелось заставить меня еще говорить, так как он заметил, что монарх, работающий самолично на верфи, представляет великолепное зрелище.

— Я убеждена, что вы говорите это шутя,— возразила я,— так как сами знаете, что время монарха

слишком драгоценно, чтобы тратить его на работы простого мастерового. Петр I мог привлечь к себе не только плотников и строителей, но и адмиралов. Он пренебрегал своими прямыми и важнейшими обязанностями, работая в Саардаме, чтобы стать плотником и испортить русский язык, примешивая к нему голландские окончания и термины, которыми переполнены его указы и все, относящееся до морского дела. Ему незачем было посылать дворян изучать ремесла садовника, кузнеца и т. п.; каждый дворянин с удовольствием уступил бы двух-трех своих крепостных, чтобы научить их этому делу.

Князь Кауниц переменил тему разговора, чему я была рада, так как не хотела высказывать всего, что лежало у меня на сердце касательно Петра I.

Мы посетили картинную галерею и музей императора. Граф Кеглович передал мне, что князь Кауниц после обеда сообщил императору запиской наш разговор с ним. Я ответила на это, что я вовсе не так самообольщаюсь, чтобы думать, что такой выдающийся по своему образованию министр, как князь Кауниц, найдет нужным сообщать мои слова просвещенному монарху и что я потому так горячо возразила князю, что люблю одинаково истину и свою родину. С того времени граф Кеглович каждое утро осведомлялся о распределении моего дня.

Накануне моего отъезда он настаивал на том, чтобы я его отложила, по крайней мере еще на несколько дней, так как император еще не выздоровел; я ему ответила, что путешествую не для своего удовольствия, а что наметила себе план, как мать и наставница; все мои поездки преследовали одну цель, поглощавшую меня всецело: образование и воспитание моего сына, что я в письмах к его величеству королю прусскому еще из Италии просила его позволить моему сыну сопровождать его на маневры и, получив от него милостивое на то разрешение, не могла терять ни минуты; я объявила, что в тот же вечер осмотрю еще раз чудную императорскую коллекцию и затем буду ужинать у князя Голицына. Я просила и его приехать туда, чтобы провести вместе последние часы, так как должна была уехать с рассветом на следующий день.

После нашего обеда мы пошли в музей, куда сейчас же вслед за нами вошел император с зеленым шелковым зонтом на глазах. Его величество наговорил мне много любезностей, но так ласково, просто и сердечно, что, хотя я и сознавала, что его похвалы преувеличенны и не заслуженны, я не смутилась. Он сказал, что очень сожалеет, что не мог пользоваться моим обществом; об императрице он говорил с благоговением, украшая своими отзывами о ней те немногие часы, которые я провела в его обществе. Затем он мне предложил выбрать из его кабинета какие угодно дублеты и простился со мной, заявив, что, зная мою любовь к естественным наукам, не решается дальше отнимать у меня драгоценное время. Я выбрала кое-какие образцы минералов Венгрии и других провинций.

Мы отужинали у нашего посла и на следующий день отправились в Прагу, где остановились сколько нужно было, чтобы мой сын мог узнать подробности военного искусства в Австрии и осмотреть крепость, стоявшую на страже Богемии. Я купила здесь очень дешево коллекцию окаменелостей различных пород деревьев и образцы мрамора; затем мы поехали в Саксонию. Я пробыла несколько дней в Дрездене, где князь Сакен[254] дал в нашу честь ряд великолепных празднеств. Мы несколько раз посетили картинную галерею; галереи графа Брюля уже не было в Дрездене; она была приобретена Екатериной Великой, которая любила и поощряла искусство и обогатила Россию сокровищами живописи и скульптуры, о которых в России до нее не имели и понятия.

Подходило время смотров и маневров в Пруссии, так что нам нельзя было дольше оставаться в Дрездене и мы поспешили в Берлин. Королевская семья встретила меня с обычной любезностью. Мы с удовольствием увидели нашего дорогого князя Долгорукого на том же посту посланника. Его дружба ко мне и моим детям была искренна; он представил моего сына министру (королевская семья его уже знала), а генерал-адъютант короля, граф Герц, представил его Фридриху Великому в Потсдаме. Его величество принял его очень милостиво и объявил, что будет рад взять его с собой на маневры.

Вскоре король приехал в Берлин на смотр сорокадвухтысячного войска, происходивший в Тиргартене.

Во время смотров король никогда не принимал дам; однако он выразил желание видеть меня и объявил, что, если мне любопытно быть на смотру, меня возьмет с собой супруга наследника и что там его величество меня и увидит. Графу Финкенштейну было повелено объяснить принцессе, где и когда король подойдет ко мне.

В день, назначенный для столь лестного для меня события, принцесса (впоследствии прусская королева) заехала за мной в гостиницу. Каково было мое удивление, когда экипаж остановился в Тиргартене и принцесса сказала мне:

— Выходите теперь, княгиня; здесь старик дядя с вами будет говорить; я сама прокачусь, так как у меня нет никакого желания видеть это старое чучело.

Выходя из экипажа, я, к моему большому удовольствию, увидела князя Долгорукого, стоявшего тут же. Через полчаса король, не отпустив еще войска, подъехал ко мне, слез с лошади и, сняв шляпу, вступил со мною в разговор, к удивлению всей армии: никогда еще король не разговаривал с женщиной во время смотра. Когда король ушел, принцесса приехала за мной. На следующий день я ужинала у королевы, которая, подобно всей королевской семье, обходилась со мной не только милостиво, но ласково и сердечно, как со старой знакомой.

Супруга принца Генриха сказала мне за ужином, что мое имя будет отмечено в истории, так как король сделал для меня исключение из общего правила. Вскоре мой сын уехал с королем на маневры.

Я с сожалением и грустью покинула Берлин, но, сев в экипаж, так спешила догнать сына, что въезжала в ворота города в ту минуту, как король выезжал из него. Он любезно раскланялся мне и сказал потом князю Долгорукому, что только такая хорошая мать, как я, может так точно рассчитать время и не потерять ни минуты, чтобы обнять сына. Я нашла его совершенно здоровым, в восторге от короля; он воздавал должное прусским войскам и офицерам, с которыми старался ближе познакомиться.

Отдохнув один день, мы отправились в Кенигсберг, где генерал Меллендорф[255] сказал мне, что король выразился о моем сыне, как о молодом человеке, обещающем отличиться в военном деле. Впоследствии я узнала, что король писал то же самое своему посланнику в Петербурге.

Через несколько дней мы поехали через Мемель в Ригу. Губернатор Бро́ун[256] уговорил меня остаться два дня в столице Ливонии, где имя моего отца пользовалось глубоким уважением, так как он всегда защищал интересы ливонцев в Сенате и успешно боролся с мнением некоторых своих товарищей. Он был слишком образован и великодушен, чтобы уничтожать целый ряд привилегий, дарованных и подтвержденных нашими государями, только потому, что русское дворянство было лишено их. Екатерина Великая даровала ему эти права и тем сравняла нас с дворянством ливонским. В царствование императрицы Елизаветы ливонское дворянство приняло моего отца в свою среду.

Покинув Ригу, мы останавливались только ночевать и беспрепятственно прибыли в Петербург.

Таким образом закончилось путешествие, которое я имела мужество предпринять для образования моего сына, располагая скудными средствами, и которое довела до конца, сделав только немного долгов, которые я легко могла выплатить в несколько лет, живя уединенно в деревне, что я и намеревалась сделать.

Часть вторая

Я приехала в Петербург в 1782 г. Не имея дома в городе, я поселилась на своей даче в Кирианове, в четырех верстах от Петербурга. Моя сестра Полянская с дочерью[257] первые посетили меня. Из всей моей родни она одна жила в Петербурге. Мой отец был генерал-губернатором во Владимире или, точнее, наместником двух губерний, так как он имел под своим начальством двух губернаторов. Через два дня после моего приезда я узнала, что князь Потемкин бывает каждый день со мной по соседству у своей племянницы, графини Скавронской, которая была больна после родов; я послала лакея сказать князю, что хочу дать ему маленькое поручение и прошу прислать ко мне одного из своих племянников, которому я и передам свою просьбу. На следующий день князь Потемкин сам приехал ко

мне, в то время как я была с детьми у графа Панина. Мне было очень досадно, что он не застал меня дома. Через день он прислал мне генерала Павла Потемкина[258], я поручила ему, во-первых, попросить князя Потемкина исходатайствовать у императрицы разрешение приехать в Царское Село (куда никому нельзя было являться без особого приглашения) и представить ей своих детей, во-вторых, справиться у князя, в каком чине состоит мой сын и согласилась ли военная коллегия на назначение его адъютантом к фельдмаршалу графу Румянцеву. Генерал Павел Потемкин через два дня принес мне ответ, что Потемкин доложил о моем приезде императрице и что она повелела мне приехать в ближайшее воскресенье с детьми к обеду в Царское Село, где князь Потемкин сообщит мне все сведения о моем сыне.

Мне не удалось воспользоваться милостивым разрешением ее величества, так как накануне мой сын заболел жестокой горячкой. Он бредил целую ночь, а я в сильнейшем беспокойстве, забыв про ревматизм в коленях, простояла всю ночь босая у его постели. Все последующие дни я не принимала никого, кроме своей сестры Полянской и один раз на минуту Павла Потемкина, и то только потому, что дело касалось императрицы и я надеялась узнать что-нибудь насчет производства моего сына. Через четыре дня мой добрый и искусный доктор Роджерсон объявил моего сына вне опасности. В ту же ночь мой ревматизм поднялся в кишки, и я оказалась сама больной при смерти, но Роджерсон спас и меня.

Он каждое воскресенье ездил в Царское Село, вследствие чего я поручила ему сказать императрице, как опасно мы были больны с сыном, вследствие чего я была лишена возможности воспользоваться ее разрешением явиться к ней и представить ей моих детей. Мое выздоровление тянулось более двух недель и было сопряжено с довольно сильными страданиями, так как припадки рвоты хотя и стали реже, но не прекращались вовсе, а спазмы в желудке и кишках давали себя чувствовать с прежней силой. Моя болезнь раздражала меня тем сильнее, что вследствие ее откладывалась моя поездка в Царское Село и, следовательно, повышение по службе и вообще устройство судьбы моего сына,

который, благодаря бога, был уже совершенно здоров. Наконец мне с величайшим трудом удалось поехать в Царское Село. Я была еще очень слаба; при каждом толчке экипажа я обливалась холодным потом от сильных приступов боли и приказывала остановиться, чтобы передохнуть. Но чего только не способна перенести материнская любовь!

Мы приехали в Царское Село до начала обедни; в то время как императрица проходила через залу, где я ожидала ее в числе прочих придворных, я представилась ей, или, скорее, она ко мне подошла, сказала мне несколько любезных слов и выразила удовольствие по случаю моего возвращения в Россию. В качестве статс-дамы я сама представила ей свою дочь, а сына моего представил дежурный камергер. Несмотря на то что меня поддерживала радость свидания с императрицей и ее милостивый прием заставил меня позабыть, что я нахожусь в первом периоде выздоровления, я все-таки была еще настолько слаба, что не могла поспевать за императрицей во время шествия в церковь (путь был длинный, так как церковь находилась на противоположном конце дворца), и она была столь милостива, что замедляла для меня свои шаги и часто останавливалась, разговаривая со мной. По окончании обедни я так устала, что вовсе не могла следовать за императрицей и отстала от нее настолько, что нас разделяла целая комната; я попросила лиц ее свиты, которые смутились, не считая возможным меня опережать, идти вперед, не дожидаясь меня. В большой зале ко мне подошел Потемкин и спросил, чего я желаю для своего сына и в каком он состоит чине. Я ответила, что императрице известны мои пожелания; «что же касается до чина моего сына, то вы, князь, должны знать это лучше меня; двенадцать лет тому назад он был произведен в прапорщики кирасирского полка, и императрица повелела постепенно повышать его в чинах. Я не знаю, исполнено ли ее желание. Фельдмаршал граф Румянцев обратился в военную коллегию с просьбой назначить его адъютантом к нему; не знаю также, уважена ли его просьба».

Тотчас после нашего разговора князь уехал в город, что меня немало обеспокоило. Гофмаршал, подойдя ко мне, сообщил мне желание императрицы, чтобы я с детьми осталась с ней обедать.

Меня его слова удивили, так как с тех пор, как Петр I ввел у нас немецкий этикет, только известный военный чин давал некоторые преимущества и прерогативы, и мой сын в качестве прапорщика не имел права сесть за стол императрицы. Впоследствии я узнала, что на вопрос гофмаршала, как быть с князем Дашковым, императрица ответила: «Он, конечно, будет обедать со мною».

Я находилась в комнате, смежной с той, где императрица играла в шахматы в ожидании обеденного часа. Проходя через эту комнату в столовую, она сказала мне очень громким голосом, очевидно желая, чтобы все ее слышали:

— Я хочу, чтобы ваш сын на этот раз обедал, хоть он еще и прапорщик, со мной, дабы доказать, что ваши дети будут всегда пользоваться у меня особыми преимуществами в сравнении с другими.

Эти несколько слов глубоко тронули меня и окрылили надеждой. Никто, кроме государыни, не сумел бы так тонко и деликатно дать столь лестный оборот своей забывчивости насчет производства сына. За столом я сидела рядом с ней, и она все время со мной говорила. Я чувствовала себя хорошо и бодро, но ничего не могла есть. Императрица заметила это.

— Для вас приготовлены комнаты, чтобы вы могли отдохнуть,— сказала она мне.

Когда я после обеда удалилась в отведенные мне апартаменты, я убедилась, что не была еще так крепка и здорова, как мне это казалось за обедом; мне было так холодно, что пришлось затопить камин, и внутренние боли давали себя сильно чувствовать.

Вечером я сопровождала императрицу в ее прогулке; во внимание к моей слабости она замедляла шаг и присаживалась со мной на скамейки. После прогулки я вернулась домой, боясь разболеться в Царском Селе. На следующий день я получила копию с указа, которым мой сын назначался штабс-капитаном гвардии Семеновского полка, что давало ему ранг подполковника. Наша радость была неописуема. Я некоторое время была еще слаба, но под влиянием хорошей погоды и спокойного состояния духа я поправилась скорей, чем можно было ожидать.

Двор вернулся в Петербург раньше обыкновенного.

Я поехала к императрице поблагодарить ее за производство сына; государыня приняла меня очень милостиво и пригласила меня на спектакль в Эрмитажный театр, куда допускались очень немногие, так как театр был мал, вследствие того что часть дворца, носившая то же название, была еще недостроена. На следующий день я поехала с детьми обедать к графу Панину. Его дача была недалеко от моей, вследствие чего я и решилась предпринять эту поездку. После обеда адъютант князя Потемкина привез мне письмо от князя. Он передавал мне от имени императрицы, что так как она приняла за правило не раздавать больше казенных земель, она просит меня выбрать подходящее поместье, которое она купит для меня. Я выразила князю мою глубокую благодарность императрице и просила избавить меня от выбора имения, объявляя заранее, что я останусь довольна всем, что императрице благоугодно будет мне пожаловать. Через два дня я снова получила письмо от князя, извещавшего меня, что императрица не распространяет принятого ею правила на земли в Белоруссии, которые она, наоборот, желала бы видеть в руках русских дворян; некоторые из этих имений не были еще розданы; сам князь советовал мне выбрать одно из них, так как земли в Белоруссии плодороднее, чем в Средней России. Я ответила, что позволю себе только одно возражение против владения мною поместьем в Белоруссии: у меня сложилось твердое убеждение, что если владельцы родовых поместий и крестьян, веками переходящих от отца к сыну, ответственны перед правительством за управление ими, то тем более это обязательство распространяется на владельцев жалованных государями крестьян; я в продолжение двадцати лет управляла поместьями своих детей и могу с гордостью представить доказательства, что за этот период времени крестьяне стали трудолюбивее, богаче и счастливее; я решила и впредь руководствоваться теми же принципами, но не была убеждена в том, что они принесут такие же плодотворные результаты среди полупольского-полуеврейского населения, язык и быт которого были мне совершенно незнакомы. Словом, мы обменялись с князем несколькими письмами (он выказывал мне необыкновенную для него любезность и снисхождение), и я наконец объявила, что

какую бы землю императрица ни пожаловала бы мне, ее дар останется всегда незаслуженною мною и неожиданною наградой. Через несколько дней я получила письмо от статс-секретаря государыни, графа Безбородко, с приложением копии с указа, которым императрица жаловала мне местечко Круглое со всеми угодьями и двумя тысячами пятьюстами крестьянами. Это поместье принадлежало гетману Огинскому[259] и было очень велико, так как лежало по обеим сторонам реки Друцы. При первом разделе Польши, т.е. при присоединении к России Белоруссии как бывшей великорусской провинции, река Друца явилась границей между Польшей и Россией, и большая часть владений Огинского — леса, много местечек и деревень — остались за Польшей; но никто не счел нужным сообщить это ее величеству, и она осталась при убеждении, что подарила мне все кругловские поместья и наградила меня столь же щедро, как некоторых министров и вельмож. Я поехала поблагодарить императрицу и не раз вспоминала впоследствии, когда познакомилась с Круглым, как она выразила мне свою радость, что может подарить мне столь обширные поместья, которыми неблагодарный Огинский недостоин был владеть*. Каково было мое удивление, когда, съездив туда на следующий год, я увидела истощенных, крайне грязных, ленивых и бедных крестьян, к тому же преданных пьянству. Не было даже топлива и, чтобы приводить в действие маленький винокуренный завод, приходилось брать его у соседей; водного сообщения также не было. На десять душ обоего пола приходилось в среднем по одной корове и по одной лошади на пять душ; кроме того, на две тысячи пятьсот душ, дарованных мне, включая в них и новорожденных младенцев, не хватало ста шестидесяти семи, так как управляющие казенными имениями высасывают из крестьян все, что только могут. Поэтому во всей России нет крестьян несчастнее тех, которые принадлежат казне. Я имела право, не беспокоя императрицу, обратиться в Сенат с просьбой

* Он был ярым врагом России и позволял себе даже враждебные действия, несмотря на то что многим был обязан императрице; он отказался даже принести присягу как владелец поместий в Белоруссии.

восполнить недостающее количество крестьян, но я этого не сделала и в течение двух лет отложила значительный для меня капитал на поднятие доходности Круглого.

Гофмаршал уведомил меня, что императрица желает, чтобы я присутствовала на концертах во внутренних апартаментах дворца, на которые даже статс-дамы не могли попасть иначе, как по особому приглашению*. На следующий день я приехала на концерт, и императрица встретила меня словами:

— Как, вы одни?

Я смотрела на нее в недоумении, не понимая, что она хочет сказать.

— Вы не взяли с собой ваших детей, — разъяснила императрица, — а я не желаю, чтобы вы у меня скучали без них.

Поняв, в чем дело, я горячо изъявила императрице мою благодарность.

У меня не было дома в Петербурге; не желая тратить деньги на наем дома, чтобы иметь возможность давать побольше средств своему сыну, я решила остаться на даче до последней возможности. Однажды императрица спросила меня, все ли я живу у себя на даче. На мой утвердительный ответ она возразила, что я рискую своим здоровьем, оставаясь поздней осенью в доме, сильно пострадавшем во время наводнения еще до моего возвращения из-за границы; и что, даже рискуя меня рассердить**, она все-таки скажет, что мое болото неминуемо ухудшит мои ревматизмы и что если бы она не решила предоставить мне самой выбор дома, она купила бы для меня дом герцогини Курляндской.

— Пожалуйста, — добавила она, — осмотрите его и, если он вам подойдет, я велю его купить для вас.

Я поблагодарила императрицу и обещала в течение

---

* Я привожу эти незначительные инциденты, чтобы доказать, что меня осыпали знаками внимания, которые, не имея действительной ценности, все же возбуждали зависть и порождали много врагов при дворе, несмотря на то, что мое состояние оставалось всегда даже ниже среднего.

** Эти слова относились к одному из ее писем, адресованных мне в апреле 1762 г., когда я схватила насморк и лихорадку, завязнув в еще не осушенном грунте. Письма ее величества ко мне также будут изданы после выпуска в свет этих Записок.

недели осмотреть несколько домов, не изъявляя желания их купить, дабы не набавили цену. Я действительно осмотрела дом герцогини и госпожи Нелединской. Первый был больше, на красивой улице, и меблировка его была богатая и изысканная; он стоил шестьдесят восемь тысяч рублей; второй был на Мойке, и мебель была попроще; цена его была сорок тысяч. Я остановилась на втором, сообщив госпоже Нелединской, что я имею намерение его купить; я сказала, что через неделю дам решительный ответ, и попросила ее сделать инвентарь мебели, выразив надежду, что она продаст мне всю без исключения мебель, находящуюся в доме. Она мне это обещала. Через неделю я вернулась и, к своему удивлению, увидела, что госпожа Нелединская уже выехала и увезла почти всю мебель. Я спросила у единственного лакея, оставшегося в доме, инвентарь мебели. Он ответил, что его нет. Я была возмущена этим поступком, на который я не считала Нелединскую способной, и, узнав от князя П. Голицына, жившего напротив, что она всю неделю употребила на перевозку мебели в нанятый ею дом, я помирилась с этой неприятностью и решилась нести последствия своего добродушия и доверчивости. Не оглашая дела, я велела сказать этой барыне, что я не считаю себя обязанной купить ее дом, так как она не сдержала своего слова, и решила нанять его за четыре тысячи рублей, то есть за такую сумму, которую она не могла никогда рассчитывать получить за него. Впрочем, я намеревалась просить императрицу через князя Потемкина, чтобы она вместо покупки дома оказала мне другую милость: сделала фрейлиной дочь моей сестры Полянской, что составляло самое горячее желание моей сестры, в особенности с тех пор, как одна особа, обещавшая это устроить, воспользовалась своим влиянием для того, чтобы добиться этой чести для одной из своих невесток.

Императрица при следующем свидании спросила меня, выбрала ли я себе дом.

— Я наняла дом, — ответила я.

— Почему же вы не желаете его купить? — спросила государыня.

— Потому что выбор дома так же серьезен, как и выбор мужа, и надо над этим хорошенько подумать, —

сказала я, смеясь. Эта маленькая сделка доставила мне некоторое внутреннее удовлетворение, хотя меня и осаждали вопросами, почему я не купила дома, так как всем уже стало известно, что кабинет получил приказание заплатить стоимость любого дома, который я пожелаю купить. Одно лицо, которое я не хочу назвать, сказало мне однажды в дружеском разговоре:

— Откладывая получение дома, вы, может быть, будете обойдены двором, подобно тому как вас обошла Нелединская. Мало кто знает ваши мотивы и еще менее кто умеет их понять.

В ответ я рассказала один анекдот про немецкого барона, у которого была страсть говорить по-французски, несмотря на то что он очень плохо знал этот язык; когда ему говорили, что его трудно понять, он неизменно отвечал: «Не все ли мне равно? Я сам себя отлично понимаю». Это был мой всегдашний ответ на подобные речи, которые были тем более несносны, что иногда заключали в себе претензию на тонкую иронию.

Вскоре я переехала в город и, присмотревшись поближе к дому Нелединской, увидела, что ничего не потеряла, не купив его. Жизнь моя текла тихо и покойно. Князь Потемкин обещал исполнить мое желание насчет моей племянницы Полянской и просил меня не медлить с покупкой дома, так как императрица, пожалуй, подумает, что я не предполагаю жить в Петербурге. Я тогда осмотрела дом покойного придворного банкира Фридерикса и условилась с его вдовой насчет цены, которая, включая все накладные расходы по его продаже, не превышала тридцати тысяч рублей. Я попросила у императрицы разрешения его купить, на что она мне ответила, что давно уже повелела кабинету заплатить стоимость дома, который я пожелаю купить, и, выразив свое удивление, что я не сделала лучшего выбора, спросила, почему я не хочу купить дом герцогини Курляндской. Опасаясь, что моя деликатность покажется императрице неуместным жеманством, я сказала, что дом Фридерикса стоит на Английской набережной[260], где я родилась, а так как ее величество своим милостивым отношением ко мне заставляет меня любить день моего рождения и считать его самым счастливым днем моей жизни, то мне и хотелось бы иметь дом на этой улице. В этом случае я действительно

стала жертвой своей деликатности, так как в купленном мною доме не было вовсе мебели; хотя я и сделала императрице экономию в тридцать тысяч, но ни слова не сказала о том, что мне приходится покупать всю обстановку; я выбрала простую, но хорошенькую мебель и только необходимое количество ее; и то долг мой увеличился на три тысячи рублей. Но так как я не первый и не последний раз была жертвой своего бескорыстия, я решила помириться на этом и никому ничего не сказала.

Генерал Ланской, фаворит, был только вежлив со мной, и если иногда и оказывал мне некоторое внимание, то делал это, видимо, по внушению императрицы. С приездом графа Андрея Шувалова, ставшего вскоре его раболепным приспешником, Ланской стал при малейшей возможности выражать мне явное недоброжелательство. Князь Потемкин, наоборот, выказывал мне большое почтение и, очевидно, желал снискать мою дружбу. Он сказал мне однажды, что ее величество, узнав, что у меня много долгов, пожелала заплатить их и достроить на свой счет дом в Москве и меблировать его, дабы я не тратила еще на это деньги.

Я усиленно просила князя Потемкина отговорить от этого императрицу и напомнить ей мое страстное желание, которое я уже имела смелость раз высказать. Видясь с моей сестрой каждый день и будучи свидетельницей ее грусти, считая себя до некоторой степени виновницей ее падения в 1762 г., я испытывала тягостное чувство, которое все благодеяния государыни не в силах были рассеять. Все-таки назначение моей племянницы фрейлиной затягивалось; наконец 24 ноября, в день тезоименитства императрицы и моих именин, после большого придворного бала я не последовала за императрицей во внутренние апартаменты, но послала сказать князю Потемкину через его адъютанта, что не выйду из зала, пока не получу от него подарка, а именно копии с давно ожидаемого мною указа о назначении моей племянницы фрейлиной. Кажется, приглашенные очень удивились, видя, что я осталась в зале после того, как двор удалился во внутренние покои, и если бы они знали причину и результаты моего поступка, они бы

лишний раз насмеялись над моей простотой*. Прошел целый час; наконец появился адъютант с бумагой в руках, и я не помнила себя от радости, прочитав назначение моей племянницы фрейлиной. Я уехала с быстротой молнии и, зная, что моя сестра ужинает у нашего двоюродного брата, графа Воронцова, отправилась к нему и была свидетельницей безумной радости моей сестры; я сама была счастлива, что могла исполнить ее заветное желание.

В следующем месяце опять был бал при дворе по какому-то случаю. Императрица, обойдя всех статс-дам и иностранных министров и поговорив с ними, вернулась ко мне.

— Я бы хотела с вами поговорить, — сказала она.

— Я всегда готова выслушать в. и. в. с величайшим благоговением.

— Сейчас это невозможно.

— Когда и где ваше величество прикажете, — ответила я.

Она отошла от меня, поговорила еще с несколькими иностранными министрами, которые затем становились по другой стороне комнаты; остановившись между двумя рядами, государыня встретилась со мной глазами и знаком подозвала меня к себе. Я своим ушам не поверила, когда императрица предложила мне место директора Академии наук. От удивления я не могла выговорить ни слова, и императрица успела наговорить мне много лестного, думая этим убедить меня принять ее предложение.

— Нет, ваше величество, — наконец сказала я,— не могу я принять место, совершенно не соответствующее моим способностям. Если ваше величество не смеетесь надо мной, то позвольте мне сказать, что, в числе многих прочих причин, я из любви к вашему величеству не хочу рисковать сделаться всеобщим посмешищем и не оправдать вашего выбора.

Императрица прибегла даже к хитрости, чтобы убе-

---

* Я намекаю на уступку, которую я сделала взамен исполнения желания моей сестры: мой дом в Москве не был выстроен на счет императрицы и долги не были заплачены; когда я уехала из Петербурга, мне пришлось продать купленный мною дом, чтобы заплатить долг в банк. Несмотря на это, я никогда не пожалела о том, что сделала для сестры.

дить меня, высказав предположение, что я потому не соглашаюсь на ее предложение, что больше ее не люблю.

Все, имевшие счастье быть близкими к императрице, знают, что она умела быть очаровательной, красноречивой и тонкой, когда хотела привлечь к себе или убедить кого-нибудь. Ей незачем было пускать в ход свое искусство для меня, так как в своей бескорыстной и неизменной любви к ней я готова была слушаться ее во всем, что не шло вразрез с моими принципами. Но на этот раз ее постигла неудача.

— Сделайте меня начальницей ваших прачек,— сказала я,— и вы увидите, с каким рвением я вам буду служить.

— Теперь вы смеетесь надо мной, предлагая занять такое недостойное вас место.

— Ваше величество думаете, что меня знаете, но вы меня не знаете; я нахожу, что какую бы должность вы мне ни дали, она станет почетной с той минуты, как я ее займу; и как только я стану во главе ваших прачек, это место превратится в одну из высших придворных должностей, и мне все будут завидовать. Я не умею стирать и мыть белье, но если бы я тут сделала ошибки вследствие своего незнания, они бы не повлекли за собой серьезных последствий, между тем как директор Академии наук может совершить только крупные ошибки и тем навлечь нарекания на государя, избравшего его.

Ее величество возразила мне, что, вспомнив тех, кто занимал эту должность, я должна буду сознаться, что по своим способностям они стоят много ниже меня. На это я ответила:

— Тем хуже для тех, кто навлекает на себя презрение, принимая совершенно непосильные обязанности.

— Хорошо,— ответила она,— пока довольно об этом; на вас и так все смотрят; что же касается до вашего отказа, я должна вам сказать, что он убеждает меня еще больше в том, что я не могу сделать лучшего выбора.

От этого разговора я была как в лихорадке, и мое лицо, вероятно, отражало мое волнение, так как я прочла удовольствие на лицах придворных дам, когда вернулась в их ряды; они думали, что между мной

и императрицей произошла неприятная сцена, и старая графиня Матюшкина, которая вообще не любила стесняться, спросила меня, что означал этот длинный и таинственный разговор с ее величеством.

— Вы видите, что я совершенно расстроена, графиня,— ответила я,— но меня взволновала доброта императрицы и ее слишком лестное и совершенно незаслуженное мнение обо мне.

Я с нетерпением ожидала конца бала, чтобы в тот же вечер написать императрице и с большей убедительностью мотивировать свой отказ. Вернувшись к себе, я тотчас же написала письмо, которое, несомненно, рассердило бы другого государя; я позволила себе сказать, что иногда частная жизнь монарха ускользает от истории, но его вредный или плохой выбор лиц никогда не избегнет ее суда; сам господь бог, создавая меня женщиной, этим самым избавил меня от должности директора Академии наук; считая себя круглой невеждой, я никогда не мечтала попасть в ученую корпорацию, даже в общество Аркадии [261] в Риме, куда я могла быть зачислена за несколько дукатов. Я кончила письмо почти в двенадцать часов ночи, так что было поздно посылать его императрице, но, сгорая от нетерпения покончить с этим делом и добиться, чтобы императрица бросила свою затею, которую я считала просто нелепой, я поехала к князю Потемкину, никогда прежде не переступая порога его дома. Я велела доложить о себе и просила меня принять по очень важному делу, даже если он в постели. Действительно, князь Потемкин уже лежал; я рассказала все, происшедшее между мной и императрицей, на что он мне ответил, что императрица уже сообщила ему об этом и что она прониклась мыслью поручить мне управление Академией наук.

— Но я не хочу и не могу на это согласиться,— ответила я.— Я написала ей письмо; прочтите его, князь, и прикажите передать его императрице, как только она проснется.

Князь Потемкин, прочитав письмо, разорвал его начетверо. Меня подобная бесцеремонность привела в негодование.

— Как вы смеете, князь, рвать мое письмо к императрице? — воскликнула я.

— Прежде чем сердиться, выслушайте меня,—

ответил он.— Никто не сомневается в вашей любви к императрице; почему же вы хотите ее рассердить и огорчить? Я вам сказал, что она целых два дня только и мечтает об этом. Впрочем, если вы не дадите себя убедить, вам придется только принять на себя маленький труд заново написать это письмо; вот вам и перо. Я говорю с вами как преданный вам человек; кроме того, должен сказать, что императрица смотрит на это назначение как на средство приблизить вас к себе и удержать в Петербурге; ей надоели дураки, окружающие ее.

Мой гнев на князя прошел, так как я вообще была отходчива; я ответила ему, что напишу более умеренное письмо и велю своему лакею передать его через камердинера императрице; но попросила его помочь мне изгнать из головы императрицы ее несообразную затею. Прощаясь с князем, я выразила надежду, что он и впредь не откажет мне в своих услугах.

Вернувшись к себе, я была так взволнована, что, не раздеваясь, села писать и так и просидела до утра в придворном костюме, раздумывая над случившимся накануне. В семь часов утра я послала лакея во дворец и получила ответ от императрицы, в котором она говорила мне много любезностей, но ничего определенного насчет моего отказа. К вечеру того же дня я получила письмо от графа Безбородко с приложением копии с указа, уже отправленного в Сенат, которым я назначалась директором Академии наук [262] и упразднялась комиссия, учрежденная с некоторых пор для управления Академией, вследствие жалоб на Домашнева профессоров и всех лиц, служивших в Академии. Смущенная и пораженная, я велела никого не принимать и, расхаживая по гостиной, стала размышлять над беспокойством и хлопотами, которые доставит мне это место; что еще хуже, я предвидела, что между мной и императрицей возникнут неоднократные недоразумения. Граф Безбородко писал мне между прочим: «Ее величество приказала мне сообщить вам, что вы можете докладывать ей о всех делах, касающихся той части, в управление которой вы вступаете, и что она будет всегда готова устранить все препятствия и облегчить трудности, которые вы встретите на своем пути». Таким образом, я очутилась запряженною в воз, совершенно развалив-

шийся, и лишена была даже помощи вышеупомянутой комиссии.

Я на свой страх решила послать в канцелярию Академии копию с указа и приказала продолжать прежнее управление ею еще два дня и в тот же день прислать мне сведения о всех отраслях ее деятельности, о типографии, словолитне и т. п., список фамилий всех лиц, заведующих кабинетами, библиотекой и т. п.; кроме того, я просила лиц, стоящих во главе различных отделов, приготовить мне к следующему дню подробный рапорт о состоянии вверенных им отделов. Одновременно я просила комиссию сообщить мне все нужные сведения и инструкцию или устав, определяющие права и обязанности директора, дабы я могла их хорошенько усвоить, прежде чем приступить к какой бы то ни было деятельности; наконец я уверяла этих господ, что считаю своим священным долгом платить им дань уважения, столь заслуженного их талантами и учеными трудами, и просила их передать то же самое своим коллегам.

Я надеялась таким путем избегнуть крупных недоразумений в самом начале. На следующий день я отправилась в уборную императрицы, где собирались ее секретари и начальники отдельных частей для получения приказаний от ее величества. Каково же было мое удивление, когда я увидела среди них и Домашнева! Он подошел ко мне, изъявляя готовность преподать мне наставления насчет моей новой должности. Негодуя на его нахальство, я возможно вежливее объявила ему, что первейшей своей обязанностью ставлю славу и процветание Академии и беспристрастие к ее членам, таланты которых будут служить единственным мерилом для моего уважения, и что в моем полном неведении относительно подробностей управления Академией я прибегну к просвещенным советам государыни, обещавшей мне свое руководство. В ту минуту, когда он мне что-то отвечал, императрица приотворила дверь и, увидав нас, закрыла ее снова и позвонила. Дежурный камердинер вошел к императрице и затем пригласил меня в комнату государыни.

— Как я рада вас видеть,— сказала она мне.— Скажите, пожалуйста, что вам говорил этот дурак Домашнев?

— Он меня наставлял, ваше величество, как мне себя вести в новой должности, в которой я окажусь еще невежественнее его, с тою только разницей, что я буду строже следить за тем, чтобы на мое бескорыстие не упало и тени сомнения. Не знаю, должна ли я благодарить ваше величество за это блестящее доказательство вашего высокого мнения обо мне или выразить вам свое соболезнование по поводу необычайного шага, сделанного вами,— назначения меня директором Академии наук.

Ее величество стала уверять, что она не только довольна своим выбором, но гордится им.

— Это очень лестно для меня, ваше величество,— возразила я,— но вы вскоре устанете водить слепого: я, круглая невежда, во главе всех наук!

— Будет смеяться надо мной,— ответила государыня,— надеюсь, что вы в последний раз так говорите со мною.

По выходе моем из комнаты императрицы гофмаршал сказал мне, что императрица еще с вечера приказала ему, в случае если я приеду утром, пригласить меня к обеду к маленькому столу императрицы и объявить, что мой куверт всегда будет накрыт за этим столом и что императрица не желает стеснять этим мою свободу действия, но всегда будет очень рада видеть меня у себя за обедом. Меня поздравляли с новой милостью императрицы, выразившейся в назначении меня на столь важный пост; другие же, видя мое грустное лицо, были настолько деликатны, что не смущали меня своими поздравлениями. Но в общем все мне завидовали, тем более что, глядя на мое безыскусственное поведение при дворе, меня считали женщиной весьма посредственной.

На следующий день, в воскресенье, ко мне явились с самого утра все профессора и служащие в Академии. Я объявила им, что на следующий день буду в Академии и что, если кому-нибудь понадобится видеть меня по делу, я прошу приходить в какой им удобнее час и входить в мою комнату без доклада. Вечером я занялась чтением рапортов и постаралась освоиться немного с лабиринтом, в который мне приходилось вступить, с твердым убеждением, что каждая моя ошибка станет известна всем и подвергнется жестокой критике.

Я постаралась также запомнить имена главных хранителей, и на следующий день, перед тем как ехать в Академию, я сделала визит великому Эйлеру[263]. Я называю его великим, потому что он бесспорно самый замечательный математик и геометр наших дней; кроме того, он был знаком со всеми науками, отличался трудолюбием и, даже потеряв зрение, продолжал производить исследования и делать открытия. Он диктовал свои произведения мужу своей внучки, Фусу[264], и оставил после себя материалы для Комментариев[265], издаваемых Академией, на несколько лет. Он, как и все, был недоволен порядками в Академии, никогда не ездил туда и вмешивался в ее дела исключительно в тех случаях, когда Домашнев придумывал какой-нибудь особенно вредный проект; тогда он подписывался в числе других под протестом и иногда лично писал императрице. Обещая не беспокоить его впоследствии, я просила его поехать со мной в Академию на этот единственный раз, так как мне хотелось, чтобы он меня ввел в первую ученую Конференцию под моим председательством. Он был очень польщен моим вниманием к нему. Мы были с ним знакомы уже давно, и я беру на себя смелость утверждать, что, будучи еще очень молодой, за пятнадцать лет до моего назначения в Академию, я уже пользовалась его расположением и уважением.

Он сел в мою карету; я пригласила с собой его сына[266], непременного секретаря Академической конференции, и его внука, Фуса, чтобы вести знаменитого слепца. Войдя в залу, где были собраны все профессора и адъюнкты, я сказала им, что просила Эйлера ввести меня в заседание, так как, несмотря на собственное невежество, считаю, что подобным поступком самым торжественным образом свидетельствую о своем глубоком уважении к науке и просвещению. Я сказала эти несколько слов стоя и заметила, что Штелин [267], профессор аллегории, имевший чин действительного статского советника*, соответствующий чину генерал-майора, намеревался сесть рядом с директорским креслом

* Он получил этот чин при Петре III, и можно смело сказать, что как его научные знания, так и чин и он сам были действительно только аллегорией.

и, следовательно, опираясь на свой чин, полученный бог весть за что, играть первую роль после меня. Тогда я обратилась к Эйлеру и попросила его сесть на любое место, так как какое бы место он ни избрал, оно станет первым с той минуты, как он его займет. Не только сын и внук, но и все профессора, питавшие глубокое уважение к почтенному старцу, с величайшей радостью услышали мои слова, и на глазах их навернулись слезы. Из залы заседаний я пошла в канцелярию, где ведались все денежные дела Академии. Тут были и заведующие отделами; я им сказала, что в публике распространено мнение, что при прежнем директоре было много злоупотреблений, так что Академия не только не обладала капиталом для чрезвычайных расходов, но была обременена многими долгами; следовательно, мы были обязаны совместно исправить эти беспорядки и пользоваться самым простым и быстрым средством к тому, то есть бережно хранить все имущество Академии, не расхищая и не портя его; твердо решив сама не пользоваться ничем от Академии, я объявила, что не позволю это делать и моим подчиненным, вследствие чего благоразумнее всего будет каждому воздерживаться от пользования имуществом Академии, так как всех, следующих этому принципу, я найду возможным вознаградить за их усердие и увеличить их жалованье. Комментарии, печатавшиеся сперва в двух томах in quarto ежегодно, впоследствии появлялись только в одном томе, а затем и вовсе перестали печататься за неимением шрифтов; в типографии царил полный беспорядок, и она была очень скудно оборудована. Я ее быстро привела в прекрасный вид; достала отличные шрифты и выпустила два тома Комментариев, в которых бóльшая часть статей принадлежала Эйлеру.

Князь Вяземский[268], генерал-прокурор Сената, спросил императрицу, следует ли ему привести меня к присяге, как всех лиц, вступающих в административную должность. Императрица ответила:

— Конечно, я ведь не тайно назначила ее директором; правда, я не нуждаюсь в новых подтверждениях ее верности мне и отечеству, но мне эта церемония доставит удовольствие, так как торжественно и публично подтвердит ее назначение.

Князь Вяземский прислал мне сказать через своего

секретаря, что он меня ждет на следующий день в Сенат для приведения меня к присяге. Меня это очень смущало, но я не могла уклониться от обязанности, которая налагалась на всех лиц, состоящих на службе, от самых низших до самых высших чинов.

На следующий день я отправилась в Сенат в назначенный час; чтобы попасть в церковь, надо было пройти через залу заседаний, где собрались все сенаторы, и некоторые из них, знавшие меня близко, встали и подошли ко мне.

— Вы, вероятно, так же удивлены, как и я,— сказала я,— что я пришла сюда, чтобы присягать ее величеству в верности, когда эта клятва давно уже запечатлена в моем сердце; но надо повиноваться и не уклоняться от долга, предписанного всем без исключения; потому-то и произошло чудо присутствия женщины в этом святилище.

После церемонии (вследствие своей застенчивости в подобных чрезвычайных случаях я была сильно смущена, так что обливалась холодным потом и чувствовала спазмы) я попросила генерал-прокурора сообщить мне все документы, посланные канцелярией Академии в Сенат и относящиеся к жалобам на бывшего директора и его предприятия, а также его объяснительные и оправдательные записки. Он обещал прислать их мне в тот же день. Только когда я их прочла, мне удалось хоть отчасти разобраться в задаче, которую мне предстояло выполнить. Мне стоило большого труда отделить так называемые казенные суммы от так называемых специальных, которые подлежали внесению в соответствующие книги.

Академия была обременена долгами; между прочим, она должна была за книги русским, парижским и голландским книгопродавцам; так как я не хотела просить денег у ее величества, я понизила цену печатаемых в Академии книг на тридцать процентов, вследствие чего они в короткое время разошлись в значительном количестве. Я употребила деньги, полученные таким способом, на уплату долгов и представила в Сенат или, скорей, государственному казначею, то есть тому же князю Вяземскому, запоздалый отчет по расходованию казенных сумм за прежние годы. Специальные суммы состояли в исключительном распоряжении директора,

так как он, собственно говоря, создавал их и употреблял на покупку предметов, не предвиденных при учреждении Академии, на награды и прочие чрезвычайные расходы, которые нельзя было производить из сумм, ассигнованных на содержание Академии. Этими суммами покрывался и дефицит, образовывающийся вследствие постоянного вздорожания всех предметов.

Я застала всего семнадцать учеников в гимназии и двадцать одного обучавшегося искусствам подмастерья, которые содержались на счет Академии. Число первых повысилось при мне до пятидесяти, а вторых — до сорока. Я удержала в Академии Фуса, собиравшегося ее покинуть, и удвоила жалование ему и Георги[269]. На следующий год я увеличила содержание всем профессорам и открыла три бесплатных курса: математики, геометрии и естественной истории; они читались русскими профессорами, которые получали за это двести рублей из специальных средств по окончании лекций. Я часто присутствовала на лекциях и с удовольствием видела, что ими пользовались для пополнения своего образования дети бедных русских дворян и молодые гвардии унтер-офицеры.

В конце зимы князь Потемкин отправился в армию и взял с собою моего сына, который ехал с ним в одной карете. Князь обходился с ним дружески и внимательно: в Белоруссии он даже сделал крюк, чтобы убедиться самому, что представляет из себя Круглое; одни считали, что императрица, пожаловав мне его, подарила мне громадное состояние; другие же оценивали его довольно низко. Князь Потемкин написал мне из Круглого, утешая меня тем, что со временем можно будет поднять доходность этих земель, и приказал бригадиру Бауеру, управлявшему имениями князя по соседству с Круглым, привести его в порядок и составить план тех улучшений, которыми доходы с него могли бы быть увеличены. «Впрочем,— писал мне князь,— есть здесь село, носящее ваше имя (Дашково); вы могли бы его получить, чтобы восполнить дефицит в числе душ, пожалованных вам указом». Мне действительно легко было бы получить эту землю, так как польский король, считавший себя обязанным моему покойному мужу, мог бы легко уладить это дело между своей сестрой, владевшей ею пожизненно, и тем лицом, к которому она

перешла бы после ее смерти; оно не было наследственно ни той, ни для другого. Но князь Потемкин не пожелал, чтобы я писала об этом ни королю, ни графу Штакельбергу[270], нашему послу в Польше; он хотел сам устроить это дело, и в результате я не получила ни Дашкова, ни вознаграждения за недостающие в Круглом души, так как не обратилась даже за этим в Сенат.

Разлука с сыном была для меня весьма тягостной; я не могла привыкнуть к его отсутствию, но так как я всегда в течение всей своей жизни жертвовала собственными радостями пользе моих детей, я согласилась на его отъезд в армию, ввиду того что его пребывание в ней могло принести ему немалые служебные выгоды. Он часто писал мне. Князь Потемкин относился к нему чрезвычайно благосклонно, вызывая этим удивление всех, знавших его легкомысленный характер, избалованный удачей и успехами. В общем, я была спокойна духом, но меня утомляли множество подробностей в управлении Академией, неустанные улучшения и, главным образом, измышление и применение способов для прекращения хищения, проникнувшего в Академию и систематически совершавшегося в течение нескольких лет.

На следующее лето их императорские высочества, великий князь Павел и его супруга, возвратились из своего путешествия за границу. Я очень редко ездила к их двору под предлогом, что я посвящала все свое время исполнению моих директорских обязанностей и что Стрельнинский дворец[271], где императрица позволила мне поселиться на лето (моя дача совершенно разваливалась), был так далек от Гатчины, что поездка туда представляла целое путешествие. Их императорские высочества приглашали к себе всех известных в обществе лиц; у них гостили по нескольку дней; хозяева обращались со всеми вежливо и любезно, так что меня уверяли даже, что приглашенные чувствовали себя там совсем свободно. Ее высочество настойчиво приглашала меня к себе, но я просила ей передать, что, конечно, не менее других находила бы удовольствие в приятной жизни в Гатчине, но что я была уверена, что в Царском Селе было известно все, что делается там, и потому, лишая себя удовольствия посещать двор их высочеств, я тем самым не давала императрице

возможности расспрашивать меня о нем, а у великого князя отнимала всякий повод подозревать меня в сплетнях; я прибавила, что никакие миллионы не заставят меня становиться между матерью и сыном и что ее высочество, вдумавшись в мой образ действий, несомненно почтит меня своим уважением. В течение десяти лет мое поведение ни на йоту не отклонилось от принятого мною принципа: я бывала у их высочеств только в торжественные дни, когда к ним ездил весь двор. Императрица не расспрашивала меня о том, что там происходит, зная, что я не бываю в Гатчине, и если иногда и случалось, что государыня, будучи недовольна сыном, сообщала мне причину своего гнева, я неизменно выражала свое недоумение, что она впутывает в их ссору третье лицо, когда она могла быть уверена в его послушании, если сообщит ему лично свое мнение.

Этот твердый и честный образ действий в результате не доставил мне даже покоя; читатель увидит ниже, что Павел I преследовал и мучил меня наравне с лицами, по его мнению, обидевшими или оскорбившими его.

Граф Андрей Шувалов вернулся из Парижа, и ему вскоре удалось настроить фаворита Ланского враждебно против меня и моего сына. Однажды мы говорили с императрицей о том, с какой легкостью можно достать в Италии отличные копии с произведений искусства, и я выразила сожаление, что в России нельзя получить бюст ее величества, который мне так хотелось иметь. Императрица велела лакею принести свой бюст, сделанный знаменитым русским художником Шубиным[272], и подарила мне его. Увидев это, Ланской воскликнул:

— Но ведь этот бюст мой, ведь он мне принадлежит!

Императрица уверяла его, что он ошибается, и во время этого маленького спора он злобно посматривал на меня, а я бросила на него презрительный взгляд. С тех пор ее величество всегда прерывала его и прекращала споры, которые он любил затевать со мной. Вскоре генерал-прокурор Вяземский стал внушать мне отвращение к моей директорской должности. То он оставлял без внимания представления, которые я делала в Сенат о повышении лиц, заслуживавших награды; то не присылал мне нужных сведений насчет границ гу-

берний, когда я хотела издавать исправленные карты их; наконец, он осмелился спросить казначея Академии, почему он не приносит ежемесячно вместе с отчетами о расходах казенных сумм и отчеты сумм специальных. Я немедленно же написала императрице и просила ее прислать мне отставку, так как князь Вяземский желает установить отчетность, не существовавшую с самого основания Академии, даже при моем предшественнике, которого подозревали в злоупотреблениях; я напоминала государыне, что вследствие моих усиленных просьб она разрешила мне представлять ей отчет специальных сумм и что ее величество изволила удивляться моему искусному распределению их и тем мерам, которыми я их увеличила; следовательно, я не могла позволить генерал-прокурору захватывать права директора в столь существенной для процветания Академии отрасли и еще менее — набрасывать тень на мое бескорыстие.

Князь Вяземский получил выговор, и императрица просила меня забыть его глупую выходку. Он был трудолюбив и аккуратен, но необразован и злопамятен и мстил мне за то, что я приняла к себе на службу людей, которых он преследовал и увольнял с занимаемых ими должностей, лишая их тем куска хлеба.

Я вызвала его враждебное отношение к себе еще другим обстоятельством. В Академии издавался новый журнал[273], в котором сотрудничали императрица и я. Советник Козодавлев[274] и другие лица, служившие под моим начальством, поместили в нем несколько статей в прозе и стихах; Вяземский принял на свой счет и на счет своей супруги сатирические произведения, в особенности, когда он узнал, что в журнале сотрудничает Державин. Он одно время преследовал Державина и лишил его места вице-губернатора и потому думал, что тот отомстит ему, изображая его в своих стихах, которые читались всеми с жадностью, так как Державин был известный и талантливый поэт. Мне пришлось испытать по этому поводу много неприятностей. Князь Вяземский старался насколько мог чинить мне препятствия в моих полезных начинаниях; некоторые из них имели даже общественное значение, как, например,

новые точные карты целых провинций, изменивших свои границы после разделения России на губернии*.

Он не только не сообщал мне нужных сведений, но задерживал и те, которые губернаторы присылали мне по моей просьбе. Мне не хотелось постоянно надоедать императрице своими жалобами, и я старалась терпеливо выносить все эти невзгоды.

В июле месяце мой сын вернулся курьером из армии с известием о завоевании Крыма. Моя радость неожиданного свидания с ним была неописуема. Он пробыл всего несколько дней и снова уехал в армию с чином полковника. Эта милость императрицы осчастливила меня особенно потому, что мой сын, получив этот чин, выходил из гвардии, следовательно, не был обязан жить в Петербурге и имел возможность обнаружить свои таланты, командуя полком. Однажды я гуляла с императрицей в саду в Царском Селе; разговор коснулся красоты и богатства русского языка. Я выразила удивление, что императрица, будучи сама писательницей и любя наш язык, не основала еще Российской Академии, необходимой нам, так как у нас не было ни установленных правил, ни словарей, вследствие чего нам приходилось употреблять иностранные термины и слова, между тем как соответствующие им русские выражения были гораздо сильнее и ярче.

— Не знаю, как это случилось,— ответила государыня,— так как я уже несколько лет мечтаю об этом и даже сделала насчет этого некоторые распоряжения.

— А вместе с тем это очень легко сделать, так как за границей есть несколько образцов подобных академий, и надо только выбрать.

— Составьте мне, пожалуйста, программу,— сказала императрица.

— Не лучше ли,— возразила я,— вашему величе-

---

* Эта мудрая мера, достойная Великой Екатерины, ввела порядок и цивилизацию внутри империи. Появились безопасные и удобные дороги, вследствие чего оживилась внутренняя торговля; суды действовали на местах, так что ищущим справедливости не приходилось ездить за ней за две-три тысячи верст в столицу. Города украсились. Государыня велела построить на свой счет в главных городах губерний великолепные дворцы для губернаторов и для судебных установлений. Она выстроила красивые соборы; чрез учреждение гражданской внутренней полиции водворились порядок и безопасность, которые судебные установления не в силах были поддерживать вследствие отдаленности их друг от друга.

ству приказать вашему секретарю представить вам план Французской, Берлинской и других академий с примечаниями относительно изменений или урезок применительно к подобной академии в России.

— Я еще раз прошу вас взять на себя этот труд; тогда я буду уверена, что благодаря вашей деятельности не затянется это дело, которое, к стыду моему, еще не приведено в исполнение.

— Труд не велик, ваше величество, и я постараюсь его исполнить возможно скорей, но осмеливаюсь еще раз указать вашему величеству, что любой из ваших секретарей справится с этой задачей лучше меня.

Так как мне не удалось разубедить императрицу, то приходилось повиноваться. Вернувшись вечером к себе, я набросала краткий план учреждения Академии русского языка. Каково было мое удивление, когда мне вернули мой далеко не совершенный набросок, сделанный мною наскоро, с целью доставить удовольствие императрице, утвержденный подписью государыни, как продуманный и окончательный устав; он сопровождался копией с указа, которым государыня назначала меня президентом этой новой Академии[275]. Копия указа была одновременно послана в Сенат, чем императрица как бы показывала, что и слышать не хочет об отказе с моей стороны.

Через два дня я вернулась в Царское Село и тщетно пыталась уговорить императрицу выбрать другого президента. Тогда я сказала ей, что у меня уже готовы и суммы, необходимые на содержание Российской Академии, и что ей придется только купить для нее дом; она была особенно довольна и удивлена, когда я сказала, что на содержание Академии хватит тех пяти тысяч рублей, которые она выдавала каждый год из своей шкатулки на переводы на русский язык классических авторов.

— Но я все-таки желала бы,— возразила она,— чтобы эти переводы были сделаны.

— Они и будут производиться,— ответила я,— ими будут заниматься ученики Академии наук под руководством русских профессоров; таким образом, эти пять тысяч рублей будут применены с пользой; прежде директора никому не давали в них отчета, и, судя по немногочисленности изданных переводов, они, по всей

вероятности, смотрели на них как на свои карманные деньги; однако надо учредить жетоны или одну или две медали в виде награды тем, кто более всего потрудится в новой Академии. Я буду иметь счастье представить вам штаты и необходимые расходы, и тогда видно будет, останутся ли еще деньги на жетоны и медали.

Я действительно представила императрице смету, назначив жалованье двум секретарям по девятьсот рублей каждому, двум переводчикам по четыреста пятьдесят рублей; кроме того, я наметила должности казначея и четырех сторожей — для топки и уборки здания; содержание штата достигало цифры три тысячи триста рублей; остальные тысячу семьсот рублей предназначались на покупку дров, бумаги и книг, которые должны были приобретаться ежегодно в небольшом количестве, а пока я предложила пользоваться моей собственной библиотекой*. На жетоны и на медали денег не оставалось, так что императрица назначила тысячу двести пятьдесят рублей в год на покупку их. Государыня казалась обрадованною и даже еще более удивленною моею сметою, так как она привыкла, что в представляемых ей сметах не был забыт и президент и ему назначено было большое жалованье; я же не назначила себе ни копейки, и это полезное учреждение стоило только лишь тысячу двести пятьдесят рублей, которые ее величество предназначила на жетоны и медали. Я покончу тут с Российской Академией, отослав читателей (если это их интересует) к последнему моему отчету, представленному императрице, и скажу только, что на деньги, не выданные за последние три года директорства Домашнева на переводы, то есть на пятнадцать тысяч рублей, я выстроила (прибавив к ним еще небольшую сумму из специальных средств) два флигеля во дворе дома, купленного нам императрицей, которые я отдавала внаймы за тысячу девятьсот пятьдесят рублей. Император Павел велел отнять этот дом и флигеля, выстроенные мною, и взамен дал участок земли, на котором стояла только кузница. Я оставила, уходя из Академии, капитал в сорок девять тысяч рублей, сданный в воспитательный дом, дом, обста-

* Однако через десять лет у Академии была уже своя довольно большая библиотека.

вленный мебелью, значительную библиотеку, доходы, увеличенные на тысячу девятьсот пятьдесят рублей в год, и законченный и изданный словарь[276]; все это было сделано в течение одиннадцати лет.

Не могу покончить с Российской Академией, не сказав, что у меня по поводу ее было много неприятностей при дворе. Просвещенная часть общества отдавала мне справедливость и сознавала, что учреждение Российской Академии и быстрота, с какой двигалось составление первого у нас словаря, стояли в зависимости исключительно от моего патриотизма и энергии. Но придворная партия находила, что словарь, расположенный в словопроизводном порядке, был очень неудобен, и сама императрица не раз спрашивала меня, почему мы не составляли его в алфавитном порядке. Я сказала ей, что второе издание, которое появится через три года после первого, будет издано в алфавитном порядке, но что первый словарь какого-нибудь языка должен быть этимологический, так как должен отыскивать и объяснять корни и происхождение слов. Не знаю, почему императрица, способная обнять самые высокие мысли, не понимала меня. Мне это было очень досадно, и, как мне ни было неприятно оглашать мнение императрицы о нашем словаре, я решила обсудить его в первом нашем заседании, исключив, однако, много мелких вопросов, которыми меня постоянно осаждали; все члены Академии, как я и ожидала, единогласно решили, что первый словарь не может быть составлен иначе, а что вторично он будет издан полнее и в алфавитном порядке. Я передала императрице решение академиков и их мотивы, но императрица не отказалась от своего мнения. Она занималась в это время составлением также чего-то вроде словаря, редактируемого Палласом*[277]. Это был словарь девяноста или ста языков; некоторые из них имели всего двадцать слов, на-

---

* Этот ученый приобрел известность своими описаниями путешествий по России и своими познаниями в естественной истории; но он был безнравственный, беспринципный и корыстный человек; в издание книги, которую он в угоду императрице называл словарем, он вогнал более чем двадцать тысяч рублей, не считая того, что стоила Кабинету посылка курьеров в Сибирь, на Камчатку, в Испанию, Португалию и т. п. для отыскания нескольких слов каких-то неизвестных и бедных наречий.

пример: небо, земля, вода, отец, мать и т. п.; это ненужное и странное произведение внушало мне отвращение, хотя все его и расхваливали, как чудесный словарь. Чтобы отдохнуть от всего этого, я переехала на дачу (я выстроила там каменный дом) и совершенно отказалась от выездов и приемов. Академия требовала от меня столько работы, что у меня совершенно не оставалось свободного времени. На мою долю выпала обязанность собрать все слова, начинающиеся на известные три буквы алфавита: каждую субботу мы собирались для отыскания корней слов, собранных, таким образом, всеми членами Академии. Кроме того, я каждую неделю ездила на несколько дней в Царское Село. Так было занято все мое время.

Зимой мой сын получил двухмесячный отпуск; я ему передала актом, скрепленным ее величеством, состояние его отца, оставив себе небольшую часть его; таким образом, я сняла с себя обязанность управления им. Он получил больше, чем сколько отец его оставил мне и обоим детям, и у него не было ни копейки долгу, так что я могла сказать другим и, что еще важнее, самой себе, что я недурно справилась с задачей опекунши и управительницы всех имений, которые остальные опекуны оставили всецело на моем попечении.

Летом следующего года приехала m-me Гамильтон. Не сумею выразить, какое счастье мне доставил приезд этого любимого и почтенного друга. Вследствие особой милости императрицы она была представлена ей в Царском Селе, где иностранцев обыкновенно не принимали.

Я испросила трехмесячный отпуск и повезла m-me Гамильтон в Москву. Она осмотрела все достопримечательности этого интересного города и его окрестностей; затем мы поехали в мое любимое имение Троицкое, где мне так хотелось жить и умереть. Меня привело в восторг, что моей приятельнице понравилась красивая местность, в которой расположен этот прелестный уголок, и что она, хотя как англичанка и видела чудесные парки своей родины, одобрила и мой сад, который был не только распланирован мной, но где каждое дерево и каждый куст были посажены по моему выбору и на моих глазах.

Из Троицкого мы поехали в мое поместье в Белоруссии, под Могилевом, пожалованное мне императрицей. Таким образом, моя подруга увидела часть губерний Московской, Калужской, Смоленской и Могилевской. В конце осени мы вернулись в Петербург. В это время рассматривались в Академии сочинения, присланные разными учениками и написанные на заданные Академией темы; за первые два лучших сочинения Академия выдавала премии. Я не любила появляться в научных конференциях; тем более мне было неприятно председательствовать в публичном заседании; но я уступила усиленным просьбам m-me Гамильтон, которой непременно хотелось видеть, как я отправляю свои директорские обязанности. День, назначенный для раздачи премий, был объявлен заранее в газетах, и публики собралось очень много. Были иностранные министры и даже дамы; я сказала очень короткую речь; хотя она продолжалась не более пяти-шести минут, но мне чуть не сделалось дурно, так как смущение, всегда охватывавшее меня в подобных случаях, и тут не пощадило меня; пот выступал крупными каплями, и мне несколько раз пришлось отпить из приготовленного для меня стакана с холодной водой. Конец заседания был для меня самым приятным моментом, и с тех пор я никогда не председательствовала в публичных конференциях.

До нас дошла весть о смерти отца Щербинина. Одна коварная подруга моей дочери, в надежде легче выманивать у нее деньги и драгоценности, когда она не будет со мной, посоветовала ей сойтись с мужем и написать по этому случаю Щербинину. Она так и сделала: когда я об этом узнала, я не сочла себя вправе противиться ее решению, опираясь на свой материнский авторитет, но со слезами и с самой безграничной нежностью просила ее остаться со мной. От горя, граничившего с отчаянием, я заболела; зная расточительность своей дочери, я предвидела роковые последствия ее шага и предсказала все, что случилось с тех пор. Она обещала мне не оставаться в Петербурге и жить либо с родными своего мужа, либо в имении. Я очень расхворалась; судороги и рвота причинили мне разрыв у пупка (une rupture dans le nombril), и я вскоре так ослабела, что моя сестра и m-me Гамильтон боялись за мою жизнь. Я не

узнавала улиц, когда меня возили кататься, и, не помня ничего, кроме горя, доставленного мне дочерью, все время говорила об ожидающих ее несчастьях. Однажды моя сестра и моя подруга повезли меня на мою дачу по Анненгофской дороге[278]; мы вышли из экипажа в лесу, граничащем с моей землей. В этой части моего имения построек не было и стояли только ворота, сколоченные из двух балок и поперечной перекладины. Карета ехала впереди; моя сестра и m-me Гамильтон шли пешком за ней; я немного отстала от них, и в ту минуту, как я входила в ворота, на меня обрушилась верхняя балка. На крик моей сестры сбежались мои люди, собиравшие грибы в лесу; я села на землю и, уговаривая моих спутниц успокоиться, сняла шляпу, которая, кажется, меня и защитила, и попросила их посмотреть, не раздроблен ли у меня череп, так как я чувствовала сильную боль в том месте, где меня ушибла балка. Наружных признаков ушиба не было. Моя подруга настаивала, однако, на том, чтобы мы поскорее вернулись в город посоветоваться с доктором Роджерсоном; я же находила, что мне полезнее будет пройтись пешком, чтобы восстановить правильное кровообращение. Вернувшись в город, мы послали за доктором, и он с беспокойством спросил меня, не чувствую ли я тошноты. Я, улыбаясь, ответила ему, что тошнота у меня была, но что вряд ли ему придется производить трепанацию, так как меня, очевидно, оберегает какой-то гений, который заставляет меня жить вопреки моей воле и всевозможным обстоятельствам. Действительно, ушиб не повлек за собой никаких последствий. По-видимому, физические страдания не в силах были меня погубить. Как приятно было бы, если бы я так же хорошо была защищена от нравственных мук! Мое расстроенное здоровье восстанавливалось понемногу. Отъезд моей подруги летом следующего года поверг меня в уныние, которое мне удавалось победить только беспрерывной деятельностью, то занимаясь делами обеих Академий, то следя за постройками у меня на даче. Я даже работала с каменщиками, выводя стены своего дома.

Следующей зимой мой сын приехал на короткое время в Петербург с князем Потемкиным. Возобновились нелепые слухи о том, что он будет фаворитом;

однажды племянник князя Потемкина, Самойлов, приехал к нам и спросил, дома ли князь Дашков; его не оказалось дома; тогда Самойлов поднялся ко мне и после нескольких подготовительных фраз сообщил, что князь Потемкин желал бы видеть у себя моего сына в послеобеденное время, давая мне понять, что его посещение будет иметь особенные результаты. Я ответила ему, что все сказанное им меня не касается и что он, вероятно, обязан передать это князю Дашкову, и прибавила, что я слишком люблю императрицу, чтобы препятствовать тому, что может доставить ей удовольствие, но из уважения к себе самой не стану принимать участие в подобных переговорах, и если мой сын* когда-нибудь и сделается фаворитом, я воспользуюсь его влиянием только один раз, а именно, чтобы добиться отпуска на несколько лет и разрешения уехать за границу.

Когда отпуск моего сына пришел к концу, он уехал в армию, и, разлучаясь с ним, я не так сильно горевала, так как с его отъездом само собой прекратились все эти предположения. Летом ее величество поехала в Финляндию. Она так любезно и дружески просила меня сопровождать ее, как будто я этим приносила ей большую жертву, между тем как я была очень рада увидеть Финляндию и вообще совершить поездку, надеясь рассеять ею мою грусть. Король шведский должен был приехать в Фридрихсгам; мне интересно было познакомиться с ним и сравнить его с герцогом зудерманландским, которого я хорошо знала. Свидание двух просвещенных, родственных и соседних государей[279] обещало быть очень интересным, и я с удовольствием повиновалась желанию государыни, чтобы я ей сопутствовала.

В день нашего отъезда меня посетил шведский поверенный в делах, заменявший Нолькена, получившего отпуск для того, чтобы поехать навстречу королю. Он сообщил мне, что король намеревается возложить на меня крест ордена du Mérite, и с удовольствием узнал о том, что я сопровождаю императрицу, так как давно уже желал со мной познакомиться.

---

* В то время он усердно ухаживал за госпожой Н., и связь их не была тайной ни для кого.

— Мне очень лестно слышать это,— возразила я,— но я умоляю вас отговорить его величество от награждения меня орденом: во-первых, потому, что я простушка и меня смущает и та лента, которую я ношу; во-вторых, это отличие, никогда еще не дарованное женщине, наделает мне еще больше врагов и возбудит всеобщую зависть, не доставляя мне вместе с тем большого удовольствия.

В заключение я попросила уверить его величество, что глубоко ценю его милость ко мне и решаюсь отказываться от нее только потому, что питаю безграничное уважение и доверие к его просвещенному уму. Мы вечером переехали на лодках через Неву на так называемую Выборгскую сторону, где нас разместили по разным улицам города; на мою долю пришелся очень хорошенький и, главное, чистенький домик. На следующий день императрице представились судья, администраторы и дворяне, и она приняла их с той добротой и лаской, какою она привлекала к себе все сердца. Я не люблю подробно описывать свои путешествия и кое-что пропускаю; я забыла упомянуть, что мы провели ночь в одном из императорских имений в очень комфортабельном дворце. Я забыла также сказать, кто составлял свиту императрицы. Из женщин была я одна; кроме меня, в карете ее величества были фаворит Ланской, граф Иван Чернышев, граф Строганов и Чертков, так что всех нас было шесть. Остальная свита состояла из обер-егермейстера Нарышкина[280], статс-секретаря графа Безбородко, управляющего кабинетом Стрекалова[281] и двух камергеров, посланных вперед на границу для встречи короля. На следующий день вечером мы приехали в Фридрихсгам, где нас разместили менее удобно; король приехал только через день. Его повели сперва в покои императрицы; его свита осталась в смежной комнате, и ее представили мне. Мы познакомились, и когда появились оба монарха, императрица представила меня королю. Обед прошел очень оживленно; императрица имела после обеда еще одно частное совещание с королем, что повторялось каждый день во время нашего пребывания в Фридрихсгаме.

У меня сложилось твердое убеждение, что коронованные особы не бывают искренни друг с другом; мне даже кажется, что, несмотря на обоюдную любезность

и на просвещенный ум, они в конце концов становятся в тягость друг другу, так как общение между ними отягчается и усложняется политикой. На третий день шведский король под именем графа Гаги приехал ко мне; я велела сказать, что меня нет дома, и вечером рассказала об этом императрице, но она осталась этим недовольна; тогда я ей ответила, что вряд ли король найдет удовольствие в обществе такого простого и искреннего существа, как я, так как со времени своего путешествия в Париж он превратился совершенно во француза. Однако императрица просила меня принять короля на следующий день и задержать его подольше, из чего я заключила, что ей хотелось избавиться от него на несколько часов. Я повиновалась и приняла короля. Наш разговор был весьма интересен. Его величество был очень умен, образован и красноречив, но он обладал и всеми предрассудками, присущими коронованным особам; к тому же он был королем-путешественником, то есть имел совершенно ложные понятия о всем виденном им за границей, так как подобным знатным путешественникам показывают все с лучшей стороны и все устроено и налажено так, чтобы производить самое лучшее впечатление. Путешествия монархов и их наследников имеют еще и ту дурную сторону, что, с целью заручиться их расположением, не щадят лести и каждения перед ними. Возвратившись к себе, они требуют от своих подданных прямо обожания и не довольствуются меньшим. Потому-то я всегда находила излишним путешествия коронованных особ за границей и предпочитала, чтобы они ездили по своей стране, но без торжественности, которая бременем ложится не на двор, а на народ, и с твердым намерением изучить все, касающееся каждой провинции.

Во время нашего разговора я убедилась, что короля мистифицировали во Франции и, впитывая в себя расточаемую ему лесть, он слишком благосклонно судил о стране и ее населении. Я не соглашалась с королем, опираясь на оба мои пребывания во Франции и на свои путешествия внутри ее и в соседних странах, причем я полагала, что французам не стоило давать себе труда меня обманывать и потому они мне позволили наблюдать жизнь, какою она была в действительности. Знаменитый (своими несчастьями и гонениями, которым он

подвергся по смерти короля со стороны герцога зудерманландского) граф Армфельд[282] часто соглашался со мной. Все-таки я была довольна, когда кончился этот визит и король отправился к императрице.

На следующий день он уехал, одарив всю свиту императрицы. Он преподнес мне лично в знак особого расположения перстень с его портретом, окруженным большими бриллиантами, совершенно уродовавшими кольцо. Мы тотчас же уехали из Фридрихсгама прямо в Царское Село, куда приехали за день до дня восшествия на престол императрицы, так что я уже не успела поехать в город. Я поспешила вынуть бриллианты из кольца шведского короля и окружила его портрет маленькими жемчугами, а бриллианты подарила своей племяннице Полянской, которая приехала в числе других фрейлин на праздник восшествия на престол.

По возвращении свиты в Царское Село я подверглась нелепому нападению со стороны фаворита Ланского. В качестве обер-гофмейстера князь Барятинский получил приказание ежедневно посылать в Академию для напечатания в газете отчет о нашем путешествии, остановках в разных городах, приемах и т. п. Когда князь Барятинский сообщил мне об этом, я ответила, что все подписанное им будет напечатано без замедления, что это давно уже мною приказано, равно как приказано помещать касательно нашего двора только статьи за подписью князя или гофмаршала Орлова, не меняя в них ничего, даже орфографии. Ланской объявил мне, что петербургская газета в этих отчетах после императрицы упоминала только мое имя.

— Спросите об этом князя Барятинского,— ответила я,— я не писала и не редактировала этих отчетов; с тех пор как я управляю Академией, в газете помещаются о нашем дворе исключительно статьи, подписанные им или Орловым.

— Однако,— возразил он,— кроме императрицы упоминается только ваше имя.

— Я вам уже сказала, чтобы вы обратились к князю Барятинскому за разъяснением, почему ваши имена не помещены в газете; я не читала этих отчетов и вовсе не касалась их.

Однако Ланской все продолжал повторять то же самое. Меня это вывело из терпения, и я сказала:

— Знаете что, милостивый государь, как ни велика честь обедать с государыней — и я ее ценю по достоинству,— но она меня не удивляет, так как с тех пор, как я вышла из младенческих лет, я ею пользовалась. Покойная императрица Елизавета была моей крестной матерью. Она бывала у нас в доме каждую неделю, и я часто обедала у нее на коленях, а когда я могла сидеть на стуле, я обедала рядом с ней. Следовательно, вряд ли я стала бы печатать в газетах о преимуществе, к которому я привыкла с детства и которое мне принадлежит по праву рождения.

Я думала, что на этом нелепый разговор и закончится; ничуть не бывало, он настаивал на своем. Зала наполнялась приглашенными, и я ему сказала очень громко, чтобы быть услышанной всеми, что лицо, во всех своих поступках движимое только честностью и ставящее целью своей службы исключительно благо страны, может и не пользоваться блестящим состоянием и влиянием при дворе, но зато чувствует внутренний мир и, спокойно держась намеченного пути, нередко переживает те снежные или водяные пузыри*, которые лопаются на его глазах. Наконец императрица своим появлением избавила меня от продолжения этого глупого разговора.

В течение зимы у меня было много домашнего горя, которое сильно расшатало мое здоровье.

Весной я попросила двухмесячный отпуск и поехала в Троицкое, оттуда в Круглое, где я оставалась только неделю, но с удовольствием заметила, что земля становилась плодороднее, а мои крестьяне стали более достаточными и трудолюбивыми; они владели вдвое большим количеством скота и лошадей, чем когда я их получила, и они почитали себя счастливее, чем в период своей принадлежности сперва Польше, а затем казне. Попечения об обеих Академиях рассеивали грустные мысли, которые более чем когда-либо овладевали мной.

Вскоре возникшая война с Швецией[283], обнаружившая во всем блеске твердость характера императрицы, послужила поводом к довольно странному инциденту. Я познакомилась с герцогом зудерманландским, братом

---

* Эти слова оказались пророческими: через год, летом, Ланской умер и в буквальном смысле слова лопнул: у него лопнул живот.

шведского короля, во время первого моего путешествия за границу. Он послал в Кронштадт парламентера с письмом к адмиралу Грейгу[284], в котором просил его переслать мне письмо и ящик, найденный им на одном из захваченных судов. Адмирал Грейг, будучи иностранцем и близким моим другом, нашел нужным действовать в этом случае с величайшей осторожностью: он послал и ящик и письмо в совет в Петербург, где императрица заседала почти на каждом собрании. Она приказала отослать мне ящик и письмо, не вскрывая их. Я была на даче и чрезвычайно удивилась, когда мне доложили, что приехал курьер из совета; он передал мне толстый пакет от знаменитого Франклина*[285] и очень лестное письмо от герцога зудерманландского, в котором он меня извещал, что вследствие войны, возникшей между Россией и Швецией, он захватил одно судно, на котором и нашел посылку, адресованную на мое имя, и что, сохранив ко мне уважение, вызванное нашим знакомством в Ахене и Спа, он спешит послать мне означенную посылку, так как не желает, чтобы война, столь неестественная между двумя монархами, связанными столь близкими родственными узами, распространила свое влияние и на личные отношения частных людей. Я отослала курьера, сказав ему, что я сейчас же поеду во дворец и покажу императрице письма. Я действительно поехала в город прямо ко двору, хотя было четыре часа дня, то есть такой час, когда даже министры не ездили к императрице. Войдя в уборную, я сказала лакею, чтобы он доложил императрице, что, если она не занята, я буду счастлива поговорить с ней и показать ей бумаги, которые получила утром. Императрица приняла меня в спальне; она пи-

---

* Движимый чувством уважения и дружбы ко мне, он предложил меня в члены почтенного и знаменитого философского общества в Филадельфии, куда я и была принята единогласно; у меня был уже диплом его, и оно пользовалось каждым случаем, чтобы посылать мне издаваемые им произведения. Этот пакет и заключал в себе несколько таких книг и письмо от секретаря общества. Письмо Франклина польстило мне больше послания герцога, так как я его считала выдающимся человеком и он соединял глубокие познания с простотой обращения и непритворною скромностью, благодаря которой он очень снисходительно относился к другим. Я написала Франклину и секретарю философского общества и искренно поблагодарила их за присланные книги.

сала за маленьким столиком; я передала ей письмо герцога зудерманландского.

— А это,— сказала я,— письмо от Франклина и от секретаря Филадельфийского философского общества, я состою его недостойным членом.

Когда императрица прочла письмо герцога, я спросила ее приказаний на этот счет.

— Пожалуйста,— ответила она,— не продолжайте этой переписки и не отвечайте на письмо.

— Наша переписка не будет продолжаться. Это первое письмо, которое я получила от герцога за двенадцать лет,— ответила я,— и не велика беда, если я покажусь ему невоспитанной и грубой, не отвечая на письмо; я бы рада была приносить вашему величеству бо́льшие жертвы. Но позвольте вам напомнить правдивый портрет герцога, который я вам нарисовала. Может быть, вы согласитесь со мной, что он сделал мне честь написать это письмо не для моих прекрасных глаз, а потому, что он желал бы найти какой-нибудь предлог, чтобы вступить в переговоры о собственных своих интересах, совершенно отличных от интересов его брата, короля шведского.

Однако ее величество со мной не согласилась, и через несколько месяцев оказалось, что я правильно оценила герцога и что можно было заставить его изменить интересам брата и парализовать действия шведского флота.

Выходя из апартаментов императрицы, настоятельно приглашавшей меня остаться на спектакль в Эрмитаже, я встретила в приемной одного только Ребиндера, так как рано еще было собираться гостям. Ребиндер был в полном смысле слова порядочный человек и очень дружески ко мне расположен. Поздоровавшись со мной, он объявил мне, что знает, почему я была у императрицы.

— Весьма вероятно,— ответила я,— скажите только, каким образом вы это узнали?*

— Я получил письмо из Киева, в котором мне пишут, что ваш сын женился по выходе его полка из Киева, во время одной из стоянок.

* Я думала о парламентере и о письме герцога зудерманландского.

Я чуть не упала в обморок, но собралась с силами и спросила имя невесты моего сына. Он мне назвал фамилию Алферовой[286] и, видя, что со мной делается дурно, не мог понять, почему его слова так на меня подействовали.

— Ради бога, стакан воды! — сказала я.

Он побежал за водой, и, когда я пришла немного в себя, я ему сказала, что мое свидание с государыней касалось письма, полученного мною от герцога зудерманландского, и что я впервые от него узнаю о свадьбе сына, которая, очевидно, очень неудачна, если он не спросил у меня даже разрешения на нее. Бедный Ребиндер был в отчаянии, что сообщил мне столь неприятную новость, но я попросила его не говорить больше об этом и развлечь меня другим разговором, дабы я могла собраться с силами и исполнить приказание, столь милостиво отданное государыней, провести вечер с ней.

Но это усилие над собой чуть не стало для меня роковым. Все заметили, что я была взволнована, и, пожалуй, заключили бы из этого, что я состою в преступной переписке с врагами государства, если бы императрица несколько раз не заговаривала со мной очень ласково; заметив, что я была печальна и так задумчива, что не слышала ничего, что делалось на сцене, она старалась развлечь меня веселыми и смешными разговорами, которые она одна умела придумывать в одну минуту.

После спектакля я не пошла к императрице, как то делали ее приближенные, а поехала домой. У меня сделалась нервная лихорадка, и в течение нескольких дней мое горе было столь велико, что я могла только плакать. Я сравнивала поступок сына с поведением моего мужа относительно своей матери, когда он собирался на мне жениться; я думала, что всевозможные жертвы, принесенные мною детям, и непрестанные заботы о воспитании сына, всецело поглотившие меня в течение стольких лет, давали мне право на доверие и почтение с его стороны. Я предполагала, что заслужила больше моей свекрови дружбу и уважение своих детей и что мой сын посоветуется со мной, предпринимая столь важный для нашего общего счастья шаг, как женитьба. Два месяца спустя я получила письмо,

в котором он просил у меня разрешения жениться на этой особе, тогда как весь Петербург уже знал о его нелепой свадьбе* и обсуждал ее на всех перекрестках. Я уже собрала сведения о всей семье его жены и чуть с ума не сошла от горя, получив это письмо, как бы в насмешку испрашивающее у меня разрешение на уже совершившийся факт. Одновременно с его письмом я получила и послание от фельдмаршала графа Румянцева, в котором он говорил мне о предрассудках, касающихся знатности рода, о непрочности богатства и как будто преподавал мне советы. Словом, его письмо было смешно, если не сказать больше, тем более что я никогда не давала ему ни повода, ни права становиться между мной и сыном в столь важном вопросе. Я ответила ему в насмешливом тоне, скрытом под самой изысканной вежливостью, уверяя его, что в числе безумных идей, внедренных, может быть, в моей голове, никогда не существовало слишком высокого и преувеличенного мнения о знатности рождения и что, не обладая красноречием его сиятельства, не возьмусь объяснять ему, почему я предпочитаю всем подобным пустым предрассудкам хорошее воспитание и нераздельную с ним чистоту нравов и т. п.

Сыну своему я написала только несколько слов: «Когда ваш отец собирался жениться на графине Екатерине Воронцовой, он поехал в Москву испросить разрешения на то своей матери; я знаю, что вы уже женаты несколько времени; знаю также, что моя свекровь не более меня была достойна иметь друга в почтительном сыне».

У меня открылась нервная лихорадка, я потеряла аппетит и с каждым днем худела. Зимой я почувствовала себя физически лучше и усердно занималась делами в качестве директора одной Академии и президента другой. Я взяла на себя собрать слова**, начинающие-

---

* Свадьба эта была, во всяком случае, необъяснима, так как невеста не отличалась ни красотой, ни умом, ни воспитанием. Ее отец был в молодости приказчиком и впоследствии служил в таможне, где сильно воровал; мать ее была урожденная Потемкина, но была весьма предосудительного поведения и вышла замуж, не имея ничего лучшего, за этого человека.

** Для первого русского этимологического словаря, изданного Российской Академией.

ся на определенные три буквы алфавита, и согласилась исполнить работу, порученную мне членами Академии и состоявшую в точном и ясном объяснении всех слов, имеющих отношение к нравственности, политике и управлению государством. Эта задача, довольно трудная для меня, поглощала много времени и на несколько часов в день отвлекала меня от грустных мыслей, осаждавших меня.

Я нигде не бывала и ездила только два-три раза в неделю к императрице, где проводила вечер в избранном обществе, составлявшем интимный кружок императрицы. Весной я переселилась на дачу моего отца; она была дальше моей, которая еще достраивалась, и мало кто тревожил меня в моем уединении, да и те беспокоились напрасно, так как я никого не принимала. Все это лето я была в таком грустном настроении, что мной овладевали черные мысли, побеждаемые мною только с помощью неба; с той минуты, как я поняла, что покинута своими детьми, жизнь стала для меня тяжелым бременем, и я безропотно и с радостью отдала бы ее первому встречному, который пожелал бы отнять ее у меня.

В следующем году было еще хуже. Получив двухмесячный отпуск, я посетила Троицкое и Круглое. Когда я вернулась, моя сестра Полянская объявила мне, что по требованию одной портнихи, некой Генуци, полиция запретила моей дочери выезд из Петербурга, так что она даже была под надзором; между тем она была больна, и доктор Роджерсон сообщил ей, что жизнь ее окажется в опасности, если она как можно скорей не поедет на воды в Ахен. Я дала пройти три дня, дабы моя дочь не приписала мое посещение влиянию сестры, и на четвертый день после этого разговора, несказанно огорчившего меня, поехала к ней попозже вечером, чтобы никого у нее не встретить. Она была на ногах, но очень изменилась; она дышала с трудом, и цвет лица у нее был зеленый. Увидев меня, она хотела было броситься мне в ноги; но я ее остановила и, поцеловав, сказала, что она должна успокоиться и беречься и что все устроится к лучшему. Я сократила свое посещение, полагая, что она нуждалась в отдыхе после волнения вследствие моего внезапного появления. Мне также необходимо было остаться одной

и даже лечь в постель, чтобы успокоить свои нервы. На следующий день я вернулась к ней, и, когда ей стало лучше, я предложила ей поселиться со мной на даче возле Петербурга и обещала ей уладить дела с кредиторами и испросить для нее у ее величества разрешение ехать в Ахен, куда и отправлю ее летом, поручившись за ее долги и дав ей необходимые для ее путешествия деньги. Она поправилась немного и, когда я все устроила, уехала в Ахен. Я дала ей в спутницы мисс Бетс*, и сама осталась одна в Кирианове.

Я условилась с дочерью, что по окончании лечения она вернется ко мне, не теряя времени. Вместо этого она поехала после лечения в Вену, а оттуда в Варшаву, и четырнадцать тысяч рублей, данные мною на путешествие, оказались истраченными на эти ненужные поездки, она снова наделала долгов и подверглась опасности, так как попала в Польшу во время охватившей ее революции. Добрая мисс Бетс, предполагая, что госпожа Щербинина будет путешествовать неопределенное время, попросила позволения вернуться ко мне и проехала всю Германию, имея с собой только одного лакея-немца, знавшего язык страны. Для меня было, конечно, очень приятно иметь ее с собой, но, с другой стороны, я скорбела о том, что моя дочь рассталась с этой доброй особой, ограждавшей ее от бессовестной эксплуатации окружавших ее людей; вместе с тем она решилась снова подвергнуть себя неприятностям и огорчить свою нежную мать, великодушно простившую ей все горе, которое она ей доставила.

Мисс Бетс нашла во мне большую перемену и не сумела скрыть свою печаль и изумление по этому случаю. Она была еще больше поражена, когда я ей рассказала, что за последние два месяца каждый день, вставая, я не знала, дотяну ли я день до конца или покончу с собой. Однако самоубийство по зрелом размышлении показалось мне малодушием и трусостью, и это удержало меня от исполнения моего намерения, хотя я с радостью пошла бы навстречу смерти, если бы получила ее из других рук, а не из своих собственных. Зимой я менее страдала от ревматизма, ухудшившегося вследствие сырости моей дачи. Я выезжала кататься

---

* Моя лектриса-англичанка.

ся в экипаже и, по обыкновению, два раза в неделю обедала у императрицы. Однажды за обедом дежурный генерал-адъютант, граф Брюс[287], рассказал, с какой беззаветной храбростью солдаты взбирались на стену города, с которой стреляли по ним.

— Меня это не удивляет,— ответила я.— Мне кажется, что самый большой трус может вызвать в себе минутную храбрость; он бросается в атаку, потому что сам знает, что долго она не продолжится. Впрочем, извините меня, граф, но я считаю героическим мужеством не храбрость в сражении, а способность жертвовать собой и долго страдать, зная, какие мучения ожидают вас впереди. Если будут постоянно тереть тупым деревянным оружием одно и то же место на руке и вы будете терпеть это мучение, не уклоняясь от него, я сочту вас мужественнее, чем если бы вы два часа сряду шли прямо на врага.

Императрица меня поняла, но милый граф запутался в каких-то туманных объяснениях и, в конце концов, упомянул о самоубийстве, как о доказательстве мужества. Я сказала, что много думала над этим вопросом и, обсудив все, что прочла о нем, пришла к заключению, что, независимо от того, что, убивая себя, человек грешит против своего создателя и против общества, этим он ясно доказывает, что к этому малодушному поступку привел его недостаток мужества и терпения. Императрица не спускала с меня глаз, и я сказала ей, улыбаясь, что я никогда ничего не предприму ни для ускорения, ни для отдаления своей смерти и что вопреки софизму Ж.-Ж. Руссо, пленившему меня в детстве (я тогда уже любила храбрость), я нахожу, что дам более яркое доказательство твердости своего характера, если сумею страдать, не прибегая к лекарству, которым не вправе пользоваться. Императрица спросила меня, о каком софизме я говорю и в каком сочинении Руссо он заключается.

— Он говорит в «Новой Элоизе»: «Напрасно боятся смерти, так как пока мы живем, ее нет, а когда она наступает, мы уже не существуем».

— Это очень опасный автор,— ответила государыня,— его стиль увлекает, и горячие молодые головы воспламеняются.

— Когда я была в Париже, ваше величество, одновременно с ним, я не хотела его видеть. Уже одно то, что он жил в Париже инкогнито, доказывает, что скромность его была притворна и что он снедаем был честолюбием и желанием наполнить своим именем весь мир. Его произведения, конечно, опасны, как ваше величество только что изволили говорить, потому что молодые головы легко могут принять его софизмы за силлогизмы.

С этого дня императрица пользовалась каждым случаем, чтобы развлечь меня, и эта доброта меня глубоко трогала.

Однажды утром мы остались с ней вдвоем, и она попросила меня написать русскую пьесу для своего театра в Эрмитаже. Я тщетно уверяла ее, что у меня не было ни малейшего таланта к подобным произведениям; она настаивала на своем, объясняя свое упорство тем, что она на опыте знает, как подобная работа забавляет и занимает автора. Я принуждена была обещать ей, что исполню ее желание, но поставила условием, что она прочтет первые два акта, поправит и откровенно скажет, не лучше ли бросить их в огонь. В тот же вечер я написала оба акта и отнесла их государыне. Пьеса называлась по имени главного действующего лица «Тоисиоков»[288]; не желая, чтобы думали, что я хочу изобразить какое-нибудь лицо в Петербурге, я избрала наиболее распространенный у нас тип бесхарактерного человека, которым наше общество, к сожалению, изобилует. Ее величество удалилась со мною в спальню, чтобы прочесть мой экспромт, который мне казался недостойным такой чести; она смеялась над различными сценами, и не знаю, вследствие ли своей снисходительности или пристрастия, которое она иногда выражала мне, она объявила их превосходными. Я рассказала ей план всей пьесы и развязку, предполагаемую в третьем акте. Но ее величество заставила меня обещать, что я напишу ее в пяти актах; но, кажется, пьеса от этого не выиграла, так как действие оказалось растянутым и скучным. Я ее кончила как могла, и через два дня она была уже переписана набело и в руках императрицы. Она была играна в Эрмитаже и впоследствии напечатана.

На следующий год я попросила у ее величества разрешение для моего сына покинуть армию на два-три месяца и поехать в Варшаву, с тем чтобы заплатить долги сестры и привезти ее на родину. Государыня на это согласилась, и я отдала по этому случаю все деньги, какие имела, и в продолжение шести месяцев жила долгами, так как только в конце этого периода стали поступать мои доходы. Мой сын совершил упомянутое путешествие и привез свою сестру в Киев, к месту своего служения. Оттуда оба они написали мне об этом. Я уже несколько лет не получала писем от моих детей, а так как никто и ничто не вытеснило их из моего сердца, то можно себе представить, как я была несчастна.

Под начальством моего брата по таможне служил один молодой человек по фамилии Радищев[289], он учился в Лейпциге, и мой брат был к нему очень привязан. Однажды в Российской Академии в доказательство того, что у нас было много писателей, не знавших родного языка, мне показали брошюру, написанную Радищевым. Брошюра заключала в себе биографию одного товарища Радищева по Лейпцигу, некоего Ушакова, и панегирик ему. Я в тот же вечер сказала брату, который послал уже купить эту брошюру, что его протеже страдает писательским зудом, хотя ни его стиль, ни мысли не разработаны, и что в его брошюре встречаются даже выражения и мысли, опасные по нашему времени. Через несколько дней брат сказал мне, что я слишком строго осудила брошюру Радищева; прочтя ее, он нашел только, что она не нужна, так как Ушаков не сделал и не сказал ничего замечательного.

— Может быть, я слишком строго к нему отнеслась,— возразила я.

Однако, видя, что брат интересуется этим молодым человеком, я сочла своим долгом сообщить ему, какое заключение я вывела из этой глупой брошюрки: человек, существовавший только для еды, питья и сна, мог найти себе панегириста только в том, кто снедаем жаждой распространять свои мысли посредством печати, и что этот писательский зуд может побудить Радищева написать впоследствии что-нибудь еще более предосу-

дительное. Действительно, следующим летом я получила в Троицком очень печальное письмо от брата, в котором он мне сообщал, что мое пророчество исполнилось; Радищев издал несомненно зажигательное произведение, за что его сослали в Сибирь. Я далека была от мысли радоваться, что мои выводы оказались верными, и меня опечалила судьба Радищева и еще более горе моего брата[290], которое, как я знала, не скоро еще уляжется. Я даже предвидела, что фаворит[291], с которым граф Александр был в натянутых отношениях, не преминет попытаться набросить тень и на него по этому случаю. Он действительно так и сделал; при другом государе ему удалось бы и повредить ему, но на Великую Екатерину его слова не произвели никакого впечатления. Однако этот инцидент и интриги генерал-прокурора внушили моему брату отвращение к службе, и он попросил годового отпуска, ссылаясь на расстроенное здоровье, требовавшее покоя и деревенского воздуха. Когда он уехал в свои поместья, я очутилась одна в Петербурге, в обществе, ставшем мне ненавистным; но меня поддерживала надежда на его возвращение; однако до истечения срока отпуска он подал прошение об отставке и получил ее.

Он кончил свою полезную для отечества службу в 1794 г. Через полтора года после его отъезда вдова одного из наших знаменитых драматических авторов, Княжнина[292], попросила меня напечатать в пользу его детей последнюю написанную им и еще не изданную трагедию.

Мне доложил об этом один из советников канцелярии Академии наук, Козодавлев. Ему я и поручила прочесть ее и сообщить мне, нет ли в трагедии чего-нибудь противного законам или религии, и добавила, что охотно даю ему это поручение, так как он превосходно владеет русским языком и, будучи сам писателем, может судить о том, что можно или нельзя напечатать у нас. Козодавлев сообщил мне, что пьеса содержит в себе исторические факты, происшедшие в Новгороде, что он ничего не нашел в ней предосудительного и что развязка заключается в торжестве русского государя и изъявлении покорности Новгородом и мятежниками.

Тогда я велела напечатать ее, с тем чтобы вдова понесла возможно менее расходов. Трудно себе представить, какие нелепые последствия это повлекло за собой. Граф Иван Салтыков, никогда ничего не читавший, по чьему-то наущению объявил фавориту графу Зубову, что он прочел эту трагедию и что она является чрезвычайно опасной в данное время. Не знаю, прочла ли ее императрица или граф Зубов, но в результате ко мне явился полицеймейстер и очень вежливо попросил меня отдать соответствующее приказание хранителю книжного магазина Академии, так как императрица приказала ему взять все находившиеся в нем экземпляры трагедии, находя ее слишком опасной для распространения в публике. Я исполнила его просьбу, предупредив, что вряд ли он найдет эту книгу в магазине, так как она помещена в последнем томе «Российского феатра», издаваемого Академией в свою пользу; я добавила, что он мог испортить этот том, вырвав из него названную комедию, но что мне это кажется смешным, так как это произведение гораздо менее опасно для государей, чем некоторые французские трагедии, которые играют в Эрмитаже. Днем ко мне явился генерал-прокурор Сената Самойлов с упреком от имени императрицы, что я напечатала эту пьесу Княжнина. Не знаю, хотели ли меня этим напугать или рассердить, но во всяком случае ни того, ни другого не достигли. Я очень твердо и спокойно ответила графу Самойлову, что удивляюсь, как ее величество может допустить мысль, что я буду способствовать распространению произведения, могущего нанести ей вред. Самойлов сообщил, что императрица намекнула и на брошюру Радищева, говоря, что трагедия Княжнина является вторым опасным произведением, напечатанным в Академии; в ответ на это я выразила желание, чтобы императрица прочла их и в особенности сравнила эту пьесу с теми, которые даются на ее сцене и в общественном театре; «наконец,— добавила я,— это меня не касается, так как я подвергла ее цензуре советника Козодавлева, прежде чем разрешить вдове автора печатать ее в свою пользу»; в заключение я выразила надежду, что меня не будут больше беспокоить по поводу этой истории.

На следующий день, вечером, я, по обыкновению, поехала к императрице провести вечер с ней в интимном кружке. Когда императрица вошла, ее лицо выражало сильное неудовольствие. Подходя к ней, я спросила ее, как она себя чувствует.

— Очень хорошо,— ответила она,— но что я вам сделала, что вы распространяете произведения, опасные для меня и моей власти?

— Я, ваше величество? Нет, вы не можете этого думать.

— Знаете ли,— возразила императрица,— что это произведение будет сожжено палачом.

Я ясно прочла на ее лице, что эта последняя фраза была ей внушена кем-то и что эта идея была чужда ее уму и сердцу.

— Мне это безразлично, ваше величество, так как мне не придется краснеть по этому случаю. Но, ради бога, прежде чем совершить поступок, столь мало гармонирующий со всем тем, что вы делаете и говорите, прочтите пьесу и вы увидите, что ее развязка удовлетворит вас и всех приверженцев монархического образа правления; но главным образом примите во внимание, ваше величество, что, хотя я и защищаю это произведение, я не являюсь ни его автором, ни лицом, заинтересованным в его распространении.

Я сказала эти последние слова достаточно выразительно, чтобы этот разговор окончился; императрица села играть; я сделала то же самое.

Через день я поехала к императрице с обычным докладом, твердо решив, что, если она не позовет меня, как всегда, в комнату бриллиантов*, я не буду больше ездить к ней по утрам и, не откладывая, подам прошение об отставке.

Самойлов, выходя от императрицы, шепнул мне: «Императрица сейчас выйдет; будьте покойны; она на вас не сердится». Я ответила ему громко, чтобы меня слышали все присутствующие:

---

* В этой комнате были выставлены большая и малая бриллиантовые короны и все бриллианты. Когда императрица видела меня среди придворных в своей уборной, она всегда звала в эту комнату, где мы оставались с ней вдвоем и свободно разговаривали, пока ее причесывали.

— Мне нечего волноваться, так как я ничего дурного не сделала. Мне было бы досадно за императрицу, если бы она питала несправедливые чувства ко мне; впрочем, я ведь не впервые переношу несправедливости.

Императрица вскоре появилась и, дав присутствующим поцеловать руку, сказала мне: «Пойдем со мной, княгиня». Надеюсь, что читатели этих Записок поверят мне, что это приглашение доставило мне огромное удовольствие, не столько за себя, сколько за императрицу, так как я с грустью должна была сознаться, что моя отставка и отъезд из Петербурга не послужили бы к ее чести. Надеюсь также, что мне не припишут суетности, которая никогда мне и в голову не приходила.

Словом, я была очень рада, что императрица не заставила меня окончательно порвать с ней, и как только я переступила порог, я попросила ее дать мне поцеловать руку и забыть все происшедшее за последние дни. Императрица начала было: «Но в самом деле, княгиня...» — но я прервала ее, сказав, что черная кошка проскочила между нами и не следует звать ее назад. Императрица, смеясь, заговорила о другом; я сама была очень весела и за обедом заставила ее хохотать.

Война с Швецией закончилась миром, подписанным в августе 1790 г. Можно было надеяться на заключение весьма славного для нас мира и с Турцией [293]. Все радовались в Петербурге. Вскоре действительно был подписан мир, достойный высоких подвигов нашей армии, беззаветного патриотизма некоторых генералов и офицеров. Никакие интриги французов не могли впоследствии подвинуть Турцию на новую войну с Россией; она ее боялась. Мне хотелось увидеться с братом, пожить в моем любимом имении и совсем удалиться со службы и от жизни в туманной столице, но я не хотела уехать из Петербурга, не заплатив долгов дочери. У меня был еще свой долг в банке в тридцать две тысячи рублей, которым я ликвидировала свои заграничные долги*; мечтая о спокойной деревенской жизни, я решила продать свой петербургский дом и рас-

---

* Я заняла эти деньги на расходы, вызванные путешествиями и воспитанием сына.

статься со столицей, покончив со всеми долгами, и тем приобрести спокойствие духа.

Щербинин подарил своей жене и своей двоюродной сестре, госпоже Б., по большому имению. Его мать и сестры просили учредить опеку над остальными имениями Щербинина, может быть в надежде, что вышеозначенные дарственные записи будут объявлены недействительными. Он сам мог бы расстроить опеку, так как закон об опеке над лицами, признанными неспособными к управлению своими имениями, так ясно соблюдает интересы владельца имений, что ему стоит только здраво ответить на некоторые вопросы, чтобы родным его было отказано в их просьбе учредить опеку. Однако Щербинин этого не сделал, и его мать и сестры даже убедили его, что они для его же блага предприняли этот шаг. Когда я освободила свою дочь, поручившись за нее, и отправила ее в Ахен, я велела принести себе векселя, подписанные ею; среди них я нашла счета, подписанные не только ею, но и ее мужем, и, судя по товарам, перечисленным в них, они очевидно были использованы самим Щербининым. Я не признала эти счета, не желая сознательно давать себя дурачить. Я поэтому снеслась с опекунами Щербинина и от них узнала, что он подарил своей жене прекрасное имение, причем дарственная запись была составлена с соблюдением всех требований закона. Я и сказала им, чтобы они обратились в Сенат, который один мог утвердить ее или признать недействительной и, рассмотрев представленные счета, решить, которые из них я должна заплатить полностью и которые они признают подлежащими уплате одним Щербининым или нами обоими. Дело в Сенате затянулось, и так как я не желала давать повод думать, что я хочу, чтобы имение было непременно присуждено дочери, тем более что в сущности я этого вовсе и не желала, так как знала, что моя дочь была в значительной степени виновна в расстройстве состояния своего мужа, я даже имела мужество сказать это генерал-прокурору, имевшему большое влияние на решение дела в ту или другую сторону, и просила только ускорить его, дабы я могла решить, надо ли мне продавать или заложить свои имения, чтобы заплатить долги

дочери и, покончив с делами, уехать в деревню. Наконец Сенат вынес решение в пользу моей дочери; и императрица утвердила его. Я заплатила бо́льшую часть долгов моей дочери; остальные же обязалась уплатить вскоре по моем приезде в Москву.

Я уже продала свой дом и жила одна в огромном доме отца [294]; со мной было небольшое количество прислуги; в этом большом пустынном доме я казалась себе принцессой, зачарованной злым волшебником, не позволявшим мне уехать. Мне было поручено управление имением дочери; я обложила ее крестьян таким легким оброком, что они считали себя счастливыми и даже те, которые покинули свои избы, вернулись домой. Вследствие этого доходы с имения с трудом оплачивали проценты на капитал, данный мною в уплату долгов моей дочери.

Я письменно просила у императрицы уволить меня от управления обеими Академиями и дать мне двухлетний отпуск [295] для поправления здоровья и устройства своих дел. Императрица не пожелала, чтобы я оставила совсем Академию, и позволила мне только уехать на два года. Я тщетно представляла императрице, что Академия наук в особенности не может оставаться без директора столь долгое время; она пожелала, чтобы я назначила себе заместителя из лиц, подчиненных мне, с тем чтобы он ничего не предпринимал, не списавшись предварительно со мной. Она хотела также, чтобы я продолжала получать жалованье директора Академии наук*. Императрица выразила графу Безбородко свою печаль по поводу моего намерения уехать; несмотря на мое твердое решение жить в деревне и мое желание повидаться с моим братом, графом Александром, я с глубокой печалью думала о том, что, может быть, никогда больше не увижу императрицу, которую страстно любила еще до восшествия ее на престол, когда я имела возможность оказывать ей более существенные услуги, чем она мне; следовательно, моя любовь к ней была вполне бескорыстна, и я не перестава-

---

* Оно было всего в три тысячи рублей — столько же, сколько до меня получал Домашнев за то, что ровно ничего не делал и разорял Академию.

ла ее любить, несмотря на то что она в своем обращении со мной не всегда повиновалась внушениям своего сердца и ума; я с радостью любовалась ею каждый раз, когда она давала к тому повод, и ставила ее выше самых великих государей, когда-либо сидевших на российском престоле.

Окончательно устроив все дела и приготовившись к отъезду, я отправилась вечером в Таврический дворец [296], где находилась императрица. Она меня осыпала любезностями, и я все не решалась проститься с ней. В обычный час императрица удалилась к себе, и я хотела попросить у нее позволения проститься с ней в ее комнате, но великий князь Александр и его прелестная супруга случайно загородили мой путь, разговаривая с князем Зубовым. Я шепнула Зубову, чтобы он меня пропустил, так как я хочу поцеловать руку императрицы в последний раз перед моим отъездом, решив уехать утром на следующий день. Он сказал мне: «Подождите немного» — и исчез. Я думала, что он пошел доложить государыне о моем желании проститься с ней, но прошло добрых полчаса, и никто за мной не приходил. Я вышла в соседнюю комнату и, встретив камердинера императрицы, поручила ему передать ей, что я желала бы поцеловать ее ручку перед отъездом из Петербурга. Через четверть часа он вернулся и сказал, что императрица меня ожидает. Каково было мое удивление, когда, входя к ней, я увидела вместо ясного, спокойного выражения лица, которое у нее было весь вечер,— физиономию возмущенную и даже с признаками гнева. Вместо сердечного прощания она сказала мне только:

— Желаю вам счастливого пути, княгиня.

Когда человек привык судить себя строго и совесть его ни в чем не упрекает, ему трудно угадать не заслуженные им чувства других. Так было и в данном случае. Я предположила, что императрица получила дурные известия, взволновавшие ее, внутренне помолилась о ее спокойствии и благополучии и удалилась. На следующий день ко мне приехал проститься Новосильцов [297], родственник Марии Саввишны [298], приближенного лица императрицы, пользовавшегося ее доверием. Я спросила его, не приезжал ли вчера курьер с дурными вестя-

ми, так как я нашла государыню сразу так заметно изменившейся. Новосильцов приехал из дворца и, конечно, знал бы от своей родственницы, если бы случилось что-нибудь особенное, но он положительно уверял меня, что императрица дурных вестей не получала и что она утром была в отличном настроении духа.

Я не знала, чему приписать прием, который я встретила у императрицы, но вскоре получила письмо от статс-секретаря Трощинского [299], объяснившее мне эту загадку. К нему был приложен счет портного, подписанный моей дочерью и ее мужем, и очень трогательное и вкрадчивое прошение этого портного к императрице. Трощинский от имени императрицы выражал удивление, что я, обязавшись заплатить долги моей дочери, уезжаю из Петербурга, не сдержав своего слова. Должна сознаться, что я пришла в сильное негодование и тут решила не возвращаться более в Петербург. Я ответила Трощинскому, что удивляюсь еще больше ее величества тому, как она могла остановиться на минуту на столь унизительной для меня мысли, и вернула счет, прося передать императрице, что если она велит его рассмотреть, то увидит, что это счет мужского портного, поставлявшего одежду самому Щербинину и ливреи его лакеев; а так как я не брала на себя обязательства платить долги моего зятя, владевшего состоянием, равным моему, то и отослала этого портного* к опекуну Щербинина, который в моем присутствии обещал заплатить ему через два месяца, и портной ушел при мне совершенно удовлетворенный. Я добавила, что если он впоследствии передумал или если кто-нибудь с целью повредить мне научил его написать это прошение, то несправедливо заставлять меня нести ответственность за это.

Оказалось, что это прошение было действительно составлено приспешниками князя Зубова и сам Зубов (как я узнала впоследствии) передал его императрице в Таврическом дворце накануне моего отъезда, перед тем как меня к ней допустили. Несмотря на это, я об-

---

* Действительно, счет этого портного был оплачен опекунами через несколько месяцев из доходов Щербинина.

ращалась с ним дружелюбно впоследствии, по восшествии на престол императора Александра и в особенности после его коронования в Москве, когда Зубов был в немилости.

Словом, уезжая из Петербурга, я уносила целый ряд сложных чувств, которые не были бы столь противоречивы, если бы моя любовь к Екатерине Второй могла бы подвергнуться изменению.

Я отправилась сначала в свое белорусское имение, дабы устроить некоторые дела и назначить сроки поступления доходов для расплаты с кредиторами дочери. Я пробыла там всего восемь дней; в Троицком я также прожила только неделю, так как спешила к моему брату, графу Александру. Проездом я остановилась в Москве на несколько дней, чтобы сделать распоряжения относительно устройства своего дома, который я приказала обставить скромно, но комфортабельно, чтобы жить в нем зимой. Если моя голова не вскружилась от успехов, достигнутых мною, в особенности в области управления обеими Академиями, то неудивительно, что она противостояла превратностям и ударам судьбы, постигшим меня; я твердо верю, что человек, умеющий сдерживать свое самолюбие и честолюбие в должных границах, сумеет вынести и несчастья. Я считала свою общественную деятельность законченной и посвятила себя любви к брату и деревенской жизни не только спокойно, но радостно; мое удовольствие было отравлено только воспоминаниями о том, что люди, которых я любила и уважала, вредили себе в глазах других несправедливыми и совершенно мною не заслуженными поступками по отношению ко мне.

Мой приезд был очень приятен моему брату; но, опасаясь, что мне нельзя будет жить в своем доме[300] в Москве и принимать в нем друзей, если он не будет устроен и вытоплен до наступления морозов, мы ясно сознали неблагоразумие моего дальнейшего пребывания у него. Я уехала в Москву и наблюдала за работами в моем доме; мой брат хотел ранее обыкновенного приехать вслед за мной в Москву. На следующий год мой брат приехал в Троицкое и остался в восторге от

моего сада и различных плантаций и построек, произведенных мной, и когда я осенью приехала к нему в имение, он уполномочил меня изменить план его сада и продолжить плантации и дорожки, которые я наметила во время моего первого шестидневного пребывания.

Лето 1796 г. я провела в своем могилевском имении, где принимала некоторых лиц из Петербурга, хорошо осведомленных о том, что делалось и говорилось при дворе, и выразивших мне свое удовольствие, что вскоре увидятся со мной, так как ее величество намеревалась мне написать и пригласить в Петербург для того, чтобы я повезла великую княжну Александру [301] в Швецию; ее брак со шведским королем казался делом почти решенным; одновременно я получила из Москвы письма от моих родственников, выражавших свое сожаление, что мне придется их покинуть, так как, по слухам, императрица уже отправила ко мне курьера с приглашением вернуться в Петербург. Тогда я решила немедленно же вернуться в Троицкое и испросить или отставку или продление отпуска. Вернувшись в Троицкое, я написала императрице, и она продолжила мой отпуск всего на год. Ее письмо было очень милостиво, но, опасаясь, что государыня недовольна моим долгим отсутствием, я написала в Петербург верным друзьям и просила их сообщить мне откровенно, как императрица отзывается обо мне и не сердится ли на меня. Мне ответили, что императрица несколько раз говорила обо мне и как будто была довольна тем, что выбрала меня для сопровождения своей внучки в Швецию. «Я знаю,— говорила она,— что княгиня Дашкова слишком меня любит, чтобы отказать мне в исполнении моего сердечного желания, и тогда я буду покойна за мою молодую королеву».

Вернувшись из Круглого в Троицкое, я решила закончить начатые постройки. Четыре дома были достроены, и я еще больше украсила свой сад, так что он стал для меня настоящим раем, и каждое дерево, каждый куст был посажен при мне и в указанном мною месте. Любоваться своим произведением вполне естественно, и я утверждаю, что Троицкое — одно из самых красивых имений в России и за границей.

Мне в особенности приятно и утешительно было жить

в нем, потому что крестьяне мои были счастливы и богаты. Население за сорок лет моего управления им возросло с восьмисот сорока до тысячи пятисот пятидесяти душ. Число женщин увеличилось еще больше, так как ни одна из них не хотела выходить замуж вне моих владений. Я увеличила свою и без того большую библиотеку и комфортабельно устроила нижний этаж, чтобы жить в нем осенью. Ревматизм, полученный мною в Шотландии и всегда мучивший меня осенью, не преминул напомнить мне о себе и в означенном году; я была нездорова весь октябрь месяц и в начале ноября, когда Россию постигло самое ужасное несчастье, поставившее меня на краю могилы.

Серпуховский городничий Григоров, честный и почтенный человек, очень преданный мне (так как мне удалось оказать некоторые услуги ему и его брату), приехал ко мне как-то вечером. Когда он вошел в комнату, меня поразило его растерянное и грустное лицо. «Что с вами?» — спросила я. «Разве вы не знаете, княгиня, какое случилось несчастье? Императрица скончалась»[302].

Моя дочь, бывшая тогда со мной, боясь, что я упаду, поддержала меня.

— Нет,— сказала я,— не бойтесь за мою жизнь; к несчастью, я переживу этот страшный удар; меня ожидают еще и другие горести, и я увижу свою родину несчастной в той же мере, в какой она была славной и счастливой в царствование Екатерины.

В продолжение двадцати четырех часов меня терзали невыносимые страдания; я тряслась всем телом, но знала, что не настало еще мое избавление.

Слова, сказанные мною в первую минуту отчаяния, оказались пророческими. Вскоре все общество было объято постоянной тревогой и ужасом. Не было семьи, не оплакивавшей какой-нибудь жертвы. Муж, отец, дядя видели в своей жене, сыне, наследнике *предателя*, благодаря которому он погибал в казематах крепостей или в Сибири. Рвота, спазмы и бессонницы так ослабили мой организм, что я только изредка могла вставать с постели, и то на короткое время. Я поехала в Москву в начале декабря, чтобы приставить себе

пиявки, и твердо решила возможно скорее вернуться в Троицкое, так как я уже получила указ Сената, которым император уволил меня от всех моих должностей; в ответ на это я просила Самойлова, остававшегося еще генерал-прокурором Сената, повергнуть перед государем выражение моей преданности и благодарности за то, что он освободил меня от непосильного бремени. Написав это письмо, я стала покорно ожидать неминуемых преследований. Однако перед своим отъездом из Москвы я была поставлена в затруднительное положение и не знала, как из него выйти. Я получила письмо, подписанное «Донауров»[303]; по приказанию императора он уведомлял меня о моем увольнении со службы. Мне неизвестны были ни имя, ни отчество Донаурова, и потому я не знала, как мне ему ответить и адресовать письмо; не ответить ему вовсе и не известить о получении приказания государя я не могла, так как это считалось бы преступлением против него. Вместе с тем, если бы я написала ему, не соблюдая обычных форм обращения, я этим создала бы себе вечного врага, так как он приписал бы это упущение моему высокомерию. Я и решила написать своему двоюродному брату, князю Куракину[304], бывшему еще в фаворе, и просила его извиниться за меня перед Донауровым, что я не ответила ему непосредственно, объяснив ему, что это случилось потому, что я не знала, как адресовать ему письмо и не хотела оказаться невежливой; кроме того, я просила сообщить ему, что я смотрю на свою отставку как на благодеяние со стороны императора. Я рассказала своему брату, графу Александру, этот инцидент и не могла прийти в себя от удивления, когда он сообщил мне, что этот Донауров был сыном буфетного лакея моего дяди, государственного канцлера; женившись на калмычке, любимой горничной тети, он получил заведование винным погребом, а затем сделался главным дворецким.

Ссылки и аресты стали событиями столь обыденными, что слухи о них дошли и до меня. Я была глубоко потрясена смертью Екатерины Второй, несчастием, постигшим мою родину, и ужасом, сковывавшим решительно всех, так как не было почти дворянской семьи, из

которой хоть один член не томился бы или в Сибири или в крепости. Моя болезнь и, в особенности, состояние моих нервов превращали мою жизнь в тягостное для меня бремя, но я не хотела самовольно сократить ее.

Мне необходимо было ехать в Москву не для того, чтобы советоваться с докторами,— я не питала доверия к местным эскулапам,— а чтобы поставить себе пиявки и тем восстановить правильное и спокойное кровообращение. Я приехала в Москву 4 декабря в девять часов утра. В моем доме меня с тревогой и нетерпением ожидали родственники, думавшие, что я не вынесу потери Екатерины Второй. Туда же вскоре приехал и брат Александр. Я принуждена была лечь в постель; не было еще двенадцати часов, когда генерал-губернатор Измайлов[305] вошел ко мне. Он, очевидно, спешил в Сенат, так как не успел он сесть, как тихо сказал мне, что император приказал ему передать мне от его имени, чтобы я немедленно же вернулась в деревню и помнила бы 1762 год. Я ответила громко, так, чтобы меня слышали присутствующие, что я всегда буду помнить 1762 год и что это приказание императора исполню тем охотнее, что воспоминания о 1762 годе никогда не пробуждают во мне ни сожалений, ни угрызений совести и что, если бы государь продумал события этого года, он, может быть, не обращался бы со мной таким образом; что же касается отъезда моего в деревню, то немедленно же уехать я не могу, так как должна поставить себе пиявки, но что уеду непременно на следующий день вечером или самое позднее через день утром. Генерал-губернатор откланялся и ушел. Все присутствующие были подавлены и грустны, кроме меня. Мой брат был крайне опечален, и я старалась ободрить его.

Я уехала из Москвы 6 декабря. Моя жизнь представляла из себя сплошную борьбу со смертью. Я через день писала брату и родным, и они аккуратно отвечали мне. Некоторые из них, между прочим мой брат, пытались уверить меня, что Павел I своим обращением со мной как бы исполнял свой долг по отношению к памяти отца, но что после коронации моя судьба изменится, и потому он просил меня не падать духом

и беречь свое здоровье. Я приведу здесь свой ответ, так как он (как и многие мои слова) оказался пророческим: «Ты уверяешь, мой друг, что Павел оставит меня в покое после коронации. Разве ты его не знаешь? Когда деспот начинает бить свою жертву, он повторяет свои удары до полного ее уничтожения. Меня ожидает целый ряд гонений, и я приму их с покорностью. Я надеюсь, что я почерпну мужество в сознании своей невинности и в незлобивом негодовании на его обращение лично со мной. Дай бог только, чтобы он в своей злобе забыл про тебя и про моих близких; что ни угодно будет господу послать мне, я никогда не скажу и не сделаю ничего, что могло бы унизить меня в моих собственных глазах. Прощай, мой друг, мой возлюбленный брат, целую тебя».

Лежа в постели или на кушетке, без движения, не имея даже возможности много читать вследствие судорожных болей в затылке, я на досуге вспоминала все, что испытала и сделала в жизни, и обдумывала, что мне предстояло еще сделать.

Мне страстно хотелось поехать за границу, как только мне удастся получить на то разрешение, но меня удерживала любовь к сыну. Дела его были расстроены, он ими не занимался, и вследствие множества долгов его доходы могли бы уменьшиться до очень скромных размеров, если бы я лично своими попечениями не сохраняла и не увеличивала собственное состояние. Я черпала некоторое утешение в прошлом. Мое бескорыстие и неизменная твердость моего характера служили для меня источником внутреннего мира и удовлетворения, которые хотя и не заменяли всего, но придавали мне известную гордость и мужество, поддерживавшие меня в превратностях судьбы.

Я узнала, что некоторые фавориты покойной императрицы задавались целью вывести меня из терпения, с тем чтобы я, поддавшись живости своего характера, сделала бы сцену, которая открыто поссорила бы меня с императрицей. Между прочим, граф Мамонов[306], который был умнее своих предшественников, был убежден, что не удастся восстановить императрицу против меня и заставить ее совершить слишком явную несправедли-

вость, если я сама не вызову ее на это, что легко могло бы случиться, если бы я, будучи озлоблена против государыни, не сдержала бы своего негодования и тем дала бы ей повод гневаться на меня. Он исподтишка много вредил мне и моему сыну, что и могло бы вызвать во мне раздражение, но я по опыту знала, что была бельмом на глазу у фаворитов, и, руководимая своей безграничной любовью к императрице, умела отличать то, что исходило от нее лично, от того, что было ей внушено фаворитами, которым я не только не поклонялась, но делала вид, что не знаю, какое они занимают положение и каким влиянием пользуются.

Непоправимая потеря, постигшая мою родину со смертью императрицы, приводила меня в ужас и отчаяние, но прошлое вызывало во мне воспоминания, заставлявшие меня уважать свой образ действий.

Настоящее было тревожно. Павел с первых же дней своего восшествия на престол открыто выражал свою ненависть и презрение к матери. Он поспешно уничтожал все совершенное ею, и лучшие ее постановления были заменены актами необузданного произвола.

Назначения на различные места и увольнения с них следовали друг за другом с такой быстротой, что не успевало появиться в газетах объявление о назначении на какое-нибудь место известного лица, как оно уже было сменено. Никто не знал, к кому обратиться. Редки были те семейства, где не оплакивали бы сосланного или заключенного члена семьи. Всюду царил страх и вызывал подозрительное отношение к окружающим, уничтожал доверие друг к другу, столь естественное при кровных родственных узах. Под влиянием страха явилась и апатия, чувство губительное для первой гражданской добродетели — любви к родине. Будущее предвещало мне неисчислимые бедствия. Удрученная горем и больная, я трепетала за своих родных и друзей и влачила жизнь в надежде, что она скоро прекратится. Вскоре оправдалось мое пророчество, что Павел не прекратит своих гонений на меня.

Ко мне приехал как-то подполковник Лаптев[307], отдаленный родственник моей бабушки, которого мне посчастливилось подвинуть в его служебной карьере. Он

сказал мне, что не хотел вернуться в свой полк, не посетив меня, и что может пробыть у меня только один этот вечер, так как он уже просрочил свой отпуск вследствие болезни отца. Он посидел со мной до двенадцати часов, когда я отослала его спать. В три часа ночи он велел мне передать через мою горничную, что должен переговорить со мной и передать мне письмо. Я ответила ему, что он успеет сделать это и утром, и посоветовала лечь и отдохнуть от путешествия. Тогда он велел сказать мне, что приехал нарочный из Москвы и привез мне письмо. Я не сомневалась в том, что меня постиг новый удар, и велела впустить Лаптева, передавшего мне письмо от московского генерал-губернатора Измайлова. Оно заключало в себе приказание императора немедленно отправиться на жительство в имение моего сына, расположенное в Новгородской губернии (название имения или деревни не было намечено), и оставаться в нем впредь до нового распоряжения. Я разбудила свою дочь и продиктовала ей ответ Измайлову, в котором я уведомляла его, что, несмотря на мое желание без промедления исполнить волю императора и на свое равнодушие к тому, где я буду прозябать и где умру, я принуждена отсрочить свой отъезд, потому что я давно сдала сыну управление его имениями, никогда не была в его новгородских поместьях и не сумею найти дорогу в деревню, имя которой даже не обозначено; я добавила, что, считая более благоразумным миновать Москву, я буду блуждать по проселочным дорогам и потому немедленно же пошлю нарочного к управляющему моего сына с просьбой прислать мне какого-нибудь крестьянина из новгородских деревень, в случае если таковой найдется в Москве, чтобы он мне указывал дорогу.

Мне стоило большого труда успокоить и ободрить мою дочь. Она плакала, обнимая мои колени. Кто-то разбудил мисс Бетс, чтобы сообщить ей страшную новость, повергшую в уныние весь дом; когда она вошла в комнату, она дрожала как лист; я пожала ей руку, уговаривая ее хорошенько подумать, прежде чем поддаться внушению ее любви ко мне, и дала ей полную свободу не следовать за мной в ссылку и жить в Троиц-

ком или моем московском доме, сколько времени ей будет угодно. Она объявила мне свое твердое намерение не покидать меня, сказав, что никто в мире не заставит ее изменить свое решение. Я поцеловала ее, а моя дочь бросилась ей на шею; мы плакали, как дети.

Лаптев, передав мое письмо курьеру и отправив с ним одного из моих дворовых, вернулся в комнату и спокойно объявил мне, что проводит меня до места ссылки. Я тщетно протестовала, яркими красками рисуя несчастья, которые он неминуемо навлечет на себя, и мое отчаяние от сознания, что я буду невольной их причиной. Я напомнила ему, что он и без того просрочил свой отпуск на несколько дней; мое же путешествие обещало быть очень длинным, так как я собиралась уехать проселочными дорогами на собственных лошадях, не имея возможности пользоваться почтовыми; вследствие всего этого император мог его счесть за дезертира; я с ужасом думала о том, что он будет по меньшей мере разжалован в солдаты, тем более что император несомненно будет гневаться и на то, что он принял такое живое участие во мне и решился на столь смелый шаг.

— Солдат, генерал и полковник теперь все сравнялись,— возразил он,— и в настоящее время не стоит гордиться своим чином. Надеюсь, вы не прикажете вашим людям высадить меня из вашего экипажа, так как в таком случае я буду ехать, стоя за вашей кибиткой или за кибиткой вашей дочери. Меня ничто в мире не заставит изменить своего решения увидеть своими глазами, куда вас сослали, так что будьте добры и не чините мне дальнейших препятствий.

Зная упорный и гордый характер этого молодого человека, я не противилась ему больше, опасаясь, что он еще увеличит свою вину, самовольно пустившись в погоню за мной. Он доказал мне свою преданность своей искренней радостью, когда он добился своего. Я не знала еще тогда, что его тревога за меня усилилась вследствие появления в деревне какой-то темной личности, которая постоянно записывала все, что видела и слышала. В пьяном виде человек этот рассказал, что был послан с целью подкупить моих людей и узна-

вать от них все, что говорится и делается в доме, и имена лиц, живших в моем доме или навещавших меня; он уверял даже, что по дороге я буду схвачена и отправлена далеко в Сибирь. Все это держалось от меня в секрете, и я, сама того не подозревая, находилась во власти каждого из своих людей; какой-нибудь негодяй мог бы меня погубить и составить себе состояние, превратившись в шпиона — в то время эта профессия была выгоднее и почетнее всех остальных. Наконец в Москве отыскался крестьянин из новгородской деревни, привезший в Москву для продажи гвозди собственного производства.

Ко мне приехала моя племянница, княгиня Долгорукая [308], и осталась со мной до моего отъезда из Троицкого. Со мной жили дочери двух моих двоюродных сестер: девицы Исленева [309] и Кочетова*. Эта последняя была не совсем здорова. Я написала ее отцу, жившему в Москве, что как бы ни утешительно было ее присутствие для меня, я не считаю себя вправе брать ее с собой в ссылку, где не было ни докторов, ни хирургов, ни вообще каких-либо средств, тогда как ее здоровье требовало последовательного лечения; я просила его приехать за ней и за девицей Исленевой. Он приехал за два дня до моего отъезда и на следующий день увез моих племянниц, обнаруживших глубокое горе при разлуке со мной. Он отвез девицу Исленеву к ее матери и принялся лечить свою дочь, обещая мне постоянно давать вести о ней.

Княгиня Долгорукая, женщина выдающаяся по своему уму и сердцу, как настоящий искренний и сердечный друг, занялась упаковкой всевозможных вещей, которые, по ее мнению, могли облегчить и скрасить мою жизнь в крестьянской избе без мебели и удобств. Она старалась скрыть от меня свое горе по поводу обрушившегося на меня несчастья, но в мое

---

* Ее родители поручили ее мне до ее замужества, передав мне все свои права. Она уехала от меня неохотно и с глубокой печалью. По возвращении моем в Троицкое, откуда я не имела права выезжать, ее родители вернули ее мне по собственному почину, так как я бы сама никогда не решилась, ради своего удовольствия, запереть ее в деревне, когда она по своему возрасту должна была жаждать светских удовольствий.

отсутствие слезы ее текли обильно. Накануне моего отъезда я застала ее всю в слезах и, нежно целуя ее, упрекнула ее в том, что она так мало пользуется присущими ей высокими умственными качествами. Я просила ее запастись терпением еще на двое суток, так как я, если господу богу не угодно будет продлить мою жизнь для ниспослания мне новых несчастий и бедствий, вследствие состояния моего здоровья, по всей вероятности, не выдержу и двух дней предстоящего путешествия; если же по истечении этого срока не привезут мой безжизненный труп, то она может быть убеждена, что свежий воздух и движение вернули мне силы, так что я когда-нибудь еще вернусь и буду еще наслаждаться ее обществом. Мое пророчество исполнилось: по возвращении моем из ссылки мы с ней увиделись. Но два года тому назад ее унесла преждевременная смерть, и я до конца своих дней оплакиваю этого верного и умного друга.

Я не могла ни стоять, ни ходить без посторонней помощи и велела повести себя в церковь; попросив своих родных и приказав прислуге не отнимать у меня слезным расставанием небольшой запас нравственных сил, которыми мне с трудом удалось вооружиться, я по выходе из церкви села в кибитку * и пустилась в путешествие, цель которого мне даже была неизвестна: до меня накануне дошли слухи, ходившие в деревне, о том что в некотором расстоянии от Троицкого меня заставят изменить маршрут и отвезут в отдаленный и уединенный монастырь. Но ничего подобного не случилось. Наоборот, день за день силы мои прибавлялись; я была в состоянии проглотить несколько ложек плотно замороженных щей, которые, будучи распущены в кипятке, представляли из себя отличный суп. Напрасно также мои близкие боялись, что, вследствие непривычной мне езды в кибитке, усилятся мои ревматические боли. Вместо этого я чувствовала себя лучше, чем в последние шесть недель. Между Троицким ** и городом Тве-

* Это было 26 декабря 1796 г.

** На первой станции от Троицкого, где мы переночевали, Лаптев заметил, что какой-то незнакомец, обогнавший нас в кибитке, разговаривал с хозяином избы, в которой я находилась, и захотел узнать, кто это такой. Крестьянин, бывший, очевидно, под хмельком, ответил,

рью мы два раза чуть не погибли, в особенности во второй раз.

Страшная метель замела все дороги, и мы семнадцать часов блуждали, не зная, где находимся. Жилья не было видно, и лошади выбились из сил. Мои слуги в ожидании неминуемой смерти плакали и молились. Я велела кучеру остановиться, сказав, что с рассветом ветер несомненно утихнет, лошади отдохнут, и тогда можно будет попытаться найти какое-нибудь жилье. Действительно, через три четверти часа кучер заметил огонек на некотором расстоянии. Указав самому здоровому и сильному из своих людей, в каком направлении светился огонек, я послала его узнать, что это такое; через полчаса он вернулся и сообщил, что это маленькая деревушка в пять изб. Мы поехали к ней. Лошади тащили нас шагом, но, по крайней мере, и мы и эти несчастные животные были спасены от ужасной, медленной смерти. Оказалось, что деревушка лежала совершенно в стороне от дороги, что мы в эти девятнадцать — двадцать часов отъехали всего на шесть верст от места нашего ночлега.

В Твери нас ожидал приятный сюрприз: губернатор Поликарпов приготовил мне отличную квартиру. Этот почтенный человек тотчас же посетил меня, и я выразила ему свою благодарность и опасения, что его сердечное отношение к ссыльной навлечет на него гнев мстительного монарха.

— Я не знаю, княгиня, какими частными письмами вы обменялись с императором,— ответил он,— но указа о вашей ссылке нет; следовательно, позвольте мне поступать с вами, как мне то подсказывает чувство глубокого уважения, которое я питаю к вам с тех пор, как себя помню.

что он сам недоумевает, кто он, так как он сначала объявил себя принадлежащим к моей свите, а затем приказал ему именем начальства войти в избу и убедиться, там ли княгиня. Очевидно, этот посланец Архарова [310] не был очень тонким политиком; когда Лаптев с обычной своей горячностью спросил его, зачем ему нужно знать, находится ли княгиня в избе и как он смеет тревожить мой покой в ночное время, посылая в мою комнату посторонних людей, он ясно дал нам понять, что послан следить за нами не по воле императора, а по приказанию Архарова; он боялся, что я услышу его слова, и сказал Лаптеву тоном, который он старался сделать очень грозным, что если он передаст мне слышанное им, то неминуемо за это ответит.

Он прислал нам отличный ужин, несмотря на то что все улицы были запружены гвардейскими войсками, отправлявшимися в Москву на коронацию Павла.

На следующий день мы уехали после легкого завтрака; так как нам предстояло совершить все путешествие на одних и тех же лошадях, то мы не делали более шестидесяти четырех верст в сутки, а иногда и менее.

В городе Красный Холм городничий оказался, к счастью, воспитанным и порядочным человеком. Его фамилия была Крузе, и он приходился племянником знаменитому доктору Крузе. Он был вежлив и услужлив и дал нам с собой провизии, которой нельзя было достать в крестьянских деревнях и избах. Отдохнув несколько часов, мы рано утром отправились дальше. В этот день мы убедились в том, что курьер, то обгонявший нас, то отстававший от нас, был шпион, посланный Архаровым (император облек его властью инквизитора, и эти обязанности не претили его грубой и жестокой натуре) и каждый день доносивший ему обо всем, происходившем в нашей маленькой колонии. Лаптев вошел в избу, только что оставленную шпионом, и нашел в ней забытое им письмо на имя Архарова; оно не было запечатано; он писал, что я была очень больна и что Лаптев все еще сопровождал меня; вероятно, для придания большего интереса своему письму, он сообщал еще, что мои люди украли у мужика тулуп, хотя эта кража была совершена его слугой, имевшим только жалкую шубенку, тогда как накануне своего отъезда я подарила всем моим людям по прекрасному тулупу. С этого дня мы всегда поднимали доску, которою крестьяне прикрывают в избах спуск в погреб, чтобы убедиться, не подслушивает ли клеврет Архарова наши разговоры. Вскоре мною овладели более жгучая тревога и беспокойство, которые улеглись только по возвращении моем в Троицкое, когда мой брат и другие друзья письменно сообщили мне, что мой сын не подвергся гонениям со стороны государя.

Мы приехали в Весьегонск, где городничим был двоюродный брат самого надежного орудия тирании и деспотизма Павла I, Аракчеева [311]; чтобы доставить

ему это место, недавно был смещен занимавший его офицер, служивший около сорока лет, имевший девять ран и поставленный самой покойной императрицей. Меня посетили оба городничие, и бывший и настоящий. Мне стоило большого труда утешить бедного служаку и отвлечь разговор на другие темы, так как он все время возвращался к обсуждению своего увольнения от должности. Наконец я попросила его проводить мою дочь и мисс Бетс на ярмарку, бывшую в то время одной из самых значительных в империи. Не успели они уйти, как ко мне вошел офицер и передал мне письмо. Оно было от моего сына; он послал этого офицера повидаться со мной, отдать приказание крестьянам села Коротова (место моей ссылки), чтобы они оказывали мне повиновение как собственной барыне, и привезти ему весточку от меня. Молния, упав в мою комнату, кажется, не испугала бы меня так, как это письмо. Мое воображение уже рисовало мне ссылку сына в Сибирь за ослушание приказания императора, запретившего рассылать офицеров с депешами*. В глазах государя сын, вероятно, показался бы преступным еще потому, что принимал участие в судьбе своей матери, гонимой им. Я спросила у Шрейдемана, не видал ли его кто в городе и не встретил ли он городничего. Он ответил отрицательно, но я все-таки умоляла его немедленно уехать в Коротово, лежавшее всего в тридцати трех верстах от Весьегонска, где обещала переговорить с ним, и убедила его немедля покинуть город и вернуться другой дорогой, минуя эту. Тотчас же по возвращении с ярмарки моих спутниц мы уехали и поздно вечером прибыли в место жительства, указанное мне императором.

Моя изба была довольно просторная; напротив нее была кухня, а лучшая изба в боковом переулке была приготовлена для моей дочери. Прежде всего я отправила Шрейдемана, но каково было мое удивление и беспокойство, когда слуга моего сына сказал мне после его отъезда, что Шрейдеман не только видел го-

---

* Павел был так строг в этом отношении, что велел объявить в газетах строгий выговор князьям Суворову и Репнину за то, что они послали ему, государю, офицеров с депешами.

родничего, но по легкомыслию и тщеславию объявил свое имя, вследствие чего городничий потребовал его паспорт и оставил его у себя. Я не знала покоя ни днем, ни ночью, так как даже во сне мне грезилась ссылка сына в Сибирь. Я написала моему брату и некоторым друзьям, умоляя их сообщить мне сведения о сыне, но даже их уверения, что он был назначен командиром полка*, не вполне успокоили меня. Что касается до меня лично, я была покойна и радовалась тому, что моя изба была лучше и просторнее, чем я ожидала. Правда, ночью мои три горничные спали со мной (днем они сидели в комнате мисс Бетс), но они так внимательно за мной ухаживали и были так чисты, что ничуть меня не стесняли. Кроме того, мисс Бетс догадалась захватить с собой зеленый суконный занавес, которым и отделила мое помещение от помещения горничных.

На следующий день я отправила и Лаптева; судьба его меня также сильно тревожила. Господь избавил меня от угрызений совести, которые я непременно испытывала бы, если бы он стал жертвой своей благодарности и привязанности ко мне. Император узнал, что он проводил меня до Коротова, и сказал на это, что Лаптев, очевидно, носит панталоны, а не юбки — государь употреблял обыкновенно это выражение, когда хотел сказать, что данное лицо отличается мужеством и твердым характером. Батальон стрелков, которым командовал Лаптев, был упразднен Павлом I, так что он очутился на улице, но государь дал ему полк и вскоре пожаловал ему командорский крест Иоанна Иерусалимского.

Из Твери я написала своему двоюродному брату, князю Репнину, и попросила его узнать, в каких преступлениях меня обвиняет император; князь Репнин

---

* У Павла бывали проблески справедливого чувства и редкого великодушия и прозорливости. Он узнал от городничего про поездку Шрейдемана, но не разгневался на сына. Точно так же, когда по возвращении моем в Троицкое Архаров донес, что меня посещают родственники и друзья и по несколько дней живут у меня, он громко сказал: «Это вполне естественно, я понимаю, что люди, питающие к княгине Дашковой чувства дружбы или благодарности, хотят выразить их ей в настоящую минуту».

знал прекрасно, какие чувства руководили мною в царствование Петра III, знал, что они должны были ясно доказать государю и всем порядочным людям, что я никогда не имела в виду ни личных интересов, ни преступного возвышения моей семьи. Я сообщила князю название деревни, куда была сослана на неопределенное время, и указала нескольких искренно преданных мне академиков, которые перешлют мне его ответ; я обещала послать вскоре крестьянина к одному из них, чтобы получить из его рук письма ко мне; таким образом, и его письмо непременно попадет ко мне. Императорам приносили присягу только дворяне, мещане, военные и все люди, состоящие на службе, а крестьяне, принадлежавшие дворянам, к присяге не приводились. Не знаю, по какому капризу император Павел велел присягать и всем крестьянам. Это новая мера, никогда еще не применявшаяся в России, оказалась пагубной. Крестьяне вообразили, что они больше не принадлежат помещикам, и некоторые деревни в различных губерниях возмутились против своих господ и отказались платить им оброк. Государю пришлось послать войска для их усмирения. В поместьях Апраксина и княгини Голицыной, рожденной Чернышевой, бунт был так упорен, что пришлось стрелять из пушек, и несколько человек пали жертвой заблуждения, в которое они были введены этой мерой. Не знаю, появлялись ли в других губерниях канцелярские писаря (самое вредное в России отродье), объезжавшие некоторые дворянские имения и внушавшие бедным невежественным крестьянам, что, если они только заявят о своем желании принадлежать прямо государю, они будут избавлены от всяких повинностей по отношению к своим господам. Двое такие писарей объехали Архангельскую губернию и северную часть Новгородской и до моего приезда побывали и в Коротове, где предложили крестьянам за умеренную плату довести об их желании до сведения императора, но те с негодованием отвергли их предложение, объявив, что они чувствуют себя счастливее крестьян, принадлежащих казне. Для усмирения бунтов в этой губернии был послан князь Репнин. Проезжая через маленькое село, лежавшее по сосед-

ству с Коротовом, он призвал к себе сельского священника и попросил его передать мне тайно письмо. Священник с клятвой обещал князю в точности исполнить его поручение, что он и сделал: однажды, глядя в окно, я увидела незнакомого священника, направлявшегося прямо к моей избе. Я вышла на крыльцо, а он, взойдя по ступенькам, передал мне письмо и, сказав только, чтобы я надеялась на милосердие божие, исчез. Князь Репнин выражал мне сожаление, что не может ничем помочь мне, и советовал мне написать императрице и просить ее заступиться за меня перед своим супругом.

Должна сознаться, что мне тяжело было обращаться с просьбой к императрице, которая, как я думала, не была очень благосклонно расположена ко мне. Я не спешила писать это письмо и не попросила бы разрешения переехать в Троицкое, если бы я одна страдала от жизни в крестьянской избе в шестидесятиградусные морозы, не имея возможности гулять даже с наступлением позднего и короткого лета, так как кругом были все болота и непроходимые леса; но вместе со мной страдали моя дочь, мисс Бетс и мои люди; они, пожалуй, мучились больше меня, так как переносили эти невзгоды из-за меня. Меня поддерживали сознание моей невинности, чистота совести и какая-то душевная гордость, придававшая мне силы и мужество, неожиданные для меня самой и являющиеся загадкой для меня, которую я могу разрешить только приписывая их смирению, присущему каждому благоразумному человеку.

Наше положение казалось нам еще печальнее потому, что морозы, сковавшие окружающие нас болота, делали их доступными для езды и значительно сокращали путь из Петербурга в Сибирь, вследствие чего большая часть кибиток со ссыльными проезжала мимо моих окон. Однажды, увидев у одной избы кибитку, не похожую на обыкновенную крестьянскую, я послала лакея спросить, кому она принадлежит; владелец ее в свою очередь спросил лакея, чей он, и, узнав мою фамилию, он попросил разрешения посетить меня, говоря, что состоит в родстве со мной вследствие брака

его дяди с одной моей родственницей. Хотя мне в моем положении было не до гостей и не хотелось их принимать, я все-таки велела позвать его, думая, что, может быть, буду в состоянии чем-нибудь помочь ему. Чтобы завязать разговор, я спросила его, в каком родстве он состоит со мной. Он сказал мне, что двоюродный брат его покойной матери, Разварин, был женат первым браком на отдаленной родственнице моей матери. Он дрожал всем телом, говорил заикаясь и лицо его искажалось судорогой. «Не больны ли вы?» — спросила я его. «Нет, княгиня, — ответил он, — я, вероятно, таким и останусь на всю жизнь». Затем он рассказал мне, что некоторые его товарищи, гвардии унтер-офицеры, держали предосудительные речи о государе; на них донесли, и он оказался запутанным в это дело; он был подвергнут пытке, вывихнувшей ему все члены; его товарищи были сосланы в Сибирь, а он сам был исключен со службы и получил приказание отправиться на жительство в Вологодскую губернию, в поместье своего дяди. Мне было так тяжело, что я сократила его посещение, и долго еще меня преследовал образ этого молодого человека с вывихнутыми членами и, так сказать, разорванными нервами.

Вскоре меня посетили госпожа Воронцова с дочерью [312]. Она была вдова дальнего моего родственника. Эта почтенная женщина сочла своим долгом оказать мне внимание в благодарность за мое попечение о ее сыне. Она поручила его мне, когда ему было семь лет, и я воспитывала его до шестнадцатилетнего возраста, когда он поступил на службу с чином майора; его нравственные качества, хорошее поведение и нежное отношение к матери являлись ее утешением в жизни. Она поселилась в соседней избе и провела со мной целую неделю.

Мы предусмотрительно захватили с собой из Троицкого книг и карандашей, которыми рисовали на белом столе разные виды и картинки; каждые три дня стол мыли, и он опять служил для той же цели — бумагой мы должны были дорожить; кроме того, нас развлекал своими забавными выходками маленький казачок, и время шло мирно и тихо в безропотной покорности

воле божией. Мое спокойствие внушало и моим спутницам мужество и терпение.

Я узнала, что в конце апреля при таянии льда и снегов река разливалась почти на две версты кругом и что за неимением плотов и паромов ее переезжали только в маленьких лодочках; мы приехали в зимних кибитках, и я знала, что мне невозможно было достать летние экипажи, поэтому я решила написать императрице и просить ее повергнуть перед своим супругом мою просьбу о разрешении мне вернуться в Троицкое, откуда я обязывалась не выезжать, но где у нас под рукой будет медицинская помощь и где мы будем жить в моем доме, не подвергаясь неудобствам и невзгодам пребывания в простых крестьянских избах. Я вложила в пакет незапечатанное письмо на имя государя; могу сказать, что оно было очень гордое и не заключало в себе униженных просьб. Я писала, что состояние моего здоровья было таково, что мне не стоило писать настоящего письма, а его величеству его читать, так как мне было совершенно безразлично, где и как я умру; но что мои религиозные принципы и чувство сострадания не позволяли мне равнодушно смотреть на мучения людей, разделявших со мною ссылку, ничем не заслуженную, как говорила мне моя совесть; я добавила, что никогда при жизни императрицы-матери я не питала к нему враждебных чувств, и в заключение просила его разрешить мне переехать в мое калужское имение*, где мои сожительницы и мои люди будут лучше помещены и в случае болезни будут иметь возможность пользоваться уходом врача. Я послала письмо по почте, и надо признаться, мы с нетерпением ожидали результатов. Впоследствии я узнала от лица, находившегося в то время в Петербурге и имевшего свободный доступ во внутренние покои их величеств, что мое послание чуть не привело к самым ужасным для нас последствиям; но провидению было угодно спасти меня и на этот раз. Благодаря изменчивости настроений Павла I и какой-то задержке во время путешествия курьера, который должен был нанести, может быть, последний удар еле живой женщине, боровшейся с жестокой судьбой,

---

* Троицкое.

бедствие было отвращено от нас, и мы получили утешение и облегчение нашего положения.

Когда императрица, получив мое письмо, передала государю послание, адресованное ему, он пришел в ярость, прогнал ее, заявив, что не желает быть свергнутым с престола подобно своему отцу, и не пожелал принять моего письма.

Императрица сообщила госпоже Нелидовой о своей неудаче; тогда та отдала письмо младшему сыну государя, великому князю Михаилу*, и вместе с государыней повела его к Павлу; смягчившись, он взял письмо и, прочтя его, поцеловал сына и сказал им: «Вы так умеете взяться за дело, что против вас нельзя устоять».

Они ласково и нежно благодарили его, а он написал мне следующее письмо:

«Княгиня Екатерина Романовна. Согласно вашему желанию, вам разрешается вернуться в ваше имение в Калужской губернии. Впрочем пребываю к вам благосклонный Павел».

Затем он позвал петербургского военного губернатора Архарова и повелел ему поскорей отправить ко мне нарочного с письмом и вернуть курьера, уже посланного раньше и получившего приказание отнять у меня бумагу и чернила, поселиться в моей избе и строго следить за тем, чтобы я не вступала в сношения с внешним миром.

Архаров**, по злобе ли или неумышленно, выбрал для исполнения этого спешного поручения курьера, только что вернувшегося из Сибири, куда он отвозил в ссылку какого-то несчастного гвардии офицера. Проехав взад и вперед четыре тысячи верст без отдыха, он вряд ли мог догнать курьера, уехавшего за несколько часов до него; но судьба, очевидно устав преследовать меня, устроила иначе. Второй курьер догнал первого, вернул его и сам с величайшей поспешностью поехал дальше. Я сидела у окна, когда он приехал. Увидав

* Павел утверждал, что только этот сын являлся действительно императорским высочеством, так как он родился после восшествия его на престол; он, казалось, любил его больше других детей.

** Старший брат московского губернатора[313].

кибитку у крыльца, окруженную моими людьми, я вышла и узнала посланного от императора. Мисс Бетс тщетно расспрашивала его, какие он привез вести. Он отвечал, что ничего не знает и что привез мне указ от государя. Я назвалась, и он передал мне вышеприведенное письмо. Не успела я еще его распечатать, как мисс Бетс бросилась на колени передо мной, восклицая: «Дорогая княгиня, и в Сибири есть бог! Не падайте духом!» Она дрожала всем телом и была бледна как смерть. Я ее подняла, просила успокоиться и позволить мне прочесть письмо. Когда я ей объявила, что мы получили разрешение вернуться в Троицкое, она снова бросилась к моим ногам; ее била лихорадка, она бредила, и мне с трудом удалось уговорить ее лечь в постель. Затем я приказала людям накормить курьера и дать ему вина, но он отказался от пищи и просил только дать ему уголок уснуть, так как он провел несколько бессонных ночей. Я послала к дочери сообщить ей счастливую новость; люди мои чуть с ума не сошли от радости. На следующий день я отослала курьера обратно; спросив его, сколько он получает жалования в год, я дала ему почти вдвое больше. Тогда он в свою очередь чуть с ума не сошел от радости; одна я осталась бы совершенно покойной, если бы не болезнь мисс Бетс, тревожившая меня; она бредила и не узнавала никого, кроме меня. Я отходила от ее постели только для того, чтобы писать письма и отправить часть людей в Троицкое, дабы остаться налегке; я твердо решила не уезжать самой, пока мисс Бетс не будет в состоянии совершить путешествие. Я отправила с курьером императора также незапечатанное письмо Архарову с просьбой передать его Лепехину[314], непременному секретарю Российской Академии и профессору естественной истории в Академии наук. Так как он был мне очень предан, я рассказала ему о случившемся со мной и дала свой адрес в Троицком. Архаров имел низость задержать мое письмо. Кроме того, я отправила с крестьянином английскому негоцианту в Петербурге, Глину, письма для моих друзей в Англии. Затем я приготовила все к путешествию, дабы оно не встретило препятствий или задержек. Через неделю горячка оставила мисс Бетс, она

была только очень слаба. Как только ей стало лучше, я послала за сто двадцать верст вперед моих собственных лошадей, остававшихся в Коротове, и через десять дней после приезда благодетельного курьера мы тронулись в путь.

Не хочу покинуть Коротова, не упомянув об удивительно деликатных заботах, которыми крестьяне ежедневно окружали меня. Два раза в неделю они приносили мне с базара всякую вкусную и даже редкую по сезону провизию для моего стола. За несколько дней до моего отъезда я узнала, что крестьянки приносили мне каждый день яйца, блины или пироги для того только, чтобы меня увидеть и собственными глазами убедиться, что я жива. Я несколько раз спрашивала крестьян, почему они были так привязаны ко мне, несмотря на то что они уже несколько лет перешли во владение моего сына. Они неизменно отвечали: «За время твоего управления нами мы разбогатели и сделались счастливыми, и ты воспитала и нашего батюшку-князя в таких же правилах; хотя он и повысил оброк, но он все-таки значительно меньше оброка, которые наши соседи платят своим господам». Крестьяне поставили в нескольких местах подставы, так что я в один день проехала путь, который, приезжая, совершила в два с половиной дня. Я покинула свою избу в конце марта.

Благодаря некоторым познаниям в медицине, большой чуткости, которою меня, к несчастью, одарила природа, вследствие того что я часто ухаживала за больными и на практике изучила проявления и влияние некоторых болезней на организм, мне удалось вылечить мисс Бетс с помощью усиленного ухода и немногих лекарств, бывших в моем распоряжении.

Когда мы выехали из Коротова, стояла еще настоящая зима. На девятый день нашего путешествия, когда мы подъехали к реке Протве, протекающей мимо моего сада и террасы в Троицком, снега уже не было. Берега реки зеленели, и дорога была чрезвычайно тяжела для лошадей, тащивших кибитку на полозьях то по песку, то по траве и по глине. Наконец на десятый день мы приехали в Троицкое. Прежде всего я отправи-

лась в церковь; несмотря на ее большие размеры, она едва вмещала моих людей и крестьян, собравшихся из 16 принадлежавших мне сел и деревень, чтобы встретить меня и выразить свою радость по поводу моего возвращения; они хотели все поцеловать мою руку, но я едва держалась на ногах и просила их прийти в следующее воскресенье. Я была очень тронута их искренней радостью, но решительно не могла сделать над собой усилие; мое несчастное больное тело требовало неотложного отдыха в хорошей постели. На следующий день после моего приезда я отправила человека в Москву к брату, чтобы возвестить ему о моем возвращении в Троицкое. Я написала также моим племянницам, княгине Долгорукой и княгине Маврокордато[315], с просьбой сообщить мне поскорей сведения о себе, о моем сыне и других моих родственниках и друзьях. Я благодарила бога, что никто из них не стал жертвой деспотизма. Я узнала, что в моем московском доме были расквартированы 87 солдат и один офицер. Мой управляющий догадался запечатать входы в главный дом, объявив, что, так как я поспешно уехала, не успев убрать вещи, я приказала наложить печати на все входные двери. Благодаря этому я была избавлена от расходов на содержание какого-нибудь из жалких генералов, известных под общим именем гатчинских; он, наверное, испачкал бы весь дом и испортил бы мебель. На моей даче были также расквартированы девяносто солдат и шесть унтер-офицеров; на отопление для них не хватило тех трех тысяч бревен, которые на плотах прибывали по реке из моего имения; приходилось покупать еще дрова, что в связи со многими другими расходами заставило меня продать этот дом, хотя я его очень любила, потому что он был окружен садом, который, благодаря моим заботам в течение тридцати лет, достиг верха совершенства; даже зимой он содержался в величайшей чистоте и порядке, дорожки были расчищены и посыпаны песком, так что я могла гулять в нем и в зимнее время. Но все это было ничто в сравнении с расходами и, главное, неприятностями, вызываемыми присутствием в моем доме подобных гостей.

Я не знала, впрочем, будет ли мне когда-нибудь

разрешено жить в Москве; я и не желала поселиться в ней, в особенности с тех пор как вернулась в Троицкое; все мои искренние друзья приезжали ко мне, а я знала, что в городах, и в особенности в Москве, была установлена целая система шпионства, тем более опасная, что доносы являются вернейшим средством втереться в доверие подозрительных тиранов. Летом я принялась за свои садовые, земледельческие и строительные работы, и, ввиду того что у меня не было под рукой лиц, сведущих в этих отраслях, они отнимали у меня много времени, и я так уставала, что вечером всегда быстро засыпала, что мне было тем более необходимо, что я каждую ночь неукоснительно просыпалась в тот роковой час, в который меня разбудили, чтобы объявить мне о моей ссылке в Коротово! Я редко засыпала после этого, так что принуждена была отдыхать еще час после обеда.

В дождливые дни, когда приходилось сидеть дома, я чертила планы предполагаемых построек и плантаций или коротала время за чтением книг из своей библиотеки. Мне хотелось приобрести новые иностранные книги, и, ассигновав на их покупку известную сумму ежегодно, я написала об этом моим друзьям; они ответили мне, что ввоз книг был почти совершенно запрещен, но что Россия была наводнена клеветническими памфлетами на Екатерину Вторую, которые мои друзья не решались мне присылать. Но я выписала все те, которые были в Москве, и не положу пера, пока не дополню эту книгу (которая, может быть, и не заслуживает внимания потомства, но заинтересует моих друзей) заметками, которые, надеюсь, докажут всю лживость утверждений, написанных под влиянием ненависти и зависти.

В 1798 г. мой сын был в Петербурге. Император вдруг так пристрастился к нему, что был не в духе в те дни, когда он не обедал при дворе. Государь проводил с ним вдвоем целые часы в своем кабинете, и он часто бывал у императрицы, когда у нее были только государь и Нелидова и даже их императорские высочества не допускались к ней. Как только он приехал в Петербург, он упросил великого князя Александра (нынешнего

государя) попытаться испросить для меня разрешение жить в Москве и посетить мои другие поместья*. Его императорское высочество обещал исполнить его просьбу, но прошло более месяца, и его неоднократные обещания не осуществлялись. Мой сын говорил об этом с Николаи[316], директором Академии наук и статс-секретарем императрицы, которая очень его уважала. Однажды Николаи вошел к императрице в ту минуту, когда она говорила с фрейлиной Нелидовой о влиянии князя Дашкова на государя и выражала удивление, что он не пользуется им, чтобы добиться возвращения свободы своей матери; на это Николаи сообщил императрице, что мой сын просил заступничества великого князя и сильно тревожится, что обещания великого князя не исполняются; он сказал даже, что ее величество и госпожа Нелидова доказали бы свое великодушие, если бы употребили и свое влияние в этом деле.

Они этого определенно не обещали, но ответили, что подумают о том, что предпринять. Николаи сообщил князю Дашкову этот разговор; через несколько дней князь Алексей Куракин по поручению императора сказал сыну, что государь хочет подарить ему пять тысяч крестьян; но мой сын просил передать его величеству, что он глубоко тронут его добротой и чувствует живейшую к нему благодарность, но желает только возвращения свободы своей матери. На следующее утро князь Куракин подошел к моему сыну перед вахтпарадом и сообщил, что государь велел ему объявить мне о возвращении мне свободы и что он сам сейчас скажет это моему сыну**. Когда император появился на вахтпара-

---

* Узнав о намерении сына поехать в Петербург, я написала ему, чтобы он забыл про меня и думал только о собственной безопасности. Я несколько раз повторила то же самое, объявив ему, что предпочитаю Троицкое всякой другой местности в России и что благодаря моим отношениям к крестьянам управление моими поместьями и поступление умеренных оброков не требовали моего надзора, и потому я не желала свободы передвижения и не нуждалась в ней.

** Письмо князя Куракина было составлено в следующих выражениях: «Княгиня и любезная тетушка! Я счастлив объявить вам по приказанию государя императора, что вы свободны посещать ваши поместья, менять ваше местожительство и даже приезжать в столицу в отсутствие двора; когда же двор находится в Петербурге, вы можете жить в ближайшем к столице имении».

де, мой сын хотел броситься перед ним на колени; но его величество остановил его, поцеловал, и мой сын, в порыве счастья забыв про маленький рост императора, поднял его на воздух, сжимая его в своих объятьях. Оба плакали. Это была первая и последняя чувствительная сцена, которую видела гвардия.

Благосклонное отношение Павла к моему сыну не ослабело до самого его отъезда. Он советовался с ним насчет своих военных планов и войны, которую хотел объявить. Во время совещания с ним вдвоем в кабинете, он заставил его составить на бумаге план военных операций, расположение войск и под величайшим секретом решил поручить ему командование армейским корпусом, стоявшим в Киеве. Он даже дал ему несколько подписанных им бланков, с тем чтобы в случае надобности он заполнял их, не теряя времени, и повелел нашему министру в Вене, графу Разумовскому, и в Константинополе, Тамаре[317], советоваться с князем Дашковым. Он также отправил командующему нашим флотом на Черном море приказание действовать совместно с ним и по его указаниям. Мой сын поехал из Петербурга прямо в Киев, где ему надо было сделать кое-какие предварительные распоряжения и сообщить о них императору. Кто бы мог подумать, что после подобной милости он будет уволен от службы через несколько месяцев за то, что заявил князю Лопухину[318] (генерал-прокурору Сената), что один из заключенных в Киевской крепости, некто Альтести[319], посажен в тюрьму невинно. Его обвиняли в том, что он поселил на землях, пожалованных ему покойной императрицей, несколько солдат в качестве землепашцев; это было несправедливо, и ни одного солдата в его имениях не было, но главное его преступление заключалось в том, что в предыдущее царствование он был секретарем князя Зубова и самым близким к нему лицом, пользовавшимся его безграничным доверием, может быть иногда употребляемым и во вред. Может быть, князь Лопухин выбрал минуту, когда государь был не в духе, чтобы сообщить ему о заявлении моего сына, или же у него были к тому другие причины; он был человек двуличный, мстительный и скрытный. Но

как бы то ни было, император написал князю Дашкову следующие строки:

«Так как вы вмешиваетесь в дела, которые вас не касаются, вы сим увольняетесь в отставку».

Мой сын не хотел вручать курьеру, привезшему это странное письмо, подписанные государем бланки и другие важные бумаги. Он письмом к государю просил его прислать доверенное лицо за упомянутыми документами; когда курьер приехал за ними в Киев, князь Дашков отослал государю даже его письма и, покончив с личными делами, отправился прямо в свои тамбовские поместья.

Летом следующего года я поехала на несколько недель в свое белорусское имение. Я застала там множество злоупотреблений, совершенных поляком-управляющим в уверенности, что я буду сослана в Сибирь. Я сделала несколько выгодных для моих крестьян распоряжений и поставила во главе управления этим имением русского крестьянина из моих крепостных. На возвратном пути я прожила шесть недель у брата. У него в саду я посадила много деревьев и кустов, выкопала те, которые были посажены безвкусно, образовывая ломаную линию, и в общем мне удалось украсить его сад.

Мы проводили с братом каждый день несколько часов вдвоем, и наш разговор вращался главным образом вокруг предмета, глубоко волновавшего нас обоих, а именно несчастий, постигших нашу родину и почти каждое отдельное лицо, так как если кто-нибудь лично и не стал жертвой деспотизма Павла I, то он оплакивал родственника или друга. Не знаю, каким образом, но в голове моей вселилась мысль, что конец царствованию Павла настанет в 1801 г. Я сообщила ее брату, и на его вопрос, какие у меня были к тому данные, решительно не могла объяснить, откуда у меня взялась эта мысль, но она гвоздем засела в моей голове. Наконец в январе 1801 г. мой брат, вспомнив мое пророчество, воскликнул: «Вот год уже начался».— «Он начался, это верно,— ответила я,— но мы еще только в январе, а мое пророчество исполнится через три месяца».

Действительно, 12 марта провидению угодно было

допустить, чтобы пресечены были дни Павла I и тем самым и общественные и частные бедствия: рост налогов с каждым днем, а с ними вместе и гонений. Сколько раз я благодарила создателя, что я была избавлена от обязанности являться при дворе в царствование Павла! Сколько мне пришлось бы перенести горя и тревоги, так как природа отказала мне в искусстве притворяться, столь необходимом при общении с государями и еще более с их приближенными, и на лице моем ясно отражались отвращение, презрение и негодование, волновавшие мою душу. Павел был невыносим со своим прусским капральством, невыносим и в том, что придавал какое-то сверхъестественное значение своему царскому сану; он был труслив и подозрителен, постоянно воображал, что против него составляются заговоры, и все его действия являлись только вспышками, внушенными настроением минуты; к несчастью, они чаще всего были злы и жестоки. К нему приближались со страхом, соединенным с презрением. Как мало походила ежедневная жизнь его придворных на времяпрепровождение лиц, имевших счастье быть приближенными к Великой Екатерине! Не роняя своего достоинства, она была доступна всем, и в обращении с ней не было и тени раболепного страха; она своим присутствием вызывала чувство благоговейного почтения и уважения, согретого любовью и благодарностью. В частной жизни она была весела, любезна, приветлива и старалась заставить забыть свой сан. Даже если бы возможно было, чтобы его потеряли из виду хоть на одну минуту, у всех было такое ясное сознание великих качеств, которыми одарила ее природа, что представление о ней всегда связано было с чувством благоговейного уважения.

Возвратившись в Москву, мой брат рассказал нескольким лицам произнесенное мною пророчество, и меня стали осаждать вопросами, на которые я решительно не могла ответить, так как сама не отдавала себе отчета, каким образом эта мысль засела у меня в голове. Спустя некоторое время мой брат получил письмо от нового императора, вызывавшего его в Петербург для принятия участия в делах.

Вскоре в Троицкое приехал мой племянник, Татищев*[320], присланный просить меня от имени императора приехать. Не в моем возрасте и не с моими немощами и взглядами на придворную жизнь было спешить воспользоваться приглашением государя и фигурировать при дворе. Я оставила своего племянника у себя всего три дня, дабы он мог провести несколько дней с матерью и родными в Москве, и посоветовала ему поскорее вернуться на свой пост, опасаясь, чтобы кто-нибудь его не занял в его отсутствие (как это часто бывает при наступлении нового царствования). Я дала ему письмо к государю, в котором, поблагодарив его за память обо мне, выразила ему сожаление, что не могу немедленно лететь в Петербург, ввиду того что мое расстроенное здоровье не позволяет мне предпринять сейчас это путешествие, но что при первой возможности я удовлетворю свое горячее желание повергнуть пред ним чувства своей глубокой преданности. В конце апреля я уехала из Троицкого, дабы застать еще в Москве моего брата Александра. Мы решили, что он поедет вперед, а я останусь еще неделю в Москве, чтобы восстановить свои силы и вместе с тем избегнуть задержек и путаницы с почтовыми лошадьми, которых потребовалось бы довольно много для нас обоих.

Я приехала в Петербург в мае месяце и с удовольствием увиделась с государем, которого научилась любить за последние двенадцать лет; но меня еще больше обрадовало, что красота его супруги составляла малейшее ее украшение. Меня привлекли к ней ее ум, образование, скромность, приветливость и такт, соединенный с редкой для такой молодой женщины осторожностью. Она уже правильно говорила по-русски, без малейшего иностранного акцента.

Однако я с грустью видела, что Александр окружил себя молодыми людьми[321], небрежно относившимися к особам преклонного возраста, которых император и без того старался избегать вследствие своей застенчивости (объясняемой, кажется, глухотою). Четыре года царствования Павла, пытавшегося превратить своих

---

* Он был камергером и служил в министерстве иностранных дел, где стоял во главе отдела, ведавшего азиатскими делами.

сыновей в капралов, были потеряны для науки и умственного их развития. Вахтпарады и обмундирование войск занимали его главным образом. Я предвидела, что даже доброта государя и твердые принципы гуманности и справедливости не оградят его от того, что, с одной стороны, его приближенные вполне овладеют его доверием, а с другой — министры и высшие должностные лица будут делать все что угодно. Я уехала из Петербурга в июле и, несмотря на далекое расстояние, отправилась в белорусское имение и затем занялась приготовлением к коронации экипажей и гардероба, который я совершенно запустила за последние семь лет. Мне нечего было одеть. Я заняла в банке сорок четыре тысячи рублей; из них девятнадцать тысяч пятьсот рублей употребила на уплату долга сына по векселю, одиннадцать тысяч рублей — на уплату долга моего племянника Дмитрия Татищева, а остальные истратила на отделку своего московского дома и на приготовление к участию в торжествах коронации, причем я не стремилась к особой роскоши, но хотела соблюсти приличествующий моему положению декорум. До отъезда я получила обещание государя, что при первом производстве Кочетова, моя племянница, будет сделана фрейлиной, а князь Урусов [322], женившийся на моей племяннице Татищевой, камер-юнкером.

Я приехала в Москву за две недели до их величеств. Въезд их в город совершился с большой торжественностью и великолепием. В кортеже участвовали более пятидесяти придворных и столько же частных карет. За каретами их величеств и императорской фамилии следовал экипаж, в котором сидели принцесса Амалия [323], сестра императрицы, и я, как первая статс-дама императорского двора. Затем ехали статс-дамы, фрейлины, высшие должностные лица и т. д.

Их величества поехали прямо в Кремль и слушали молебен в соборе. Так как я не люблю церемоний, этикета и празднеств, я не стану больше о них распространяться. Впрочем, все коронационные торжества друг на друга походят; скажу только, что молодой император и его прелестная супруга завоевали сердца

всех москвичей. Во время пребывания их величеств в старинной резиденции наших государей, представляющей из себя целый особенный мир, вследствие своей обширности и различия между собой ее жителей,— в ней можно встретить обычаи и манеры современных европейцев рядом с пережитками татарских нравов и чистым патриархальным бытом — во время пребывания там их величеств я вела весьма утомительную жизнь. Дворец, в котором они жили, был в девяти верстах от моего дома, и я почти каждый день ездила ко двору, предполагая, что буду полезной императрице Елизавете, указывая ей множество мелочей, неважных по существу, но которыми не следовало пренебрегать, для того чтобы произвести то хорошее впечатление, какое я от всего сердца желала ей оставить по себе. Она сказала брату, что я была ее ангелом-хранителем и что она без меня не сумела бы справиться со своим новым положением. Моя горячая привязанность к ней заставляла меня безропотно переносить утомление и скуку церемоний, этикета, составлявших придворную атмосферу, столь удушливую для простой деревенской жительницы, какою была я; личный интерес никогда не побудил бы меня к этому. После отъезда двора в Петербург я вернулась к своему обыкновенному образу жизни и в начале марта, как всегда, уехала в Троицкое.

На следующий год я поехала в Белоруссию, чтобы достроить и освятить новую церковь, сооруженную мною на большой площади в Круглом, а затем в июле месяце отправилась в Петербург, куда к тому же времени должен был приехать мой брат Семен. Каково было мое негодование, когда я услышала, что лица, окружавшие государя и обыкновенно враждовавшие между собой, однако в один голос поносили царствование Екатерины II и внушали молодому монарху, что женщина никогда не сумеет управлять империей. В противовес ей они восхваляли до небес Петра I, этого блестящего деспота, этого невежду, пожертвовавшего полезными учреждениями, законами, правами и привилегиями своих подданных ради своего честолюбия, побудившего

его все сломать и все заменить новым, независимо от того, полезно ли оно или нет; некоторые невежественные или льстивые иностранцы провозгласили его создателем великой империи, задолго до него игравшей бóльшую роль, чем та, которая выпала на ее долю в его царствование.

Я каждый раз, как представлялся к тому случай, откровенно и, может быть, слишком горячо высказывала свое мнение по поводу проповедуемых новых доктрин. Однажды все министры, составлявшие новое и несколько нелепое правительство, а также и некоторые из интимных друзей государя обедали у моего брата Александра; они навели разговор на Екатерину, критикуя вкривь и вкось все ее деяния, не умея отличить злоупотреблений, которые князь Потемкин допустил в военном деле, и недобросовестности или невежества исполнителей от чистоты и глубины намерений императрицы, всегда обращенных к благу и преуспеянию империи. Мой брат Семен присоединился к ним. Это вызвало во мне чувство, которое я не хочу и, пожалуй, теперь и не сумею описать. Моя речь, сказанная против этих нареканий, дышала искренностью и горячностью, как всегда в подобных случаях. Все это взволновало меня до такой степени, что я опасно заболела. Не могу не упомянуть, что дверь моя осаждалась посетителями и посетительницами, спешившими узнать о моем здоровье; я видела в этом доказательство любви и уважения, которые еще питали к памяти великой государыни и благодетельницы России.

Слова, произнесенные за обедом у моего брата, стали темой всех разговоров в городе; все приезжали выразить мне свое сочувствие. Я бы охотно обошлась без него, если бы исполнилась хоть одна моя мечта о счастье родины или хоть одна из истин, которые я старалась распространять, принесла бы плоды. Я нашла, что Петербург сильно изменился со времени императрицы. В нем были либо якобинцы, либо капралы; я умышленно употребляю слово «капрал», потому что все военные, от солдата до генерала включительно, только и занимались постоянными и многочисленными учениями и усвоением себе строгой военной выправки.

Я вернулась в Москву поздней осенью, но все-таки поехала еще в Троицкое; я была своим собственным архитектором, садовником и управляющим и, следовательно, не могла надолго отлучаться из Троицкого, так как земля требовала постоянных забот и ухода.

Я умолчу о нескольких последующих годах, не представляющих ничего интересного для читателя. Огорчения, поражавшие мое сердце, отягчали мою жизнь; они были такого свойства, что мне хотелось бы их скрыть от самой себя, и я не решаюсь рассказывать о них читателям. Император был столь милостив, что взял на себя уплату моего долга в банк; в конце августа 1803 г. сердце мое было утешено гораздо большей и драгоценной для меня радостью: прибытием мисс Вильмот [324], родственницы моей нежной и ближайшей подруги, m-me Гамильтон, дочери туамского епископа. Мисс Вильмот приехала ко мне в Троицкое и своими беседами, совместным чтением, кротостью и приветливостью внесла в мою жизнь тихие радости, бесценные и незаменимые для нежной дружбы и любознательного ума.

Я имела удовольствие познакомиться с отцом* этого ангела-утешителя, посланного мне небом и нежными заботами мистера Вильмота и m-me Гамильтон. Ее родители так заботливо развивали ее ум и сердце, что она вызывала восхищение всех людей, способных ее оценить. С какой радостью мое любящее сердце воздает ей должную справедливость и как глубоко оно ценит доверие ее родителей, отпустивших ее к женщине, нуждавшейся в смягчении ее жгучего горя и приветствовавшей окончание каждого дня как облегчение тяжкого и горестного бремени, которое судьбе угодно было наложить на ее печальную жизнь. Никогда, никогда не сумею я довольно вознаградить ее за все то, что она для меня сделала. Мое уединение стало для меня раем, и оно сделалось бы им в действительности, если бы... но это от нее не зависит.

Зато я для нее сделала то, чего от меня не могли добиться мои родственники и друзья и чего мне очень не хотелось: я написала эти мемуары, так как она этого

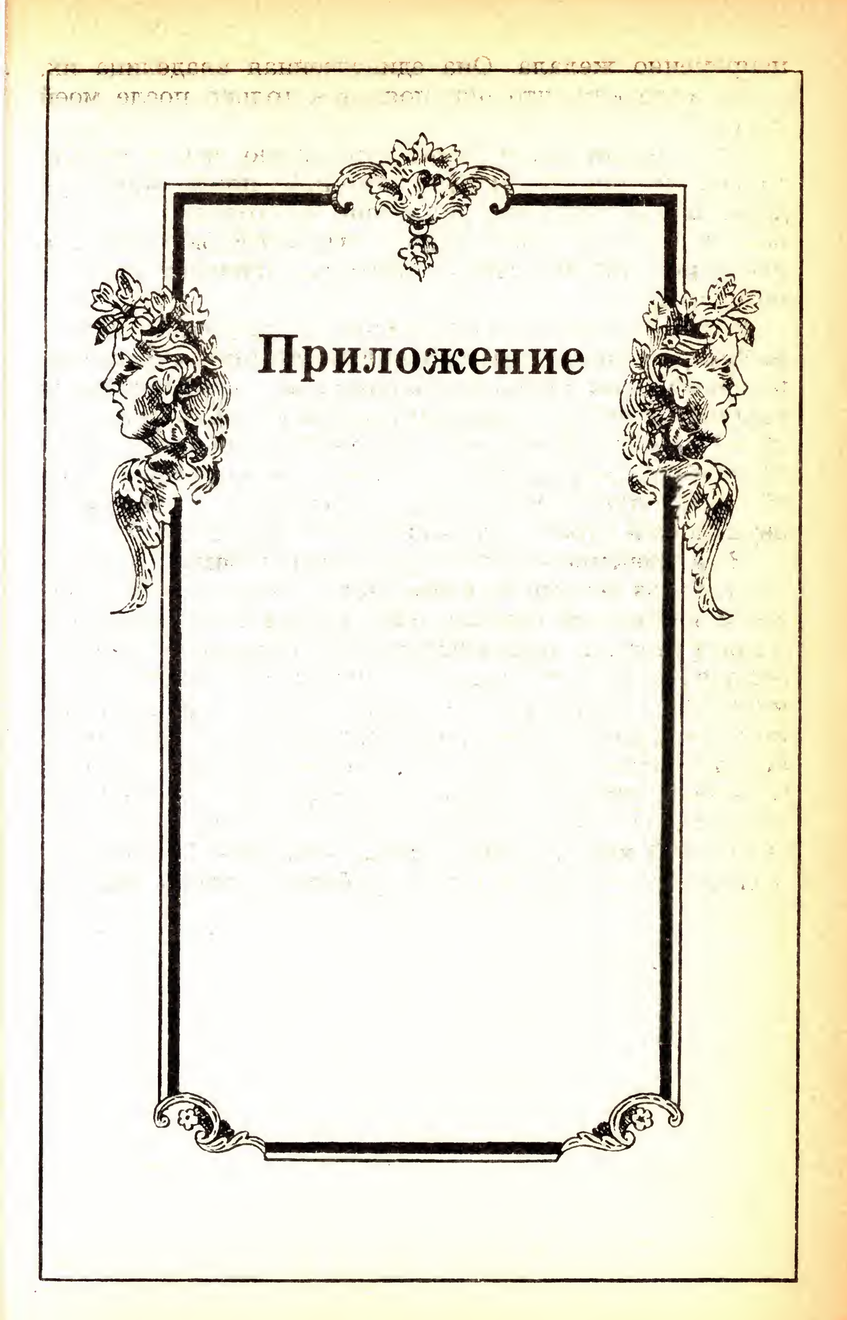
* И с некоторыми ее родственниками.

непременно желала. Она единственная владелица их, с тем условием, что они появятся только после моей смерти[325].

Заканчивая их, я смело утверждаю, что я писала только истинную правду, которой придерживалась даже в тех случаях, когда она не говорила в мою пользу, и пропустила только то, что могло бы повредить некоторым лицам; однако читатель ничего от этого не потерял.

Если я проживу еще некоторое время, я запишу разные случаи из царствования Екатерины, справедливо прозванной Великой, напомню все благодетельные начинания этой государыни и проведу параллель между ею и Петром I, которого ошибочно сравнивали с этой гениальной женщиной, стоявшей несравненно выше его и поднявшей Россию на высоту великой державы, внушающей страх и уважение всей Европе.

В заключение я могу сказать со спокойной совестью, что сделала все добро, какое было в моей власти, и никогда никому не сделала зла; я отомстила забвением и презрением за несправедливости, интриги и клеветы, направленные против меня; я исполнила свой долг по мере сил и понимания; со своим чистым сердцем и честными намерениями я вынесла много жгучего горя, которое вследствие моей слишком большой чувствительности свело бы меня в могилу, если бы меня не поддерживала моя совесть, свидетельствовавшая о чистоте моей жизни; я без страха и тревоги, бестрепетно и спокойно смотрю в глаза приближающейся смерти.

Приложение

РЕЧЬ, ГОВОРЕННАЯ ПРИ ОТКРЫТИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОКТЯБРЯ 21 ДНЯ 1783 ГОДА

Государи мои!

Новый знак попечительного о нашем просвещении промысла всеавгустейшей нашей монархини — вина настоящего нашего собрания. Содетельница толиких наших благ дает ныне новое отличное покровительство и российскому слову, толь многих языков повелителю. Вы, государи мои, знаете цену сего монаршего к Отечеству и сему собранию дара. Вам известны обширность и богатства языка нашего. На нем сильное красноречие Цицероново [1], убедительная сладость Димосфенова [2], великолепная Виргилиева важность [3], Овидиево приятное витийство [4] и гремящая Пиндара лира [5], не теряют своего достоинства; тончайшие философические воображения, многоразличные естественные свойства и премены, бывающие в сем видимом строении мира, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи: однако при всех сих преимуществах недоставало языку нашему предписанных правил, постоянного определения речениям и непременного словам знаменования. Отсюду происходили разнообразность в сопряжении слов, не свойственные, или паче рещи [6], обезображивающие язык наш речения, заимствуемые от языков иностранных. Учреждением сей императорской Российской Академии предоставлено усовершить и возвеличить слово наше препрославленному веку Екатерины Второй, ожидающей сего совершения от нашего собрания щедротою ее ободряемого и покровительством созидаемого.

Многоразличные древности, рассыпанные в пространствах отечества нашего, обильные летописи, дражайшие памятники деяний праотцев наших, каковыми немногие из существующих ныне европейских народов поистине хвалиться могут, представляют упражнени-

ям нашим обширное поле, на коем в самые сокровенности, предводящу нам лучезарному свету всеавгустейшей нашей покровительницы, проникнуть возможем. Звучные дела государей наших, знаменитые деяния предков наших, а наипаче славный век Екатерины Второй явит нам предметы к произведениям, достойным громкого нашего века. Сие, равномерно как и сочинение грамматики и словаря, да будет первым нашим упражнением. Сим да принесем великой монархине, матери отечества и нашей покровительнице, первую и чистейшую жертву благодарения.

Позвольте мне, государи мои, быть благонадежной, что вы не сомневаетесь о истинном моем признании к той чести, кою я, по благоволению монаршему, имею с вами в сем полезном для отечества учреждении сотовариществовать. Будьте уверены, что я всегда гореть буду беспредельным усердием (истекающим из любви моей к любезному отечеству), ко всему тому, что сему нашему обществу полезно быть может, и что неусыпною прилежностию буду стараться заменить недостатки моих способностей. За нужное считаю прочесть при сем первом нашем заседании первоначальные начертания, кои я имела счастие представить ее императорскому величеству с тем, чтоб вы, государи мои, могли сделать свои примечания и дополнили бы основание нашего установления. От вашей прозорливости, конечно, не скроется, что доклад мой был весьма несовершенен. Я в извинение себе вам представляю: первое, что я привыкла с толикою же доверенностию, как и благоговением беспримерной нашей монархини, коей душа сколь отлична, столь и снисходительна, повергать хотя несовершенные, но чистые намерения свои; второе, что я и не имела в виду и, не надеясь на себя, не льстилась такое полезное и славное учреждение быть в состоянии основать. В помощи ж вашей я надежду свою полагаю, и тем самым желаю искренне свое к вам почтение засвидетельствовать.

ТОИСИОКОВ

**КОМЕДИЯ
В
ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Г. Тоисиоков.
Г-жа Тоисиокова.
Г-жа Решимова, пожилая вдова, по-старинному одетая в черное платье.
Флена Осиповна, племянница ее, двоюродная сестра г-жи Тоисиоковой.
Г. Здравомыслов, друг г. Тоисиокова.
Лафлер, француз, камердинер.
Дворецкий.
Маша, Флены Осиповны служанка.
Пролаз, конюший г-жи Решимовой.
Андрей, слуга г. Здравомыслова.
Купец.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Явление 1.

Театр представляет кабинет, в коем г. Тоисиоков, сидя перед столом, разбирает бумаги, читает, перерывает, размышляет и начинает говорить.

Г. Тоисиоков.

Чем более человек умен и знающ, тем осторожнее; решительности убегает... По счетам сим ясно видно, что и дворецкий и Лафлер оба меня обманывают, но откинуть их не могу. Без французского камердинера, это правда, я бы мог обойтись; но как и без него быть? особливо теперь; ...он проворен... нужен... Другого плута отпустил бы, но чтоб не раскаиваться после, как то мне уже часто случалось. (*Читает и, перестав, говорит.*) Сего

счета я бы, конечно, не имел, если б не был женат; проклинаю тот час, в который мой друг убедил меня сей несчастный союз сделать. Осмотрись,— говорил он тогда,— чтоб нерешимостью своею не потерять того, чего внутренно желаешь. Я, правда, казалось любил ее тогда; но если б его и тетки ее докучность меня с толку тогда не сбила, я бы счастливее теперь был. Вчерась еще, я столь же сильно ею прельщался, как потом и ненавидел. (*Продолжает читать, а потом встает.*) Скучно этими бумагами заниматься, но я за дворецким послал, быть так. (*Садится.*) Кончить с ним хотя третьегодняшние счеты.

Дворецкий (*в сторону*).

Ведь кажется очень занялся, а решению никакому не бывать как не бывать. (*Кланяется г. Тоисиокову.*) Вы изволили меня спрашивать.

Г. Тоисиоков.

Да, я хочу неотменно окончить с тобою завалявшиеся счеты; а то, не сказав, сдерешь с меня проценты.

Дворецкий.

Как это, сударь? У меня денег нет, а хотя б и были, не в рост бы вам их отдал.

Г. Тоисиоков.

Строчку или нулик приписать стоит вашему брату добрых процентов.

Дворецкий.

Не статочное, сударь, дело [1].

Явление 2.

Г. Тоисиоков и Дворецкий.

Г. Тоисиоков.

Все в свете и статочно и не статочно; примемся однако за дело (*смотря на часы*), но мне уж пора ехать; нет, добро, читай. (*Подает ему расходную книгу.*)

Дворецкий (*читает*).

По случаю продажи, но после опять возвратно купленной вами деревни, на двойные пошлины две тыся-

чи рублей; за третью перестройку конюшни по счету архитектора семьсот рублей; по поручительству за француза... *(перестает читать).* Я истинно не запомню, сударь, имя его и для того не написал *(продолжает читать)* три тысячи рублей; госпоже Брюжжихиной за неустойку...

Г. Тоисиоков
(встав, выдергивает у него из рук расходную книгу).

Несносно, скоро ли конца дождусь?

Дворецкий.

Кончено уж, сударь, мне нечего читать, а после подозревать опять меня станете; сделайте милость, поручите господину Здравомыслову дела ваши в порядок привести.

Г. Тоисиоков.

Не всегда он здраво решит, и пословица нас учит: не скоро, да здорово. *(В сторону.)* Чтоб отвязаться от него, страницы две послушаю. *(Садится.)*

Дворецкий.

Сегодня присылал, сударь, купец спросить, когда прикажете писать купчую на продаваемый вами дом.

Г. Тоисиоков.

Да я уж отдумал дом продавать; он убежищем служить мне может, когда...

Явление 3.

Те же и Пролаз.

Пролаз.

Барыня моя приказала, сударь, кланяться и донести, что она скоро к вам прибудет; я ее за две упряжки отсель оставил.

Г. Тоисиоков *(в сторону).*

О неприятное посещение! *(Пролазу.)* Радуюсь, что тетушку увижу; какова она здоровьем?

Пролаз.

Никогда вы ее здоровее не видывали, кажется, будто бы помолодела.

Г. Тоисиоков *(в сторону).*

Тем злее замуштрует весь дом. *(К дворецкому.)* Прикажи прибрать для тетушки покои; нет, постой, я сам пойду; я жене скажу. *(Уходит и возвращается; дворецкому на ухо.)* Слушай, помни же ты и Лафлеру скажи, чтоб при этой гостье ни о чем мне не докладывать, а то она тотчас на всё свои решения давать станет. *(Уходит.)*

Явление 4.

Дворецкий и Пролаз.

Пролаз.

Что, брат, как поживаешь?

Дворецкий.

По прозванию нашему, так и живется.

Пролаз.

Как по прозванию?

Дворецкий.

И так и сяк. Господин мой скучал, как был в службе, скучает теперь в отставке; и то и сё желает, то и сё приказывает, и опять отдумывает; а наш брат угождай как знаешь, хотя ввек попасть нельзя на мысль; они у него, как шары, один другого прогоняет.

Пролаз.

Неужли воистину твой барин таков?

Дворецкий

А вот каков: барыню любит, всякий деньги у него выманивает, а ей не дает; теперь, знаешь ли, для чего решился пойти к ней? Для того только, что знал, что ее дома нет: а как тетушка изволит приехать, пуще с толку все собьемся.

Пролаз.

Нет, ты барыни не знаешь: хотя горяча, скора и упряма, но умна и сердцем отходчива. Надо, правда, умок, чтоб угодить ей; да твоя барыня, скажи пожалуй, и Флена Осиповна, что делают? Как в нерешимостях ваших обретаются?

Явление 5.

Те же и Маша.

Дворецкий.

Вот Машенька тебе на этот вопрос ответ даст, а мне еще с должниками нашими хлопотать надобно. *(Уходит.)*

Маша.

С должниками? *(Качает головой.)* А главный-то, я чаю, он сам; небось умел карманы свои набить. *(Пролазу.)* А! Здравствуй, давно ли здесь?

Пролаз.

Недавно, и госпожа моя скоро прибудет.

Маша.

Ахти!

Пролаз.

Испугалась нас, что ли?

Маша.

Не диво и испугаться; у ней все скоро, скоро, скоро; а у барина так: поди — постой — пошли — нет, погоди.

Пролаз.

Какая ты проказница!

Маша.

Да что ж не правда, что ли? Барин часто на память мне приводит тряпье. *(Смеется.)*

Пролаз.

Ха, ха, ха, что за тряпье?

Маша.

Я прежде служила у бумажной фабрикантши; тогда должность моя была с тряпками возиться, хотя из оных ни сшить, ни скроить нечего, только на перегной годятся; так то и он,— ни толку, ни решимости от него не добьешься. Самая он тряпка; иногда смешон, а иногда, коли сметь сказать, и противен. *(Смеется.)*

Пролаз.

Я знаю и сам, что у женщин решительный молодец скорее удачу получит. Да барыня и барышня твоя как ладят?

Маша.

Сам рассудишь: вчерась поутру господин наш отменно был ласков, нежен и горяч к жене своей; уверял ее, что они всегда бы в согласии жили, если бы она не следовала советам моей барышни; а после обеда, как она уехала, тогда прекрасную Флену превозносил до небес и советовал ей, чтоб она от сестрицы двоюродной отнюдь ничего не занимала, что она сама умнее, и что себя унижает, заимствуя от кого-нибудь.

Пролаз.

Это похоже на смутки [2].

Маша.

Нет, не думаю, он сам не знает, которая из них превосходнее, или которую он лучше любит; все по часам, а сестрицы между собою очень согласно живут, и, я чаю, сносятся; да беда, что барышня моя так скромна, что от нее ни слова никогда не узнаю.

Пролаз.

Как же ты, бедная, живешь? Девке да не знать всё, что барышня ее думает,— это грустно и необыкновенно; а я так всё знаю и до всего сам доберусь.

Маша.

И я таки не вовсе впотьмах живу; есть у нас Лафлер, который мне куры строит [3]; он от барина всё знает, не всё от меня притаивает; да и другие кое-что таки сказывают.

Пролаз.

Слыхал я об нем; госпожа моя говорит, что он великий плут, и если только приобрел господин, ездя в чужие краи, что его с собою вывез, то мало барыша ему из его путешествия будет. Но вот она сама.

Явление 6.

Г-жа Решимова, Маша и Пролаз.
Маша подходит и целует у г-жи Решимовой руку.

Г-жа Решимова *(вырывая руку).*

Где твоя госпожа? Ох, устала! Подай стул, кликни Фленушку, где ее сестрица? Что, муженек-то, по старому кубарит [4] ? Что же не отвечаешь? Истукан ты что ли?

Маша *(в сторону).*

Да как успевать отвечать. *(Г-же Решимовой.)* Барышня поехала, сударыня, с сестрицею гулять.

Г-жа Решимова *(топая ногами).*

Ну, ну?

Маша.

А барин, сударыня, дома, я пойду ему скажу о вашем приезде. *(Убегает.)*

Явление 7

Г-жа Решимова *(Пролазу).*

Готова ли спальня моя? Видел ли Фленушку? Отнес ли письмо к стряпчему? К сватье? Разведал ли, что надобно? Отыскал ли квартиру лекаря моего?

Пролаз.

Все исполнил, сударыня *(в сторону).* Ничего не бывало. *(Г-же Решимовой.)* Флену Осиповну только не видал.

Г-жа Решимова.

Для чего? Не успел что ли? Лени что ли здесь в доме успел набраться?

Явление 8.

Те же и г. Тоисиоков.

Г-жа Решимова.

А! Здравствуй, здравствуй, племянничек, как поживаешь? Здорова ли жена? Как уживается с тобою Фленушка моя? Разделался ли с должниками?

Г. Тоисиоков.

Позвольте мне, тетушка, прежде поздравить вас с благополучным приездом.

Г-жа Решимова.

Я комплиментов-то не люблю, дай сюды мне племянниц-то, дай.

Г. Тоисиоков.

Они поехали прогуливаться, сударыня.

Г-жа Решимова.

Хорошо сделали, ведь им дома-то, я чаю, тошнехонько.

Г. Тоисиоков.

Почему же-с?

Г-жа Решимова.

А вот потому, что вы по-старому, чай, то лижетесь, то спорите.

Г. Тоисиоков.

Когда человек и сам с собою не всегда согласен, быть может, то как же...

Г-жа Решимова.

Да споры-то все о пустом; неужли ей всегда потакать, когда ты сам себя мало знаешь; о сороке, мартышке, попугае, неужли не дозволено свое мнение иметь и свое словцо сказать; в важном деле — то иное, жена, конечно, должна повиноваться, а то в безделках да и сердиться; ребенок что ли ты? Я так Фленушке удивляюсь: на ее месте я давно бы от вас уехала.

Г. Тоисиоков.

Вольно вам, сударыня, так думать.

Г-жа Решимова.

Конечно, вольно, для того что я умею и знаю, как волю-то иметь; ты ведь один такой чудак, что воли одинакой не имеешь, а хочешь однако ж, чтоб тебе угождали; сердишься на жену по пустякам, по пустякам же опять и хвалишь и лобызаешь, как на ум взбредет; да добро, пошли-тка за женой.

Г. Тоисиоков.

Слышу-с. *(В сторону.)* С радостию ухожу. *(Уходит.)*

Явление 9.

Пролаз, г-жа Решимова и Лафлер.

Лафлер *(показавшись в ближних дверях).*

Il ne faut pas s'y frotter*. *(Прячется.)*

Г-жа Решимова.

Плут, мошенник, воротись, куда ушел? Чего испужался? Чучело я что ли? Этот бездельник... *(увидев Пролаза).* Да ты что здесь стоишь? *(Пролаз уходит.)* Этот плут Лафлер один бестолкового и недоверчивого моего племянника доверенность имеет; хотелось было мне...

Явление 10.

Г-жа Решимова, г-жа Тоисиокова
и Флена Осиповна.

Последние обе вдруг кидаются в объятия г-жи Решимовой и обе вдруг говорят.

Флена Осиповна.

Как я рада, тетушка, что вас увидела!

Г-жа Тоисиокова.

Как я счастлива, что вас дождалась!

---

* Не нужно здесь толочься *(фр.).*

Г-жа Решимова.

Я сама, дети, рада, что вас вижу. Как, Фленушка, поживаешь? А ты, матка, поди-ка да приготовь отдых старой тетке; от мужа ведь твоего я ничего толковитого не жду.

Г-жа Тоисиокова.

Я уверена, что он чрезмерно приездом вашим обрадован, и что уже все учредил для покою вашего; он вас, конечно, и любит и почитает.

Г-жа Решимова *(улыбаясь)*.

И, полно, он ведь и любить-то не умеет; да поди, поди, пожалуй, постель прикажи мне приготовить, я, право, очень устала.

Г-жа Тоисиокова уходит.

Явление 11.

Г-жа Решимова и Флена.

Г-жа Решимова.

Ну, мой друг, мы теперь одни: скажи мне, что ты и как ты? Ты знаешь, что я тебя люблю, для тебя больше и приехала сюда; не робей, сказывай, чем недовольна? Что тебе надобно?

Флена.

Мне по милости вашей ни в чем недостатка нет, и никаких неудовольствий не имею.

Г-жа Решимова.

Как-таки без досады, особливо с этою неодушевленною куклою, с зятюшком твоим!

Флена.

Вы сами лучше меня изволите знать, что различны нравы людские; снисходить же друг другу мы долг имеем.

Г-жа Решимова.

Что различны, то различны люди — это преумное твое слово; а снисхождение иметь к такому человеку,

который не только себя, но всех, в связи с ним, несчастными делает, не могу... нет, не могу.

Флена.

Как же быть, тетушка! Зять мой, конечно, не имеет разума, вашему подобного, ни вашей расторопности.

Г-жа Решимова.

Он не только мой ум, но и никакого не имеет; ты слишком добросердечна и снисходительна; я иногда крушусь о сестре твоей, но кто ж виноват? Сама выбрала, влюбилась в болвана и ускорила выбором своим мое решение. Ты, мое любезное дитя, не погуби себя так же, оставь мне определить твой жребий, положись на меня, пусть я за тебя решу.

Флена.

Я, конечно, во всем на вас полагаюсь и из воли вашей ни для чего не выступлю.

Г-жа Решимова.

Так, любезная, так, моя умница; да скажи однако ж, как они долгами своими перемещаются?

Флена.

Грустно думать, не только говорить о расстройке их: вы изволите знать, что ни пышности, нижѐ мотовства лишнего за ним нет, но со всем тем, если так всё пойдет, то имение их будет недостаточно на заплату долгов; меня состояние сестрицы чрезмерно печалит.

Явление 12.

Те же и г-жа Тоисиокова.

Г-жа Тоисиокова.

Почивальня ваша готова, после же отдыха вашего, когда прикажете, то и стол готов будет.

Г-жа Решимова.

Хорошо, пойдем, проводите меня в мою комнату.

Все уходят.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Явление 1.

Лафлер *(один)*.

Ну есшо штук сыграть, и Monsieur *Лафлер может доволен бить, фортун сделан, деньги есть. Давиша мосье приказал мне мамзель Флен превенировать [5] о его любви, хотел дать письмо, раздумал; n'importe **. Благ мене открылся, я интриг заведу, а барыш достану, поеду à Paris *** и буду смеяться на эта famille ****. Теперь нада выиграл, мамзель Машенька, нада искусна поступка. (*Уходит.*)

Явление 2.

Пролаз и Андрей.

Андрей.

Как я рад, что приезд моего господина мне встречу старого друга Пролаза доставил. Помоги же мне в сем доме. Инструкция моя предписывает мне вручить письмо барышне так проворно, чтоб никто отнюдь еще не знал о приезде нашем.

Пролаз.

Да на что тебе лучше Маши; разве старый ваш лад разладился?

Андрей.

Авось и нет, но как крепко надеяться на девичью правду? Далеко из глаз, далеко из сердца,— пословица говорится; заботясь о приказании господина моего, я и не успел спросить тебя об ней?

---

* господин *(фр.)*.
** не важно *(фр.)*.
*** в Париж *(фр.)*.
**** семья *(фр.)*.

Пролаз.

Она по-старому хороша, весела, и Лафлер за ней приволачивается.

Андрей.

Да она как, мигается с ним, что ли?

Пролаз.

Не узнаешь, ведь и любви хоть не чувствуют городские девушки, а любят иметь прихлебателей за хвостом; сам лучше спознаешь.

Андрей.

Поведи же меня к ней, но не погуби меня и барина; не сказывай своей госпоже ни о приезде нашем, ни о моем посольстве.

Пролаз.

Даю тебе мое слово; ведь она не знала об вас, следственно, и не имел я приказания за вами подсматривать. (*Уходят оба.*)

Явление 3.

Маша (*одна*).

Услышала стук приезжих, побежала к барину в кабинет, чтоб из окна посмотреть, письмецо под ноги попалось, прочла надпись на имя барышни моей, а приезжего тем прозевала; уж хотя б узнать, что в письмеце-то написано; ...хочется очень распечатать, но боюсь барышни, такие проповеди мне за это наскажет, уж куда умна... Ба, ба, ба! Кого я вижу?

В то время Андрей входит.

Явление 4.

Маша и Андрей.

Андрей.

Верного своего Андрюшу. Ты по-старому ль ко мне милостива?

Маша.

Полно, не наше с тобою дело, мы ведь не господа, чтоб переменяться и неверностью щеголять. Да скажи, каким счастьем тебя сюда занесло?

Андрей.

Не ветром ведь; барин приехал и прислал меня с письмом, которое вручить надо, как гласит моя инструкция, поскорей и прежде, нежели кто здесь узнает о нашем приезде.

Маша.

Ведь, верно, к барышне моей; подай сюда, я твое дело сделаю. Она теперь за столом, а мы с тобой еще балы поточим [6]; после ж ты уберись домой, а я госпоже своей письмо тотчас отдам.

Андрей.

Всем сердцем рад с тобою раздабарывать [7]; но скажи, что за Лафлер у вас? К тебе он, сказывают, подъезжает?

Маша.

Не бойся этого соперника; ведь я знаю, что он как волк все к лесу глядит; как побольше господина оберет, так и уедет в свою отчизну; я от скуки его слушаю и над ним смеюсь.

Андрей.

То-то, то-то, да не очень ли тебе с ним весело?

Маша.

Экая беда, пустое; скажи-ка лучше своему барину, чтоб он его подкупил; он за деньги все скажет и все сделает.

Андрей.

На что нам такие подкопы? Мы честно, грудью хотим взять.

Маша.

Поверь же мне, что нужда будет; я сейчас подняла письмо, которое утверждает меня в догадке моей; но

я слышу, что стульями застучали, знать встали из-за стола, убирайся, убирайся.

Андрей.

Прости: как смеркнется, приду к тебе за ответом.

Оба уходят.

Явление 5.

Г-жа Решимова, г-жа Тоисиокова, г. Тоисиоков и Флена.

Г-жа Решимова.

По-моему так, какой-нибудь да нрав лучше, чем никакого не иметь: как бы крут ни был,— захочешь, так подладишь; а вертушка жестяная, да деревянная хороша, а не с руками и с ногами.

Г. Тоисиоков.

Эм... так, сударыня, но и упрямство куда тяжело! А особливо, когда вследствие скоропостижного решения.

Г-жа Решимова.

Это ты, батька, из книги какой-нибудь выбрал; иные наветки [8]-то не у места бывают, да хотя б ты тарабарскую грамоту [9] разобрал, и начитался бы; а как своего царька (*указывая на лоб*) в голове нет, так все-таки жить с порядком не будешь уметь.

Г. Тоисиоков (*в сторону*).

Быть льстить ей и сносить ее грубости.

Г-жа Решимова.

Шепчи хоть не шепчи, я исстари слыла баба с головою.

Г-жа Тоисиокова.

Муж мой, конечно, согласно со всеми вас таковою почитает.

Г. Тоисиоков.

Без сомнения; я уверен, что вы в младенчестве и в молодости на других никак не походили и превосходным разумом блистали.

Г-жа Решимова.

Ошибалась, как и другие, но скоро опять прямой след находила; в том-то и разница. Вот вам скажу, как вышед ребенком замуж, я криво было поняла, как в супружестве утвердить благоприязнь и мир. Сядемка: тебе, Фленушка, эта речь пригодится. (*Берет стулья, тетку усаживают и сами садятся.*)

Флена.

Всегда с почтением и с удовольствием вас, тетушка, слушаю.

Г-жа Решимова.

Пятнадцати лет по любви и с родительским благословением вышла я за дядю вашего; он, покойник-свет, был преумный человек, никогда из воли моей не выступал; а как мы чрезмерно друг друга любили, вздумали, что городское пребывание суетно и препятствует к наслаждению взаимной нашей горячности, поехали в деревню: там, дескать, мы одни будем и беспрепятственно станем друг другом утешаться. Первые пять-шесть дней хорошо шло, друг другу вселенную заменяли; но скоро после приметила, что он, свет, зевает, а и меня, матка, зачала мучить. Не поехать ли в город? — сказала я. Он тотчас согласился.

Явление 6.

Те же и Лафлер.
Делает господину своему знаки и мигает.

Г-жа Решимова (*увидя то*).

Зачем он? Этого плута валe-де шама[10] вмиг бы со двора столкала.

Г. Тонсиоков.

Allez-vous-en * (*Лафлер уходит*).

Г-жа Решимова.

Где бишь я, дети, остановилась?

---

* Пойдите прочь *(фр.)*.

Флена.

Когда вы изволили намеряться в город возвратно ехать.

Г-жа Решимова.

Ну-с, поехали мы в город; и чтоб не подвергнуться той же скуке, стали разъезжать он в сторону, а я в другую. Поутру в лавки, да на гулянье, потом спешу одеться, чтоб обедать в гостях, после в комедию, оттуда на бал; с утренней зарей домой возвратимся, так измучены, так устанем, власно [11] избитые; а веселья прямого и удовольствия нимало не находили. Продлилось это несколько времени, тут я спохватилась и решила, заметьте, я решила, что...

Лафлер (вбегает опять и делает господину знаки).

Г-жа Решимова (*увидя*).

Не велит он тебе со мною сидеть, что ли? Так попроси у него на то дозволения.

Г. Тоисиоков.

Как этому статься, тетушка! Он знает, что у меня зубы болят и думает, что он мне нужен. (*Машет рукою Лафлеру, тот уходит.*)

Г-жа Решимова.

Да поди, поди себе и раздабарывай с ним; я племянницам доскажу, как решиться кстати я и в молодости умела; тебя ж ведь ничто уже не исправит, так на что тебе и слушать нас?

Г. Тоисиоков (*держа рукою щеку*).

Позвольте и мне, сударыня, пользоваться вашими нравоучениями.

Г-жа Решимова.
(оборачивает спиною стул к г. Тоисиокову).

Где, бишь, Фленушка, я остановилась, как плут-то мне помешал?

Флена.

Вы изволили решение какое-то...

Г-жа Решимова.

А! Помню, помню; мы, друг мой,— сказала я свету,— слишком были вместе, потом слишком были розно, вдаваяся в крайности, отдалилися от истинного пути; нам скучно было оттого, что не в меру были уединенны, что слишком беспосредственно были вместе; нам скучно потом было оттого, что слишком были в людях и чуждались друг друга; все в меру хорошо; не будем как неподвижные статуйки друг против друга сидеть, не будем также и бегать друг от друга. Он решение мое принял за закон, и слишком тридцать лет после того счастливо и согласно жили. Вот видите, как я на прямой след опять попасть умела!

Явление 7.

Те же и Пролаз.

Пролаз.

Стряпчий ваш и лекарь приехали.

Г-жа Решимова.

Поведи их в мою комнату. (*Она и Пролаз уходят.*)

Явление 8.

Г-жа Тоисиокова, Г. Тоисиоков и Флена.

Г. Тоисиоков.

Я думал, рассказы ее ввек не кончатся.

Г-жа Тоисиокова.

Для чего не имеешь к ней того снисхождения, которое ты к меньше достойным предметам имеешь?

Г. Тоисиоков.

Для чего? для чего? Не вздумай и ты мною повелевать; мне уж и от ее одной скучно. (*Уходит.*)

Входит Маша и вызывает на ухо Флену.

Флена (*Г-же Тоисиоковой*).

Пожалуй, не уходи; я тотчас возвращусь.

Явление 9.

Г-жа Тоисиокова (*одна*).

Не знаю, чему приписать несчастную противу меня перемену мужа моего; она тем более для меня мучительна, что я должна скрывать смущение свое, чтоб не усугубить тетушки моей к нему ненависти... Если бы Здравомыслов здесь был, он бы мог своими советами нас сблизить... Нечаянно сведала я, что долги мужа моего превышают все, что я о них представляла... На что ж от меня таить то, в чем участие я принимать должна? Но терпение, терпение есть одно для меня убежище.

Явление 10.

Г-жа Тоисиокова и Флена.

Г-жа Тоисиокова.

Что ты так, сестрица, смутна?

Флена.

Я не знаю, для чего это тебе кажется!

Г-жа Тоисиокова.

Давно ли ты начала скрывать свои чувства от друга, от сестры, которая тебя любит?

Флена.

Тягостно б было для меня, сокрытые от тебя питать мысли; я тебе откроюсь, но обещайся мне, несколько времени не сказывать то своему мужу; я имею на это причины, и самое мое счастие от твоей скромности зависит.

Г-жа Тоисиокова.

Непонятно для меня, но я обещаю тебе все, что ты хочешь.

Флена (*ища письма, в сторону*).

Одно письмо ей покажу, а о другом потщусь [12] скрыть во всю жизнь. (*Вынув письмо из кармана и держа в руке.*) Ты давно уже подозревала, что Здравомыс-

лов меня любит; вот письмо от него, которое мне теперь Маша вручила. (*Отдает письмо, читает про себя г-жа Тоисиокова.*) Признаюсь, что я его всем другим предпочитаю, но...

Г-жа Тоисиокова (*отдавая ей назад письмо*).

Я еще не вижу причины, отчего тебе быть смущенной или печальной.

Флена.

Разве забыла ты нрав тетушки? Довольно для нее узнать, что я его назначаю своим супругом, чтоб сей брак ей противен сделался и чтоб его возненавидеть, а на меня прогневаться. Надобно стараться, чтоб она его сама полюбила и прежде, нежели сведает о нашей любви, избрала бы мне его мужем.

Г-жа Тоисиокова.

Хотя сие сопряжено с трудностями, но отчаиваться причины я не вижу.

Флена.

Манить себе я не умею, но не отступая от долгу своего, буду ожидать своего жребия с возможным терпением; теперь напишу к нему ответ, и как пристрастие мое к Здравомыслову основано на его достоинствах, то стыдиться оным не могу; почитая же его, и скрывать того не стану, с тем однако, что он должен быть уверен, что без согласия тетушки я женою его не буду.

Г-жа Тоисиокова.

Покуда ты писать будешь, я к себе пойду. *(Уходит.)*

Явление 11.

Флена *(одна, садится, пишет, потом перестав).*

Сколь ничтожен мне зять мой ни казался, но сей развратности я в нем не полагала; он мог вздумать преклонить меня к себе в любовь? Это несносно... это

было бы обидно от мыслящей твари, но от него теперь я всего ожидаю. Совершенное презрение к нему я только себе дозволяю. Несчастная сестра! от нее и от тетушки потщусь навеки скрыть его письмо, найденное Машею, которое более всего побудило меня написать ответ к Здравомыслову; пошлю его поскорее. *(Уходит.)*

Явление 12.

Г. Тоисиоков.

Тысячу неприятностей стекаются вдруг, чтоб меня взбесить; правда, что не было никакой мне нужды за Изгадкина ручаться: ни я с ним друг, ни я его люблю, а теперь плати за него семь тысяч, когда два другие векселя уже протестованы. Чванство и угождение меня часто вовлекают в хлопоты; теперь надо улестить дворецкого моего и дни два по его дудке плясать, чтоб он спроворил и денег мне сыскал... При том боюсь, чтоб дражайшая тетушка не сведала, сколь расстроено мое имение. Пойду к жене, выведаю от нее, не проведала ли чего? *(Идет к дверям.)* Да хотя б и сведала? *(Ворочается назад.)* Пойду лучше к прекрасной Флене *(идет к другим дверям).*

В то время входит г-жа Решимова и, видя его из стороны в сторону переходы.

Г-жа Решимова.

Какой колеблющийся чудак, ни из короба, ни в короб; ха, ха, ха, стань посредине, так и будешь тот осел, который между двух кулей овса, с голоду умер, не умея решиться, из которого ему есть.

Г. Тоисиоков, приметя, что г-жа Решимова его видела, убегает и хлопает дверью.

Он же и взбесился? Не стоит моего терпения; пойду расхлещу его в прах, авось хоть что-нибудь ему в голову вобьется.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Явление 1.

Лафлер и дворецкий
Пролаз, войдя и увидя их, прячется под стол и подслушивает.

Лафлер.

Eh bien*, каспадин тварецки, тот вексель, котора ты хати продаваить, пошел ли в работ?

Дворецкий.

Пошел, пошел, да только не с такими выигрышами, с какими мы хотели; ты, господин француз, боле выиграл.

Лафлер.

Ну, мы с тобой делай после сшот.

Дворецкий.

Я, право, рад бы при своих остаться.

Лафлер.

Перестань, à d'autres**. Как, што дом?

Дворецкий.

Ведь ты знаешь, что мы перезаложили его другим, чтоб скрыть ради дурных случаев, что мы с тобой заимодавцы; уже и срок пришел; пойдем-ка теперь к нотариусу и окончим по векселю нашему.

Оба уходят.

Пролаз *(выходя из-под стола)*.

Добро, плуты! достанется вам; я все перескажу госпоже своей.

Уходит.

---

* Хорошо *(фр.)*.
** рассказывай другим *(фр.)*.

Явление 2.

Г. Тоисиоков и г. Здравомыслов.

Г. Здравомыслов.

Удивляюсь, как, не любя человека, для него расстраивать свое состояние, и как, любя человека, его порицать? Что ты сделал для Изгадкина, и как ты о жене своей говоришь, мне непонятно.

Г. Тоисиоков *(с насмешкою)*.

Не все так тверды, как вы; и пирамиды Египетские[13] в пременном первобытному их состоянию!

Г. Здравомыслов.

Здесь пирамиды не у места; свычка[14], которую я с малолетства с тобою имею, а не дружба, потому что ты, я вижу, ощущать ее за тягость бы себе счел; свычка, говорю я, во мне еще действует и искренним противу тебя делает.

Г. Тоисиоков.

Не сердись, пожалуй, лучше помоги мне: ведь ты не все еще мои приключения знаешь... Чтоб нравиться некакой даме, я по утрам ханжил[15], а чтоб скуку эту наградить и другим понравиться, я в карты проигрался...

Г. Здравомыслов.

Что далее, то лучше! Давно ли ты картежник стал? Как, будучи внутренне скупцом, промотаться, и с твоим имением не уметь жить!

Г. Тоисиоков.

От тебя я не скрываю: ты уже меня знаешь, но подчас и с тобою в очевидном бы поспорил; такой мой нрав, что делать!

Г. Здравомыслов.

Что делать? Перемениться.

Г. Тоисиоков.

Ха, ха, ха, перемениться.

Г. Здравомыслов.

Да, перемениться, хоть смейся хоть нет; положение твое таково, что не одну бедность, но и порицание на себя навлекаешь; если в тюрьме сидеть за ничто считаешь, однако жену ввергать права не имеешь.

Г. Тоисиоков.

И впрямь худо мне приходит, испужал и огорчил ты меня... Поеду к заимодавцу своему просить, чтоб обождал в платеже, пока доходами или каким другим переворотом извернуся. Дождись, пожалуй, меня здесь.

Уходит.

Явление 3.

Г. Здравомыслов.

Чем более его вижу, тем менее похвалить могу выбор молодости; я тогда думал находку и друга в нем сыскать, ныне стыдился бы и знакомство с подобным ему сделать; теперь он испужался, а чрез минуту опять забудет.

Явление 4.

Г. Здравомыслов и Флена.

Г. Здравомыслов.

Не нахожу слов, чтоб изъяснить вам, сударыня, благодарность мою. Письмо ваше меня совершенно счастливым сделало; оно подобно зраку вашему благородно, искренно и скромно.

Флена.

Хотя притворствовать я не умею, но я бы еще не открыла вам, сколь ваша любовь мне драгоценна; обстоятельства требовали, чтоб я вам душу свою обнажила, но желаемого успеха чтоб достигнуть, вам должно с доверенностию, которой я потщуся быть

достойной, повиноваться на время моей воле, а именно: никакого шага без согласия на то моего не делать; прогневать тетушку я страшуся; старайтесь ее милость снискать: но вот она сама идет, не время ей еще о нашем намерении объявить.

Явление 5.

Те же и г-жа Решимова.

Г-жа Решимова *(кланяется Здравомыслову).*

Давно ли в городе?.. О чем говорили?

Г. Здравомыслов.

Сей час, сударыня, приехал; осведомлялся ж о племяннике вашем.

Г-жа Решимова.

Да, ведь вы бишь ему друг, отцы ваши поделом друг друга любили; я вашего отца знала, он был человек разумный, не был бы он другом такой кукле, как племянник мой.

Г. Здравомыслов.

Отец мой счастлив был, когда вы такое мнение о нем имели; о Тоисиокове ж осмелюсь в извинение сказать, что хотя его поступки неосновательны, но он добрую имеет душу.

Г-жа Решимова.

Он, добрую душу? Он?.. да коли есть у него душишка, то она так в нем без действия, так мала, как цифра, которую вывесть можно из задачи, что в ребячестве нам задавали, семь без четырех, да три улетело: сколько, батюшка, осталось?

Г. Здравомыслов.

Я не предпринимаю его защищать перед вами.

Г-жа Решимова.

Хорошо делаете. Жена его хоть скрывает свою печаль, но видно, что оная ее снедает.

Явление 6.

Те же и г. Тоисиоков.

Г. Тоисиоков.

Отдохнули ли, сударыня, после беспокойной дороги?

Г-жа Решимова.

Телесный отдых скорее доставить можешь, нежели душевный; а духом я измучена.

Явление 7.

Те же и Маша *(вбегает и говорит Флене).*

Помогите барыне возвратить жизнь, я с полчаса одна с нею, не знаю, что делать, очень занемогла.

Уходит.

Флена.

Что с нею сделалось? Позвольте, тётушка, к ней пойти.

Г-жа Решимова.

Побеги, мой друг, я сама за тобою пойду.

Уходят.

Явление 8.

Г. Здравомыслов и г. Тоисиоков.

Г. Здравомыслов.

Ты что здесь остался? Ни жалости, ни благопристойности не сохраняешь!

Входит Лафлер.

Лафлер.

Мадам занемок, изволи итти к ней. *(Уходит.)*

Явление 9.

Г. Здравомыслов *(один)*.

Странный человек! Ни жалость, ни собственное к себе и к тетке почтение не удобно было его привесть в малейшее движение; а подлец и плут его слуга, как ребенка, его туда послал... Мне здесь остаться теперь будет непристойно; домой пойду и буду водим разумом и добродетелью, когда прелестная Флена будет мною руководствовать.

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явление 1.

Г-жа Решимова и Пролаз.

Г-жа Решимова.

Что ж, успел ли что сведать?

Пролаз.

По приказанию вашему, все хитрости употреблял и ни минуты не потерял, чтоб узнать все, что в этом доме делается.

Г-жа Решимова.

Ну что ж скажешь?

Пролаз.

Госпожа тужит, а господин часом скуп, часом тороват [16], весел и грустен, любит и ненавидит, горд и низок на одном часу.

Г-жа Решимова.

Это я все без тебя знаю.

Пролаз.

А Флену Осиповну все хвалят, почитают и любят.

Г-жа Решимова.

И это-таки знаю.

Пролаз.

Проведал я также, что многие векселя бариновы Лафлером доведены в третьи руки, и что он доверенностию господскою карманы свои потуже старается набить и уехать, товарищ же ему и помощник в плутнях дворецкий.

Г-жа Решимова.

А болван-то не видит и их двух только и слушает. Постарайся достать какое-нибудь доказательство, которым бы могли ему глаза насильно раскрыть; разведай все что можешь.

Пролаз.

Приказане ваше с усердием и не замедля исполню. *(Уходит.)*

Г-жа Решимова.

За усердие и повиновение его другие недостатки в нем прощаю.

Явление 2.

Г-жа Решимова, г. Тоисиоков и Флена.

Г-жа Решимова.

Скажи, пожалуй, что за находку ты в французе своем находишь?

Г. Тоисиоков.

Он, сударыня, усерден, проворен и лучше наших слуг угодить умеет.

Г-жа Решимова.

Угодности свои дорого, я чаю, и продает; знаешь ли ты, что он тебя обирает и что большая часть твоих долгов им перепродана в другие руки?

Г. Тоисиоков.

Не могу верить этому, сударыня, вы противу его убеждены.

Г-жа Решимова.

Терпение теряю.

Г. Тоисиоков.

Очень хорошую вещь теряете.

Г-жа Решимова *(к Флене).*

Подумай, мой свет, как отвечает! *(К Тоисиокову.)* Добро, бестолковая голова, я скоро, может быть, с доказательством твоего легковерия ворочуся. *(Уходит.)*

Явление 3.

Флена и г. Тоисиоков.

Г. Тоисиоков.

Тетушке все ненравно, что мне надобно; но я мало бы печалился, если бы прелестная и любимая ее племянница иначе противу меня была расположена.

Флена *(с пренебрежением).*

Мое о вас мнение не должно вами быть так уважено, как заключение тетушкино; я удивляюсь, что вы так мало стараетесь приобресть ее к себе милость.

Г. Тоисиоков.

Я, кажется, стараюсь, да как угодить ей? Ну что ей бедный Лафлер сделал? Я его кликну. *(Кличет.)* Гей, Лафлер! — и вы, верно, услышите его оправдание.

Явление 4.

Лафлер и те же.

Флена.

Я никакого желания не имею быть свидетелем сего исследования и пристойности в том не нахожу. *(Уходит.)*

Г. Тоисиоков.

Меня теперь уверяли, что ты меня обманываешь и что под чужими именами во многих моих долгах ты мой заимодавец.

Лафлер.

Кто уверяй вас?

Г. Тоисиоков.

Тетушка.

Лафлер.

Я ошин нешастлив, шесно вам служи, угождай, а мадам Решим бранит. *(Плачет.)*

Г. Тоисиоков *(с усмешкою).*

Да ведь я ей не верю; она обо мне думает, что я пошлый дурак и что всякий меня проводить может.

Лафлер.

Он не снай ваш разум, што косподин aimable*.

Г. Тоисиоков.

Поди, будь спокоен, я ничему дурному об тебе не поверю.

Уходит.

Лафлер.

Вы сам умен, знай луше всяки люди.

Явление 5.

Лафлер *(один).*

Я не снай, как узнаит эта Madame Решим. Кажиса, я не скажи никому? Il faut partir**; Машенька я льюблю.

---

* Здесь: со всеми любезен *(фр.).*

** надо уезжать *(фр.).*

Явление 6.

Лафлер и Маша.

Лафлер.

Машѝнька, любишь ти деньга?

Маша.

Я в них по уши влюблена.

Лафлер.

Я думай ти луче люби шаловек, котори деньга имеи?

Маша.

Да и то не худо, коли шаловек-то того стоит.

Лафлер.

Карош ли такой, как я?

Маша *(в сторону).*

Стану хвалить, что-то из этого выйдет... *(Лафлеру).* Очень карош.

Лафлер.

Ти шутитса на мене кочешь; эта неправда?

Маша.

Как неправда? Лафлер, да деньги! Что может быть этого лучше?

Лафлер.

Ти велика плутовка!

Маша.

Ти велика плут!

Лафлер.

Ну, так ми с тобой пара. Я качу знай, красависа, льюбишь ти мене?

Маша.

А это на что вашей милости?

Лафлер *(давая деньги ей).*

Ошень натабна?

Маша *(хватая деньги).*

Люблю, очень.

Лафлер.

Кочешь са мной ехать à Paris?

Маша.

Там и без меня много.

Лафлер.

Я шенитса на тебе и ми будем шить, слов слово, как смеятса; пожалиста, кочешь?

Маша *(в сторону).*

Какая удача! Мы его проведем... *(Лафлеру).* Ну быть так, я соглашаюсь.

Лафлер.

Bon*, прошай!

Уходит, не видя Андрея,
который входит в то время с купцом.

Явление 7.

Маша, Андрей и купец.

Андрей.

Ты, конечно, с этим иностранным плутом от скуки забавлялась?

Маша *(усмехаясь).*

Прощай, Андрей, я еду а Пари́.

Андрей.

Куда это а Пари́?

Маша.

Я выду замуж за Лафлера и поеду с ним во Францию.

---

* хорошо *(фр.).*

Андрей.

Полно французить-то; эта шутка трогает меня за живое.

Маша *(показывает ему кошелек)*.

Вот уж и задаток!

Андрей *(с презрением)*.

Вот каковы девки! Они продают сердчишки с молотка; кто больше дал, тот и взял; небось, голубка, не уедешь, мы его здесь позадержим. Он прежде посидит в Русской тюрьме, так вот тебе и а Пари́.

Купец.

Хе... хе... Проворен-ста этот молодчик, да что ведь и говорить! Француз ведь знает, как срывать со всего барыши; не довольно, что обобрал господина, да и сманивает эту честную девицу.

Маша.

Небось, не сманит.

Андрей.

Да какие же это у тебя деньги?

Маша.

Куда ты догадлив! Разве ты не понимаешь, что деньги я с него взяла и за это его обещанием только подарила. Обманщика обмануть дозволяется.

Андрей.

Верить-то вам не очень можно.

Купец.

Как тебе, братец, не стыдно сумневаться? Неужели-таки ее слово не имеет и кредиту?

Андрей.

Да не велик, ваша пречестность.

Явление 8.

Те же и Пролаз.

Пролаз.

А! уж вы и здесь... *(Андрею.)* Спасибо, брат, что детину-то привел.

Андрей.

Прощайте ж, мне надобно к господину итти. *(Уходит.)*

Пролаз *(купцу).*

Не стыдно ли тебе промышлять сим ремеслом и покупать у плута векселя?

Купец.

Отруби-ста ту руку по локоть, которая добра себе не хочет. Дешевенькое-то всякому по зубам; а я почему знал, что хозяину здешнего дома твоя барыня придется тетка?

Явление 9.

Те же и г-жа Решимова.

Г-жа Решимова *(Маше).*

Ты зачем здесь? Пошла! *(Маша уходит.)* Ну что, Пролаз, сыскал ли ты, чем укорить Лафлеровы плутни? *(Увидя купца.)* А ты зачем здесь?

Пролаз

Это купец, сударыня, который купил у Лафлера векселя вашего племянника.

Г-жа Решимова.

А еще знакомый! Не думала я от тебя, чтоб ты был таков.

Купец.

Ваше высокородие, изволите знать, что наш брат и хлеб тем достает; а я не знал, что его милость-векселедавец вашему благородию свой приходится, а то бы за ваши ко мне милости сделал бы это?

Г-жа Решимова.

Худым же хлеб ты достаешь. Купец много имеет честных способов распространить свою торговлю.

Купец.

Да к тому, ваше сиятельство, потребен знатный капитал.

Г-жа Решимова.

Нет, не знатный капитал, а добрая совесть и прилежание; добро, добро, где же векселя-то?

Купец.

Я их купил, милостивая государыня, за наличные у Лафлера; вот его и расписка в получении, я вашему высокородию ее вверяю. Истинно, ваше сиятельство, не знал, что векселя родственника вашего.

Г-жа Решимова *(взяв расписку)*.

Ну хорошо, хорошо, поди себе.

Купец.

Счастливо оставаться. *(Уходит.)*

Явление 10.

Г-жа Решимова и Пролаз.

Пролаз.

Я по приказанию вашему сведал еще, сударыня, что Здравомыслов влюблен в Флену Осиповну.

Г-жа Решимова *(с сердцем)*.

Так вот он почему друг бестолковому моему племяннику. А Флена-то любит ли его?

Пролаз.

Этого никто не знает.

Г-жа Решимова

Так я узнаю, позови-ка ее сюда... Смотри, пожалуй, какие ныне люди: дружатся с зятем затем, чтобы

подманить свояченицу. Дам же я ему знать, ежели успел он склонить и Фленушку; но я не думаю, чтоб ему удалось обольстить ее. Она у меня по ниточке маленькая ходила.

Явление 11.

Г-жа Решимова и Флена.

Г-жа Решимова.

Я узнала, Фленушка, такую новость, которая мне не очень приятна. Здравомыслов, сказывают, любит тебя; что ты так пасмурна, скажи искренно, любишь ли ты его?

Флена *(в сторону).*

Как отвечать?.. Я могу вас уверить, что я без воли вашей ничего делать никогда не предприемлю.

Явление 12.

Те же и г. Здравомыслов.

Г. Здравомыслов.

Не помешал ли я вам, сударыня?

Г-жа Решимова.

Нет-с, потому что мне в своей комнате с Фленушкой дело есть. *(Флене.)* Пойдем! *(Уходит.)*

Явление 13.

Г. Здравомыслов.

Что это значит? Прогневать я не мог, я ни в чем не проступился; но докучать не надо, ее нрав более умягчается повиновением. На прекрасную ее племянницу надежду свою полагаю; пойду однако ж, постараюсь узнать причину холодного сего приема.

Конец четвертого действия.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление 1.

Г-жа Тоисиокова и Флена.

Флена.

Не могу понять, от кого тетушка могла сведать, что Здравомыслов ко мне имеет привязанность.

Г-жа Тоисиокова.

Я сама этому очень дивлюсь, и я уверена, что ты не подумаешь, чтоб я это ей сказала.

Флена.

Я никогда того и в мыслях не имела; сколько ж я ни старалась скрыть чувствования моего сердца, однако ж, имея от природы отвращение к обманам, думаю я, что тетушка, быв проницательна, конечно, читала то на лице моем, что у меня хранится на сердце.

Г-жа Тоисиокова.

Не меньше твоего и я несчастлива: я не любима моим мужем; все мои угождения не могли возвратить мне прежней его горячности.

Флена.

Ты понапрасну много беспокоишься; он тебя любит; холодность его происходит оттого, что во всех его поступках нет связи; надобно надеяться, что ты увидишь его со временем достойным тебя.

Явление 2.

Г-жа Тоисиокова, Флена и г-жа Решимова.

Г-жа Решимова.

О чем вы здесь две сестрицы разговариваете?.. Где твой муж?

Г-жа Тоисиокова.

Он рассматривает с Лафлером счет дворецкого.

Г-жа Решимова.

Да у эдаких честных людей я бы никогда и поверять не стала; это для них обидно. То-то хозяин, ленивый лишь его не обворовывает!

Г-жа Тоисиокова.

Добрая его душа много делает ему, сударыня, вреда.

Г-жа Решимова.

Добрая душа? Еще не слыхано, свет мой, чтобы она кому вред делала; а у твоего муженька душа-то по середнему добра; променять себя и жену на бездельников и обращаться с негодяями, — тут доброго ничего не видно.

Флена.

Ежели позволите мне, тетушка, сказать,.. он может быть не так виноват, как кажется.

Г-жа Решимова.

Ежели позволишь мне спросить, не у Здравомыслова ли выучилась ты перебивать теткины речи?

Явление 3.

Те же и г. Тоисиоков.

Г-жа Решимова.

Что поделываешь, дорогой племянничек?.. Что, зубы перестали болеть?

Г. Тоисиоков *(в сторону).*

Я и забыл, что давиче всклепал на себя боль. *(Г-же Решимовой.)* Легче, сударыня, стало; но дела домашние меня занимают от утра до вечера; я рассматривал счеты дворецкого.

Г-жа Решимова.

Что же, исправны они?

Г. Тоисиоков.

Нельзя лучше желать, тетушка.

Г-жа Решимова.

Долго ли тебе себя и нас обманывать? В старину у нас, не знаю как нынече у вас в моде ли это правило, считали, что тот, кто отпирается от своих дел, скрывает и отлыгается[17], есть трус, и пути в нем не бывает.

Г. Тоисиоков.

Да почему же, сударыня, включаете вы и меня в число этих людей?

Г-жа Решимова.

А вот почему. Тебя, конечно, Лафлер уластил, и ты, об заклад бьюсь, самым честным человеком его почитаешь.

Г. Тоисиоков.

Никто еще меня не уверил, чтоб он был плут.

Г-жа Решимова.

Я тебя уверю. *(Вынимает из кармана бумагу.)* На, смотри, кто брал с тебя векселя.

Г. Тоисиоков *(прочтя).*

Мог ли бы я подумать, что он в состоянии так подло бездельничать. Добро, я пойду и покажу ему, чем награждают обманщиков. *(Хочет итти и ворочается.)*

Г-жа Решимова.

Что воротился? Да и впрямь ведь лучше подождать, чтоб он тебя поколотил.

Явление 4.

Те же и Лафлер.

Лафлер.

J'ai une petite chose à vous dire*.

Г. Тоисиоков.

Бездельник! Как мог ты отважиться меня обманывать?

---

* Я должен кое-что вам сказать *(фр.).*

Г-жа Решимова.

Ты лучше спроси, откуда он деньги-то взял; ведь к тебе-то, я чаю, он пришел гол как бубен.

Лафлер.

Это неправда, Monsieur.

Г. Тоисиоков.

Вот верное свидетельство твоего мошенничества! *(Показывает ему расписку.)*

Лафлер.

Это не мой рука, je vous jure*.

Г. Тоисиоков.

Ты еще смеешь запираться? Сейчас велю тебя посадить в тюрьму.

Г-жа Решимова.

Себя-то как накажешь, что вдавался в обман этому негодному французу?

Лафлер.

Madame и Monsieur не сердитса, эта порти кровь; у меня подорожна на карман, прошай, шиви карашо, adieu. *(Убегает).*

Явление 5.

Г-жа Решимова, г-жа Тоисиокова, Флена и г. Тоисиоков.

Г-жа Решимова.

Вот один счетик обнаружился; я прозакладую голову, что и дворецкий постарался большую часть твоего имения прижать к себе. Ты не сто́ишь ни малейшей жалости; твое мотовство не от таких слабостей происходит, которые бы были извинительны.

---

* Я вам клянусь *(фр.).*

Явление 6.

Те же и дворецкий.

Дворецкий *(вбежав с поспешностью).*

Ну, пропали мы, сударь, десятских и солдат такое множество окружило наш дом, и офицер приказал вам сказать, что дом и все имение ваше конфисковано, и что сейчас всё здесь опечатают и вас попросят дом оставить. *(Уходит.)*

Г-жа Решимова.

До чего довели тебя счеты дворецкого и Лафлера? Вот плоды твоего несмотрения!

Г-жа Тоисиокова.

Боже мой! до какого мы дошли стыда!

Флена.

Я бы охотно отдала все мое имение сестрице, ежели бы это вам, тетушка-сударыня, не противно было.

Г-жа Тоисиокова обнимает Флену.

Г-жа Решимова.

Нет! Я никак не соглашусь, чтоб моя Фленушка потеряла свое имение за беспутного зятя; сестра пусть с нами живет, ей ни в чем не будет недостатка, а он как хочет.

Явление 7.

Те же и г. Здравомыслов.

Г. Здравомыслов.

Сведав, что мой друг в бедственное впал состояние, пришел я, с позволения вашего, представить ему возможную помощь. Я бы очень счастлив был, ежели б удостоился вашего согласия.

Г-жа Решимова.

Вот, батюшка, он сам, как изволишь. *(Г. Тоисиоко-*

ву.) Ну, что стал, любезный племянничек, как ты думаешь разделаться с заимодавцами?

Г. Тоисиоков.

Ежели позволите, я принимаю помощь друга моего или пойду упрашивать заимодавцев... Да уж они просили в суде, что мне делать! Правда, я виноват, очень виноват, однако ж знатнее и достойнее меня люди впадали в погрешности. Жаль только, что я не имею теперь способов выпутаться из этой петли.

Г-жа Решимова.

Ну смотрите, есть ли в нем душа? Сам не знает, что говорит и что хочет делать.

Явление 8.

Те же, Андрей и Пролаз.

Пролаз *(Андрею).*

Теперь счастливый путь, господин француз.

Г-жа Решимова.

Что вы там о французе?

Андрей.

Мы встретили его на лестнице; давно уж я точил на него зубы; я усмехнулся, он зачал браниться; мы его ловко поколотили.

Г. Здравомыслов.

Это не ваше совсем дело было.

Андрей.

Еще не все, сударь. Увидели мы, что у ворот стоит готовая кибитка, в которой немало положено мешков с деньгами. Откуда ни возьмись четыре заимодавца господина Тоисиокова; мы напали на Лафлера, как соколы на птичку, и принудили его заплатить им деньги; взяли от них векселя, и вот они, сударь, и с расписками.

Отдают Решимовой.

Г-жа Решимова.

Спасибо вам, ничто этому плуту Лафлеру, ничто.

Явление последнее.

Те же и Маша *(вбегает).*

Какое множество людей на крыльце, и офицер печатает все внизу.

Г-жа Решимова.

Ну, прощай, господин и То и Сиё; племянниц я к себе возьму, а ты тут с заимодавцами хоть целуйся; не знаю я, где переночевать ночь сегодня; угостил тетушку, племянничек, уж угостил! Теперь просись у чужого ночевать.

Г-жа Тоисиокова.

До чего мы дошли?

Г. Здравомыслов.

Благодаря милости покойного родителя моего, дом у меня довольно пространен; я бы за счастие себе почел, ежели б угодно было вам, сударыня *(г-же Решимовой),* переехать ко мне со всем почтенным вашим семейством.

Г-жа Решимова.

Я одолжаться, свет мой, не привыкла.

Г. Здравомыслов.

Не одолжаться, а одолжать, сударыня, вы привыкли; дом этот не мой, сударыня.

Г-жа Решимова.

Так чей же он? Как же в чужой-то ты приглашаешь, батюшка?

Г. Здравомыслов.

Сведав, что опишут и с молотка продавать дом приятеля моего будут, сделал я купчую на имя Флены Осиповны; и так он не мой, а более ваш, сударыня.

Г-жа Решимова. *(Во время сего разговора г. Тоисиоков то встает, то ходит, то садится.)*

Я понимаю, что ты, батюшка, честный человек, да Флена-то, я чаю, не согласится к холостому в дом переезжать... Посмотрите на чудака-то, эк его разбирает.

Г. Здравомыслов.

Я уверен, что вы, милостиво реша тем судьбу господина Тоисиокова, решите и мою, вручив мне руку прекрасной вашей племянницы.

Г-жа Тоисиокова.

Спокойствие наше зависит от решения тетушки.

Г. Тоисиоков.

Опасно скоро решиться...

Г-жа Решимова.

Так подождать, покуда посадят за долги в тюрьму... Тебе и несчастие не возвращает ума: то-то чудушко!

Г. Тоисиоков.

Да и то правда, не худо и согласиться, ...однако ж это очень низко... да лих беда-то неминуема.

Флена.

Оставим лучше тетушке на волю, она лучше нас решить изволит.

Г-жа Тоисиокова.

Конечно, тетушкин совет и ее решение нам теперь вожделенные.

Г-жа Решимова.

Хорошо, быть так. Ежели вы все отдали то на мое решение, так послушайте ж, как я решу: у меня хранятся для всякого случая тридцать тысяч рублей, я их дарю *(г. Тоисиокову)* жене твоей; я думаю, теперь ты, будучи ей всем одолжен, больше ее любить станешь. Ну *(Здравомыслову)*, а твою, друг мой, просьбу как мне решить?.. Погляди-ка на меня прямо, Фленушка! По мысли ли тебе г. Здравомыслов? Что честен он, то нам теперь доказал. Ну говори, друг мой.

Флена.

Воля ваша всегда для меня будет законом.

Г-жа Решимова.

А! вижу, что он тебе не противен. Я думаю, он такие имеет правила, что Фленушка моя счастлива с ним будет. *(Взяв ее руку, к Здравомыслову.)* Вот тебе ее рука; живите счастливо и научитесь из примера моего племянничка, сколь опасно быть бестолкову и нерешиму; такой человек ни себе, ни людям не полезен.

Г. Здравомыслов.

Я не в силах выразить той благодарности, которую чувствует к вам мое сердце.

Г-жа Тоисиокова.

Сколь мы счастливы, что имеем столь добродетельную тетушку!

Флена.

Это счастие для нас всё в свете теперь превосходит.

Г-жа Решимова.

Не за что меня много благодарить; свой своему поневоле друг; у нас в старину, бывало, эдакого чудака хоть и побьет родня, да снабдит всем, а уж сору из избы не вынесут. По крайней мере, смотри, чтоб этот дворецкий уж более у тебя не хозяйничал.

Г. Тоисиоков.

Это можно сделать, коли вам угодно. *(В сторону.)* Бог знает, как в свете жить! Хочешь всем угодить; берешь с одного пример, так сердится другой; однако ж... осторожность во всех поступках и медленная решимость нужна: не так скоро впросак попадешься.

Г-жа Решимова.

Его, я думаю, ничто не исправит; пойдемте, дети! Рада я, что могла быть полезною родственникам моим. Я советую тебе помнить, племянничек, что твердая душа, имеющая добрые правила, никогда раскаиваться не заставит, и что про людей, подобных тебе, гово-

рится: «Ни в городе порука, ни на дороге стан». Сам рассудишь, сколь таковые полезны и любимы! А тебя, Андрей, за твое проворство Маша поблагодарит; женись себе на ней.

Андрей.

Покорнейше благодарствую, сударыня. *(Взяв ее за руку, в сторону.)* Худо тому, кто ни то ни сиё в делах покроем [18] имеет! Решимся ж мы, Маша, служить верно господам своим, друг друга любить, а за честность и постоянство, конечно, не будем оставлены.

Конец

Примечания

ПРИМЕЧАНИЯ

ЗАПИСКИ

Текст «Записок» печатается по изданию: Екатерина Дашкова. Записки / Подготовка текста, статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Л.: Наука, 1985. С. 3—208.

Часть первая

[1] С. 31. *Я родилась в 1744 г.* — По архивным документам, Е. Р. Дашкова родилась 17 марта 1743 г. (Архив кн. Воронцова. М., 1872. Кн.5. С.159). В Центральном государственном архиве древних актов (Москва) имеется надпись надгробной плиты на могиле Е. Р. Дашковой в церкви села Троицкого Тарусского уезда Калужской губернии: «Здесь покоятся тленные остатки княгини Екатерины Романовны Дашковой, урожденной графини Воронцовой, штатс-дамы, ордена св. Екатерины кавалера, императорской Академии наук директора, Российской Академии президента, разных иностранных академий и всех российских ученых обществ члена.

Родилась 1743 года марта 17.

Скончалась 1810 года января 4.

Сие надгробие поставлено в вечную ей память от приверженной к ней сердечно и благодарной племянницы Анны Малиновской, урожденной Исленьевой» (ЦГАДА, ф.1261, оп.1, № 3100).

[2] С. 31. *Императрица Елизавета* — дочь Петра I Елизавета Петровна (1709—1761), российская императрица с 25 ноября 1741 г., была возведена на престол гвардейскими войсками, короновалась 25 апреля 1742 г. в Москве и вернулась в Петербург «по первому зимнему пути» 20 декабря 1742 г. М. В. Ломоносов воспел ее торжественное возвращение в оде «на прибытие ея величества великия государыни императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-петербург 1742 года по коронации».

[3] С. 31. *Петр III* Федорович (1728—1762), сын старшей дочери Петра I Анны и герцога Голштейн-Готторпского Карла-Фридриха; 28 ноября 1741 г. объявлен наследником русского престола, в связи с чем был привезен 5 февраля 1742 г. в Петербург. Российский император с 1761 г. 28 июня 1762 г. был свергнут в результате переворота, организованного его женой Екатериной.

[4] С. 31. *...моим дядей...* — Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767), дядя Дашковой, граф, государственный деятель и дипломат. В 1741 г. содействовал воцарению Елизаветы Петровны; вице-канцлер (1744—1758), канцлер (1758—1763), друг и покровитель М. В. Ломоносова. Как сторонник Петра III проводил политику сближения с Пруссией и был вынужден в 1763 г. уйти в отставку. Его жена Анна Карловна, урожденная Скавронская (1723—1775), дочь Карла Самуиловича Скавронского, старшего брата Екатерины I, двоюродная сестра имератрицы Елизаветы Петровны; с 1742 г. статс-дама, с 1760 г. обер-гофмейстерина.

[5] С. 31. *...с моей матерью...* — Мать Е. Р. Дашковой Марфа Ивановна Воронцова, урожденная Сурмина (1718—1745), происходила из богатой купеческой семьи.

[6] С. 31. *...императрицы Анны...* — Анна Иоанновна (1693—1740), племянница Петра I (по старшему брату Ивану Алексеевичу), герцогиня курляндская, российская императрица (1730—1740).

[7] С. 32. *Воронцовы* — древний дворянский род. Семен Иванович Воронцов, боярин и воевода, в 1505—1506 гг. ходил в поход против казанского хана Махмет-Амина. Его сын — Михаил Семенович, боярин и воевода, сражался с крымскими татарами, с литовцами, в 1537 г. принимал участие в переговорах о мире с Литвой и Швецией. Федор Семенович, брат Михаила, был советником при Иване IV. Иван Михайлович, сын Михаила Семеновича, думный советник и дипломат при Иване IV, ездил с дипломатическими поручениями в Литву к королю Сигизмунду Августу в 1557 г. и в Швецию (1567—1569) к королю Эрику XIV.

[8] С. 32. *Роман* — Воронцов Роман Илларионович (1707—1783), отец Е. Р. Дашковой, государственный деятель, сенатор с 1760 г., генерал-аншеф при Петре III, при Екатерине II сначала в опале, а затем наместник Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний, которые довел своими поборами до разорения и получил прозвище «Роман — большой карман».

[9] С. 32. *...две старшие сестры...* — Воронцова Мария Романовна

(1737—1765), в замужестве Бутурлина (муж — сенатор Петр Александрович Бутурлин, 1734—1787). Их сын гр. Дмитрий Петрович Бутурлин (1763—1829), один из самых образованных людей своего времени, библиофил и большой знаток искусств, владел несколькими иностранными языками; у него в Москве была большая библиотека, состоявшая из редких и ценных книг. После смерти матери его взял на воспитание дядя-холостяк Александр Романович Воронцов; Д. П. Бутурлин был адъютантом кн. Г. А. Потемкина, затем перешел в Коллегию иностранных дел. В 1793 г. он женился на своей троюродной сестре Анне Артемьевне, урожденной Воронцовой (1777—1854), второй дочери гр. Артемия Ивановича Воронцова, двоюродного брата Е. Р. Дашковой, и поселился в Москве. Впоследствии в течение нескольких лет занимал пост директора Императорского Эрмитажа. В 1817 г. для лечения тяжелой астмы Д. П. Бутурлин вместе с семьей переехал в Италию, но болезнь прогрессировала, он скончался в 1829 г. и был похоронен в русской православной церкви в Ливорно. Жена и дети остались в Италии, за исключением младшего сына Михаила Дмитриевича, который написал подробные мемуары о жизни семьи Бутурлиных — см.: Русский архив, 1897. Кн.1—3 (№ 1—12); 1898. Кн.1—3 (№ 1—3, 5—8, 10); 1901. Кн. 3 (№ 9—12).

Воронцова Елизавета Романовна (1739—1792), фаворитка императора Петра III, в замужестве Полянская (муж — статский советник Александр Иванович Полянский, 1721—1818).

[10] С. 32. *...старший брат, Александр...*— Воронцов Александр Романович (1741—1805), старший брат Е. Р. Дашковой, государственный деятель и дипломат, граф. В 1761 г. поверенный в делах при Венском дворе; в 1762—1764 гг. полномочный министр в Англии, в 1764—1768 гг.— в Голландии, в 1773—1794 гг. президент Коммерц-коллегии, в 1802—1804 гг. канцлер, стремился обеспечить внешнеполитическую независимость России, стоял за антифранцузскую коалицию и сближение с Австрией и Англией. Оставил незавершенные «Записки о моей жизни» (см.: Архив кн. Воронцова/Под ред. П. И. Бартенева. М., 1872. Кн. V. С. 1—87; Русский архив, 1883. Т.II. С.227—289).

[11] С. 33. *Мой младший брат* — Воронцов Семен Романович (1744—1832), граф, дипломат; участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. под командованием генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского; с 1782 г. полномочный министр в Венеции; с 1784 г. посланник, а с 1796 по 1806 посол в Лондоне; проводил

политику укрепления экономических и политических связей с Англией; из-за крайней англофильской позиции вынужден был выйти в отставку в 1806 г. и остался в Англии в качестве частного лица. Его жена Екатерина Алексеевна, урожденная Сенявина (ум. 1784 г.), фрейлина Екатерины II, дочь адмирала Алексея Наумовича Сенявина. С. Р. Воронцов увековечил ее память сооружением церкви св. Екатерины в стиле классицизма в селе Мурино у станции Девяткино, под Петербургом. Проект выполнил архитектор Н. А. Львов, близкий друг семейства Воронцовых, и осуществил его в 1786—1790 гг. «Автобиография» С. Р. Воронцова опубликована в «Русском архиве», 1876. Кн. I. С.33—59.

[12] С. 33. *Бехтеев* Федор Дмитриевич (1716—1761), с 1742 г. переводчик, затем секретарь в Коллегии иностранных дел; русский поверенный в делах во Франции (1756—1758); ему оказывал покровительство М. И. Воронцов; первый воспитатель вел. кн. Павла Петровича; церемониймейстер двора.

[13] С. 33. *Павел I* (1754—1801) — сын Петра III и Екатерины II, российский император с 6 ноября 1796 г. по 12 марта 1801 г.; ввел в государстве военно-полицейский режим; был убит заговорщиками-дворянами.

[14] С. 34. *Бейль* Пьер (1647—1706), французский философ и публицист. Основное его произведение «Исторический и критический словарь» (1695—1697) оказало большое влияние на развитие европейского свободомыслия.

[15] С. 34. *Монтескье* Шарль Луи (1689—1755), французский просветитель, правовед, философ. Основные его сочинения: «Персидские письма» (1721), «О духе законов» (1748) воздействовали на политическую мысль того времени и приблизили приход Великой французской революции.

[16] С. 34. *Вольтер* (настоящее имя Мари-Франсуа Аруэ) (1694—1778), французский писатель и философ-просветитель; имел большое влияние на современников как критик религиозной нетерпимости и мракобесия и феодально-абсолютистской системы; сыграл большую роль в идейной подготовке Великой французской революции.

[17] С. 34. *Буало* Никола (1636—1711), французский поэт, теоретик классицизма, законы которого он изложил в поэме «Поэтическое искусство» (1674).

[18] С. 34. *Бургаве-Кааy* Герман (1705—1753), доктор медицины

с 1729 г., а с 1748 г. первый лейб-медик императрицы Елизаветы Петровны, племянник знаменитого голландского профессора медицины Германа Бургава (1668—1738).

[19] С. 34. *Гельвеций* Клод-Адриан (1715—1771), французский философ-материалист, идеолог революционной буржуазии. Главные его сочинения: «Об уме» (1758), «О человеке» (1773; издано посмертно).

[20] С. 35. *Шувалов* Иван Иванович (1727—1797), государственный деятель, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, генерал-адъютант. Будучи разносторонне образованным человеком, сыграл значительную роль в истории русской культуры XVIII в.; Шувалов оказывал помощь М. В. Ломоносову в основании Московского университета (1755) и был первым куратором университета. По его проекту была создана Академия художеств в Петербурге (1757), которую он возглавлял до 1763 г. Екатерина II отправила Шувалова в 1763 г. за границу, где он пробыл до 1777 г. Иван Иванович передал в Академию художеств свою коллекцию картин, положив этим начало ныне существующему музею.

[21] С. 35. *...купил Энциклопедию...*— Французская «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел...» (1751—1780, в 17 т.) под редакцией Д. Дидро и Д'Аламбера. На основе нового материалистического понимания Дидро и его единомышленники (Вольтер, Монтескье, Тюрго, Руссо, Гольбах и др.) впервые дали научную оценку различным природным и социальным явлениям и выполнили грандиозную задачу, представив систему человеческих знаний XVIII века.

[22] С. 35. *Морери* Луи (1643—1680), французский литератор, автор «Большого исторического словаря» (Le Grand dictionnaire historique), изданного в Лионе в 1674 г. в одном томе и выдержавшего затем 20 изданий (20-е издание 1759 года в 10 томах).— См. об этом: Книга: Исследования и материалы. М., 1981. Т.42. С.157—158.

[23] С. 36. *Екатерина Великая* — Екатерина II Алексеевна (1729—1796), немецкая принцесса Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербтская, была выдана замуж в 1745 г. за Петра Федоровича; российская императрица с 28 июня 1762 г.

[24] С. 36. *Дашков* Михаил-Кондратий Иванович (1736—1764), князь, вице-полковник лейб-кирасирского полка, камер-юнкер; муж Е. Р. Дашковой.

[25] С. 36. *...в итальянскую оперу...*— в 1757—1760 гг. в Петербурге устраивала спектакли итальянская опера-буфф с балетной труппой

импресарио Джиованни Локателли (1715—1785). Представления шли на театральной сцене императорского Летнего сада, где Двор снял первые ложи (300 руб. в год за ложу). В 1760 г. лучших артистов труппы переманили на придворную сцену и в Ораниенбаумский великокняжеский театр Петра Ш. Локателли разорился, умер в Петербурге в 1785 г. (см.: Штелин Якоб. Музыка и балет в России XVIII века. Л.: «Тритон», 1935. С. 154—156).

[26] С. 37. *...госпожи Самариной, муж которой...*— Предположительно Квашнин-Самарин Петр Федорович, президент Юстиц-коллегии при Екатерине II, д. т. с. и сенатор при Павле I, был женат на Анастасии Петровне, урожденной Салтыковой (1731—1830).

[27] С. 38. *Бутурлин* Александр Борисович (1694—1767), граф, фаворит имп. Елизаветы Петровны, генерал-фельдмаршал с 1756 г., сенатор, московский генерал-губернатор.

[28] С. 39. *...моя свекровь* — Дашкова Анастасия Михайловна, урожденная Леонтьева, была племянницей Наталии Кирилловны Нарышкиной (1651—1694), матери Петра I.

[29] С. 39. *...я родила дочь* — Дашкова Анастасия Михайловна (1760—1831), вышла замуж за Андрея Евдокимовича Щербинина.

[30] С. 40. *...в Ораниенбауме.*— С 1710 г. небольшая мыза А. Д. Меншикова на южном берегу Финского залива стала называться Ораниенбаумом. Для Меншикова был построен архитекторами И.-Г. Шеделем и Дж.-М. Фонтана Большой дворец (1710—1727 гг.), а после опалы Меншикова дворец передали Канцелярии от строений. В 1743 г. Елизавета Петровна подарила Ораниенбаум племяннику Петру Федоровичу, для которого были воздвигнуты архитектором А. Ринальди крепость «Петерштадт» (1756—1759) и двухэтажный дворец (1758—1762).

[31] С. 41. *...ее сестра княгиня Гагарина* — Анна Михайловна, урожденная Леонтьева (1715—1782), была замужем за князем Петром Ивановичем Гагариным.

[32] С. 42. *...сына Михаила.*— Дашков Михаил Михайлович (1761—1762), сын Е. Р. Дашковой.

[33] С. 43. *Тантал* — в греческой мифологии фригийский или лидийский царь, сын Зевса; был осужден богами на вечные муки за то, что умертвил своего сына для угощения богов: стоя по горло в воде, он не мог напиться, так как вода от него уходила, и утолить голод, так как ветви со свисающими плодами от него отстранялись («муки Тантала»).

[34] С. 43. *Меркурий* — в римской мифологии бог торговли, дорог, впоследствии — вестник богов.

[35] С. 44. *...дом моего дяди.*— Дворец М. И. Воронцова был возведен архитектором В. В. Растрелли в 1749—1757 гг. Фасад дворца отличается особым изяществом и богатой пластикой архитектурных форм, а внутреннее декоративное убранство было пышным и богатым. Парадный двор перед дворцом отделен от улицы ажурной кованой чугунной решеткой, исполненной по рисунку Растрелли. За главным корпусом размещался обширный сад, простиравшийся до Фонтанки, с бассейнами, фонтанами и аллеями подстриженных деревьев. Во дворце находилась модная для того времени мебель маркизы Помпадур, фаворитки Людовика XV, который специально выкупил эту мебель и подарил в 1756 г. канцлеру из дипломатических соображений. С 1810 по 1917 г. в Воронцовском дворце помещался Пажеский корпус — привилегированное военно-учебное заведение для детей генералов и высших сановников. В настоящее время в этом здании на Садовой ул., д. 26 расположено Суворовское училище.

[36] С. 45. *...мой отец предложил нам поселиться в его доме...*— Речь идет о дачном доме Р. И. Воронцова, который находился примерно в 6 км от Ораниенбаума на берегу Финского залива (в современном поселке Мартышкино в районе улицы Дачной).

[37] С. 46. *Кампи* — карточная игра, в которой каждый играющий имеет несколько игральных марок или фишек. Они заменяют игрокам деньги до окончательного расчета; у кого остается последняя марка — тот выигрывает.

[38] С. 47. *...смертная казнь уж не применялась.*— Хотя смертная казнь по указам 1753—1754 гг. была отменена, но существовала «Канцелярия тайных дел», где допросы сопровождались жестокими пытками.

[39] С. 49. *...первая камеристка ее высочества...*— Шарогородская Екатерина Ивановна, которой великая княгиня Екатерина Алексеевна очень доверяла. В своих «Воспоминаниях» Екатерина II поведала о том, что племянница ее духовника Е. И. Шарогородская, по совету своего дяди, рекомендовала великой княгине притвориться больной и вызвать к себе для исповеди духовника, чтобы он передал все сказанное ею императрице Елизавете Петровне и возбудил в ней участие к Екатерине Алексеевне.

[40] С. 52. *...Петр III сказал мне нечто, что относилось к моей сестре...*— М. Брэдфорд в лондонском издании «Записок» приводит

этот эпизод и сообщает, что Петр III хотел посадить на трон вместо Екатерины II сестру Е. Р. Дашковой Елизавету Романовну.

[41] С. 53. *...из двух братьев Нарышкиных с супругами...*— Нарышкин Александр Александрович (1726—1795), камергер великого князя Петра Федоровича, впоследствии обер-гофмейстер; его жена Елена Александровна, урожденная гр. Апраксина (ум. в 1767 г.); Нарышкин Лев Александрович (1733—1799), с 1762 г. шталмейстер, затем обер-шталмейстер; его жена Мария Осиповна, урожд. Закревская (ум. в 1800 г.).

[42] С. 53. *Измайлов* Михаил Михайлович (1719—1800), гофмаршал при Петре III, с 1762 г. генерал-лейтенант, д. т. с., главнокомандующий в Москве и Московской губернии (1795—1797). Его жена Мария Александровна, урожденная Нарышкина (1730—1780).

[43] С. 53. *...графини Елизаветы*— здесь: Елизавета Романовна Воронцова, сестра Е. Р. Дашковой.

[44] С. 53. *Мельгунов* Алексей Петрович (1722—1788), генерал-лейтенант, с 1756 г. адъютант вел. кн. Петра Федоровича, при Екатерине II новороссийский губернатор, сенатор, с 1777 г. ярославский и вологодский генерал-губернатор.

[45] С. 53. *Гудович* Андрей Васильевич (1731—1808), генерал-аншеф, адъютант Петра III.

[46] С. 53. *Унгерн-Штернберг* Карл Карлович (1730—1799), барон, генерал-адъютант Петра III, позднее служил под начальством Румянцева.

[47] С. 53. *Брюс* Прасковья Александровна (1729—1786), урожденная графиня Румянцева, сестра будущего фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, статс-дама, приближенная Екатерины II.

[48] С. 53. *Трубецкой* Никита Юрьевич (1700—1767), князь, генерал-прокурор Сената с 1740 г., генерал-фельдмаршал с 1756 г., сенатор и президент Военной коллегии (1760—1762); по вступлении на престол Петра III получил почетное звание подполковника Преображенского полка в С.-Петербурге (см. дневник Н. Ю. Трубецкого «Журнал собственный К. Н. Т. по возвращении в 1717 г. из немецкой земли» в кн.: Сказания о роде князей Трубецких. М.: Издание кн. Е. Э. Трубецкой, 1891. С. 345). Н. Ю. Трубецкой дружил с поэтом и дипломатом Антиохом Дмитриевичем Кантемиром, который посвятил ему VII сатиру.

[49] С. 54. *Кейт* Роберт (ум. в 1774 г.), английский дипломат, посол в Вене (1748—1758) и посланник в Петербурге (1758—1762).

[50] С. 55. *Мерси* д'Аржанто Флоримунд (Florimund Mercy d'Argen-

teau) (1727—1794) — австрийский дипломат, правнук баварского фельдмаршала Франца Мерси. В 1760 годы посол при русском дворе; с 1770 по 1790 г. посол в Париже, потом в Лондоне. Историческое значение имеет его тайная переписка с австрийской императрицей Марией-Терезией (издана в 1874 г.), с императором Иосифом II и принцем Кауницем (опубликована в 1889 г.).

[51] С. 55. *...прусскому министру...*— Гольц Бернард-Вильгельм (ум. в 1795 г.), подполковник, прусский камергер, адъютант Фридриха II.

[52] С. 55. *Волков* Дмитрий Васильевич (1718—1785), с 1756 г. секретарь Министерской конференции, ведавшей военными и внутренними делами, в 1761—1762 гг. тайный секретарь особого Совета при Петре III. В 1768—1776 гг. президент Мануфактур-коллегии, с конца 1770 г. оренбургский генерал-губернатор; в 1778 г. сенатор и санктпетербургский генерал-полицеймейстер.

[53] С. 56. *Панин* Никита Иванович (1718—1783), государственный деятель и дипломат; с 1747 г. был посланником в Дании, Швеции; воспитатель Павла I; участник дворцового переворота 1762 г.; с 1763 г. возглавлял Коллегию иностранных дел; автор конституционных проектов; в 1781 г. вышел в отставку в знак протеста против политики Екатерины II и ее фаворитов.

[54] С. 56. *Георгий Голштейн-Готторпский* (1719—1763), принц, генерал на прусской службе; в России фельдмаршал и полковник лейб-гвардии конного полка.

[55] С. 56. *Салдерн,* немец из свиты принца Георгия, конференц-секретарь при Петре III, русский посол при польском дворе с 1771 г.; написал книгу „Histoire de la vie Pierre III, Empereur de toutes les Russies“ («История жизни Петра III, императора всероссийского»). Metz, 1802, возносившую Петра III.

[56] С. 56. *...другого принца...*— Август-Фридрих, принц Голштинский (1711—1785), дядя Петра III.

[57] С. 57. *Людовик XIV* (1638—1715), французский король (1643—1715), его правление — расцвет абсолютной монархии; по легенде, любимое его изречение: «Государство — это я».

[58] С. 57. *Кордегардия* (фр. corps de garde) — караульное помещение, гауптвахта.

[59] С. 57. *Панин* Петр Иванович (1721—1789), генерал-аншеф, младший брат Н. И. Панина; участник Семилетней и русско-турецкой (1768—1774) войн. С июля 1774 г. командовал карательными войсками, действовавшими против Е. И. Пугачева.

[60] С. 57. *Леонтьев* Михаил Иванович (1672—1752), отец свекрови Е. Р. Дашковой, полковник с 1708 г., киевский генерал-губернатор с 1737 г., генерал-аншеф с 1741 г.

[61] С. 60. Петр III заключил позорный мир с прусским королем Фридрихом II в 1762 г., перечеркнув все результаты побед русских войск в Семилетней войне (1756—1763); он возвратил Фридриху II все территории, занятые русской армией.

[62] С. 60. *...особы первых трех классов...*— приводим «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных...» Спб., 1722:

Класс	Чины гражданские	Чины военные	Чины морские	Чины придворные
1	Государственный канцлер	Генерал-фельдмаршал	Генерал-адмирал	нет
2	Действительный тайный советник	Генерал от инфантерии, от кавалерии, от артиллерии	Адмирал	Обер-маршал
3	Генерал-прокурор	Генерал-лейтенант Генерал-кригскомиссар	Вице-адмирал	Обер-шталмейстер

[63] С. 60. *Строганов* (Строгонов) Александр Сергеевич (1733—1811), граф, зять канцлера М. И. Воронцова, доверенное лицо императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, обер-камергер, с 1775 г. сенатор, с 1800 г. президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки в Петербурге. Жена Анна Михайловна Воронцова (1743—1769).

[64] С. 61. *Корф* Николай Андреевич (1710—1766), барон, камергер, при Петре III — генерал-полицеймейстер в Петербурге, впоследствии — сенатор, генерал-аншеф.

[65] С. 62. *Фридрих II* (1712—1786), прусский король с 1740 г.; в результате его завоевательной политики территория Пруссии почти удвоилась; установил в государстве деспотический режим.

[66] С. 62. Речь идет о том, что Петр III хотел начать войну с Данией, чтобы отвоевать Шлезвиг для Голштейна, герцогом которого он являлся.

[67] С. 62. *Пассек* Петр Богданович (1736—1804), участник дворцо-

вого переворота 1762 г., затем генерал-губернатор в польских провинциях.

[68] С. 62. *Бредихин* Сергей Александрович (1744—1781), капитан-поручик лейб-гвардии Преображенского полка, активный участник дворцового переворота 1762 г., за отличие в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. получил чин генерал-поручика, впоследствии камергер.

[69] С. 62. *...братьев Рославлевых...*— Рославлев Николай Иванович (1724—1785), премьер-майор лейб-гвардии Измайловского полка, участник дворцового переворота 1762 г., затем генерал-поручик, с 1765 г. в отставке. Рославлев Александр Иванович, капитан лейб-гвардии Измайловского полка.

[70] С. 62. *Одар* Жан-Доменик-Жозеф (1739—1808), советник Коммерц-коллегии.

[71] С. 63. *Суворов* Александр Васильевич (1730—1800), граф Рымникский (1789), князь Италийский (1799), великий русский полководец, генералиссимус русской армии (1799).

[72] С. 63. *Разумовский* Кирилл Григорьевич (1728—1803), фельдмаршал, последний гетман Украины (1750—1764), принимал участие в дворцовом перевороте 1762 г.; президент Петербургской Академии (1746—1798); с 1768 г. член чрезвычайного совета при дворе, с 1784 г. жил в Москве, с 1794 г.— на Украине.

[73] С. 64. *«Красный Кабак»* находился около реки Красной, на дороге из Петербурга в Петергоф, и с петровских времен был увеселительным местом гвардейских офицеров. Позднее часть Петергофской дороги называлась Краснокабацким шоссе.

[74] С. 65. *...первое мое имение...* — Е. Р. Дашкова получила земельный участок на Петергофской дороге в 1762 г. и назвала эту дачу «Кир и Иоанново» (в память о 28 июня — дне дворцового переворота 1762 г.). В дальнейшем имена православных святых слились в одно название «Кирьяново». Постройку каменного загородного дома она начала лишь в 1783 г. Хотя Дашкова приписывает исполнение проекта дома себе, но, по-видимому, автором проекта был Д. Кваренги, который в это время начал постройку главного здания Петербургской Академии наук. О первоначальном виде дачи дают представление изображения, гравированные И. Майром в 1780—1790-х гг. Обширный парк между домом и взморьем, украшенный мраморным обелиском и другими декоративными сооружениями, был уничтожен в середине XIX века.

В 1820 гг. дача сдавалась внаем одному из петербургских клубов.

Здесь часто собирались члены клуба — русские литераторы И. А. Крылов, Д. И. Хвостов, П. А. Катенин и др. Дача Е. Р. Дашковой в перестроенном виде сохранилась до нашего времени — там размещается Дворец бракосочетания Кировского района Ленинграда (пр. Стачек, д. 45).

[75] С. 66. *...по образцу шведской монархии.* — После дворцового переворота Н. И. Панин подал Екатерине II проект образования Совета при императрице из 6—8 министров, но она отклонила этот проект.

[76] С. 66. *Репнин* Николай Васильевич (1734—1801), князь, генерал-фельдмаршал (1796) и дипломат; в 1762—1763 гг. — посланник России в Пруссии, в 1763—1768 гг. — в Польше, где заключил Варшавский договор 1768 г.; участник русско-турецких войн и заключения мирных договоров 1774 и 1791 гг.; чрезвычайный посол в Турции в 1775—1776 гг.

[77] С. 66. *Куракин* Борис-Леонтий Александрович (1733—1764), генерал-поручик при Екатерине II (с 1761 г.), президент Камер-коллегии (с 1764 г.) и Коллегии экономии (с 1763 г.), сенатор, двоюродный брат мужа Е. Р. Дашковой (по П. И. Панину).

[78] С. 66. *Летний дворец* был возведен в Летнем саду, у впадения в Неву реки Фонтанки (тогда она называлась Безымянный Ерик), в 1710—1714 гг. по проекту архитектора Д. Трезини. В этом простом двухэтажном каменном доме на первом этаже были апартаменты Петра I, а на втором — Екатерины I. Во дворце и саду устраивались ассамблеи и празднества. С 1934 г. в Летнем дворце открыт историко-бытовой музей, где экспонируются предметы прикладного искусства, одежда и мебель петровского времени.

[79] С. 68. *Баскаков* Михаил Егорович (1742—1814), капитан-поручик лейб-гвардии Преображенского полка, участник дворцового переворота 1762 г., затем камер-юнкер.

[80] С. 68. *Барятинский* Федор Сергеевич (1742—1814), князь, поручик лейб-гвардии Преображенского полка, участник дворцового переворота 1762 г., обер-гофмаршал.

[81] С. 68. *Хитрово* Федор Александрович (ум. не ранее 1794 г.), секунд-ротмистр лейб-гвардии конного полка, способствовал восшествию на престол Екатерины II; был выслан из Петербурга за протест против возвышения Г. Г. Орлова (см.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIII. С. 209—211).

[82] С. 68. *Теплов* Григорий Николаевич (1711—1779), адъюнкт

Академии наук в Петербурге, советник канцелярии, статс-секретарь Екатерины II, писатель, переводчик, сенатор (с 1775 г.).

[83] С. 69. *Измайлов* Петр Иванович (1724—1807), капитан лейб-гвардии Преображенского полка, был очень предан Петру III, в 1762 г. был отстранен от службы Екатериной II с чином полковника, Павел I пожаловал его в генерал-поручики и действительные тайные советники.

[84] С. 69. *Новгородский архиепископ* — Димитрий (в миру Даниил) Алексеевич Сеченов (1709—1767), дворянин, окончил курс Славяно-греко-латинской академии одновременно с М. В. Ломоносовым в 1735 году и был оставлен в ней учителем; будучи архимандритом Казанского свияжского монастыря, а затем с 1742 г. епископом в Нижегородской губернии, он жестоко насаждал православие среди мордовского и чувашского населения; разорял языческие кладбища, подвергал уклоняющихся от крещения телесным наказаниям, заковывал в кандалы, а иногда, как писал С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен», «и в купель окунал связанных».

По мнению А. С. Пушкина (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т.XI. С. 253) и современного исследователя Г. П. Блока, Д. Сеченов занимался и преследованием М. В. Ломоносова за стихотворение «Гимн бороде» (1757 г.), рассылая разным лицам в Петербурге бранные анонимные письма. С 1757 г. Д. Сеченов архиепископ Новгородский и Великолуцкий; в 1762 г. совершил обряд коронования Екатерины в Успенском соборе в Кремле и был возведен в сан митрополита (8 октября 1762 г.). Пользовался особенным благоволением императрицы; в июне 1767 г. он — депутат от российского духовенства в Комиссии о сочинении проекта нового уложения, а в декабре 1767 г. скончался от апоплексического удара.

[85] С. 69. *Волконский* Михаил Никитич (1713—1789), князь, генерал-аншеф, отличился в Семилетней войне; в 1764 г. командовал корпусом, вступление которого в Польшу ускорило избрание в короли Станислава Понятовского; с 1768 г. чрезвычайный и полномочный посол в Польше; главнокомандующий Москвы (1771—1780).

[86] С. 69. *Мария-Терезия* (1717—1780), австрийская эрцгерцогиня (с 1740 г.), королева Венгрии и Чехии, великая герцогиня тосканская и римско-германская императрица. С 1765 г., после смерти своего супруга императора Франца I, Мария-Терезия назначила своим соправителем сына Иосифа II. В Семилетней войне (1756—1763) принимала участие вместе с Россией. Поражение при

Куннерсдорфе в 1759 г. повергло прусского короля Фридриха II в такое отчаяние, что он, по его словам, чуть не кончил самоубийством (см.: Oeuvres de Frédéric le Grand (Произведения Фридриха Великого). Берлин, 1854. С. 305—306).

[87] С. 70. *Хорват* (Horvath) — Куртиц Иван (ум. 1780), сербский дворянин, полковник австрийской службы, обратился в 1750 г. к русскому послу в Вене гр. М. П. Бестужеву-Рюмину с просьбой переселиться в Россию с сербской колонией, преследуемой императрицей Марией-Терезией за православную веру.

Указом 1751 г. имп. Елизавета Петровна выделила деньги на переезд югославян на Правобережную Украину, где были учреждены поселенческие полки (гусарский и пехотный) для обороны от турок и крымских татар. Здесь поселились сербы, венгры, болгары, греки, валахи. Земли, занятые ими, были названы в 1752 г. «Новой Сербией». В 1762 г. были выявлены злоупотребления И. Хорвата, управлявшего сербской колонией, он был лишен чинов и сослан в Вологду, где и умер. В 1764 г. Новая Сербия вошла в состав Новороссийской губернии (см.: Бажова Л. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII века. М., 1982. С. 127—129, 151—154).

[88] С. 70. *Мещерский* Платон Степанович (1713—1799), князь, генерал-губернатор Малороссии (1769—1775), Казанской губ. (1797—1799).

[89] С. 70. *Глебов* Александр Иванович (1722—1790), генерал-прокурор Сената с 1761 по 1764 г., генерал-аншеф.

[90] С. 71. *Профосы*, по законодательству Петра I, исполняли в войсках полицейские обязанности: наблюдали за чистотой в местах расположения войск, за арестантами, осуществляли телесные наказания и пр.

[91] С. 73. *Орлов* Григорий Григорьевич (1734—1783), граф, генерал-аншеф, один из организаторов дворцового переворота 1762 г., фаворит Екатерины II.

[92] С. 75. *Орлов* Алексей Григорьевич (1737—1807), граф, брат Г. Г. Орлова, деятельный участник дворцового переворота 1762 г., адмирал, командовал русской эскадрой в Средиземном море; за победы у Наварина и Чесмы (1770) получил звание Чесменского; в отставке с 1775 г.

[93] С. 75. *Чертков* Евграф Александрович (ум. в 1797), гвардейский офицер, участник дворцового переворота 1762 г.

[94] С. 76. ... *четвертым братом Орловым.* — Орлов Федор Григо-

рьевич (1741—1796), участник Семилетней войны, после дворцового переворота камер-юнкер, обер-прокурор Сената, вышел в отставку в чине генерал-аншефа в 1775 г.

[95] С. 77. *Александр I* (1777—1825), российский император с 1801 г., старший сын Павла I. В начале правления провел умеренно либеральные реформы.

[96] С. 78. *Талызин* Александр Федорович (1734—1787), поручик лейб-гвардии Семеновского полка, впоследствии тайный советник и сенатор, камергер при дворе Екатерины II.

[97] С. 79. *Миних* Бурхардт Кристоф (1683—1767), граф, генерал-фельдмаршал, первый министр в 1740—1741 гг.; императрицей Елизаветой Петровной был отправлен в ссылку, где пробыл двадцать лет, возвращен из нее в 1762 г. Петром III.

[98] С. 79. *Талызин* Иван Лукьянович (1700—1777), адмирал, член Адмиралтейств-коллегии с 1748 г., родственник Н. И. Панина, двоюродный брат канцлера А. П. Бестужева.

[99] С. 79. *Измайлов* Михаил Львович (ум. 1799), участник Семилетней войны, генерал-майор при Петре III, привез Екатерине II второе письмо Петра III с отказом от престола и тут же перешел на ее сторону. Екатерина II поручила ему обезоружить голштинские войска в Ораниенбауме; генерал-лейтенант с 1768 г., в отставке с 1769 г.

[100] С. 80. *Голицын* Александр Михайлович (1723—1807), вице-канцлер (1762—1775), впоследствии обер-камергер (1775), русский посланник в Париже (1749—1755), затем в Лондоне (1755—1761), вице-президент Коллегии иностранных дел (1771), способствовал вступлению на престол Екатерины II, с 1778 г. удалился со службы и жил в Москве.

[101] С. 81. *... указав несколько лиц...* — В Ропшу к Петру III были посланы его врач Лидерс, арап Нарцисс и обер-камердинер Тимлер.

[102] С. 83. Дворец Екатерингоф был построен Петром I в 1711 г. на островке, отделяемом речками Черной (будущей Екатерингофкой) и Таракановкой от Финского залива, на месте первой одержанной им морской победы 1 мая 1703 г. Петр I подарил дворец своей жене Екатерине Алексеевне и назвал его Екатерингофом (т. е. двором Екатерины). При Екатерине II был увеличен Екатерингофский парк, который стал местом увеселительных прогулок. Петербургская знать ежегодно 1 мая направлялась сюда по Екатерингофской дороге (затем Екатерингофский проспект — ныне проспект Римского-Корсакова) отметить день победы Петра I и встречу весны.

[103] С. 87. *Леонтьев* Николай Михайлович (1717—1769), родной брат свекрови Е. Р. Дашковой, генерал-аншеф; его жена Екатерина Александровна, урожд. графиня Румянцева (р. 1724).

[104] С. 88. *Бецкой* (Бецкий) Иван Иванович (1704—1795), камергер, действ. тайный советник. Внебрачный сын фельдмаршала И. Ю. Трубецкого, от которого получил фамилию (без первого ее слога). С 1762 г. возглавлял «Канцелярию от строений»; с 1763 по 1794 г. президент Академии художеств и директор Кадетского корпуса, создал ряд учебных и воспитательных учреждений в Петербурге и Москве (в частности, в 1764 г. «Воспитательное общество благородных девиц» — Смольный институт, который был закрыт после Октябрьской революции 1917 г.).

[105] С. 89. *Бирон* Эрнст Иоганн (1690—1772), герцог, фаворит императрицы Анны Иоанновны, создатель реакционного режима. После дворцового переворота 1740 г. был арестован и сослан; возвращен в Петербург Петром III.

[106] С. 89. *Бестужев-Рюмин* Алексей Петрович (1693—1766), дипломат, канцлер (1744—1758), генерал-фельдмаршал при Екатерине II. Во внешней политике стремился укрепить союз с Англией и Австрией против Франции, Пруссии и Турции.

[107] С. 90. *Лесток* Иоганн-Герман (1692—1767), граф, выходец из Франции, лейб-медик Елизаветы Петровны; вместе с французским послом Шетарди был противником политики канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, участвовал в дворцовых интригах в пользу возведения на престол Елизаветы Петровны. Бестужев-Рюмин обвинил его в шпионаже. В 1750 г. Лесток был сослан в Углич, а в 1762 г. освобожден Петром III.

[108] С. 91. *Безбородко* Александр Андреевич (1747—1799), св. князь, государственный деятель и дипломат. С 1775 г. секретарь Екатерины II, с 1783 г. фактически руководил российской внешней политикой, с 1797 г. канцлер.

[109] С. 91. *Нелидова* Екатерина Ивановна (1756—1839), воспитанница Смольного института, фаворитка Павла I до 1798 г., камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны, жены Павла I.

[110] С. 91. *Ростопчин* Федор Васильевич (1763—1826), граф, государственный деятель и дипломат. Его карьера началась после воцарения Павла I: с 1798 по 1801 г. он фактически возглавляет Коллегию иностранных дел, член Военной коллегии, генерал от инфантерии. В 1801 г. уволен в отставку. Главнокомандующий (генерал-губернатор)

в Москве (1812—1814), член Государственного совета (1814—1823); оставил интересные воспоминания об А. В. Суворове.

[111] С. 91. Речь идет о письме, напечатанном в XXI кн. «Архива кн. Воронцова» (с. 430) по копии, сообщенной Ф. В. Ростопчиным С. Р. Воронцову. Приводим текст этого письма: «Матушка милосердная Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы разнять, а его уж и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил: прогневили тебя и погубили души навек».

[112] С. 92. *Лопиталь* Пауль (L'Hôpital), маркиз, генерал-лейтенант, французский посол в Неаполе (1740—1756), в Петербурге (1756—1761).

[113] С. 94. *Зиновьев* Василий Николаевич (1754—1822), дипломат, сенатор, двоюродный брат Орловых, мать которых урожденная Зиновьева Лукерья Ивановна.

[114] С. 99. *Суворов* Василий Иванович (1709—1775), отец А. В. Суворова, был крестником Петра I, а в 1722 г. определен к нему в денщики, участник Семилетней войны, во время дворцового переворота руководил разоружением голштинского войска — личной гвардии Петра III, выполнял ответственные поручения Екатерины II, слыл неподкупным человеком; в 1768 г. вышел в отставку в чине генерал-аншефа.

[115] С. 100. *...я родила сына...*— Дашков Павел Михайлович (1763—1807), сын Е. Р. Дашковой, генерал-лейтенант, с 1782 г. адъютант Г. А. Потемкина, в 1798 г. военный губернатор в Киеве, с 1801 г. предводитель дворянства Московской губернии; генерал-поручик; гравер-любитель.

[116] С. 102. *Август* III Фридрих (1696—1763), король польский и курфюрст саксонский (с 1733 г.). Правление Августа III — время политического кризиса Речи Посполитой (польско-литовского государства).

[117] С. 102. *...польский престол оказался вакантным...* — по конституции Польши королевская власть не была наследственной: коро-

ля избирал сейм (сословно-представительное учреждение, состоявшее из двух палат).

[118] С. 102. *Пясты* — первая династия польских князей (ок. 960—1025) и королей (1025—79; 1295—1370).

[119] С. 102. *Чарторыжские* (Чарторыйские, Czartoryscy), польский княжеский род. После смерти короля Августа III польский кн. Чарторыжский Казимир-Адам (р. 1735 г.) претендовал на польскую корону, но, узнав, что Екатерина II поддерживает кандидатуру его двоюродного брата Станислава Понятовского, он отказался от своих притязаний и оказал содействие своему родственнику.

[120] С. 103. *Понятовский* Станислав-Август (1732—1798), польский магнат; в 1755—1758 гг. жил в Петербурге в качестве секретаря английского посольства, затем посла Саксонии и Речи Посполитой; фаворит Екатерины II (1755—1758); последний польский король (1764—1795).

[121] С. 103. *...Чернышевы...*— Чернышев Захар Григорьевич (1722—1784), граф, участник Семилетней войны, фельдмаршал и президент Военной коллегии с 1773 г., наместник Белоруссии с 1775 г.; главнокомандующий в Москве (1782—1784). Чернышев Иван Григорьевич (1726—1797), граф, брат З. Г. Чернышева, обер-прокурор Сената с 1760 г., чрезвычайный и полномочный посол в Лондоне (1768—1770), генерал-фельдмаршал, вице-президент Адмиралтейской коллегии с 1769 г.

[122] С. 104. *Мирович* Василий Яковлевич (1740—1764), подпоручик, летом 1764 г. совершил попытку освободить Ивана (Иоанна) VI из тюрьмы, чтобы возвести его на престол, за что был казнен.

[123] С. 104. *...престол Иоанну...*— Иван (Иоанн) VI Антонович (1740—1764), русский император в 1740—1741 гг.; за младенца правил Э. И. Бирон, затем мать Анна Леопольдовна. После свержения его с престола гвардией был заключен в тюрьму; убит при попытке освободить его. В XVIII в. Екатерину II откровенно обвиняли в убийстве Ивана Антоновича. А. И. Герцен, анализируя обстоятельства того времени, писал: «...ходили слухи, что попытка Мировича освободить и возвести на престол Иоанна Антоновича была спровоцирована Екатериной, искавшей предлога уничтожить низложенного императора» (Герцен А. И. Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. XII. М., 1957. С. 561.)

[124] С. 105. *Елагин* Иван Перфильевич (1725—1794), статс-секретарь Екатерины II, сенатор, писатель, директор придворного театра (1766—1779), член Российской Академии (с 1783 г.), переводчик.

[125] С. 106. ...— *Неккеру и его жене...* — Неккер Жак (1732—1804), французский министр финансов в 1777—1781, 1788—1790 гг.; сыграл большую роль в подготовке Генеральных штатов 1789 г. и в предоставлении третьему сословию двойного представительства. Его жена Сюзанна (1732—1794), писательница, хозяйка литературного салона, мать будущей писательницы Анны-Луизы Жермены баронессы де Сталь (1766—1817), автора романов «Дельфина» (1802) и «Коринна» (1807); в своем журнале «Германия» выступала против Наполеона и вынуждена была в 1812 г. бежать из Франции. Она жила в Вене, Стокгольме, Лондоне, Москве и Петербурге, где познакомилась с фельдмаршалом М. И. Кутузовым и его женой Екатериной Ильиничной, с которой потом переписывалась. После смерти М. И. Кутузова (16 апреля 1813 г.) Сталь писала Е. И. Кутузовой: «Фельдмаршал Кутузов спас Россию, и ничто в будущем не сравнится со славою последнего года его жизни — сердце мое сжимается при мысли, что не увижу никогда человека, который был так же великодушен, как велик».

[126] С. 106. *Мазарини* Джулио (1602—1661), дипломат папы римского (1626—1640), кардинал (с 1641 г.), первый министр Франции с 1643 г., добился политической гегемонии Франции в Европе, отличался применением любых средств для достижения цели.

[127] С. 107. *Кейзерлинг* Карл-Генрих (1727—1794), дипломат, русский посол в Пруссии, Австрии и Польше.

[128] С. 107. *Крузе* Карл Федорович (1727—1799), выходец из Германии, лейб-медик с 1750 г. Елизаветы Петровны, Екатерины II и Павла I.

[129] С. 110. *Воейков* Федор Матвеевич (1703—1778), чрезвычайный российский посланник в Варшаве в 1758 г., генерал-губернатор в Кенигсберге в Семилетнюю войну (1762), в 1766 г. киевский и новороссийский генерал-губернатор, родственник мужа Дашковой.

[130] С. 110. ...*Собор Печерского монастыря...* — Киево-Печерский мужской монастырь (позднее — лавра) основан в Киеве в 1051 г. Ярославом Владимировичем Мудрым (978—1054). Наименование «Печерский» он получил от пещер, в которых жили первые монахи. Монастырь стал культурным центром Киевской Руси. *Успенский собор,* построенный в 1073—1089 гг., был расписан фресковой живописью и украшен мозаикой. Настенная роспись собора начиная с XV в. неоднократно изменялась. В XVIII в. роспись была произведена мастерами лаврской иконописной школы при участии киевского жи-

вописца Стефана Лубенского. На стенах собора были изображены во всем величии церковные и светские магнаты — митрополиты, князья, украинские гетманы и русские цари и др. Троицкая церковь (1106—1108) — уникальный памятник древнерусской архитектуры. В 1734 г. была расписана украинскими художниками на темы из истории христианской церкви, библейских и евангельских сказаний. Пол церкви вымощен фигурными чугунными плитами, выполненными на заводах Демидова.

[131] С. 110. *В Киеве давно уже были академия и университет* — Академия была основана в 1615 г. как школа при Братском монастыре, в 1632 г. она слилась со школой Киево-Печерского монастыря, созданной Петром Могилой, и стала высшим светским учебным заведением — Киево-Могилянской коллегией. В 1701 г. указом Петра I была преобразована в Академию. В Киево-Могилянской академии в начале XVIII века обучалось около 2 тысяч студентов. Здесь получил образование украинский философ Г. С. Сковорода, а осенью 1734 г. занимался изучением философии, курса «Поэтики» Феофана Прокоповича, древних летописей и др. М. В. Ломоносов (см.: Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л.: Наука, 1971. С. 74—77). Киевский университет был основан лишь в 1834 г.

[132] С. 110. *Ньютон* Исаак (1643—1727), английский физик, математик и философ, член и президент (с 1703 г.) Лондонского королевского общества.

[133] С. 112. *Волчков* Сергей Саввич (1707—1773), переводчик при русских послах в Берлине (1730—1740), секретарь и переводчик канцелярии Петербургской Академии наук (1740—1748), директор типографии Сената.

[134] С. 112. *Штелин* Петр Яковлевич (1744—1800), сын академика Я. Я. Штелина; переводчик, перевел на немецкий язык книгу М. В. Ломоносова «Краткий Российский летописец с родословием» и издал в Лейпциге в 1765 г. и в Риге в 1767 и 1771 гг.; гравер, секретарь при русских посольствах в Копенгагене, Дрездене и Гааге, а затем советник посольства в Дрездене во времена Екатерины II.

[135] С. 113. *Воронцов* Артемий Иванович (1748—1813), граф, сын Ивана Илларионовича Воронцова (1719—1789), дяди Е. Р. Дашковой; внук знаменитого кабинет-министра Артемия Петровича Волынского (по матери); дальний родственник (бабушка А. С. Пушкина Мария Алексеевна Ганнибал (1745—1818) была троюродной сестрой Артемия Ивановича) и крестный отец А. С. Пушкина. С 1765 по 1773 г.

служил в Конногвардейском полку, впоследствии действительный тайный советник, сенатор.

[136] С. 113. *Долгоруков* Владимир Сергеевич (1720—1803), князь, с 1762 по 1781 г. посланник России при прусском дворе Фридриха II, тайный советник, с 1787 г. жил в Москве.

[137] С. 113. *...королева...* — супруга короля Пруссии Фридриха II Елизавета-Христина.

[138] С. 113. *...принц Генрих с супругой...* — принц прусский Генрих-Фридрих-Людвиг (1744—1797), брат короля Фридриха II. С 1786 по 1797 г. — прусский король Фридрих-Вильгельм II; в 1792 г. заключил военный союз с Австрией против революционной Франции.

[139] С. 113. *...графом Финкельштейном...* Карл Вильгельм Финк фон Финкенштейн (1714—1800), кабинет-министр прусского короля Фридриха II.

[140] С. 113. *Сан-Суси* — королевский дворец возле Потсдама.

[141] С. 116. *Суссекс* Генри (1728—1788), муж двоюродной сестры отца Марты Вильмот.

[142] С. 116. *...Пушкин...* — Мусин-Пушкин Алексей Семенович (1732—1817), русский посол в Лондоне (1765—1779) и в Стокгольме.

[143] С. 117. *Дидро* Дени (1713—1784), французский просветитель-энциклопедист, философ, писатель, знаток искусства. Русский посол в Париже Д. А. Голицын в 1765 г. убедил Дидро, нуждавшегося в деньгах, продать библиотеку (3 тыс. книг) Екатерине II. Императрица сделала эффектный жест: она купила его библиотеку за 15 000 ливров, оставив книги у Дидро, и удостоила его званием своего личного библиотекаря с жалованьем 1000 ливров в год.

По приглашению Екатерины II Дидро приехал 28 сентября (9 октября по новому стилю) 1773 г. в Петербург в сопровождении русского дипломата Семена Кирилловича Нарышкина и остановился в его доме на Исаакиевской площади (ныне Исаакиевская пл., д. 9).

Изучив «Наказ» Екатерины II депутатам Комиссии, открытой в 1767 г. для подготовки новых российских законов, Дидро сделал много замечаний, веря, что Россия при Екатерине II может стать просвещенной страной. Императрица охотно беседовала с гостем о просвещении и науках, образе правления, но не собиралась следовать его рекомендациям. Она сказала французскому посланнику Л.-Ф. Сегюру о Дидро: «Если б я доверилась ему, мне пришлось бы все перевернуть в моей империи: законодательство, администрацию, политику, финансы; я должна была бы все уничтожить, чтобы заме-

нить это непрактичными теориями». Разочарованный Дидро через 5 месяцев, 22 февраля 1774 г., покинул Петербург. После смерти Дидро Екатерина II написала Мельхиору Гримму: «Добудьте для меня все произведения Дидро. Вы заплатите за них, что потребуют. Конечно, они не выйдут из моих рук и никому не повредят». В июне 1785 г. библиотеку Дидро перевезли в Петербург, где она рассеялась по книгохранилищам, и ее поиски все еще продолжаются.

[144] С. 117. *Жоффрен* (Мария-Тереза Роде) (1699—1777), одна из наиболее просвещенных женщин XVIII века, в ее литературном салоне собирался весь образованный и талантливый Париж; она была дружна с энциклопедистами; вела переписку с Екатериной II, Станиславом Понятовским и другими монархами.

[145] С. 120. *Рюльер был в России... послом барона Бретейля...* Рюльер Клод-Карломан (1735—1791), французский историк и дипломат, в 1760—1762 гг. был атташе при французском посольстве в Петербурге. В 1768 г. он написал книгу «Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en année 1762» («История, или Анекдоты, о революции в России в 1762 г.»). Екатерина II сумела добиться того, чтобы при ее жизни «История» не была напечатана; ее издали в Париже в 1797 г. Эта книга — памфлет, переполненный скандальными анекдотами и изобилующий фактическими ошибками. Бретейль Луи Огюст (1730—1807), французский посланник в России, в Дании, Швеции, Австрии; премьер-министр Франции (1789 г.).

[146] С. 121. *Голицын* Дмитрий Алексеевич (1734—1803), князь, ученый и дипломат, посол во Франции (1760—1768) и в Нидерландах (1769—1782), друг Вольтера и других французских просветителей, почетный член Петербургской Академии наук и 5 иностранных академий, знаток искусств; подарил свою ценную и редкую коллекцию минералов (35 тыс. образцов) Минералогическому обществу в Иене.

[147] С. 121. *Грамон* Беатриса де Шуазель (Gramont Béatrix de Choiseul, 1730—1794), герцогиня, сестра герцога Шуазеля, министра Людовика XV, имела большое влияние на своего брата в политических делах, была арестована во время Французской революции и умерла на эшафоте.

[148] С. 122. *Людовик XV* (1710—1774), французский король (1715—1774), был прозван царедворцами «le bien aimé» («горячо любимый»); его правление вызвало народное недовольство, так как он был не способен управлять государством, а его фаворитки (герцоги-

ня де Шатору, маркиза де Помпадур Жанна Антуанетта (1721—1764), графиня Жанна Дюбарри и др. разоряли Францию своей расточительностью; его излюбленный девиз: «Après nous le déluge» («После нас хоть потоп»).

[149] С. 122. *...дофин...* — Будущий король Людовик XVI (1754—1793), внук Людовика XV, царствовал с 1774 г. и был свергнут Великой французской революцией 1789 г. Его супруга (с 1770 г.), Мария-Антуанетта (1755—1793). Людовик XVI с женой были осуждены Конвентом и казнены. *...принцессы...* — дочери Людовика XV: Мария-Аделаида, Виктория-Луиза, Софи-Филиппина, Элизабета-Жюстина.

[150] С. 123. *Шуазель* (Choiseul) Этьен-Франсуа (1719—1785), французский политический деятель, герцог, посол в Риме и Вене (1753—1758), с 1758 по 1761 г. министр иностранных дел, с 1761 по 1770 г. премьер-министр, фактический руководитель Франции при Людовике XV.

[151] С. 124. *Артуа* Шарль Филипп де (1757—1836), брат Людовика XVI, эмигрировал во время Французской революции 1789 г. и посетил все европейские дворы с целью восстановления французской королевской династии. После смерти своего брата Людовика XVIII он взошел на престол под именем Карла X (1824—1830).

[152] С. 126. *Гюбер* Жан (1721—1786), швейцарский художник-любитель, сблизился с Вольтером и посвятил себя изображению его жизни («Утро Вольтера», «Вольтер на верховой прогулке», «Вольтер за шахматным столом» и др.). По совету М. Гримма Екатерина II приобрела эти картины.

[153] С. 126. *Пигаль* Жан-Батист (1714—1785), французский скульптор, представитель классицизма, член Парижской Академии. В 1776 г. создал статую Вольтера.

[154] С. 127. *Дени* Луиза (1712—1790), племянница Вольтера, его друг и наследница. Екатерина купила у нее библиотеку Вольтера и бюст работы Гудона. Последний секретарь Вольтера — Жан-Луи Ваньер составил каталог библиотеки, которую перевез в Петербург в 1779 г. и расставил книги в том же порядке, как они стояли в Фернее, за что Екатерина II пожаловала ему пожизненную пенсию в 1500 ливров.

[155] С. 128. *Веселовский* Авраам Павлович (1683—1780), русский дипломат в Амстердаме (1715) и в Вене до 1719 г. (до расторжения русско-австрийских отношений); в Россию не возвратился из-за бо-

язни быть привлеченным к суду по делу сына Петра I — Алексея (1690—1718).

[156] С. 128. *Братья* Крамеры Габриэль (1723—1793) и Филибер (1727—1779) в своей типографии печатали произведения Вольтера. У Габриэля Крамера были дружеские отношения с философом.

[157] С. 129. *...гофмейстер маркграфа баденского явился... от имени их светлостей...* Карл-Фридрих (1728—1811), великий герцог Баденский (правление с 1746 г.); его брат Карл-Людвиг, наследный принц Баденский; супруга Карла-Людвига — Амалия-Фредерика, принцесса Гессен-Дармштадтская; две дочери: 1) Луиза-Мария-Августа, впоследствии имп. Елизавета Алексеевна (1779—1826), жена Александра I (с 1793 г.); 2) Фредерика-Доротея-Вильгельмина, впоследствии супруга шведского короля Густава IV Адольфа.

[158] С. 130. *Рафаэль* Санти (1483—1520), великий итальянский живописец и архитектор Высокого Возрождения. Создал фрески залов папского дворца в Ватикане (Рим), Виллы Фарнезина (1514—1518). Живописные произведения: «Сикстинская мадонна» (1515—19, Дрезденская галерея), «Мадонна Конестабиле» (ок. 1500, Эрмитаж), «Мадонна с младенцем и Иоанном Крестителем» (1507, Лувр), «Мадонна со щеглом» (Уффици) и др.; эскизы росписи Лоджий в Ватикане (выполнена учениками в 1519 г.), точная копия Лоджий имеется в Эрмитаже (Ленинград). По его рисункам и проектам работали художники, скульпторы и архитекторы; руководил археологическими раскопками.

[159] С. 130. *Орлов* Владимир Григорьевич (1743—1831), граф, младший брат Г. Г. и А. Г. Орловых, окончил Лейпцигский университет, оставил записки о путешествиях Екатерины II по Волге в 1767 г., в свите которой он состоял; директор Академии наук (1766—1774). В. Г. Орлов был самодуром, от которого, как писал в своих мемуарах академик Я. Я. Штелин, «не могла их [ученых] защитить никакая коллегиальная система, ибо он рассматривал Академию как свою собственность, а членов ее — как своих батраков».

[160] С. 131. *Руссо* Жан-Жак (1712—1778), французский писатель и историк, оказал огромное влияние на развитие общественной мысли в Европе, представитель сентиментализма. Его романы: «Эмиль, или О воспитании» (1762), «Юлия, или Новая Элоиза» (1761), «Исповедь» (1782—89). Руссо в своем политическом трактате «Общественный договор» высказывал пессимистические взгляды на Россию и ее культуру, на что ему возражал Вольтер. Е. Р. Дашкова и Екатерина II

испытывали явную неприязнь к Руссо, но это не помешало фавориту императрицы Г. Г. Орлову (конечно, не без ее ведома) пригласить в 1767 г. Руссо жить в имении Орлова в Гатчине под Петербургом. Руссо не принял этого предложения, ответив 28 февраля 1767 г.: «Возможно, Вы ожидаете образованного человека, блестящего рассказчика, который должен был бы расплачиваться остроумием за Ваше великодушное гостеприимство, но перед Вами будет просто добрый малый; вкус и превратности судьбы сделали его очень замкнутым» (Россия — Франция. Век просвещения: Русско-французские культурные связи в 18 столетии (каталог выставки). Л., 1987. С.48).

[161] С. 131. *Домашнев* Сергей Герасимович (1743—1795), писатель, директор Академии наук (1775—1783).

[162] С. 131. *Карл* (1748—1818), принц шведский, брат Густава III и дядя Густава IV, впоследствии герцог Зюдерманландский. С 1792 по 1796 г. был во главе регентства при малолетнем Густаве IV. В царствование Густава IV Карл принимал участие в войне с Россией как начальник флота, с 1809 по 1818 г. он король Швеции Карл XIII.

[163] С. 131. *...королевы, своей матери* — речь идет о шведской королеве Луизе-Ульрике Прусской (1720—1782), матери Густава III, дочери прусского короля Фридриха-Вильгельма I и сестре прусского короля Фридриха II. Она вмешивалась в государственные дела мужа, заставляя его служить прусским интересам.

[164] С. 131. *...старшего брата...* — Густав III (1746—1792), король Швеции (1771—1792); во время правления содействовал развитию наук (основал Шведскую академию) и искусства, но не считался с мнением аристократического общества; был убит на маскарадном балу.

[165] С. 132. *...в картинной галерее...* — галерея входит в дворцовый ансамбль Цвингер, который был резиденцией курфюрстов Саксонского двора; была основана в 1560 г., и с тех пор ее собрание картин постоянно пополнялось, в 1754 году была приобретена в итальянском монастыре «Сикстинская мадонна» Рафаэля.

[166] С. 133. *...князъ Орлов не был более фаворитом...* — Г. Г. Орлов был в фаворе у Екатерины II с 1759 по 1772 г., его заменил А. С. Васильчиков (1744—1803), который сохранил расположение императрицы до ноября 1774 года.

[167] С. 134. *Роджерсон* Джон-Самуэл (1741—1843), шотландский врач, после окончания Эдинбургского университета в 1765 г. приехал в Россию, где был придворным врачом в течение 50 лет, а в 1816 г. возвратился на родину.

[168] С. 134. *Потемкин* Григорий Александрович (1739—1791), государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал и князь Таврический (с 1784 г.); фаворит (1774—1776) и ближайший помощник Екатерины II; главнокомандующий русской армией в русско-турецкой войне 1787—1791 гг.

[169] С. 134. Речь идет о русско-турецкой войне 1768—1774 гг. Разгром турецкого флота в Чесменском бою, занятие Крыма заставили Турцию заключить Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (подписан 10 (21) июля в ставке главнокомандующего русской армией в деревне Кючук-Кайнарджа).

[170] С. 134. *Кауфман* Ангелика (Анжелика) (1741—1807), живописец и офортист, представитель классицизма, член Академии св. Луки (в 1762—1765, 1781—1807 жила и работала в Италии). В Лондоне (1766—1781) ее избрали в Королевскую академию, где она была единственной женщиной-художником. Ее картины: «Прощание Абеляра и Элоизы» (Гос. Эрмитаж), «Лакей» и «Служанка» (краеведческий музей г. Ногинска), автопортрет (Уффици) и др.

[171] С. 135. *Еропкин* Петр Дмитриевич (1724—1805), сенатор, генерал-аншеф (1773 г.), усмирил в Москве народный бунт в сентябре 1771 г. во время свирепствовавшей там чумы, за что получил от Екатерины II Андреевскую ленту; главнокомандующий в Москве (1786—1790).

[172] С. 135. *Левашов* Василий Иванович (1740—1805), генерал от инфантерии, командующий лейб-гвардии Семеновским полком, участник войн с Турцией и Швецией; действительный тайный советник, обер-егермейстер.

[173] С. 135. *Румянцев-Задунайский* Петр Александрович (1725—1796), генерал-фельдмаршал (с 1770 г.), более всего прославившийся в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. В память его побед был воздвигнут в 1799 г. по проекту В. Ф. Бренна (1745—1820) гранитный обелиск с надписью «Румянцова победам» (ныне находится в сквере у Академии художеств в Ленинграде).

[174] С. 135. *Воронцов* Иван Илларионович (1719—1789), брат Михаила и Романа Воронцовых, генерал-поручик, президент вотчинной коллегии в Москве.

[175] С. 136. *Щербинин* Андрей Евдокимович, бригадир, с 1775 г. муж Анастасии Михайловны, дочери Е. Р. Дашковой.

[176] С. 138. *...князъ Станислав...* — Понятовский Станислав (1755—1833), племянник польского короля; жил в Италии с 1795 г. и собрал коллекцию античной скульптуры.

[177] С. 139. *Робертсон* Вильям (1721—1793), шотландский историк, с 1762 г. ректор Эдинбургского университета, в 1764 г. был королевским историографом Шотландии, друг Юма и Гиббона.

[178] С. 139. *Вильмот* Эдвард (1747—1815), отец Кэтрин и Марты Вильмот.

[179] С. 139. *...Голирудгоуз* — дворец шотландских королей Голируд в Эдинбурге был построен в XVII веке на месте церкви аббатства (1128—1260 гг.).

[180] С. 140. *...несчастной королеве Марии.* — Мария Стюарт (1542—1587), шотландская королева (1561—1567), принимала участие в католических заговорах, претендовала на английский престол, по приказу английской королевы Елизаветы I была предана суду и казнена.

...сброшен ее фаворит итальянец. — Секретарем королевы и ее фаворитом был итальянский музыкант Давид Риччио (1540—1566), который был убит ее придворным в замке Голируд.

[181] С. 140. *Блэр* Хью (1718—1800), шотландский священник, профессор риторики Эдинбургского университета, писатель, его «Проповеди» изданы в 1777 г.

[182] С. 140. *Смит* Адам (1723—1790), шотландский экономист и философ, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии.

[183] С. 140. *Фергюсон* Адам (1723—1816), философ, профессор этики Эдинбургского университета (1764—1785).

[184] С. 142. *Дени* Арабелла (1708—1792), почетный член Дублинского общества поощрения искусств и земледелия, занималась благотворительной деятельностью.

[185] С. 143. *...написала четырехголосую музыку...* — ноты имеются в музыкальном альбоме Е. Р. Дашковой (см.: Пряшникова М. П. Музыкальный альбом Е. Р. Дашковой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1982. Л., 1984. С.191).

[186] С. 143. *Граттан* Генри (1746—1820), английский государственный деятель, в 1775 г. был избран членом палаты общин Ирландского парламента, где боролся за гражданские права ирландских католиков, за самостоятельность Ирландии, был одним из замечательных британских ораторов. Его речи изданы в 1822 г. в Лондоне.

[187] С. 143. *... их величествам...* — Георг III (1738—1820), английский король с 1760 г., из Ганноверской династии. В его правление Англия вела войну против боровшихся за независимость Северо-

Американских колоний. Георг III попросил Екатерину II продать ему 20 тысяч казаков, но она отказала ему в этом. Тогда Георг III купил 30 тысяч солдат во владениях немецких князьков за 4,7 миллиона фунтов стерлингов. В 1811 году при психически заболевшем Георге III назначено регентство его сына принца Уэльского (с 1820 г. Георга IV). Его жена София-Шарлотта.

[188] С. 144. *Гернгутеры* (Моравские братья) — религиозная секта в Чехии XV—XVII вв., последователи Иоанна Гуса, преследовались католической церковью и вынуждены были уезжать в другие страны.

[189] С. 145. *...принцессы-матери...* — Вильгельмины-Каролины Нассау-Дицкой, сестры Фридриха II.

[190] С. 145. *Принц Оранский...* — штатгальтер Нидерландов Вильгельм V (1748—1806), правил страной самостоятельно с 1766 г.

[191] С. 146. *Орлов* Григорий Григорьевич (1734—1783) с женой Екатериной Николаевной, урожденной Зиновьевой (1758—1781), фрейлиной Екатерины II, с 1777 г. статс-дамой, в 1780 г. отправились в Швейцарию к французскому врачу Симону Андре Тиссо (1728—1797). У Е. Н. Орловой открылась чахотка, но врач не смог спасти ее: она умерла в 1781 г. в Лозанне.

[192] С. 148. *Мелиссино* Иван Иванович (1718—1795), директор (1757—1771), а затем куратор Московского университета, член Российской Академии с 1783 г. Его жена Прасковья Владимировна, урожд. Долгорукова.

[193] С. 148. *...затмите фаворита...* — речь идет об Александре Дмитриевиче Ланском (1754—1784), который, будучи адъютантом Г. А. Потемкина, в 1779 г. стал фаворитом Екатерины II.

[194] С. 149. *...встретила в г. Малербе...* — Мальзерб Христиан Гийом де (1721— 1794), французский советник парламента, президент податной палаты, участвовал в редактировании Французской энциклопедии, главный директор книжной торговли при Людовике XV; президент и министр внутренних дел при Людовике XVI; был казнен в 1794 г.

[195] С. 149. *Салтыков* Иван Петрович (1730—1805), граф, фельдмаршал, участвовал в Семилетней войне, был храбрым военным, но не обладал талантом полководца, стал недоброхотом А. В. Суворова; генерал-губернатор московский (1797—1804).

[196] С. 149. *Самойлов* Александр Николаевич (1744—1814), граф, государственный и военный деятель, родной племянник Г. А. Потемкина, участник русско-турецкой войны 1768—1774 гг.; правитель кан-

целярии Совета (1776—1787), генерал-прокурор и государственный казначей (1792—1796).

[197] С. 149. *Шувалов* Андрей Петрович (1744—1789), сын П. И. Шувалова, литератор, с 1768 по 1783 г. член комиссии переводчиков, издававшей сочинения французских энциклопедистов, с 1787 г. член совета при Екатерине II, сенатор; часто бывал во Франции, переписывался с Вольтером и другими литераторами, был масоном; первый директор Московского и Петербургского ассигнационных банков; покровительствовал русским и иностранным художникам.

[198] С. 150. *...королева...* — французская королева Мария-Антуанетта (1755—1793).

[199] С. 150. *Рейналь* Гийом-Томас-Франсуа (1713—1796), французский историк и социолог, сотрудничал в «Энциклопедии» Д. Дидро.

[200] С. 150. *Полиньяк* Иоланда Мартина Габриэль, урожд. де Поластрон (1749—1793), герцогиня, была гувернанткой королевских детей, а потом стала близкой приятельницей королевы Марии-Антуанетты, имела апартаменты в Версале и другие чрезвычайные блага.

[201] С. 150. ... *Гардель обучал танцам моих детей...* — Это был один из братьев: Гардель Максимилиан (1741— 1787), французский танцовщик и хореограф, а в 1781—1787 гг. главный балетмейстер Парижской оперы или его младший брат Гардель Пьер (1758—1840), первый танцовщик Парижской оперы в 1780 г., главный балетмейстер и педагог в 1787—1827 гг., директор балетной школы при театре (1799—1815).

[202] С. 150. *...ученик Даламбера...* — Д'Аламбер Жан-Лерон (1717—1783), французский математик, механик и философ-просветитель, иностранный почетный член Петербургской Академии наук (1764).

[203] С. 150. *Гудон* Жан-Антуан (1741—1828), французский скульптор, автор бюстов Ж.-Ж. Руссо (1778), О. Г. Мирабо (1791), Ж.-Б. Мольера, статуи Вольтера (1781); член Парижской Академии с 1777 г.

[204] С. 150. *Нинетта* — персонаж комедии « Le caprice amoureux ou Ninette à la cour » («Любовный каприз, или Нинетта при Дворе»), 1755 г. французского драматурга, режиссера и композитора многих пародийных водевилей, комических опер и балетов Шарля-Симона Фавара (1710—1792) и его жены, актрисы, певицы и либреттиста Марии Жюстин, урожд. де Ронсере (1727—1772). Нинетта — скромная крестьянка, роль которой исполняла блестящая актриса и певица Мари Жюстин.

Комедия эта была поставлена в Петербурге в 1765 г. Хореограф Максимилиан Гардель сочинил балет «Нинетта при Дворе» по либретто Фаваров и на музыку В. Л. Чампи. Премьера балета состоялась 18 августа 1778 г. в Королевской академии музыки в Париже.

[205] С. 150. *Гибер* Ипполит (1743—1790), граф, маршал Франции, военный писатель, автор известного сочинения «Essai géneral de tactique» («Всеобщий опыт тактики»). Люттих, 1773.

[206] С. 152. *Полиньяк* Жюль Франсуа (1743—1817), герцог, муж Иоланды Полиньяк, первый шталмейстер королевы Марии-Антуанетты; в 1789 г. эмигрировал в Вену, затем на Украину, умер в Петербурге.

[207] С. 152. *Сен-Сир* — школа для дочерей бедных дворян, была создана в 1686 г. Франсуазой де Ментенон (второй женой Людовика XIV), обладавшей большими педагогическими способностями. Эта школа послужила образцом для Екатерины II при основании Смольного института.

[208] С. 152. *Я узнала ... что Фальконет...* — Фальконе Этьен-Морис (1716—1791), французский скульптор, директор фарфоровой мануфактуры в Севре (1757— 1766); профессор Парижской Академии живописи и скульптуры. По рекомендации Д. Дидро и русского посла во Франции Д. А. Голицына был приглашен работать в Петербург, где создал бронзовый памятник Петру I («Медный всадник») и обессмертил свое имя этим творением. Его скульптуры находятся в Лувре, Эрмитаже, Академии художеств и других музеях.

[209] С. 152. *Колло* Мари-Анн (1748—1821), французский скульптор, в 1766 г. приехала со своим учителем Э.-М. Фальконе в Петербург и создала модель головы Петра I для памятника «Медный всадник», скульптуры Дидро, Вольтера, Э.-М. Фальконе, два мраморных барельефа (портреты Петра I и его дочери Елизаветы Петровны) в Китайском дворце в Ораниенбауме (ныне г. Ломоносове) и др. Петербургская Академия художеств избрала ее почетным академиком, а за участие в сооружении памятника Петру I ей была назначена пожизненная пенсия.

[210] С. 155. *Бирон* Шарль Арман (1700—1788), герцог, маршал Франции.

[211] С. 155. *Опера* — Парижский оперный театр, или «Гранд-Опера», официально называется с 1671 года Королевской Академией музыки и танца. Новое здание Оперы было построено в 1863—1875 гг. архитектором Шарлем Гарнье. Это самый большой в мире театр,

площадь которого более 11 000 кв. м, внутреннее убранство Оперы насыщено скульптурой и живописью. Плафон зрительного зала в 1966 году был заново расписан художником Марком Шагалом.

[212] С. 155. *Французский театр* — «Комеди Франсез», национальный театр Франции, основанный в 1680 г. в Париже по указу Людовика XIV. В театре имеется Музей «Комеди Франсез» с богатыми архивными и художественными коллекциями.

[213] С. 156. *Король сардинский...* — Сардинское королевство (1720—1861) включало Пьемонт и о. Сардинию, с 1773 г. королем был Виктор Амадей (1726— 1796).

[214] С. 157. *Фирмиан* Карл (1718—1782), министр короля, политический деятель, основал Школу изящных искусств в Милане.

[215] С. 157. *Борромейские острова* — это четыре скалистых островка на озере Лаго-Маджиоре, получившие свое название от миланского рода Борромео, один из этого рода в XVI—XVII вв. сделал острова плодородными и вырастил на них сады.

[216] С. 157. ... *одним из Борромеев* ... — Речь идет о Борромео Карло (1538—1584), кардинале и архиепископе Миланском, дядей которого был папа Пий IV.

[217] С. 157. ...*Великим Комо, благодаря которому возродилась и расцвела наука в Италии.*—Имеется в виду Медичи Козимо Старый или Старший (1389—1464), основатель некоронованной династии Медичи, банкир, фактический правитель Флоренции с 1434 по 1464 гг.; основал академию и библиотеку, покровительствовал художникам, ученым и поэтам; собирал древние художественные сокровища. Его сын Пьеро Медичи Подагрика (правил с 1465 по 1469 г.) и внук Медичи Лоренцо (1449—1492), прозванный Великолепным (правил с 1469 г.), способствовали развитию культуры Возрождения и индивидуальных личностей. Особенно выделялся Лоренцо Медичи, тонкий и жестокий политик, философ, коллекционер памятников античного искусства, рукописей, друг поэтов и художников и сам крупнейший поэт своего времени, любитель празднеств, турниров и карнавалов, во время которых вся Флоренция распевала веселую песенку на слова его сонета:

О, как молодость прекрасна,
Но мгновенна. Пой же, смейся,
Счастлив будь, кто счастья хочет,
И на завтра не надейся!

[218] С. 157. *Страбон* (64/63 г. до н. э. — 23/24 н. э.), древнегреческий географ и историк, автор «Географии» (в 17 кн.).

219 С. 157. Троянская война воспета Гомером в «Илиаде» и «Одиссее», десятилетняя война союза ахейских царей во главе с Агамемноном — царем Микен против Трои (города Малой Азии) завершилась победой ахейцев и разрушением Трои.

220 С. 157. *Пелопс* — в греческой мифологии сын малоазийского царя Тантала. На пиру у себя Тантал подал богам мясо убитого им сына. Разгневанные боги оживили Пелопса. Став мужем дочери царя Элиды, Пелопс унаследовал власть в Элиде и распространил ее на всю Южную Грецию, название которой «остров Пелопоннес» древние греки связывали с Пелопсом.

221 С. 158. *...работы Джиованни...* — Джованни да Болонья (Джамболонья, собственно Жан де Булонь, 1529—1608), итальянский скульптор, последователь Микеланджело. Главные его произведения: «Похищение сабинянок» (во Флоренции), «Меркурий и Психея» (в Версале), «Летающий Меркурий» (во Флоренции), конная статуя Козимо I (во Флоренции), изображения на бронзовых дверях Пизанского собора.

222 С. 158. *Андреа дель Сарто* (1486—1530), итальянский живописец эпохи Возрождения; писал картины и фрески на религиозные и мифологические темы, а также портреты. Его картины в Государственном Эрмитаже: «Мадонна с младенцем, святыми Екатериной, Елизаветой и Иоанном Крестителем» и копия XVI в. с его картины «Святое семейство», хранящейся в Лувре.

223 С. 159. *Мочениго* Дмитрий (ум. 1801 г.), граф, венецианский дворянин; за помощь русскому флоту в первой русско-турецкой войне его взяли на русскую службу; в Венеции был посажен в тюрьму, но затем освобожден по ходатайству русского адмирала Г. А. Спиридова; русский поверенный при Тосканском дворе (1778—1793).

224 С. 160. *Гвидотти* Паоло (1569—1626), итальянский художник.

225 С. 160 ... *картины Гвидо* ...— Рени Гвидо (1575—1642), итальянский живописец, представитель болонской школы. Из его картин наибольшей известностью пользуются «Распятие св. Петра» (находится в Ватиканской галерее), плафон «Аврора» в палаццо Распильози (Рим), «Избиение младенцев», «Подвиги Геркулеса» (в Луврском музее в Париже) и др. В Эрмитаже имеется одиннадцать картин («Поклонение волхвов», «Похищение Европы», «Юность богоматери» и др.).

226 С. 162. *Леопольд II* (1747—1792), великий герцог Тосканы

в 1765— 1790 гг. (Пьер-Леопольд I); император, эрцгерцог Австрии, король Богемии и Венгрии (1790— 1792); сын Франца I и Марии-Терезии.

[227] С. 162. *Иосиф II* (1741— 1790), австрийский эрцгерцог с 1780 г.; в 1765—1780 гг. соправитель Марии-Терезии, своей матери; император Священной Римской империи германской нации с 1780 г.; проводил политику так называемого просвещенного абсолютизма.

In coena domini (*лат.* «за трапезой господней») — начальные слова буллы, изданной папой Урбаном V (1362—1370), возобновленной Пием V в 1567 г., Урбаном VIII в 1627 г. и другими. Эта булла провозглашала преимущество папского престола над светской властью и должна была ежегодно читаться во всех церквах.

Император Иосиф II старался подчинить духовенство государству. В 1781 г. он запретил всем архиепископам в Австрии и ее областях принимать без правительственного одобрения папские буллы; уничтожил более семисот монастырей, а их собственность секуляризировал; из ведения духовенства изъял книжную цензуру и школы. Леопольд II проводил политику своего брата Иосифа II.

[228] С. 162. *«Уксус четырех воров»* в 1814 г. рекламировали в Петербурге как «преизящное средство для очищения комнаты от дурного воздуха, для чего нужно налить несколько капель на горячую плитку».

[229] С. 162. *Львов* Николай Александрович (1751—1803), русский архитектор, художник, поэт, музыкант, член Российской Академии (с 1783 г.).

[230] С. 163. *Берни* Франсуа-Иоахим-Пьер (1715—1794), кардинал и министр Людовика XV, с 1744 г. член Французской Академии, с 1752 г. французский посланник в Венеции, с 1769 г. французский посол в Риме; его стихотворные произведения изданы в собрании его сочинений в 1797 и 1825 гг.

[231] С. 163. *Байерс* Джеймс (1733—1817), шотландский архитектор, археолог и антиквар; в 1750—1790 гг. находился в Риме, где собирал античную скульптуру.

[232] С. 163. *...я видела папу...* — Пий VI (Джиованни-Анжело Браски, 1717— 1799), папа римский (1775—1799).

[233] С. 163. *Via Appia* — Аппиева дорога между Римом и Капуей, одна из старейших в мире, проложена в IV в. до н. э. по инициативе римского консула Аппия Клавдия. По ней шли римские легионы на завоевание южных областей Италии, на ней стояли кресты с телами

распятых участников восстания Спартака. Ныне эта дорога — любимое место прогулок римской молодежи.

[234] С. 164. *Гакерты* — немецкие художники, пять братьев: Якоб Филлипп (1737—1807), пейзажист, жил в Стокгольме, Париже и Неаполе, где состоял придворным королевским живописцем; Иоанн Готлиб (ум. 1773), Георг Абрагам (1755—1805), гравер; Карл (1740—1800), Вильгельм (1748—1780), портретист.

[235] С. 164. *Гамильтон* Гевин (1730—1795), английский художник; учился в Риме, где провел большую часть своей жизни. Из его произведений наиболее известны: фрески на вилле Боргезе в Риме, изображающие сцены из истории Психеи; «Андромаха оплакивает смерть своего супруга» и другие. В 1763—1769 гг. производил раскопки виллы Адриана, близ Тиволи, и нашел много памятников античной скульптуры. Крупный коллекционер, он занимался и торговлей древностями, стал поставщиком музея Ватикана и Британского музея и даже предлагал Екатерине II купить громадную статую сидящего Юпитера, обнаруженную на вилле Адриана, но императрица через М. Гримма ответила отказом. В 1773 г. издал работу об итальянских художниках.

[236] С. 164. *Дамер* — Деймер Анна Сеймур (Damer Anna Seymour , 1748—1828), английский скульптор. Ее работы: статуя Георга III в Эдинбурге, бюст адмирала Нельсона в Лондонской ратуше, портреты английских аристократов и др.

[237] С. 164. *Вилла «Фарнезина»* была построена архитектором Бальдассаре Перуцци в окрестностях Рима около 1510 г., в 1582 г. ее приобрел кардинал Алессандро Фарнезе. Роспись комнат виллы выполнена Рафаэлем Санти и его учениками.

[238] С. 166. *Разумовский* Андрей Кириллович (1752—1836), князь, русский посол в Неаполе (1778—1784), в Копенгагене (с 1784), в Стокгольме (с 1786), с 1790 по 1807 г. посланник, затем посол в Вене (у короля венгеро-богемского); вышел в отставку в 1807 г., но продолжал выполнять дипломатические поручения Александра I, участвовал в Венском конгрессе 1814—1815 гг.

В Вене у него был музыкальный салон, где исполняли свои произведения Л. Бетховен, посвятивший ему скрипичный квартет ор. 59, Моцарт, Гайдн и др.

[239] С. 166. *...Гамильтоном и его супругой...* — Гамильтон Вильям (1730—1803), английский посланник при неаполитанском дворе (1764—1800); после открытия Помпеи и Геркуланума изучил и соста-

вил в 1765 г. коллекцию греческих и этрусских ваз, которая положила основание собранию ваз Британского музея. Оставил описание своих путешествий на Везувий, Этну и Липарские острова и издал в 1776—1777 гг. пиктографии вулканических явлений. Его первая жена Гамильтон Кэтрин (1738—1782), известная пианистка. В их доме в Неаполе и на вилле Ангелика собиралось избранное общество.

[240] С. 166. *Галиани* Фернандо (1728—1787), аббат, итальянский государственный деятель, литератор, экономист; секретарь (1759), затем неаполитанский посол (1760—1769) в Париже; был хорошо знаком с французскими философами, И. И. Шуваловым, В. Гамильтоном и др.

[241] С. 166. *Геркуланум* (в настоящее время — Эрколано) и *Помпеи* — города Римской империи на юге Италии, погибшие в 79 г. н. э. от извержения вулкана Везувия, были засыпаны пеплом и погребены слоем лавы. С 1748 г. начались археологические раскопки, которые открыли полуразрушенные городские кварталы с жилыми домами, театрами, термами, библиотеками, храмами, рынками, виллами с мозаиками и фресками и др.

[242] С. 166. *Их величества...* — Фердинанд IV (1751—1825), неаполитанский король. Его жена Каролина-Мария (1752—1814), дочь императрицы Марии-Терезии; была под большим проанглийским влиянием своей приятельницы леди Эммы Гамильтон (1761—1815).

[243] С. 167. *Астрея* (астерия, астерикс; от «астер» — греч. «звезда») — камень с явлениями астеризма — звездчатости, оптического эффекта, проявляющегося в виде трех-, четырех-, шести- или двенадцатилучевой звезды в некоторых кристаллах при освещении (напр., рубин, сапфир, гранат).

[244] С. 167. *Плиний* Старший Секунд Гай (р. 23 г. н. э.), римский ученый, его труд «Естественная история» (в 37 кн.) — энциклопедия естественнонаучных знаний античности, содержит также сведения по истории искусства, истории и быту Рима. Плиний Старший погиб при извержении вулкана Везувия в 79 г. н. э. Он мечтал запечатлеть в своей книге извержение вулкана как живой свидетель, но гибель городов Помпеи и Геркуланума и его собственную смерть описал его племянник по матери Плиний Младший (61 или 62 — ок. 114 гг. н. э.), римский писатель и оратор, друг Тацита.

[245] С. 168. *Азара* Хосе Николо (1731—1804), испанский дипломат, уполномоченный представитель испанского короля при папе в Риме, посол во Франции в 1798 и 1802 гг.

[246] С. 168. *Винкельман* Иоганн Иоахим (1717—1768), немецкий историк искусства, библиотекарь и смотритель коллекций кардинала Альбани в Риме; автор труда «История античного искусства» (1764).

[247] С. 169. ... *Павла с супругой.* — Великокняжеская чета Павел Петрович и Мария Федоровна в 1781—1782 гг. совершила путешествие по Российской империи и Западной Европе под именами графа и графини Северных в сопровождении писателя и переводчика С. И. Плещеева (1752—1802) и др. Посетив Австрию и Италию, они один месяц провели во Франции, где были на приемах двора Людовика XVI и Марии-Антуанетты, встречались с французскими писателями Д'Аламбером, Мармонтелем, Лагарпом, попросили Пьера-Огюстена Бомарше прочесть пьесу «Женитьба Фигаро», о которой говорила вся Европа (см. об этом сочинение С. И. Плещеева «Начертание путешествия их императорских высочеств ... Павла Петровича и ... Марии Федоровны под именем графа и графини Северных...». Спб., 1783).

[248] С. 169. *Маруцци* Павел (1720—1790), маркиз, русский дипломатический представитель в Венеции с 1769 г.

[249] С. 169. *Каналетто* Джованни Антонио (1697—1768), итальянский живописец и офортист, автор пейзажей-панорам с изображением архитектурных ансамблей и памятников Венеции со сценами городской жизни.

[250] С. 170. *Голицын* Дмитрий Михайлович (1721—1793), князь, русский посол в Вене в течение 30 лет, где и скончался; знаток изящных искусств.

[251] С. 170. *Кауниц* Венцель Антон (1711—1794), князь, австрийский государственный канцлер в 1753—1792 гг., главный руководитель австрийской политики при Марии-Терезии; содействовал сближению Австрии с Россией и Францией.

[252] С. 170. ... *заставил ждать папу* ... — Изощренный политик, Кауниц заставил ждать папу Пия VI, безусловно, из дипломатических соображений. Пий VI упорно добивался возврата привилегий духовенства, и поездку в Вену он предпринял с целью повлиять на императора, но Иосиф II не изменил своих антипапских действий. Впоследствии, в 1798 г., у Пия VI потребовали отречения от светской власти. После его отказа он был увезен в Альпы, в Валане, где и умер в 1799 г.

[253] С. 172. ...*основы Уложения своего отца...* — Речь идет о Соборном уложении 1649 г. царя Алексея Михайловича — своде зако-

нов Русского государства; Уложение было принято Земским собором 1648—1649 гг.

[254] С. 174. *Сакен* Иоганн-Густав (1730—1789), барон, саксонский посланник в Петербурге.

[255] С. 176. *Меллендорф* Вильгельм Иоахим Генрих (1724—1816), прусский фельдмаршал.

[256] С. 176. *Броун* Георг (1698—1792), генерал-аншеф на русской службе с 1730 г., губернатор Риги (1762—1792).

Часть вторая

[257] С. 177. *...Полянская с дочерью...* — Дочь сестры Е. Р Дашковой Елизаветы Романовны, Анна Александровна, в замужестве баронесса д'Огье.

[258] С. 178. *Потемкин* Павел Сергеевич (1743—1796), граф, генерал-аншеф, племянник Г. А. Потемкина, участник первой русско-турецкой войны, сподвижник А. В. Суворова, писатель и переводчик.

[259] С. 182. *Огинский* Михаил-Казимир (1729—1800), великий гетман Литовский (1768—1793), претендовал на польский престол в 1764 г., после колебания примкнул к Барской конфедерации. 30 августа 1771 г. внезапно атаковал русский отряд полковника А. Алябьева и почти весь захватил его в плен, тогда А. В. Суворов разгромил четырехтысячный отряд Огинского, за что получил высочайшее одобрение Екатерины II и был награжден орденом св. Александра Невского.

[260] С. 185. *...дом Фридерикса стоит на Английской набережной.* — Речь идет о петербургском доме придворного банкира Ивана Юрьевича Фридерикса (1723—1779). Вдова банкира продала этот дом в 1782 г. Е. Р. Дашковой. Современный адрес дома — набережная Красного Флота, д. 16.

[261] С. 189. *Аркадия* — итальянское общество поэтов. Возникло в Риме в XVII в.

[262] С. 190. Указ Екатерины II Сенату от 24 января 1783 г. гласил: «Дирекция над С.-Петербургскою Академиею наук препоручается статс-даме княгине Дашковой».

[263] С. 193. *Эйлер* Леонард (1707—1783), швейцарец по рождению,

в России с 1727 г., профессор физики и высшей математики Академии наук в Петербурге; написал работы по механике, кораблестроению, движению планет. В 1741—1766 гг. он работал в Берлинской академии, затем вернулся в Петербург, где интенсивно трудился до конца жизни. Россия стала его второй родиной, где он прожил более 30 лет, а потомки его живут и сейчас.

[264] С. 193. ... *мужу своей внучки, Фусу* ... — Фусс Николай Иванович (1755—1825), швейцарец по происхождению, профессор математики Академии наук с 1783 г. в Петербурге, затем непременный секретарь Академии.

[265] С. 193. ... *для Комментариев, издаваемых Академией* ... — «Commentarii Academiae Scientiarum Imp. Petropolitanae», научное периодическое издание Академии наук, с 1728 по 1751 г. вышло 15 томов. Переименованные затем в «Новые комментарии Петербургской Академии наук», они были изданы в 1750—1776 гг. в 20 томах. В 1778—1786 гг. их заменили «Acta Academiae Scientiarum Imp. Petropolitanae» (Труды Петербургской Академии наук), 6 томов, и «Nova Acta ASP» (Новые труды Петербургской Академии наук), 1787—1806, 15 томов.

[266] С. 193. ... *его сына* ... — Эйлер Иоганн-Альбрехт (1734—1800), сын Леонарда Эйлера, профессор физики, с 1769 по 1800 г. непременный секретарь Петербургской Академии наук.

[267] С. 193. *Штелин* Яков Яковлевич (1709—1785), профессор красноречия и поэзии Петербургской Академии наук, заведовал гравировальной палатой с 1738 г., директор Художественного департамента Академии наук с 1747 г., возглавил медальерное искусство с 1757 г. (по его проектам было изготовлено свыше 150 памятных медалей). Был избран почетным членом Мадридской и Гарлемской академий, Геттингенского исторического института, Лейпцигского общества свободных наук, Лондонского общества антиквариев. Оставил «Воспоминания о живописцах в России», «Известия о музыке в России», «Известия о танцевальном искусстве и балетах в России» и др., которые хранятся в отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

[268] С. 194. *Вяземский* Александр Алексеевич (1727—1793), князь, государственный деятель; с 1764 г. генерал-прокурор Сената; член Совета при высочайшем дворе с 1769 г.

[269] С. 196. *Георги* Иван Иванович (1729—1802), немец по национальности, химик, этнограф; с 1783 г. академик Петербургской Акаде-

мии наук, автор книги «Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятных окрестностей оного» (Спб., 1794) и труда о народах России (1776—1777). В честь Георги назван цветок георгина.

[270] С. 197. *Штакельберг* Отто (1736—1800), барон, известный дипломат, русский посланник в Испании и Польше.

[271] С. 197. ... *стрельнинский дворец* ... — Дворец в Стрельне на южном побережье Финского залива (в 19 км от Ленинграда) построен по проекту итальянского архитектора Н. Микетти, а затем реконструирован В. В. Растрелли, М. Д. Расторгуевым, Н. Жираром и А. Н. Воронихиным.

[272] С. 198. *Шубин* Федот Иванович (1740—1805), скульптор, с 1774 г. академик Академии художеств, с 1794 г. профессор этой Академии; созданные им скульптурные портреты (бюсты А. М. Голицына, П. А. Румянцева, Г. А. Потемкина, М. В. Ломоносова, В. Я. Чичагова и др.) отличаются психологической глубиной и высоким мастерством.

[273] С. 199. *Журнал* «Собеседник любителей российского слова» (1783—1784), издание Е. Р. Дашковой и Екатерины II; в нем принимали участие почти все русские писатели того времени.

[274] С. 199. *Козодавлев* Осип Петрович (1754—1819), писатель, советник при директоре Академии наук Е. Р. Дашковой, член Российской академии с 1783 г., заведовал изданием Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, был соредактором журнала «Собеседник любителей российского слова»; при Павле I был назначен обер-прокурором Сената, затем сенатором.

[275] С. 201. *...новой Академии...*— Российская Академия — научный центр по изучению русского языка и словесности — была открыта 21 октября 1783 г. в Петербурге и помещалась до 1800 г. в одноэтажном каменном доме на левом берегу Фонтанки, за Обуховским мостом (ныне наб. Фонтанки, 112). Указ о назначении Е. Р. Дашковой и «краткое начертание Российской Академии», написанное ею,— см.: ПСЗ, № 15839. О научной и просветительской деятельности Российской Академии см. также: Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных. Л.: Наука, 1986.

[276] С. 203. *Словарь* Академии Российской (Толковый словарь русского языка), ч. I—VI, был издан в Петербурге в 1789—1794 гг.

Это был первый толковый и нормативный словарь русского литературного языка, созданный по этимологическому, гнездовому принципу (см. Виноградов В. В. Толковые словари русского языка.— В кн.: Язык

газеты. М.—Л., 1941; Вомперский В. П. Словарь Академии Российской (1789—1794).— Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1983, № 6).

[277] С. 203. *Паллас* Петр Симон (1741—1811), русский естествоиспытатель, академик Петербургской Академии наук с 1767 г., географ и палеонтолог, руководил экспедициями Академии наук (1768—1774). Автор книг «Путешествие по различным провинциям Российского государства». Т. 1—3, 1773—1788; «Флора России». Т. 1—2, 1784—1788 и др. Академики Лепехин, Лаксман и другие осуждали некоторые поступки Палласа: он отправлял за границу коллекции, собранные им в экспедициях. Например, в 1774 г. администрация Академии задержала его очередную посылку с коллекцией насекомых в Голландию, причем некоторые из этих насекомых в академических коллекциях отсутствовали — об этом было отмечено в Протоколах Академического собрания (см.: Лукина Т. А. Иван Иванович Лепехин. М.; Л.; Наука, 1965. С. 125).

Паллас редактировал издание «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» (Спб. Тип. Шнора, 1787—1789. Ч. 1—2), в котором принимала участие императрица Екатерина II. В словарь вошли материалы, поступившие от русских губернаторов, русских посланников при иностранных дворах и от иностранных ученых, по программе, разработанной П. С. Палласом в 1785 г. Этот словарь был затем переработан и дополнен Ф. И. Янковичем де Мириево (см.: Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. Спб. Тип. Брейткопфа, 1790—1791. Ч. 1—4).

[278] С. 206. *Анненгофская дорога* вела к деревянному дворцу Анненгоф в западной части Петербурга, на взморье Финского залива (в XIX в. от дворца уже ничего не сохранилось), недалеко от дворца Екатерингоф.

[279] С. 207. *...соседних государей...*— Летом 1783 г. Екатерина II встречалась в Финляндии в г. Фридрихсгаме со шведским королем Густавом III.

[280] С. 208. *Нарышкин* Лев Александрович (1733—1799), обер-шталмейстер (заведовал придворным конюшенным ведомством).

[281] С. 208. *Стрекалов* Степан Федорович (1728—1805), тайный советник, член Кабинета Екатерины II (с 1775 г.), а затем управляющий Кабинетом (1775—1789); заведовал придворным театром с 1775 по 1789 г.

[282] С. 210. *Армфельд* Густав Мориц (1757—1814), доверенный друг шведского короля Густава III, играл большую роль в политической жизни страны, в 1792 г. шведский посланник в Неаполе. После убийства Густава III в 1792 г. Карл Зюдерманландский обвинил Армфельда в измене и приговорил к смерти. Армфельд эмигрировал в Россию. Шведский король Густав IV (1792—1809) возвратил его в 1799 г. и направил послом в Вену, затем генерал-губернатором в Финляндию (1805—1809); с 1811 г. Армфельд снова в России: президент Комитета по делам Финляндии и член Государственного Совета.

[283] С. 211. *...война с Швецией...* — Русско-шведская война 1788—1790 гг. возникла из-за попытки Швеции вернуть владения в Прибалтике. Русский флот победил в Гогландском (1788) и Ревельском (1790) сражениях. Война завершилась Верельским миром 1790 г.

[284] С. 212. *Грейг* Самуил Карлович (1736—1788), уроженец Шотландии, в российском флоте с 1764 г., отличился при сожжении турецкого флота в Чесменском бою (1770), с 1782 г. адмирал, 6 июля 1788 г. русская эскадра под его командованием одержала победу над шведами в бою у острова Гогланда.

[285] С. 212. *Франклин* Бенджамин (1706—1790), американский государственный деятель, ученый, просветитель, один из авторов Декларации независимости США (1776) и Конституции (1787), призывал к отмене рабства негров; известен трудами в области электричества; иностранный почетный член Петербургской Академии наук с 1789 г. Основал в 1743 г. Филадельфийское философское общество. Е. Р. Дашкова была избрана почетным членом этого общества 17 апреля 1789 г.

[286] С. 214. *Алферова* Анна Семеновна (1768—1809), дочь купца; бракосочетание ее с П. М. Дашковым состоялось 14 января 1788 г.

[287] С. 218. *Брюс* Яков Александрович (1732—1791), граф, участник Семилетней и первой русско-турецкой войн, в 1773 г. командовал Финляндской дивизией в русско-шведской войне, генерал-аншеф (с 1773 г.), главнокомандующий Москвы (1784—1786), генерал-губернатор С.-Петербургской губернии (1787).

[288] С. 219. Комедия Е. Р. Дашковой «Тоисиоков, или Человек бесхарактерный» вышла отдельным изданием в 1786 г. и была напечатана в «Российском феатре, или Полном собрании всех феатральных сочинений (1788. Ч. XIX. С. 239—317). Главный герой Тоисиоков не имеет ни воли, ни характера. В XVIII в. предполагали, что в пьесе

изображен Л. А. Нарышкин, который играл роль придворного шута при Петре III и Екатерине II. Ему противостоит главная героиня Решимова, обладающая и характером, и волей, и энергией. В Решимовой выражены черты личности автора комедии.

[289] С. 220. *Радищев* Александр Николаевич (1749—1802), революционный мыслитель и писатель; его произведения: «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), ода «Вольность» (1783), повесть «Житие Ф. В. Ушакова» (1789) и др. После окончания пажеского корпуса и Лейпцигского университета (1767—1771) служил в штабе генерал-аншефа Я. А. Брюса, в 1777 г. поступил асессором в Коммерц-коллегию, которую возглавлял А. Р. Воронцов, а в 1780 г. его назначили помощником управляющего С.-Петербургской таможней (она находилась в торговом порту у выхода Большого проспекта к Невской губе). Владея немецким, французским и английским языками, Радищев блестяще исполнял свои обязанности; внес предложения в Комиссию по составлению нового таможенного тарифа, за что получил в награду бриллиантовый перстень; с 1790 г. управляющий таможней, но 30 июня 1790 г. Радищева по повелению Екатерины II заключили в Петропавловскую крепость за антикрепостнические идеи и обличение самодержавия в его книге «Путешествие из Петербурга в Москву», приговорили к смерти, но помиловали ссылкой в Сибирь на 10 лет, откуда он был возвращен в 1797 г. после смерти Екатерины II. Его работа в Комиссии по составлению законов в 1801—1802 гг. принесла новое разочарование в царе Александре I и преследование за вольнолюбивые мысли. В ночь на 12 сентября 1802 г. его не стало: он принял яд.

[290] С. 221. *...горе моего брата...*— У А. Н. Радищева с А. Р. Воронцовым сложились дружеские отношения, о чем свидетельствуют письма Радищева своему покровителю, опубликованные в Архиве кн. Воронцова, кн. 12. Воронцов способствовал смягчению приговора Радищеву, материально поддерживал его в годы ссылки и определил его сына в Кадетский корпус, а дочерей в Институт благородных девиц.

[291] С. 221. *...фаворит...*— С 1789 года фаворитом Екатерины II был Зубов Платон Александрович (1767—1822), впоследствии участник заговора 1801 г. против Павла I.

[292] С. 221. *Княжнин* Яков Борисович (1742 или 1740—1791), драматург, член Российской Академии. Написал в 1789 г. трагедию «Вадим Новгородский», в которой главный герой предпочитает смерть

жизни под властью добродетельного монарха. Эта пьеса была напечатана в XXXIX т. «Российского феатра». Екатерина II распорядилась собрать все экземпляры трагедии и публично сжечь их.

[293] С. 224. *...мира и с Турцией.*— Ясский мирный договор завершил русско-турецкую войну 1787—1791 гг. и был подписан 29 декабря 1791 г. (по новому стилю 9 января 1792 г.).

[294] С. 226. *...жила одна в огромном доме отца...*— Один из загородных дворцов отца Е. Р. Дашковой был построен на Царской перспективе (ныне Московский пр., д. 17) за Обуховским мостом в четвертой Адмиралтейской части. Поместье простиралось и по набережной Фонтанки (ныне это участок дома № 110). Дворец был куплен в 1795 г. казной и перестроен зодчим А. Е. Штаубертом в 1806—1808 гг. под Военно-сиротский дом. С 1850-х годов в здании было размещено Константиновское артиллерийское училище, в настоящее время здесь находится Высшее артиллерийское ордена Ленина училище.

[295] С. 226. *...дать мне двухлетний отпуск* — Екатерина II предоставила отпуск Е. Р. Дашковой в 1794 г.

[296] С. 227. *Таврический дворец* был сооружен на левом берегу Невы в стиле строгого классицизма по проекту архитектора И. Е. Старова для кн. Г. А. Потемкина-Таврического; внутреннее убранство отличалось исключительной роскошью и великолепием. В настоящее время Таврический дворец (ул. Воинова, 47) служит местом общегородских собраний, конференций и выставок.

[297] С. 227. *Новосильцев* Николай Николаевич (1761—1838), внебрачный сын сестры А. С. Строганова, Марии Сергеевны, и Новосильцева Николая Устиновича, в 1786 г. служил в Коллегии иностранных дел; участвовал в русско-шведской войне 1788—1790 гг.; член Негласного комитета при Александре I, президент Академии наук (1803—1804); с 1813 г. вице-президент временного совета для управления Царства Польского.

[298] С. 227. *...Марии Саввишны...*— Перекусихина Мария Саввична (1739—1824), доверенная камер-юнгфера Екатерины II. Небогатая дворянка Рязанской губернии без всяких связей стала близкой наперсницей императрицы.

[299] С. 228. *Трощинский* Дмитрий Прокофьевич (1749—1829), статс-секретарь Екатерины II (с 1793 г.), сенатор (с 1796 г.), министр почт и уделов (1802—1806), министр юстиции (1814—1817).

[300] С. 229. *...в своем доме...*— Дом Е. Р. Дашковой в Москве находился на Малой Никитской ул. и был завещан М. С. Воронцову;

в конце XIX века перестроен под здание Консерватории (ул. Герцена, 13).

[301] С. 230. *Александра Павловна* (1783—1801), дочь императора Павла I и его супруги Марии Федоровны, была помолвлена в 1796 г. со шведским королем Густавом IV Адольфом (1778—1837), но брак не был заключен, так как шведы требовали, чтобы невеста переменила веру; в 1799 г. она вышла замуж за австрийского эрц-герцога Иосифа.

[302] С. 231. *Императрица скончалась.*— Екатерина II умерла 6 ноября 1796 г. и была погребена в Петропавловском соборе в Петербурге.

[303] С. 232. *Донауров* Михаил Иванович (1758—1817), управляющий Кабинетом при Павле I (1797—1799), сенатор (1813—1816).

[304] С. 232. *Куракин* Алексей Борисович (1759—1829), князь, двоюродный племянник Е. Р. Дашковой, с 1793 г. камергер, с 1796 по 1798 г. генерал-прокурор, с 1802 по 1807 г. генерал-губернатор Малороссии, с 1807 по 1811 г. министр внутренних дел.

[305] С. 233. *Измайлов* Михаил Михайлович (1722—1800), московский главнокомандующий с 21 марта 1795 г.

[306] С. 234. *...граф Мамонов...* — Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич (1758—1803), граф, с 1784 г. адъютант Г. А. Потемкина, в 1786—1789 гг. фаворит Екатерины II, генерал-адъютант.

[307] С. 235. *Лаптев* Василий Данилович (р. 1760), полковник, затем генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г.

[308] С. 238. *Долгорукова* Елизавета Петровна, урожд. Бакунина (1763—1798), племянница Е. Р. Дашковой; ее муж Долгоруков Михаил Александрович (ум. 1817), камергер.

[309] С. 238. *Исленьева* Анна Петровна (1770—1847), любимая двоюродная племянница Е. Р. Дашковой и ее воспитанница; с 1812 г. замужем за Малиновским Алексеем Федоровичем, видным историком и директором Московского архива Коллегии иностранных дел; была посаженой матерью невесты Наталии Николаевны Гончаровой на свадьбе А. С. Пушкина.

[310] С. 240. *Архаров* Николай Петрович (1742—1814), славился своими сыскными способностями, московский обер-полицмейстер с 1771 г., московский губернатор с 1782 г., с 1784 г. генерал-губернатор Новгородского и Тверского наместничества, в 1796—1797 гг. генерал-губернатор Петербурга. От его имени произошло прозвище русских полицейских — «архаровцы».

[311] С. 241. *Аракчеев* Алексей Андреевич (1769—1834), граф, гене-

рал; с 1808 г. военный министр, с 1810 г. председатель департамента военных дел Государственного совета, в 1815—1825 гг. фактический руководитель государства.

[312] С. 246. *... госпожа Воронцова...*— Авдотья Андреевна Воронцова (см.: Архив кн. Воронцова. Кн. 5. С. 260).

[313] С. 248. *...брат московского губернатора...*— Архаров Иван Петрович (1744—1815), генерал от инфантерии, брат Н. П. Архарова, не был губернатором.

[314] С. 249. *Лепехин* Иван Иванович (1740—1802), русский натуралист, географ, путешественник, академик Петербургской Академии наук с 1771 г., непременный секретарь Российской Академии, один из виднейших русских просветителей XVIII в.

[315] С. 251. *Маврокордато* Александра Львовна, урожд. Санти, княжна, племянница Е. Р. Дашковой, была замужем за князем Александром Ивановичем Маврокордато (1745—1819), молдавским господарем, принявшим русское подданство.

[316] С. 253. *Николаи* Андрей Львович (1737—1820), барон, личный секретарь императрицы Марии Федоровны и Павла I, с 1798 по 1803 г. президент Петербургской Академии наук.

[317] С. 254. *Тамара* (Томара) Василий Степанович (1740—1813), дипломат, во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. представитель России в Венеции; в 1783 г. принял участие в переговорах, завершившихся Георгиевским трактатом 1783 г.; в мае 1797 — июле 1802 чрезвычайный посланник и полномочный министр в Турции; с 1802 г. в отставке.

[318] С. 254. *Лопухин* Петр Васильевич (1753—1827), князь, генерал-прокурор Сената (1798—1799), министр юстиции (1803—1810), с 1814 г. председатель Государственного совета и Кабинета министров. Карьерой обязан своей дочери Анне Петровне Лопухиной (1777—1805), ставшей фавориткой императора Павла I.

[319] С. 254. *Альтести* Андрей Иванович (р. в 1750-е гг.— ум. после 1840), греческий авантюрист, был взят на службу в Константинополе посланником Булгаковым, в Петербурге в 1788 г. стал ближайшим сотрудником фаворита П. А. Зубова, который устроил его секретарем Екатерины II; в 1796 г. по приказу Павла I был заключен в Киево-Печерскую крепость, после освобождения в 1801 г. переселился в Италию.

[320] С. 257. *Татищев* Дмитрий Павлович (1767—1845), дипломат, племянник Е. Р. Дашковой, волонтер в армии Г. А. Потемкина во вре-

мя первой русско-турецкой войны; с 1795 г. член Российской Академии; русский посланник в Королевстве обеих Сицилий (в Неаполе) в 1802—1803 и 1805—1808 гг., в Мадриде (1815—1821), в Гааге (1821—1822), посол в Австрии (1826—1841), член Государственного совета и обер-камергер. Собрал в течение 40 лет огромную и редкую коллекцию картин, скульптур, оружия, драгоценных гемм (резные изображения на минералах), которую завещал Николаю I для Эрмитажа.

[321] С. 257. *...Александр окружил себя молодыми людьми...*— вероятно, имеется в виду «Негласный комитет» при Александре I, куда входили П. А. Строганов, А. Чарторыжский, В. П. Кочубей и Н. Н. Новосильцев: они готовили новые реформы.

[322] С. 258. *...Урусов, женившийся на моей племяннице...*— Урусов Александр Михайлович (1767—1853), князь, обер-камергер, член Государственного совета, гос. контролер, с 1824 г. сенатор; его жена Екатерина Павловна, урожденная Татищева (1775—1855), сестра Д. П. Татищева; у них было 8 сыновей и 4 дочери. Их дом в Москве (ныне участок дома № 26 по Садово-Кудринской) славился гостеприимством. Урусовы были московскими знакомыми А. С. Пушкина, который любил бывать у них.

[323] С. 258. *Амалия,* принцесса Баденская (1739—1807), сестра императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I.

[324] С. 261. *...прибытием мисс Вильмот...*— Марта Вильмот приехала в Троицкое 24 августа 1803 г.

[325] С. 262. *...появятся только после моей смерти.*— «Записки» Е. Р. Дашковой впервые были изданы в Лондоне в 1840 г.: Memoirs of the princess Dashkaw, lady of honour to Catherine II, written by herself, comprizing letters of the empress and other correspondance. Edited by mrs. W. Bradford. 2 v. London, 1840.

РЕЧЬ, ГОВОРЕННАЯ ПРИ ОТКРЫТИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОКТЯБРЯ 21 ДНЯ 1783 г.

Текст «Речи...» Е. Р. Дашковой печатается по изданию: Речь, говоренная при открытии императорской Российской Академии октября 21 дня 1783 года председателем сей Академии княгинею Екатериною Романовною Дашковою, ее императорского величества статс-дамою,

императорской Академии наук директором, Стокгольмской королевской Академии наук и Санктпетербургского Вольного экономического общества членом. Спб.: Имп. Академия наук, 1783.

[1] С. 265. *...красноречие Цицероново...*— Марк Туллий Цицерон (106—43 г. до н. э.), выдающийся оратор и писатель Рима, государственный деятель, сторонник республиканского строя. От Цицерона сохранились 58 политических речей, сочинения по теории ораторского искусства («Об ораторе», «Оратор», «О знаменитых ораторах» и др.), философские и политические трактаты, 800 писем. Влияние Цицерона на европейскую культуру было очень большим. В XVIII веке ораторы Великой французской революции (Огюст-Габриэль Мирабо, Камилл Демулен, Максимилиан Робеспьер и др.) пользовались произведениями Цицерона при составлении своих политических речей.

Собрание сочинений Цицерона (M. Tulli Ciceronis Opera quae supersunt omnia) в 12 томах было издано в Амстердаме в 1724 году. В своей «Риторике» (1748 г.) М. В. Ломоносов впервые познакомил русского читателя с речами Цицерона в своем переводе, а в 1755 г. рекомендовал использовать произведения римского оратора в качестве учебного материала при изучении латинского языка в гимназиях (М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1955. Т. 9. С. 458—459, 493—494).

[2] С. 265. *...убедительная сладость Димосфенова...*— Демосфен (ок. 384—322 г. до н. э.), дневнегреческий оратор и политический деятель; прославился обвинительными речами («филиппиками») в Народном собрании Афин против царя Македонии Филиппа II (ок. 382—336 до н. э.), отца Александра Македонского. Филипп II стремился захватить Грецию и уничтожить греческую демократию. Афиняне потерпели поражение в 338 г. до н. э. при Александре Македонском, а затем в 322 г. до н. э. Не желая попасть живым в руки македонян, Демосфен отравился. Слава Демосфена в древности равнялась славе Гомера. Творчество Демосфена способствовало развитию мирового ораторского искусства, греческой прозы и литературного языка. Сохранилось около 170 рукописей Демосфена, содержащих 60 его речей, 56 «вступлений» к речам и 6 писем.

[3] С. 265. *...Виргилиева важность...*— Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э), римский поэт. В своих ранних произведениях — сборнике «Буколики» («Пастушеские песни», 42—38 г. до н. э.) Верги-

лий пытался уйти от действительности в фантастический мир пастухов, а в поэме «Георгики» (37—30 г. до н. э.) призывает к спокойной трудовой деятельности селян, разорявшихся гражданской войной. Известность Вергилий получил поэмой «Энеида», которую он писал 10 лет, до самой своей смерти. В поэме показаны странствования героя Энея, бежавшего из сожженной Трои, его прибытие в Италию и основание им после многих войн нового царства, будущего Рима. «Энеида» оказала большое влияние на развитие всего последующего эпоса. М. В. Ломоносов в своей «Риторике» впервые познакомил русского читателя с творчеством крупнейшего римского поэта и дал замечательные образцы переводов его произведений на русский язык. А. С. Пушкин считал Вергилия, несмотря на его подражание Гомеру, гением и любил читать его.

[4] С. 265. *...Овидиево приятное витийство...*— Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.), римский поэт, видный представитель римской эротической элегии; его главные сочинения: «Песни любви», «Героиды», «Искусство любви», «Лекарство от любви», «Метаморфозы» («Превращения»), «Фасты» (описание римских праздников). Император Август в конце 8 года нашей эры сослал Овидия как главу оппозиции в г. Томы на берегу Черного моря (ныне порт Констанца в Румынии), где поэт находился до самой смерти. Его «Печальные элегии» и «Письма с Понта» содержали жалобы и лесть императору Августу и его преемнику Тиберию, воспоминания о прошлом, тоску по Риму. Поэты и художники Возрождения, а также XVII—XVIII веков использовали мифы «Метаморфоз». А. С. Пушкин посвятил Овидию много стихов, сопоставляя свою ссылку с изгнанием Овидия, но оттеняя свое нежелание обращаться к милости императора (см. А. С. Пушкин. К Овидию.— Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание второе. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. С. 67—70).

[5] С. 265. *...Пиндара лира...*— Пиндар (518 или 522 г. — 442 или 438 г. до н. э.), древнегреческий поэт-лирик, автор торжественных хоровых песнопений, гимнов, эпиникий (похвальных песен) в честь победителей на Олимпийских, Дельфийских и других спортивных играх.

[6] С. 265. *...паче рещи...*— здесь: лучше сказать.

ТОИСИОКОВ

Текст комедии «Тоисиоков» Е. Р. Дашковой печатается по изданию: Е. Р. Дашкова. Тоисиоков, комедия в пяти действиях.— Российский феатр. Спб., 1788. Часть XIX. С. 239—317.

Действие первое

[1] С. 268. *Не статочное ... дело* — дело, которое не может быть.

[2] С. 272. *...смутки* — небольшая смута, ссора, неприятность; сплетни, наговоры.

[3] С. 272. *...куры строит* (фр. faire la cour à) — ухаживать за.

[4] С. 273. *...кубарит* — забавляется, дурит, занимается пустяками.

Действие второе

[5] С. 278. *...превенировать...* (фр. prévenir) — предупреждать, предуведомлять.

[6] С. 280. *...балы поточим* — поболтаем; балы (просторечное) — болтовня.

[7] С. 280. *...раздабарывать,* раздобаривать — разговаривать, болтать.

[8] С. 281. *...наветки* от навет — напраслина, наговор, клевета; намеки или косвенное обвинение.

[9] С. 281. *...тарабарская грамота* — шифрованная, на которую нужен особый ключ; неразборчивое письмо.

[10] С. 282. *...вале-де шама* (фр. valet de chambre) — камердинер.

[11] С. 283. *...власно* (просторечное) — точно, словно, как.

[12] С. 285. *...потщусь...* (от потщиться) — постараться.

Действие третье

[13] С. 289. *...пирамиды Египетские...* — Речь идет о гигантских гробницах древнеегипетских фараонов 3—2 тысячелетия до нашей эры в виде каменных пирамид (пирамида Хеопса, например, имеет

высоту около 147 м и занимает площадь около 55 тысяч квадратных метров).

[14] С. 289. *...свычка...*— привычка.

[15] С. 289. *...ханжил...* (от ханжа) — был лицемером, двуличным.

Действие четвертое

[16] С. 293. *...тороват* — тороватый, щедрый.

Действие пятое

[17] С. 305. *...отлыгается...* (от отлыгаться, отолгаться) — отделываться ложью.

[18] С. 312. *...покроем* — здесь: образом.

СОДЕРЖАНИЕ

Д 12

Дашкова Е. Р.

Литературные сочинения / Сост., вступ. ст. и прим. Г. Н. Моисеевой.— М.: Правда, 1990.— 368 с.

Е. Р. Дашкова (1743—1810) — выдающаяся деятельница русской культуры, президент Российской Академии и директор Петербургской Академии наук, участница государственного переворота 1762 г., приведшего на престол Екатерину II. Находясь около восьми лет за границей, встречалась с Вольтером, Дидро, Смитом и другими деятелями науки и культуры того времени. Ее мемуары — яркое свидетельство эпохи второй половины XVIII — начала XIX века.

Д $\frac{4702010100—1906}{080(02)—90}$ 1906—90 84 Р 1

Литературно-художественное издание

ДАШКОВА Екатерина Романовна

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Составитель
Моисеева Галина Николаевна

Редактор *Н. А. Преснова*

Оформление художника *Д. Б. Шимилиса*

Художественный редактор *Н. Н. Каминская*

Технический редактор *Т. В. Мешкова*

ИБ 1906

Сдано в набор 29.11.88. Подписано к печати 20.07.89.
Формат 84x108[1]/32. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Эксельсиор». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,53. Уч.-изд. л. 19,01
Тираж 500 000 экз. (1-й завод: 1—125 000 экз.).
Заказ № 1900. Цена 1 р. 20 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства
«Тюменская правда» Тюменского обкома КПСС.
625002, г. Тюмень, Осипенко, 81.

1 р. 20 к.

Е. Р. ДАШКОВА Литературные сочинения